WARHAMMER
40000
The outrageous adventures of Ciaphas Cain continue!
DEATH OR GLORY
A CIAPHAS CAIN NOVEL BY SANDY MITCHELL

Annotation

Империуму требуются герои! Работа связана с частыми командировками к черту на куличики в сопровождении хорошо вооруженных коллег. А встречающая сторона позаботится о том, чтобы вы испытали максимум острых ощущений!

Очередная порция подвигов поджидает легенду Империума — знаменитого комиссара Имперской Гвардии Кайафаса Каина. Удирая с атакованного боевого корабля, комиссар и его вечно благоухающий помощник Юрген совершают аварийную посадку в тылу врага. Герой немедленно приступает к исполнению важнейшей миссии — спасению собственной шкуры. Для этого ему придется во главе горстки уцелевших бойцов пробиваться на соединение с имперскими силами сквозь бесчисленные орды зеленокожих орков. Орки, разумеется, обеспечат Каину все возможности покрыть себя славой.

- СМЕРТЬ ИЛИ СЛАВА
  - Примечание редактора
  - Глава первая
  - Примечание редактора
  - Глава вторая
  - Примечание редактора
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Примечание редактора
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Примечание редактора
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Примечание редактора
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая

- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая
- Примечание редактора
- Глава двадцатая
- Глава двадцать первая
- Глава двадцать вторая
- Примечание редактора
- Глава двадцать третья
- Глава двадцать четвертая
- Глава двадцать пятая
- Примечание редактора
- Глава двадцать шестая

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39

- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65

- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91

- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117

СМЕРТЬ ИЛИ СЛАВА СЭНДИ МИТЧЕЛЛ

Сорок первое тысячелетие.
Уже более ста веков Император недвижим
на Золотом Троне Терры.
Он — Повелитель Человечества
и властелин мириадов планет, завоеванных могуществом
Его неисчислимых армий.
Он — полутруп,
неуловимую искру жизни в котором поддерживают
древние технологии, и ради чего ежедневно приносится
в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империума
никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император

продолжает
миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые
флоты пересекают кишащий демонами варп, единственный
путь между далекими звездами, и путь этот освещен
Астрономиконом, зримым проявлением духовной воли
Императора. Огромные армии сражаются во имя Его
на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат —
Адептус Астартес, космические десантники, генетически
улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию:
Имперская Гвардия и бесчисленные Силы Планетарной
Обороны, вечно бдительная

Инквизиция

и техножрецы Адептус Механикус.

Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает,

чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов,

еретиков, мутантов. И много более опасных врагов.

Быть человеком в такое время, значит быть одним

из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком

и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии,

ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом,

о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только
война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня
и кровопролитие, да смех жаждущих богов.

Примечание редактора

Все извлечения из архива Каина, ранее подготовленные мною к распространению и вызвавшие, что не может не радовать, интерес среди довольно большого числа моих коллег-инквизиторов, относятся, за исключением нескольких отрывков, к относительно недолгому периоду его долгой и насыщенной событиями карьеры — от прикомандирования к 597-му Вальхалльскому в 931.M41 до инцидента, происшедшего в 937.M41, то есть по прошествии едва ли трети срока его службы в этом подразделении. Из более коротких фрагментов три касаются первого назначения — в 12-й Вальхалльский полевой артиллерийский полк, остальные же — ко времени службы независимым комиссаром, приданным бригадному уровню, в год 928. О последующей деятельности Каина в качестве представителя Комиссариата при штабе лорд-генерала, а также преподавателя у

кадетов-комиссаров в Схола Прогениум после официального выхода в отставку, не говоря уже о его вовлечении моим повелением между этими занятиями в дела Инквизиции — в годы после нашей первой встречи на Гравалаксе, — не было до сих пор сказано ничего, помимо случайных упоминаний в уже распространенных мною выдержках из его мемуаров.

Именно с осознанием этого ко мне пришло решение в данном томе возвратить рассказ к его истокам, если мне будет позволено так сказать. Обстоятельства прибытия Каина в 12-й полевой артиллерийский полк в начале 919.М41 и его последующее крещение огнем в противостоянии с ордой тиранидов, угрожавших горнодобывающей колонии Дезолатия, уже были освещены в некоторых из коротких отрывков, как и его участие в последующей кампании по зачистке Кеффии от проникновения генокрадов, предварявших появление осколка из мигрирующего флота; того, кто пожелает обратиться к более полному и, надо сказать, несколько менее

чистосердечному отчету о тех событиях, я отсылаю к первым главам его официально опубликованных мемуаров «На службе Императору: Жизнь комиссара». В любом случае я не вижу большого смысла сейчас повторно публиковать этот материал.

Хотя данные инциденты и заложили краеугольные камни его героической репутации, которую, оставаясь верным себе, он настоятельно характеризует в своих мемуарах как совершенно незаслуженную, тем раствором, что по-настоящему скрепил ее, явились его действия во время Первой осады Перлии, и посему именно на этой кампании я решила сосредоточить внимание, публикуя новый отрывок.

Проницательные читатели, обладающие к тому же необходимыми разрешениями и правами доступа к соответствующим записям Инквизиции, вероятно, смогут угадать и еще одну причину моего интереса к тому, что остальной галактике показалось не более чем рутинной зачисткой от орочьего

вторжения изолированного имперского захолустья. Действия Каина в этой кампании оказали неожиданное влияние на будущие события в его жизни и всего Империума в целом. Встретиться с ними ему предстояло спустя дюжину лет, в своих первых подневольных предприятиях, как тайного агента Инквизиции, и почти на семь десятков лет позднее, во время 13-го Черного Крестового Похода, чья гибельная тень легла на весь сегментум, и Каину пришлось защищать Перлию во второй раз. Последний инцидент, впрочем, все еще лежал в будущем, отдаленном на год или чуть более от того момента, когда были написаны эти мемуары, так что все упоминания об осаде планеты относятся только к первой из них и все примечания, сделанные с позиции более поздних времен, принадлежат исключительно мне.

Как и всегда, я разбила практически лишенный структуры отчет Каина на главы, дабы облегчить чтение, и перемежила его материалами из других источников там, где мне показалось

необходимым придать его обычному, сосредоточенному на себе самом рассказу более широкий контекст. Кроме этого, а также нескольких моих примечаний, я позволила Каину рассказывать историю собственной жизни самому, в его обычной отрывистой и небрежной манере.

Эмберли Вейл, Ордо Ксенос

Глава первая

Если я чему и научился за время своей длинной и постыдной карьеры, помимо того что самая вопиющая ложь заставляет в себя поверить более любой другой, так это истине, что никогда не следует недооценивать врага. Эту ошибку, надо признать, я и сам совершал несколько раз в свои младые годы, но, как и всегда, когда это касалось сохранения моей шкуры в целости, усвоил преподанные мне уроки достаточно быстро; именно поэтому, честно говоря, шкура эта до сих пор цела и находится в предназначенном для нее природой месте, не считая пары аугметических протезов там да сям.

Конечно же, тогда, в далекие двадцатые,[1] я был гораздо наивнее, потому как сумел не только выйти из ранних своих переделок живым, но еще и вынести из них залог той репутации героя, которая в дальнейшем увязалась за мной, подобно телесным запахам Юргена, а кроме того, можете быть уверены, весьма

определенную долю самомнения.

Так что вообразите меня в сравнительно беззаботные дни моей юности, нахального и излишне самоуверенного, все еще купающегося во всеобщем признании после того, как я собственноручно спас Кеффию от коварных генокрадов; а им едва не удалось подорвать ход нашего славного крестового похода против них в этом замечательно приятном аграрном мире (говоря по правде, меня в этом подвиге сопровождали небольшой отряд гвардейцев и пара арбитров,[2] но ребята из новостей не позволили этому незначительному факту подпортить красивую историю).

Подобно всему хорошему, война своим чередом подошла-таки к концу, или, если быть более точным, истощилась до того состояния, когда местные уже были способны сами присмотреть за собой с помощью инквизитора[3] и пары отрядов Астартес из Караула Смерти, так что 12-й полевой артиллерийский отзывали для следующего назначения, как и прочие

подразделения Имперской Гвардии.

— Что вообще за Перлия такая? — спросил я, повышая голос, чтобы перекрыть ворчание «Троянцев», тянущих наши лафетные «Сотрясатели» в направлении основной грузовой посадочной площадки главного звездного порта Кеффии, который на самом деле представлял собой добротное камнебетонное посадочное полотно, а также некоторые рудиментарные ремонтные и снабженческие службы для шаттлов, приземлявшихся здесь.

Остальные же порты были не более чем расчищенными полями, куда шаттлы с зерновых барж могли сесть, загрузиться и снова отправиться на орбиту без лишних церемоний. Неудивительно, что генокрадам удалось так легко проникнуть на эту планетку.

Лейтенант Дивас, помощник полковника и единственный человек во всей батарее, которого я мог бы назвать другом, пожал плечами, что, как обычно, заставило челку сползти ему на глаза.

— Где-то ближе к оси, я полагаю.

Если он и собирался что-то к этому добавить, то ему пришлось отказаться от этой мысли, поскольку большегрузный подъемник разорвал воздух над полем ревом врубившихся в самый последний возможный момент посадочных двигателей, так что последовавший звук от его соприкосновения с камнебетоном отдался у меня в позвоночнике даже через подошвы сапог. Очевидно, пилот не собирался пока что принимать нашу полную победу на веру и заходил на посадку так, будто округа по-прежнему оставалась потенциально горячей точкой, и, учитывая, что численность культистов и гибридов все еще была значительной, я не мог упрекнуть его за это.[4]

Я пожал плечами в ответ, поджидая, пока вой двигателей не стихнет настолько, чтобы мой голос стал хоть немного слышен за ним.

— Уверен, что полковник заполнит пробелы в наших знаниях, когда вернется! — проорал я и обернулся, уже выкинув этот вопрос из головы и довольный тем, что

можно оставить нудную работу по наблюдению за укладкой наших драгоценных артиллерийских орудий в шаттлы целиком и полностью на Диваса.

Он кивнул со столь же абсурдной энергией, как и всегда, определенно предвкушая новую войну.

— Я слышал, у них там небольшая проблема с орками! — проорал он в ответ.

Ну, это звучало не так уж плохо. Никогда до той поры не сталкивавшийся с зеленокожими, я был уверен, что они не способны быть и близко столь же устрашающими, сколь генокрады или орда тиранидов, которых я уже встречал лицом к лицу и вышел победителем. В конце концов, популярная версия рисовала орков как неотесанных, тупоголовых варваров, а значит, и воспринимались они как некоего рода шутка, а не угроза, по крайней мере теми, кому повезло никогда не встречаться с ними во плоти, так что я налепил на лицо самоуверенную ухмылку и на этом оставил Диваса одного.

Винета[5] как раз взяла несколько дней

увольнения, чтобы как следует проводить меня, и мне не нужно было даже выдумывать более приятных способов провести мой последний вечер на Кеффии, чем наблюдение за тем, как артиллеристы в поте лица перетаскивают туда-сюда всякие тяжести.

Как и предполагалось, ночь моя прошла весьма приятно, и на последовавшем утреннем инструктаже мне пришлось то и дело подавлять зевоту. Окна конференц-зала были открыты настежь, чтобы впустить сквознячок, остро наполненный свежестью приближающейся осени, и, что необычно, на этот раз я оказался весьма благодарен этому обстоятельству, потому как находил его весьма полезным, чтобы глаза мои не слипались. Все командиры батарей[6] собрались здесь же, стараясь выглядеть заинтересованными, в то время как полковник Мострю — офицер, командовавший полком, — продолжал пережевывать нам информацию,

переданную для него и остальных командиров подразделения от лорд-генерала или кого-то еще в высоких чинах.

В последующие годы мне конечно же приходилось лично присутствовать на встречах высокого уровня, и я всегда находил их намного более прямыми и откровенными, не говоря уже о том, что напряженными, но в то время я все еще принимал многое из того, что говорилось здесь, за чистую монету.

— Мы заставляем вас скучать, комиссар? — едко вопросил Мострю, обращая на меня льдисто-синие глаза.

Он не особенно поверил моему импровизированному, на скорую руку сляпанному объяснению моего неумышленного геройства на Дезолатии, когда моя совершенно естественная попытка сбежать от приближающихся тиранидов по ходу дела заманила внезапное их фланговое наступление в зону поражения наших орудий. Впрочем, Мострю был слишком осторожен, чтобы позволить сомнениям относительно моей личности проявиться открыто. Вместо

этого он старался подначивать меня при каждой возможности, несомненно надеясь таким образом спровоцировать, чтобы подтвердить свои подозрения. Как и обычно, я отказывался как-либо реагировать, встречая все выпады так, будто не видел в них ни малейшей двусмысленности или полагал их не более чем незлобивым добродушным подшучиванием.

— Напротив-напротив, — заверил я его, позволив себе уже откровенно зевнуть сразу за этими словами. — Просто немного засиделся вечером, было много бумажной работы перед предстоящим отбытием.

И то и другое было совершеннейшей правдой, а если он собирался связать оба замечания воедино и сделать неверные выводы, то это ведь не моя вина, не так ли? В действительности же я перекладывал большинство рутинной работы на Юргена, своего зловонного, но неутомимого помощника, и был вполне уверен в том, что он разберется с нею в своей обычной дотошной манере.

Несмотря на не располагающий к себе

внешний вид, полное отсутствие навыков поведения в обществе и всепроникающий телесный запах, которым можно было бы свалить и грокса, Юрген оказался идеальным помощником, по крайней мере для меня. Начать хотя бы с того, что приказы он исполнял по-собачьи дословно и упрямо, ибо был лишен воображения настолько, что просто принимал все, что бы я ни сказал ему, без единого вопроса, и это вскорости сделало его бесценным буфером между мною и некоторыми наиболее тягостными аспектами моей работы. С другой стороны, оказалось, что он обладает едва ли не сверхъестественным талантом к добывательству, что сделало мою жизнь намного более комфортной, чем она могла бы быть при других обстоятельствах (и, вероятно, его жизнь тоже, хотя я из осторожности старался не вникать в этот вопрос). В то время, задолго до состоявшейся лишь десяток лет спустя судьбоносной встречи с Эмберли на Гравалаксе,[7] ни он, ни я не были в курсе его

величайшего по ценности личного качества, но, даже если мы не осознали этого, несколько раз и оно сослужило нам хорошую службу.

— Тогда, полагаю, мы должны быть вам признательны за то, что вы вообще уделили время, дабы присоединиться к нам, — отозвался Мострю, и в голосе его не было ни крупицы той благодарности, которую он озвучивал на словах.

— Ну, вы же меня знаете, — произнес я, кивая, будто полковник сделал мне комплимент, и наливая себе свежую чашку рекафа. — Долг прежде всего.

Учитывая любовь вальхалльцев к низким температурам, я завел привычку всегда быть уверенным в том, что у меня будет достаточное количество теплого питья каждый раз, когда мне приходилось высиживать собрание старшего офицерского состава подразделения.

— Именно, — сухо подчеркнул Мострю, оборачиваясь обратно к гололиту.

На гололите очертилась звездная карта, в одном из углов которой легко узнавалась Кеффия — по скоплению

контактных иконок, означающих позиции собравшихся над нею кораблей имперской армады. Казалось, что теперь на орбите их появилось еще больше, чем мне запомнилось, и я отметил это наблюдение вслух.

Полковник кивнул, слабо стараясь скрыть неудовольствие от того факта, что его прервали:

— Верно. К нашим транспортным судам и кораблям эскорта присоединилась боевая группа из флота сектора.

Я глотнул рекафа, который внезапно стал горьким, и ощутил, как в глубине живота зарождается неприятная дрожь: сказанное значило, что мы, судя по всему, направляемся в зону крупных боевых действий. И все же я постарался утихомирить зудящее чувство недоброго предчувствия. Даже если и так, мы все равно, скорее всего, высадимся за линией фронта, на приличном расстоянии от основной массы вражеских сил. Именно по этой причине я так старался занять пост в артиллерийской части, такой, где мог бы оставаться как можно дальше от

стрельбы; и в целом до сих пор это работало. Исключения из этого правила конечно же были ужасающи, но и из этих инцидентов я вышел, лишь осыпанный почестями героя, и у меня не было причин полагать, будто моя удача не продолжит демонстрировать себя на Перлии, где бы это место ни находилось. Так что я постарался оставаться спокойным и говорить беззаботно.

— Значит, должно быть, большая операция? — опять встрял я, больше для удовольствия вновь перебить поток мысли Мострю.

— Да, именно так. — Полковник кивнул, будто бы мое замечание действительно несло хоть какую-то смысловую нагрузку. — И это только одна флотилия из многих. Подкрепления созываются со всего сектора.

Теперь у меня начался зуд в ладонях. С каждой секундой происходящее выглядело все серьезнее. Мострю что-то подкрутил на гололите, отцентровывая его на системе в нескольких субсекторах от нас, которая в ином случае совершенно ничем

бы не выделялась. Заметив, что направление к ней действительно было по ходу вращения галактики, Дивас ухмыльнулся мне, и я кивнул в ответ, подтверждая его правоту.

— И направляются все эти войска, как видно на карте, к Перлии.

— Которая, мнится мне, ничем особенно не примечательна?

Мострю покачал головой:

— Не примечательна. Кроме того факта, что на нее нацелились вот эти.

Картинка в гололите внезапно сменилась, вызвав пару изумленных вздохов у кучки офицеров вокруг нас. Двое же из тех, кто был постарше, вздрогнули и рефлекторно потянулись к личному оружию, не сумев сразу подавить первый импульс.

— Это орк, — произнес я.

Мне уже случалось видеть их голограммы и даже пару законсервированных тел, когда я еще учился в Схола Прогениум, но этот по сравнению с теми выглядел куда более внушительным. Я предположил (как

выяснилось позже, совершенно напрасно), что Мострю сделал масштаб проекции больше, чем один к одному, для драматического эффекта. Существо было весьма мускулистым, ничем не уступая остальным своим соплеменникам и даже, если это только возможно, превосходя их, а также было облачено в самодельную дырявую броню, по-видимому собранную из разнообразных кусков металлолома. Кроме того, в его распоряжении был грубо сработанный болтер — настолько огромный, что им мог бы пользоваться разве что один из Астартес, — который существо держало в одной из своих уродливых рук так, будто это был какой-то пистолетик, в другой при этом удерживая огромный боевой топор. Маленькие глазки пристально смотрели из-под низких надбровных дуг.

— Не просто орк, — отозвался Мострю. — Как считает лорд-генерал, это их вожак Гаргаш Корбул. Он объединил зеленокожих семи племен и объявил Ваааргх![8] против имперских миров по

всему субсектору.

Орочье слово он произнес с очевидным отвращением и, как мне предстояло вскорости выяснить, с объемом звука и слюней, который даже отдаленно не мог передать его смак. Позволив нам еще несколько мгновений полюбоваться отвратительным орочьим полководцем, Мострю переключил изображение обратно на звездную карту.

— На сегодняшний день они ударили здесь, здесь и здесь, — указал он на системы, которые при этом окрасились зелеными значками контакта с орками. — В основном эти вторжения были сдержаны, по крайней мере на некоторое время. Критической точкой является именно эта, Перлия, потому как здесь располагаются основные имперские индустриальные мощности. Если они смогут совладать с ней, у них будут все ресурсы, чтобы проехаться по всему субсектору.

— Так давайте убедимся, что они не смогут этого сделать, — произнес я, подводя итог.

Мострю кивнул.

— Вы так говорите, будто в этом нет ничего сложного, — произнес он. Его холодные голубые глаза на секунду глянули прямо в мои, и мне пришлось подавить дрожь, которая едва ли была вызвана привычкой обитателей ледяного мира заседать при настежь открытых окнах. — Будем надеяться, что вы правы.

Примечание редактора

Поскольку, как обычно, Каин не утруждает себя расширением контекста, похоже, едва ли не любое место в его повествовании одинаково хорошо подходит, чтобы прервать авторское изложение обзором очередной ситуации, в которой он неожиданно оказывается. Книга, из которой взят этот отрывок, описывает все важнейшие вопросы не хуже и не лучше, чем большинство научно-популярных рассказов о Первой осаде: читатели, которые желают далее углубиться в детали, могут быть отосланы к 37-томному «Ваааагх! и мир: Осада Перлии и прилегающих систем». (Если бы автор не был трагически убит упавшей на него стопкой рукописей, прежде чем сумел закончить свою работу, этот труд, безусловно, считался бы наиболее точным по данному вопросу. Но даже в таком виде он остается непревзойденным источником справочного материала для любого, кто интересуется всеми мелочами первых

девяти недель двухлетней военной кампании.)

Из книги «Зеленая кожа, черные сердца: Вторжение орков на Перлию» за авторством Гисмиони Каллиса, 927.М41:

«Хотя зеленокожие ударили практически без всякого предупреждения и их грубые звездолеты вышли из варпа в четырех наших системах почти одновременно, им предстояло встретиться с гораздо более сильным сопротивлением, чем они ожидали. Канонерки местных: Сил Космической Обороны в каждом из этих случаев понесли тяжелые потери, стремясь ослабить атаки на Савию, Метриум и Сноватинералку,[9] и благодаря этому Силам Планетарной Обороны удалось достаточно эффективно сдерживать дикие орды, сумевшие высадиться на поверхность планет, до прибытия флота и полков Гвардии, которые явились переломить ход сражения.

На Перлии, впрочем, картина

оказалась иной, потому как именно сюда высадилась основная масса орочьих войск. Несмотря на отвагу героев, оборонительные укрепления системы были в самое кратчайшее время подавлены, что позволило жестоким зеленокожим основать несколько плацдармов на поверхности планеты. Поскольку подкреплениям Имперской Гвардии предстояло добираться еще несколько месяцев, высшее командование СПО со всем нежеланием приняло решение оставить восточный континент, отведя все силы, которые удавалось спасти, с тем чтобы усилить оборону наиболее плотно индустриализованного и заселенного западного континента. Несмотря на то что были предприняты все попытки эвакуировать обреченный регион, примерно двадцать миллионов гражданских и неизвестное до сих пор число отставших от своих солдат СПО могли надеяться лишь на милость орков, которые, что обычно для их вырожденной расы, не обладали ею даже в малой степени.

О страданиях и лишениях, которые

вынуждены были терпеть эти благородные мученики, и о героизме, который многие проявляли за те долгие недели, что последовали за отводом войск, было много написано в последующие годы. Этот стоицизм, впрочем, был вознагражден, потому как освобождение было ближе, чем кто-либо мог осмелиться предполагать в те темные и безнадежные времена. А случилось так оттого, что среди первых же подкреплений от Гвардии прибыл Кайафас Каин, человек, чьему вдохновенному лидерству предстояло повлиять на ход событий на планете сильнее, чем любому другому фактору на всем протяжении той войны...»

Глава вторая

Что ж, в словах полковника содержалось даже больше правды, чем он сам предполагал, но, конечно же, в то время я об этом даже не подозревал и выбросил сказанное из головы, сочтя еще одной безуспешной попыткой подкопаться ко мне. И, думать забыв о предостережениях Мострю, я намеревался как можно лучше провести время путешествия на борту «Длани возмездия» — типичного крепенького войскового транспорта, который пережил уже Император знает сколько веков пыхтения туда-сюда через варп с грузами военного снаряжения и пушечного мяса к нему, от одной из зон бессчетных военных конфликтов к другой. На тот момент я ни разу не встречался лично с живым зеленокожим, но отсидел достаточно лекций в Схоле, чтобы уверить себя, будто имею достаточно хорошее представление о том, что они собой представляют. Сам же 12-й артиллерийский видел сражения

против орков достаточно часто, чтобы некоторые из старших офицеров могли и сами кое-что о них порассказать. Конечно же, что совершенно естественно, совсем не многие из них были готовы по-свойски поболтать с полковым комиссаром, а те, кто все-таки потратил время на то, чтобы поделиться со мной, произвели на меня впечатление сильно преувеличивающих, несомненно с намерением выбить меня из колеи. То, что они говорили чистейшую правду или, по крайней мере, приукрашали ее не больше, чем это обычно делают старые вояки, мне еще предстояло выяснить на собственной шкуре — и довольно-таки скоро.

— Да не могут они быть такими уж крепкими, — бросил я Дивасу, когда мы проводили наш последний вечер путешествия за партией Таро в принадлежащей мне каюте. В тот момент, как вы можете догадаться, душа моя уже не особенно лежала к светскому времяпрепровождению, но знакомое дело помогало отвлечься от мыслей о том, с

чем же нам предстояло столкнуться через несколько коротких часов. — Вы ими пол подтерли на Дезолатии еще до того, как я у вас появился.[10]

— Верно, — кивнул он, в то время как на лице его явно отражался внутренний спор, тянуть ли еще одну карту или нет, окончившийся решением держаться того, что уже есть на руках. — Конечно же, двенадцатый артиллерийский никогда не видел их вблизи, но сдались они и правда быстро.

— Уверен, вы сыграли в этом не последнюю роль, — продолжал я, внутренне готовясь в который уже раз помочь претвориться в жизнь старой поговорке о дураке и его деньгах.

Находиться вдалеке от фронта, забрасывая ряды врага осколочно-фугасной смертью с безопасного расстояния, все еще казалось мне идеальным способом времяпрепровождения на войне. Несмотря на дрожь дурного предчувствия в животе, рациональная часть моего сознания не испытывала сомнения в том, что эта

кампания окажется столь же лишенной событий, как и большая часть моей службы в составе 12-го полевого артиллерийского.

— Конечно же, — произнес Дивас, — но я никак не перестану завидовать некоторым линейным соединениям. Они-то уж по-настоящему столкнулись с зелененькими.

Правда, вскорости после этого их схарчевали тираниды, но это к делу не относилось. Дивас ведь, в конце концов, был вальхалльцем, что означало, что он наслаждался перспективой убийства орков больше, нежели чем-либо еще,[11] так что я понимающе кивнул и выложил карты на стол:

— Беру, полагаю. — Легко побив своими картами его пару экклезиархов, я потянулся, чтобы сгрести ставки.

— Не так быстро. — Третий игрок в нашей любезной компании улыбнулась мне, блестя идеальными белыми зубами на темно-коричневом лице, обрамленном волосами цвета космоса, которые отбрасывали, впрочем, яркие отблески,

стоило ей начать двигаться. — У меня три инквизитора и Император.

Она, победно ухмыляясь, придвинула к себе маленькую горку монет, давая нам возможность на весьма впечатляющую глубину заглянуть в вырез расстегнутой на груди форменной рубашки, пока тянулась за ними. Несмотря на проигрыш приличной суммы, я улыбнулся в ответ. Просто не мог удержаться — такой приятной она была девушкой.

Я повстречал Кэрри Строун в первый же день нашего путешествия, когда она была отряжена к нам, дабы убедиться, что наши транспортные средства и артиллерийские установки соответствующим образом складированы в трюме. Нам не потребовалось много времени, чтобы сблизиться: она была весьма впечатлена теми историями, что ходили про меня, я же, как можно ожидать, был приятно удивлен хотя бы тем, что увидел одно милое личико в столь нерасполагающем окружении. Слово за слово, и, несмотря на риск быть раскрытыми (что, надо сказать, по нашей

молодости и глупости мы находили даже несколько пикантным), мы уже проводили вместе столько времени, сколько могли выкроить.[12]

Не будь у нее необходимости заступать на вахту менее чем через час, не сомневаюсь, для нас нашлись бы гораздо более интересные способы провести последний мой вечер на борту, чем обдирать Дивраса как липку.

— Не сердись, Каи. — Она ухмыльнулась, зная, насколько меня раздражает такое фамильярное сокращение моего имени. Дивас конечно же пользовался им постоянно, но он-то был просто идиотом с чувством такта как у орка и так никогда и не заметил, насколько это мне не нравится. — Не везет мне в картах... — Прежде чем закончить цитату, она вдруг умолкла, и ее идеальные черты затуманились выражением задумчивого удивления. — Странно...

— Что странно? — переспросил я, в то время как мои ладони начали вдруг

отчаянно зудеть, как всегда, когда дела намеревались пойти наперекосяк.

Кэрри склонила голову набок, будто прислушиваясь к чему-то:

— Не знаю. Двигатели работают с перебоями.

Тут я был вполне готов поверить ей на слово. Она, звездоплаватель в третьем поколении, выросшая в коридорах этого корабля, вне сомнения, была чувствительна к малейшим звукам и вибрациям своего привычного окружения в той же мере, в какой я сам был адаптирован к происходящему в глубинах подулья.[13]

Выражение лица моей собеседницы снова изменилось, на этот раз став более чем серьезным.

— Лучше держитесь за что-нибудь.

Едва она успела договорить, ее перебил другой голос, жесткий и механический, эхом раскатывающийся из вокс-передатчиков, расположенных на всех палубах корабля:

— Приготовиться к переходу в

Материум. Экипажу по местам! Экстренный переход через...

Нам так и не удалось услышать, когда же ожидается это событие. Внезапно мне почудилось, что нечто огромное и злобное запустило когти в самый центр моего существа, выворачивая меня наизнанку. Я покачнулся и упал, больно ударившись подбородком о ножку стола, но тут же, шатаясь, поднялся на ноги, стараясь не обращать внимания на ноющую боль, все еще полыхающую в висках.

— Что это была за чертовщина? — вопросил Дивас, и в данных обстоятельствах вопрос не был лишен оснований.

Кэрри встряхнулась, но выглядела выбитой из колеи; за те несколько недель, что мы находились в компании друг друга, я ее такой никогда не видел.

— Переход, — ответила она, с очевидным трудом сражаясь за то, чтобы удержать в желудке свою недавнюю еду, и натягивая китель. — Мне нужно идти.

— Мне тоже, — произнес я, затягивая

на поясе перевязь с цепным мечом и лазерным пистолетом и оглядываясь в поисках форменной фуражки. — Если что-то назревает, мне должно быть со своим полком, — сказал я, — прежде чем Мострю представится шанс в мое отсутствие назначить меня добровольцем для какой-нибудь смертельно опасной попытки втешаться в происходящее, конечно же.

— Да и мне тоже, — добавил Дивас, по обыкновению принимая мой ход мыслей за свой собственный.

— Это не было похоже ни на один из переходов, какие мне доводилось испытать прежде, — добавил я. — Отчего это?

— Без понятия. — Кэрри уже понемногу оправлялась и первой шагнула за пределы моей каюты, оглядываясь, когда говорила, через плечо. — Единственный раз, когда я ощущала что-то подобное...

Она оборвала фразу, очевидно не испытывая никакого желания завершать свою мысль.

— Ну и?.. — подстегнул ее Дивас.

Кэрри помотала головой:

— Когда умер навигатор. Подвели

обереги, и демон материализовался прямо на палубе управления. Но сейчас дело не в этом — иначе сработала бы тревога.

— Комиссар? — Ошибиться в принадлежности этого нового голоса было невозможно, поскольку отличительный запах Юргена предварял, как и всегда, его появление. Он возник из каюты, смежной с моей, с обычным для него выражением легкого непонимания на лице, которое я нашел отчего-то весьма ободряющим. — Что-то не так?

— Более чем не так, — откликнулся я.

Коридор начал наполняться взволнованными офицерами других гвардейских полков, находившихся на борту. Я заметил майора из катачанцев, возвышающегося над всеми остальными и прокладывающего себе путь в толпе с такой легкостью, будто был космодесантником, окруженным обычными смертными, в то время как рыхлого вида взволнованный комиссар пристроился у него в кильватере.

Смущенные и озлобленные голоса эхом отдавались в замкнутом пространстве.

Путь через подобную толпу обещал быть настоящим кошмаром.

— Сюда. — Кэрри, получив доступ с помощью короткого отрывка катехизиса, который она проговорила в забранный решеткой микрофон, похоже распознавший ее голос,[14] уже вела нас дальше через технический проход, который я едва ли заметил бы прежде.

Когда люк снова закрылся за нашими спинами, отсекая суматоху общего коридора, мы остались в тускло освещенном проходе с раскрашенными в кодовые цвета, но изрядно скрытыми пылью трубами, значительно более узком, чем только что покинутый нами.

— Где это мы? — поинтересовался Дивас.

— Двадцать третий технологический канал, — откликнулась Кэрри так, будто кому-нибудь, кроме нее, это что-либо говорило, и повела нас вперед, двигаясь легкой трусцой, вызвавшей к жизни весьма примечательные колыхания под ее форменной одеждой. —

Тут мы пройдем быстрее.

Она, очевидно, что-то искала, потому что через несколько минут внезапно остановилась, так что я от неожиданности приложился к ее спине, впрочем без всякого неудовольствия от полученного ощущения.

— Чего мы ждем? — спросил Дивас, глядя почти столь же непонятливо, как Юрген.

Вместо ответа Кэрри сняла настенную трубку вокс-линии и отбила код на цифровой клавиатуре.

— Хочу выяснить, что происходит, — пояснила наконец она. Пока звучали эти слова, я ощутил, как по плитам пола под моими ногами пробежала едва заметная дрожь, и, если это только возможно, выражение озабоченности на ее лице только усилилось. — А вот это уже совсем нехорошо.

— Комиссар? — Юрген показал на маленький информационный пюпитр, установленный в нише неподалеку, под знаком Омниссии, вне сомнения предназначенный для использования

техножрецами, проводившими рутинный осмотр и ремонт тех жизненно важных систем корабля, что сейчас окружали нас. — Может, выясните что-нибудь тут?

— Возможно... — протянул я.

Конечно же, техножрецом я не был, но, как и любой другой, еще в Схоле освоил базовые ритуалы вызова данных и был готов попробовать. Пока Кэрри шепотом поспешно переговаривалась с кем-то, кто находился на другом конце вокс-линии, я пробормотал катехизис активации и шлепнул по руне питания. Гололит ожил, проецируя вращающееся изображение шестерни Адептус Механикус, и я ввел свой комиссарский код, надеясь, что он окажется столь же эффективным в отношении флотского оборудования, как и его гвардейского эквивалента.

— Похоже, работает, — озвучил свои наблюдения Дивас шепотом, но достаточно громким, чтобы нарушить мою сосредоточенность. — Что вы ищете?

— Да фраг меня раздери, если знаю, — огрызнулся я — этого оказалось

достаточно, чтобы его заткнуть, — и вернулся к клавиатуре.

Юрген указал на одно из тех изображений, что появились поверх рисунка шестерни.

— Похоже на картинку корабля, — любезно подсказал он, подчеркивая свое заявление волной дурного запаха изо рта.

Ни одна ни другая не была похожа вообще ни на что известное мне, так что я выбрал эту единственную, что вызвало к жизни трехмерное изображение «Длани возмездия», медленно поворачивающееся вокруг своей оси и мерцающее, как и на всех подобных гололитических устройствах. Несколько точек на его корпусе были отмечены красными или ярко-алыми пятнами, простиравшимися на одну-две палубы в глубину, вызывая сходство с кровавыми ранами. Пока мы вглядывались, стараясь осознать предоставленную нам информацию, появилось еще одно такое пятно, одновременно я ощутил все ту же слабую вибрацию, снова прокатившуюся по плитам палубы.

— Что это все значит? — спросил Дивас.

Мои ладони снова принялись зудеть. Ничего хорошего это не означало, уж тут-то я был уверен.

— Повреждения. — Кэрри вернула трубку вокса на место, глядя с напряженным выражением лица. — Нас поджидал орочий флот.

— Но откуда они знали? — не поверил Дивас. — Мы же совершили переход совершенно случайно, не так ли?

— Выходит, что нет. — Тон Кэрри стал резким и решительным. — Навигатор выбыл из строя из-за какого-то значительного психического шока, и он не единственный. Почти половину флотилии вышибло обратно в Материум, далеко от предполагавшейся зоны выхода, и зелененькие теперь используют нас вместо мишеней в тире. К счастью, некоторые боевые корабли тоже оказались здесь, иначе мы уже были бы кучей дрейфующего мусора.

— Но как им это удалось? — продолжал настаивать побледневший

Дивас.

Кэрри только пожала плечами.

— Да какая разница? — вмешался я, в то время как мое сознание уже заработало на полную мощность. — Нам нужно соединиться с полком и вывести наши шаттлы из корабля.

Я потянулся к своему микропередатчику, надеясь, что у Мострю хватит здравого смысла начать посадку в преддверии эвакуации.

— Если мы не сумеем спустить артиллерию на планету, то с тем же успехом могли оставаться на Кеффии.

Конечно же, орудия волновали меня в самую последнюю очередь, но обеспечение их безопасности будет лучшим предлогом для того, чтобы как можно быстрее покинуть корабль. При некоторой удаче зеленокожие окажутся настолько заняты разнесением на куски крупных кораблей, что у них просто не хватит внимания или лишних зарядов на миниатюрные шаттлы. Но мне тут же пришлось опустить руку — микрокоммуникатор, как, впрочем, и многое другое, что могло

бы пригодиться нам в этой неожиданной передряге, остался в моей каюте.

— Вы правы конечно же, — согласно кивнул Дивас, очевидно ободренный моими словами. — Как быстрее пройти к ангарной палубе?

— Сюда. — Кэрри показала на схеме корабля путь, которым мы должны были последовать, и отключила информационный пюпитр, несомненно полагая, что мы запомнили дорогу.

Выросший на нижних уровнях улья, я подсознательно запечатлел в памяти трехмерный лабиринт корабельных переходов, едва только взглянул на его изображение, так что был теперь уверен, что моего врожденного чувства направления будет достаточно, чтобы безопасно добраться до пункта назначения, случись нам разделиться с нашим проводником. Дивас же глядел с большим сомнением, но поневоле пристроился замыкающим, стараясь держаться так далеко от Юргена, как только было возможно в данных обстоятельствах.

— Проведу вас до эксплуатационного

прохода по правому борту, дальше отправитесь сами. Мне нужно быть на посту.

— Понятно, — произнес я, переходя следом за ней на бег и устремляясь вперед через внутренности корабельного подбрюшья.

По правде говоря, мы двигались таким ходом всего пару минут, но это время растянулось едва ли не в вечность из-за выброса адреналина и того неприятного ощущения, что постоянно ожидаешь следующего дрожания плит палубы и размышляешь, ударит ли на этот раз оружие врага достаточно близко, чтобы убить нас. Однако по прошествии этих минут Кэрри благополучно указала нам на еще один люк, по виду абсолютно идентичный тому, через который мы попали в это странное пространство за стенами тех обычных коридоров, к которым успели привыкнуть за несколько недель путешествия.

— Сюда, — распорядилась она, нажимая на руну, расположенную сбоку от створки, чем заставила ее с шипением

отойти в сторону.

И снова гул возбужденных голосов и лязганье подошв о плиты палубы ворвались в мои уши. Впрочем, по своей интенсивности эти звуки были все-таки заметно меньше; можно было предположить, что большинство гвардейцев, находившихся на борту, уже успели присоединиться к своим полкам, а большинство членов экипажа заняли свои места.

Когда мы появились в коридоре, я на секунду замер, ощущая присутствие Юргена совсем рядом и стараясь сориентироваться. Я уже достаточно хорошо представлял себе, где мы оказались, а через мгновение нашел глазами и четкий указатель на это в виде ярко-красной иконки спасательной капсулы, одной из сотен ей подобных, разбросанных в стратегических позициях по всему объему корабля. Идентификационный номер на ней сообщал, что мы находимся на палубе семьдесят четыре, в секторе двенадцать, всего в нескольких сотнях метров от того ангара, где были складированы наши

«Сотрясатели».

— Отсюда вы должны легко найти дорогу, — произнесла Кэрри, наблюдая, как мимо поспешно проходит пара гвардейцев, несомненно катачанского происхождения: мощные, бугрящиеся мышцами торсы говорили об их родном мире так же красноречиво, как и их форма.

Я уже собирался что-то ей ответить, как вдруг палуба под моими ногами будто скрутилась с визгом раздираемого металла, а потолок неожиданно оказался гораздо ближе, чем ему полагалось быть. Свет столь же внезапно погас, а через мгновение зажглись мутно-красные люминаторы, которые мерцали в темпе охваченного паникой сердца. Завыли сирены, но звук их раздавался удивительно приглушенно.

— Что за чертовщина опять? — выкрикнул Дивас, стараясь перекрыть ревущий звук, напомнивший мне эхо далекой мусорной лавины,[15] разносящееся по пространствам нижних уровней улья.

Я помотал головой, на мгновение

ошеломленный происходящим, затем попытался снова обрести почву под ногами и двинуться вперед по коридору. Почему-то эта задача оказалась вдруг труднее, чем должна быть, потому как мне пришлось бороться с довольно сильным ветром. Уже поднимаясь на ноги, я осознал, что именно происходит.

— Пробоина в корпусе! — Кэрри, выкрикивая эти слова через плечо, сама уже бежала по коридору, также сражаясь с цепляющим ветром, от которого ее не застегнутый китель и длинные темные волосы развевались подобно штандартам. — Быстрее, пока палуба не перекрыта!

Нас не понадобилось подгонять, уж можете быть уверены, и мы поплелись за ней так быстро, как только могли. В нескольких метрах впереди, к моему ужасу, тяжелые стальные двери начали скользить в пазах, перекрывая проход, запечатывая палубу и обрекая нас всех на агонию и мучительную смерть. Это было похоже на сон, когда бежишь и чем больше прикладываешь усилий к тому, чтобы заставить свои конечности двигаться,

тем медленнее они работают, а то, к чему ты так стремишься, с каждым шагом отодвигается все дальше.

— Вперед, сэр! Уже почти! — Юрген протянул мне покрытую глубоко въевшейся грязью руку, и я принял ее со всей благодарностью, поскольку сам все больше и больше отставал от остальных.

Моя комиссарская шинель ловила поток ветра, подобно парусу, заставляя меня двигаться еще медленнее. Я уже начал проклинать тот подсознательный импульс, что заставил меня пристегнуть оружие перед тем, как покинуть каюту, — хотя мне вскоре предстояло оказаться бесконечно благодарным за то, что поступил именно так, — потому как туго затянутая портупея не давала мне скинуть стесняющую одежду. Я мог уже точно сказать, что мы не успеем, потому что толстые металлические плиты прямо на моих глазах сходились все ближе и ближе...

И внезапно остановились — за секунду до того, как взор мой отметил двух катачанских солдат, которые, напрягая

все силы, так что вздувались их непомерно развитые мышцы, старались не дать створкам сойтись. Никакому обычному человеку это не удалось бы, но уроженцы адских джунглей сделаны из необычайно прочного материала, и, к моему радостному изумлению, у них, кажется, получалось. Несмотря на нагрузку, исказившую лица, они все еще были способны выкрикивать что-то ободряющее нашему побитому ветром квартету, почти избежавшему опасности.

— Кай! — Дивас задержался в проеме, поворачиваясь, чтобы протянуть руку Юргену и мне, подгоняя нас вперед и, соответственно, перекрывая по ходу дела путь к спасению. Кэрри проскользнула мимо него — в данных обстоятельствах ее стройная фигурка оказалась явным преимуществом. — Давай же!

— Да проходи же! — проорал я в ответ, врезаясь в него и стараясь протолкнуть дальше в отчаянном стремлении оказаться в безопасности.

Пошатнувшись от моего яростного натиска, он толкнул одного из

катачанцев.

Как ни мала была сила этого столкновения, ее оказалось достаточно. Хоть они и относились к сильнейшим представителям человечества, даже их мощные мускулы не могли выдержать долгого напряжения, которое требовалось, чтобы удерживать створки открытыми. Едва их концентрация на этой задаче была поколеблена, катачанские богатыри наконец оказались побеждены отчаянно визжащими сервомоторами. Мне еще удалось разглядеть искаженное ужасом лицо Кэрри, перед тем как огромные куски металла ударились друг о друга и мы с Юргеном оказались в западне — без надежды на избавление, в считаных секундах от гибели.

Примечание редактора

Засада на освободительный флот во внешних пределах системы стала первым знаком того, что Корбул обладает более развитым пониманием тактики, чем большинство его сородичей: несомненно, ловушка эта была расставлена с точностью, которая сделала бы честь и имперским силам. Вопрос о том, каким образом им это удалось и как было проделано, весьма ясно раскрывается в нижеследующем документе.

Выдержка из расшифровки записей доклада инквизитора Чингиза Синглтона, Ордо Ксенос, для комиссии Адмиралтейства по проблемам потерь, понесенных во время так называемой Осады Перлии, сделанного в 449 924.M41:

«Адмирал Бенджамин Бовэ (председатель): Вы хотите сказать, что у зеленокожих тоже есть псайкеры?

(Общее напряжение у собравшихся, глубокие вдохи, а также воззвания к

Святому Имени.)

Инквизитор Синглтон: Да, именно так, по-видимому, и обстоит дело. У каждого из трех Орденов Инквизиции имеются отдельные свидетельства этого, хотя детальное исследование данного феномена обычно относят к моей личной компетенции. Впрочем, когда мне требовалось больше информации о данных нечестивых материях, ее любезно предоставлял Ордо Еретикус, весьма осведомленный в подобных вопросах.[16]

Адмирал Бовэ: Насколько же многочисленны данные исчадия среди орков?

Инквизитор Синглтон: Исключительно редки, намного более редки, чем среди большинства других рас, о которых мы знаем, включая людей.

(Общее выражение облегчения среди собравшихся.)

Адмирал Бовэ: Но они, как представляется, чрезвычайно сильны.

Инквизитор Синглтон: Это зависит от конкретного случая, как и у всех других

рас.

Адмирал Бовэ: Но выбить десяток навигаторов всего лишь одним ударом...

Инквизитор Синглтон: Это потребовало бы от орков введения в действие исключительно одаренного адепта либо, что вероятнее, нескольких более слабых индивидуумов, работающих совместно. Мы знаем, что орки имеют врожденную склонность к групповым действиям в условиях стресса, и кажется разумным предположить, что то же самое относится и к псайкерам.

Комиссар Андерсен Тривеллиан (наблюдатель от Комиссариата): Другими словами, вы располагаете только предположениями.

Инквизитор Синглтон: Я делаю заключения из предыдущих наблюдений за данным видом. Мои коллеги в Ордо Еретикус, у которых понимание вещей, связанных с колдовством варпа, превосходит мое, в общем подтверждают данную гипотезу.

Достойнейшая Джианелло Марчези (наблюдатель от Навис Нобилитэ): Также

у подобных способностей имеется свойство усиливаться при прямом соприкосновении носителя с варпом, не так ли?

Инквизитор Синглтон: Насколько я понимаю, да. Но подобные действия были бы невообразимо опасны. Использование психических возможностей в варпе без экранирования привлекло бы внимание сил и существ невероятной мощи и злобности.

Навигатор Марчези: И все же. (Включает гололит.) Если мне будет позволено, я укажу вам на данный сенсорный контакт, записанный несколькими из уцелевших кораблей непосредственно перед их внезапным переходом в Материум. Орочье судно, скрывающееся в варпе, не так ли?

Адмирал Бовэ: Мы уже задумывались о подобной возможности. Оно, несомненно, является скитальцем, жестоко поврежденный штурмовой корабль типа "Зверюга", его оставшейся двигательной мощности должно едва хватать на то, чтобы поддерживать свое положение относительно течений варпа. Бортовой системы жизнеобеспечения хватит не

более чем на несколько часов.

Инквизитор Сингелтон: Вероятно, на нем был не полный экипаж, а горстка чудил?

Адмирал Бовэ: Простите, инквизитор, но мне последнее слово незнакомо.

Инквизитор Сингелтон: Это орочий термин, эквивалент нашего "псайкер". Мог ли такой корабль поддерживать существование небольшой группы существ в течение длительного периода?

Адмирал Бовэ: Полагаю, что так. К чему вы клоните?

Навигатор Марчези: Во имя Императора, вы всегда такой тупой? Совершенно же очевидно, что он предполагает. Данное судно, вероятно, было намеренно поставлено туда, где находилось, то есть в наиболее вероятном течении варпа для подхода наших подкреплений, и на нем был экипаж из орочьих псайкеров. Так как возможности их были многократно усилены прямым контактом с варпом, они сумели вызвать психическую атаку, достаточную для

того, чтобы вывести из строя навигаторов приближающихся кораблей и заставить их перейти в Материум как раз там, где поджидали в засаде основные силы.

Адмирал Бовэ: Императора Земной! Насколько велика вероятность того, что мы снова столкнемся с подобной тактикой?

Инквизитор Синглтон: Учитывая, что псайкеры, о которых мы в данный момент рассуждаем, вне всякого сомнения, были поглощены существами варпа, привлеченными вспышкой энергии, в течение считаных мгновений после атаки, я бы сказал, что ответ на ваш вопрос зависит от того, как много чудил наши враги имеют в своем распоряжении и насколько военный вождь готов с ними так вот запросто расстаться».

Глава третья

Мои чувства в тот момент, когда мне оставалось лишь пялиться на свое отражение в этих проклятых дверных створках, вы можете разве что попытаться представить. Естественно, сам я совершенно не имею желания припоминать их в точности. Гнев на исполненного благих намерений тупицу Диваса, из-за которого мы оказались в подобном положении, несомненно, должен был преобладать, но это только если в моем эмоциональном багаже оставалось в тот момент место для чего-либо, кроме сжимающего внутренности ужаса. Оглядываясь вокруг в панике, я встретил невозмутимый взгляд Юргена, и его обычный флегматизм удивительным образом сразу же меня успокоил. Как и обычно, он, кажется, был непоколебим в мнении, что я держу все происходящее под контролем, и по какой-то причине потерять лицо перед моим помощником начало казаться мне едва ли не страшнее,

чем близость неизбежной смерти. Если это действительно были наши последние минуты, подумал я, то по крайней мере мне нужно суметь встретить их со всем достоинством, которое удастся наскрести в данных обстоятельствах.

— Что нам делать теперь, сэр? — спросил он голосом столь же приглушенным в быстро разрежающемся воздухе, как и его запах, что, несомненно, было единственным, пусть даже сомнительным, преимуществом того положения, в котором мы оказались.

Блуждая взглядом по коридору над его плечом, я внезапно вычленил выступающий из стены здоровенный многогранник и на мгновение задумался, поскольку кислородное голодание уже начало замедлять бег мыслей в моей голове. Я не мог сообразить, что бы это могло быть. Возможно, открытый сервисный люк, подобный тому, через который мы вошли...

— Бегом! — выдохнул я, когда драгоценная монетка мысли наконец-то стукнулась о дно моего сознания, и принудил свои конечности снова

передвигаться пусть неверной, словно у пьяного, походкой.

Панель располагалась совсем недалеко и была окрашена в красный цвет, тот же, что у аварийного освещения: это был знак, отмечающий местонахождение спасательной капсулы, которую я походя отметил считаные минуты назад. Шторм, который трепал нас с того самого момента, когда в корабль попала торпеда,[17] теперь стих до легкого ветерка, и до исчезновения последних следов воздуха оставались какие-то мгновения. Не нуждаясь в другом напоминании, Юрген двинулся в ногу со мной.

Говоря по чести, я не думаю, что любой из нас смог бы преодолеть это короткое, но такое бесконечное расстояние без помощи другого. Если вам случалось видеть парочку пьянчужек, поддерживающих друг друга в вихляющем пути по городскому бульвару, то вы можете хорошо представить себе, какую картинку мы собой являли. К счастью, как

я уже сказал, быстро исчезающий воздух забрал с собой и телесный запах Юргена, иначе физический контакт с ним сделал бы перспективу поскорее задохнуться гораздо более привлекательной. Но как оно было, так и было, и мне оставалось лишь стараться не задумываться о его обычном пренебрежении личной гигиены. Это оказалось не так уж и сложно, учитывая, что большая часть моего мозга просто медленно отключалась и все оставшиеся мысли сосредотачивались лишь на том, чтобы ставить одну ногу впереди другой и заставлять с натугой работающие легкие делать следующий, с каждым разом все более трудный вдох.

Внезапно мы врезались в переборку, и мне пришлось, насколько можно, сморгнуть клубящийся коричневый туман, что застилал мои глаза. Красная плита оказалась прямо передо мной, мерцающая, как плохо настроенный пикт-передатчик, и я, уцепившись за здоровенную рукоятку люка капсулы в углублении стены, потянул за нее со всей силой, какую только мог собрать.

Если бы у меня был хоть один лишний вздох — да хоть бы и не лишний, а просто еще один, — вероятно, я заорал бы от разочарования. В моем ослабленном состоянии я едва мог сдвинуть рычаг с места. Я попытался позвать Юргена на помощь, но нереальная тишина опустилась на нас вместе с ощущением, как последний воздух вырывается из моих легких в сотрясающем всю грудную клетку выдохе-извержении. Через пару мгновений все должно было закончиться.[18]

К счастью, Юрген и сам сообразил, чего я пытаюсь добиться, так что его неухоженные руки сомкнулись поверх моих — обкусанные ногти поверх моих гладких черных перчаток — в странном контрасте. Наш объединенный вес оказался достаточным, чтобы по крайней мере начать смещать рукоятку, и она плавно опустилась, почти мгновенно достигнув горизонтального положения. В ту же секунду люк на стене скользнул в сторону, и мы покатились внутрь, заботясь лишь о скорости, но никак не о достоинстве, пока

не рухнули под коротким пролетом неуютных металлических ступенек. Благословенный свет — стандартное желтоватое мерцание нормально работающих люминаторов — затопил нас, являя взорам помещение размером примерно с грузовой контейнер. В тот момент большего мне различить не удалось, потому как оно, казалось, все было наполнено аварийными ремнями безопасности, которые полностью заслоняли стены и дальний конец. С боем выпутавшись из конечностей моего помощника, я, шатаясь, поднялся и долбанул всей ладонью по легко заметной активационной руне на стене.

Металлический люк мягко закрылся, отрезая вид на ступеньки, по которым мы столь поспешно спустились, и в обретенном нами убежище послышался глухой, постепенно нарастающий рев.

Внезапно мои страдающие легкие нашли что-то, что можно было вдохнуть, и я почувствовал, как снова расширяется грудная клетка. После отчаянной нужды, которую мы только что испытали,

ощущение это было пьянящим, и я понял, что дико смеюсь, когда кислород достиг синапсов в мозгу.

— Добрались! — выкрикнул я, хотя мой голос и был все еще лишь немногим громче, чем писк летучей мыши, а Юрген в это время тяжело поднимался на ноги, но тоже с широченной ухмылкой на лице.

— Это да, мы это сделали, — согласился он. Затем это проявление эмоций снова скрылось за обычным выражением недоумения на его лице. — И что же делать теперь?

— Ну, обратно мы не пойдем, — резонно заметил я.

Все начинало выглядеть для нас гораздо лучше, насколько мне удавалось в тот момент судить. Казалось, мы нашли убежище, где я мог немного передохнуть, а затем постараться понять, что же происходит, и решить, как лучше всего навести словесный лоск на то, что произошло. Мне не пришлось бы прилагать много усилий, чтобы заставить Диваса поверить, будто, увидев захлопывающиеся двери, я героически втолкнул его в

безопасное место, не заботясь о том, что это практически наверняка будет стоить мне жизни...

— Экстренное восстановление воздушного давления завершено, — пропел механический голос сквозь звон у меня в ушах. — Программа запуска активирована. Старт через десять секунд.

— Чего? — Я едва мог поверить в услышанное. Едва я уверился, что мы в безопасности, как оказалось, что нам предстоит вот-вот быть выплюнутыми прямо в середину космической битвы. — Отменить старт! Отмена!

— Старт через пять секунд, — настаивал голос с бесхитростностью всех вычислительных систем.

Кажется, голосовой контроль здесь не был установлен, либо если и был, то у меня не оставалось времени выяснить, как он включается. Я бросился к ближайшему набору аварийных обвязок и проорал:

— Юрген! Пристегнись!

Мы успели только-только, прежде чем я почувствовал, будто очень большой сапог наподдал мне по седалищу, и весь

тир превратился в карусель.

Глава четвертая

С того случая мне не раз пришлось побывать в гораздо большем числе космических сражений, чем я хочу припоминать, но должен сказать, что Осада Перлии осталась в моей памяти особняком — как одно из самых зрелищных. Конечно же, отчасти благодаря тому, что большинство из них мне приходилось наблюдать по гололиту, а это вызывает некоторую отстраненность от происходящего, или, в других случаях, я был занят рукопашной схваткой с вражеской абордажной командой (или, если выражаться точнее, старался избежать встречи с ними), что оставляет не так много времени для беспокойства о том, что происходит с остальной частью флота. Но в основном, я подозреваю, в яркости тех впечатлений сыграла роль новизна ситуации, в которой я оказался.

Когда основное ускорение закончилось, я осознал, что свободно дрейфую в аварийной обвязке, смутно благодарный за

то, что прошло несколько часов с момента, когда я последний раз вкушал пищу. Очевидно, автоматические системы на борту не пошли в своей заботе так далеко, чтобы включить для нас искусственную гравитацию.[19] С некоторым трудом выбравшись и отпихнув связывавшие меня ремни, я смог оценить то, что нас окружало.

Наше убежище оказалось удивительно вместительным, будучи разработанным, как мне предстояло выяснить позже из планшета с инструкцией к подобному устройству, для того, чтобы принять двадцать эвакуирующихся при идеальных условиях или, как максимум, в два с половиной раза больше. Отсек, в котором мы оказались, занимал основную часть доступного объема, по кругу его располагались личные ящички, разделенные подпорками, прочный вид которых был, на мой взгляд, весьма утешителен, а на полу располагались толстые маты, которые способны были вдвое увеличить место для сна в том

случае, если капсула приняла бы на борт больше людей, чем ее номинальная вместимость. Десять шкафчиков, как позднее обнаружилось, содержали в себе откидные койки, так что нам так и не пришлось довериться сомнительному комфорту напольного покрытия. Впрочем, в тот момент большая часть интерьера была все еще удушающе заполнена тяжами аварийной сетки, которые судорожно метались в потоке воздуха из рециркуляторов, что придавало всему помещению совершенно неуместное впечатление заброшенности, будто оно было ввергнуто некогда в полное небрежение и стало прибежищем для неисчислимых орд пауков.

Отбрасывая с пути мешающиеся тяжи, я медленно вспоминал уроки, болезненно, но надежно вбитые в меня в нуль-гравитационной комнате Схолы, и оттолкнулся в общем направлении люка, находящегося на противоположной от входа стороне помещения. Как ни удивительно, но я промахнулся меньше чем на метр, и нескольких секунд барахтанья

оказалось довольно, чтобы приблизиться достаточно, дабы отпихнуть створку в сторону.

Я не был уверен, что в точности ожидал увидеть за ней, но явно не космос. Однако дело обстояло именно так. Впрочем, мое сознание оставалось достаточно сфокусированным, чтобы осознать: я не могу просто так взять и выйти в него, поэтому, приглядевшись внимательнее, я быстро сообразил, что моему взгляду предстал бронекристаллический щит, ничем не отличающийся от того, что защищает место пилота на обычном шаттле. Холодный свет неисчислимых звезд пробивался в тесную пилотажную кабину, которая была не более пары метров в любом измерении, и свет этот описывал круги через открывающийся сектор обзора с головокружительной скоростью.

— Что это за полоски? — спросил Юрген, вваливаясь через проход позади меня, подобно уродливому небесному киту,[20] и, как всегда, его появление

предварялось обычным запахом, заставившим меня остро осознать в себе глубокую надежду на скорое прибытие спасателей.

— Звезды, — коротко ответил я. — Мы, должно быть, вращаемся.

Затем я пробрался к кафедре управления, затянул ремни, весьма предусмотрительно имевшиеся там для того, чтобы пилот мог всегда оставаться в своем кресле, и начал разбираться, как обрести какое-то подобие контроля над нашим убежищем. Полагаю, что именно то счастливое обстоятельство, что мы беспорядочно кувыркались, способствовало нашему выживанию более, чем любое другое, потому как ни один из орочьих канониров не захотел сделать нас своей мишенью, несомненно полагая, что мы являемся всего лишь еще одним куском мусора, появившимся в результате сражения.[21]

К счастью, наша капсула была, очевидно, разработана в расчете на то, что случайный человек, нашедший себе

убежище на ее борту, не будет способен разобраться со сложными системами, и большинство функций, как выяснилось, находилось под контролем когитатора, который в первую очередь и занялся тем, что так поспешно вышвырнул нас в космос. Пары минут, потраченных на изучение пиктограмм, весьма любезно спроецированных перед моим взором, едва я только уселся, оказалось достаточно, чтобы дать мне общее представление о требующихся от меня действиях, и несколько осторожных экспериментов с переключателями и рукоятками, находившимися передо мной, уже сделали наш полет намного более стабильным.

Полосы света за бронекристаллом медленно исчезли, снова превратившись в те точечки света, какие я привык наблюдать с обзорных палуб кораблей, на которых мне пришлось путешествовать, а я повидал их немало, с тех пор как мое детство на нижних уровнях улья было так внезапно прервано. И только тут мы наконец-то начали осознавать масштаб конфликта, который разворачивался

вокруг нас. В отличие от того, что вы можете увидеть в каком-нибудь из эпизодов «Стремительной атаки»,[22] звездные корабли в бою редко приближаются один к другому на расстояние огня прямой наводкой, вместо этого они обмениваются выстрелами с расстояния сотни, если не тысячи километров.

Конечно же, встречаются и исключения. К примеру, для того, чтобы высадить абордажные отряды или выбить звено истребителей, обороняющих корабль, нужно максимально сблизиться с целью, не говоря уже об излюбленной орками таранной тактике.[23]

Даже учитывая все это, мы могли установить позиции сражающихся только по внезапным вспышкам света там, где очередной заряд батарей излучателей или торпедный залп достигал своей цели, и один раз по странному чувству тошноты и дезориентации, когда сам космос, казалось, искривился в центре сектора обзора, когда какая-то несчастная жертва была

затянута в варп взрывом собственных двигателей.[24]

— Похоже, у нас есть несколько возможностей, — произнес я через некоторое время, когда красочное представление фейерверков и огней вдалеке приобрело совсем уж прерывистый характер. Одной из систем, которую я обнаружил в капсуле, был приводной радиомаяк, который мог указать наше точное местоположение любому, кто в этот момент прослушивал пространство или специально искал выживших. — Мы можем просто включить эту штуку и подождать, когда нас спасут.

Но хотя мой палец уже висел над руной активации, я медлил. В кафедру управления передо мной был встроен экран аускика, и его в данный момент затуманивала настоящая метель из иконок, обозначавших контакт с тем или иным объектом. Конечно же, некоторые из них могли быть не более угрожающими, чем просто оставшийся от битвы мусор, но абсолютное большинство казалось

слишком плотным для этого, не говоря уже о том, что активно маневрировали и слишком многие из них были отчетливо ближе, чем небольшая кучка имперских иконок, упорно остававшихся на самом краю отображаемого пространства.

— Хотя это может быть и не таким уж хорошим решением, — заключил я, наконец отводя руку.

Было очевидно, что мы двигаемся через основную часть орочьего флота и включенный аварийный маячок с гораздо большей вероятностью привлечет внимание врагов, а не находящихся в не такой уж близости друзей. Кроме того, у последних, кажется, было достаточно и собственных проблем. Юрген кивнул, видимо уловив ход моих мыслей.

— А еще возможности? — спросил он.

Я только пожал плечами и ответил:

— Двигаться к планете и выйти на контакт с нашими силами там.

Согласно инструкции, которую мне удалось найти, когитатор должен был справиться с такой задачей. Став на нужный курс, мы имели неплохие шансы на

то, чтобы проскользнуть сквозь вражеский флот, не привлекая к себе слишком пристального внимания. Я на это надеялся. В любом случае это давало нам больший шанс на выживание, чем визит на борт к зеленокожим.

— Сколько это займет? — спросил Юрген.

Я снова пожал плечами и после недолгого поиска в ограниченной базе данных нашего маленького суденышка вывел соответствующую информацию:

— Около трех недель.

Звучало это не так уж плохо, войсковому транспорту потребовалось бы чуть меньше половины этого срока, чтобы своим ходом добраться от дальних границ системы, если предположить, что он вообще пережил столкновение. К моему смутному удивлению, я понял, что питаю надежду на то, что последнее предположение все-таки окажется верным. Как уже было сказано, я всегда оставался некоторым образом чужаком для командования батареи, и единственным другом среди офицеров для меня был

Дивас, но большинство остальных, по крайней мере, проявляли любезность по отношению ко мне (во всяком случае, заслуженная мною по неосторожности героическая репутация уравновешивала инстинктивную нелюбовь и недоверие, питаемые ими к членам Комиссариата, но, впрочем, перевесить их не была способна).

Что касается простых солдат, я всегда тщательно создавал впечатление, что забочусь об их благополучии, так что они обычно пристатривали за моей спиной, когда приходилось жарко, вместо того чтобы начать размышлять, не пора ли случиться одному из тех случайных инцидентов с огнем по своим, которые продолжают обрывать карьеры комиссаров, подходящих к своим обязанностям с излишним энтузиазмом.

В общем и целом я чувствовал себя в этом полку настолько уютно, насколько только мог ожидать, и мысль о том, что придется снова ставить себя в какой-нибудь новом подразделении, была неожиданно неприятной.

Как выяснилось позже, именно событиям последующих нескольких месяцев предстояло впервые привлечь внимание старших членов Комиссариата к моей персоне, отметив меня как того, за чьей карьерой стоило бы приглядывать, чтобы в конце концов вышвырнуть меня на пост при самом штабе бригады и, как результат, подвергнуть мою жизнь опасности в таком числе случаев, о котором я предпочитаю даже не задумываться; впрочем, тут я забегаю вперед.

— Три недели, не так уж плохо, — озвучил мои мысли Юрген, наклоняясь, чтобы получше разглядеть написанное на маленьком экранчике, и снова позволяя мне в полной мере оценить запах у него изо рта.

Тут мне вдруг внезапно пришло в голову, что рискнуть пообщаться с зеленокожими, может быть, в конце концов, не такая уж и плохая идея, но, к счастью, здравый смысл и мой врожденный инстинкт выживания вместе подавили этот внезапный порыв, так что я только

кивнул. Три недели в замкнутом пространстве вместе с Юргеном обещали стать не лучшим воспоминанием моей жизни, но определенно это казалось предпочтительнее тех альтернатив, которые у меня имелись (и насколько предпочтительнее, я конечно же не имел в тот момент ни малейшего представления, но этому благословенному состоянию незнания очень скоро предстояло быть разрушенным).

Обращая свой взор назад, впрочем, могу сказать, что затяжной спуск к Перлии показался едва ли не расслабляющим отпуском, хотя временами мне так не думалось. Достаточно признать, что находиться вместе с Юргеном в замкнутом пространстве, объем которого едва ли больше грузового контейнера, оказалось тяжелым испытанием для терпения и органов чувств, как я и опасался; впрочем, осознание того, что каждый проходящий день приближает нас к отчаянному, кровавому конфликту, тоже не особенно

улучшало мне настроение. Единственной отрадой было то, что припасов, которые мы обнаружили в ящичках, оказалось более чем достаточно для нас двоих, так что, по крайней мере, рацион можно было не рассчитывать. Если уж на то пошло, то я даже немного прибавил в весе, несмотря на монотонный состав нашей диеты.

Поскольку мой помощник несколько недотягивал до титула блестящего собеседника, я провел большую часть нашего путешествия в тренировках с цепным мечом, часами повторяя вращения, стойки и различные комбинации атак. Я всегда был достаточно компетентен в обращении с оружием, но такой объем непрерывной практики, как мне пришлось с удовлетворением отметить, поднял мой уровень владения им на ранее недоступную мне высоту. И надо сказать, мне предстояло порадоваться этому факту гораздо раньше, чем я мог предполагать.[25]

Как результат, у меня не оставалось времени предаваться размышлениям о том, что ждало нас по прибытии к месту

нашего назначения, и это было совершенно нелишне, учитывая количество дурных предчувствий, которые я испытал бы за это время. Как еще одно несомненное преимущество, пространство жилого отсека было неуютно тесным для любого стороннего наблюдателя, который желал бы сохранить число конечностей во время моих тренировок, и потому Юрген большую часть времени проводил в безопасности рубки, где он чем-то себя по мере возможности занимал (я предпочел не вдаваться в исследование того, чем именно), несмотря на отсутствие его коллекции порнографических инфопланшетов.

В общем и целом с течением дней я привык к этой своего рода рутине под придающим всему дремотный эффект терцанием люминаторов нашей хрупкой скорлупки, окруженной темнотой и крапинками звезд, так что, когда одним прекрасным утром когитатор отзвонил побудку и своим обычным монотонным голосом объявил, что мы приближаемся к орбите планеты, это застало меня

врасплох.

— Хотите, чтобы я активировал маячок, сэр? — спросил Юрген, вставая, чтобы освободить мне единственное сиденье в крохотном пилотажном отсеке.

Я покачал головой:

— Сейчас это было бы неразумно. — Я указал на россыпь контактных иконок, будто порошей усеивающих экран аустика. — У нас нет ни малейшего понятия, которые из них враждебные.

Без сомнения, хоть немного более сложная сенсорная система могла бы сообщить необходимые сведения и, насколько я теперь понимаю, избавить нас от неисчислимого количества последующих трудностей, но без этих данных риск включить маяк казался настолько же большим, как и в эпицентре битвы. Вместо этого я подкрутил вокс:

— Предлагаю сначала получить представление об обстановке, а потом уже принимать решения.

Моя предосторожность оказалась совершенно оправданной. В то время как лимб планеты медленно расцветал в

нашем переднем обзорном иллюминаторе, я вращал рукоятку настройки вокса, стараясь прослушать столько переговоров, сколько мог поймать. Большинство, конечно же, было закодировано, так что толку от них не было никакого, но мне удалось услышать обрывки чего-то, звучавшего как флотские приказы, а также жесткие гортанные звуки орочьего языка, впрочем, ни то ни другое много мне не сказало.[26]

Через некоторое время, однако, я смог выделить нечто, смутно похожее на переговоры центра контроля полетов звездного порта, и врезаться в передачу с помощью моего комиссарского «приоритетного» кода.

— Говорит комиссар Кайафас Каин с борта спасательной капсулы «Длани возмездия», — передал я. — Запрашиваем возвращение на борт либо информацию по условиям посадки.

По правде говоря, я не имел ни малейшего понятия о том, как сажать эту штуку, но когитатор, как я полагал,

был способен выполнить это за нас, так же как и все остальное, с чем он справлялся с той поры, когда мы ввалились на борт.

После краткой паузы, во время которой, могу поклясться, я слышал переговаривающихся на заднем плане людей, мне ответил прерывающийся женский голосок:

— Неопознанный контакт, повторите.

С четким чувством внезапной слабости я так и сделал, впитывая вид планеты под нами, которая полностью заняла обзорный иллюминатор. Тонкие клочки высоких облаков дрейфовали в верхних слоях атмосферы, рассеивая свет, отражающийся от бирюзовых океанов, в то время как богатая зелень и насыщенные коричневые тона отмечали лежащие под нами континенты. После трех недель, проведенных в окружении гнетущей серости стен и в необходимости дышать переработанными запахами Юргена из системы воздухоснабжения, я находил вид почти невозможно красивым. Голос же, с которым я общался, ответил мне несколько недоумевающе:

— «Длань возмездия» вышла на орбиту три дня назад. — Слова эти подняли мне настроение больше, чем я вообще считал возможным. — Все выжившие в битве уже должны были быть учтены.

— Мы были заняты на стороне, — ответил я тем, что на тот момент мне показалось весьма похвальным иносказанием. — Двенадцатый артиллерийский не пострадал?

— Вы же не думаете, что я отвечу на такой вопрос? — Голос собеседницы приобрел слегка подозрительный оттенок. — Вы можете мне предоставить какое-нибудь точное подтверждение личности?

— Оскал Императора! — откликнулся я с несколько излишней резкостью. — Ради варпа, я же использую комиссарский вокс-код! Что может быть точнее?

— Да, этот код приписан к комиссару, который, по отчетам, погиб в бою, — огрызнулся в ответ голос.

Я выдохнул, с заметным трудом сдерживая гнев, и недоверчиво спросил:

— Вы предполагаете, что я могу

быть орком?

— Вы пытались выяснить диспозицию имперских боевых частей, — отчеканила портовая труженица.

— Да я просто пытался выяснить, живы ли мои друзья! — отбил я эту нападку.

Возможно, это было немного чересчур, но некоторое давление на эмоции никогда не бывало лишним, если я хотел получить от женщины ту реакцию, которая была мне необходима. Впрочем, с этой конкретной особой это мне помогло не больше, чем если бы я общался с сервитором.

— Если вы действительно комиссар, вам следовало бы первому воздержаться от обсуждения таких вопросов по открытому каналу! — отрезала она.

— Что значит «если»? — перебил я уже в совершенном возмущении. — Поднимайте сюда спасательный шаттл — и быстро убедитесь, кто я такой!

— Операции на низкой орбите в данный момент слишком опасны, — заключила эта особа с легкоуловимым

оттенком удовлетворения. — Выходите на локаторный луч звездного порта и включайте автоматические системы посадки. Мы обеспечим вам комитет по встрече.

— В каком смысле «слишком опасны»? — переспросил я, в то время как мои ладони снова начали зудеть.

Но вокс-связь уже была разорвана с того конца.

Через секунду или две, посвященные изобретательным ругательствам, которые не имели особого практического смысла, кроме как помочь мне немного разрядить эмоции, я начал обшаривать системы когитатора в поисках необходимых и соответствующих ритуалов. Задолго до того, впрочем, как мне удалось завершить данную задачу, предстояло получить ответ на свой последний вопрос; пришел он в виде серии тяжелых ударов в корпус, вызвавших перезвон тревожных сигналов и слишком уже знакомый звук, с которым воздух начал вырываться из нашего маленького хрупкого суденышка.

Примечание редактора

Сейчас, пожалуй, нам стоит взглянуть на несколько более широкую и детальную картину тактической обстановки того момента. Как и прежде, Каллис предоставляет похвально лаконичное описание того, как в основе своей складывалась ситуация, в которой оказался и которую описывает Каин, и, возможно, несколько прояснит его эгоцентрическое повествование.

Из книги «Зеленая кожа, черные сердца: Вторжение орков на Перлию» за авторством Гисмиони Каллиса, 927.М41:

«Хотя и не повторившаяся в ходе дальнейшей кампании,[27] Битва при Гало,[28] несомненно, явилась величайшим тактическим сюрпризом той части войны, что происходила в космосе, и установила непререкаемое орочье аэрокосмическое превосходство в этой части театра военных действий; и за это

преимущество им предстояло с мрачным упорством цепляться до самого исхода конфликта.

Достаточно сказать, что до сего дня изолированные группировки орочьих пиратов, как говорят, остаются в системе Перлии, время от времени прибирая случайное грузовое судно и снова скрываясь, чтобы выждать время до нового нападения.

Хотя в данном бою оркам удалось уничтожить лишь пять кораблей-освободителей,[29] тогда как их собственные потери оказались, мягко говоря, несколько большими, засада все-таки достигла своей цели.

Предупрежденным астропатическими сообщениями, следующим за ними конвоям пришлось ускоренно выйти из варпа, гораздо дальше от того места, где это было бы сделано при обычном раскладе, из страха повторить судьбу первого; таким образом, они были вынуждены противостоять постоянным атакам орков на протяжении двух или более недель вместо той пары дней, которые, как

ожидалось, им предстояло выдержать. Возникшее в результате этого истощение как необходимых припасов, так и личного состава, не говоря уже о боевом духе экипажей тех торговых кораблей, которые оказались поставлены в столь ужасающие условия, не могло не сказаться самым тяжелым образом на боеспособности гвардейских подразделений, в том числе тех, которые уже успели высадиться на планету, а также испытывающих жестокое давление со стороны врага выживших из числа Сил Планетарной Обороны. Несмотря на это, милостью Императора они продержались, и каждая капля помощи, которой удавалось прорваться сквозь блокаду зеленокожих, приближала победное окончание войны.

На этот момент орки также приобрели полное превосходство в воздухе над оккупированной территорией, и их пилоты перешли к рейдам в стиле "ударил — отступил" против кораблей снабжения на орбите с захваченных армией вторжения взлетно-посадочных полос.

Противостояли же им суда

Имперского Флота, которые установили нерушимую защиту над стратегически важным звездным портом на западном континенте, и их собственные отряды истребителей-перехватчиков вступали в бой с мародерами всякий раз, когда те появлялись за пределами атмосферы. К сожалению, не каждый из этих рейдов мог быть перехвачен до того, как врагу удавалось нанести нашим силам некоторый урон, и один из таких пользующихся случаем рейдеров едва не подошел к тому, чтобы решить судьбу всего хода войны...»

Глава пятая

Не находись мы в рубке, один Император знает, какой бы стала наша судьба. Что касается меня, то я совершенно не имел желания восстанавливать близкое знакомство с физиологическими эффектами полного вакуума, так что сразу же начал отчаянно выбираться из кресла, стремясь добраться до места утечки и перекрыть ее, прежде чем будет поздно. Впрочем, Юрген меня опередил, захлопнув люк, ведущий в основное отделение капсулы, и тем самым отрезав вой вырывающегося воздуха с гудящим лязгом, поскольку перепад давления, уже образовавшийся за переборкой, буквально выдернул рукоятку люка у моего помощника из рук.

— Отлично, Юрген, — произнес я, снова оседая в кресло с колотящимся сердцем, хотя было ли то от паники или инстинктивной реакции на разреженный воздух, не могу сказать точно.

Мой помощник флегматично кивнул:

— Ну, вроде я все правильно сделал. Что нас такое стукнуло?

— Вероятно, это, — ответил я, указывая на быстро движущуюся по экрану аусника точку и удерживая голос ровным лишь значительным усилием воли. — Скорее всего, падающие в атмосферу обломки с орбиты. От здешних сражений должны были остаться тонны такого мусора.

Но даже при этих словах ладони мои снова отчаянно зудели. Пятнышко начало менять курс, с очевидностью готовясь ко второму заходу.

— Как это у мусора так получается? — спросил наивный Юрген.

— Это потому, что этот конкретный кусок кто-то пилотирует, — бросил в ответ я, снова вцепляясь в вокс-передатчик.

На этот раз все, что мне удалось услышать, была статика; очевидно, некая часть нашего оборудования связи не пережила первой встречи с нападающим. Теперь оставалась лишь одна очевидная мне возможность.

— Мы должны сесть на планету, быстро!

Конечно же, это было гораздо легче сказать, чем сделать. Дрожащими от отчаяния руками я пролистывал страницу за страницей пиктограмм в поисках нужного набора инструкций. Несмотря на срочность задачи, взгляд мой продолжал раз за разом возвращаться к экрану аудиника и быстро приближающемуся сигналу на нем. Если бы мы столкнулись с любым другим врагом, кроме орков, то, несомненно, уже были бы сняты с орбиты, но оружие зеленокожих имеет склонность быть недальнобойным, и, даже если оно не подпадает под это правило, те, кто его направляет, обычно стараются подобраться достаточно близко, чтобы как следует насладиться последующим бабахом. И как раз в тот момент, когда я уже подумал было, что мы все равно не успеем, мне попалось как раз то, что нужно, и я повернулся к своему помощнику.

— Держись за что-нибудь! — проорал я и ввел код экстренного входа в атмосферу.

— Данная программа несет

значительный риск, — занудил когитатор. — Пожалуйста, подтвердите инструкцию.

— Просто делай, ты... — Тут уж я даже не нашел подходящих эпитетов, и, вероятно, к лучшему, потому что просто снова ударил по тому же коду.

Каким бы значительным ни оказался риск, быть разнесенным на куски орудийным огнем мне в тот момент казалось гораздо худшей перспективой.

Пятнышко на экране почти совместилось с нашим, и, подняв взгляд от приборов, я заметил силуэт небольшой, быстро движущейся тени за поверхностью броне-кристалла. И как раз в этот момент на нем вспыхнули яркие точечки огня.

— Инструкция подтверждена, — пропел механический голос. — Пассажирам рекомендуется занять безопасное положение.

Слабая вибрация от новых орудийных попаданий начала сотрясать корпус, но заднее отделение на данный момент уже должно было совершенно лишиться воздуха,

так что звук оттуда почти не проникал в рубку. У меня еще хватило времени, чтобы поволноваться, не слишком ли сильно повреждены системы капсулы, чтобы вообще заработать, когда внезапно нахлынувшее ускорение бросило меня обратно в кресло и мы начали падать на самое дно Мира.

— Держись! — прокричал я Юргену, больше для того, чтобы просто сказать что-нибудь и не бояться самому, чем полагая, что он действительно сможет удержаться.

Монотонно повторяющиеся ругательства за моей спиной, сопровождавшиеся — каждое — глухим ударом, подтверждали эти сомнения. Юрген страдал весьма выраженным неприятием атмосферных полетов даже в самых наилучших условиях, а нынешние были от этого весьма далеки, — вероятно, нам обоим стоило благодарить судьбу за тот факт, что сейчас мой помощник был слишком занят, чтобы понять, что его еще и укачивает. Через минуту или две сквозь нарастающий визг воздуха вокруг

нашего побитого аппарата донесся еще более громкий удар, и все затихло. Несмотря на все беспокойство о Юргене, я остался сидеть на месте — либо с ним и так будет все в порядке, либо придется смириться с противоположным, потому как попытка добраться до него в данный момент привела бы лишь к тому, что я тоже слег бы с какой-нибудь травмой.

За годы своей жизни я совершал путешествия с орбиты на планету бессчетное число раз, с разной степенью комфорта, но редко когда мне выпадало пережить это событие столь ярко, как тогда. Отчасти, как я предполагаю, потому, что в тот момент я орал от ничем не сдерживаемой паники (говоря по правде, я не могу быть в этом совершенно уверен, потому как шум раскаленного воздуха, рвущегося вокруг нашего корпуса, был слишком силен); отчасти оттого, что я редко оказывался там, где мог бы наблюдать за происходящим столь непосредственно. Воздух за слоем бронекристалла приобрел насыщенный оттенок красного, мерцая, подобно сиянию,

возникающему вокруг обнуляющих защитных полей линейного титана, и поверхность под нами была закрыта от взгляда массой кипящего воздуха, сразу позади стерзающегося в инверсионный след. Близкая к невыносимой перегрузка, казалось, выжимала весь кислород из легких, а сама капсула тряслась, будто былинка на ветру.

Несмотря на невозможность увидеть что-либо, кроме адского тумана, который окружил нас, я несколько раз старался повернуть голову, тщетно надеясь увидеть, последовал ли за нами орочий истребитель, чтобы довершить начатое, но мои попытки не увенчались успехом. Могу лишь предположить, что пилот, увидев наш пылающий след, счел нас погибшими, и отправился искать себе другую жертву.[30]

Спустя время, показавшееся мне вечностью дрожи и громыхания (которые делали все происходящее по звучанию подобным подлейному землетрясению, если бы оно застало вас в цехе по

переработке металлолома), тряска наконец-то стала утихать, и я начал различать синее небо и завитки белой кипени за бронекристаллом. Постепенно, когда красноватое мерцание угасло и облака расступились, я смог различить что-то похожее на ландшафт, расстилающийся под нами. Проявились однообразные пески пустыни — вид, чрезвычайно отличающийся от того, как выглядели с высоты столь привычные мне богатые пастбища Кеффии, — но все же то тут то там угадывались крапинки поселений: поселки, деревни и даже один достаточно крупный город; их окружали орошаемые поля, связанные ярко-голубыми водными артериями, берега которых представляли собой зеленеющие полоски в километр или два шириной. Впрочем, вне пределов поселений они уже иссякали, и было видно, как пески снова вторгаются в пределы земли, которую занимала поддерживаемая этими потоками растительность.

Что представлялось более зловещим, так это тот факт, что большая часть

поселений, как было видно, жестоко пострадала от боев. Густая пелена дыма расстилалась едва ли не над каждым из них, и с такой высоты нельзя было сказать, сохранилась ли в хоть каком-нибудь виде когда-то поддерживаемая ими жизнь. Это, впрочем, было, вероятнее всего, очень кстати, потому что я и без того уже пребывал в таком ужасе, что мысли мои и близко не подходили к понятию разумности.

— Предупреждение, — вступил когитатор как раз в нужный момент, чтобы задавить робкие шевеления оптимизма, которые я начал ощущать впервые с того момента, как начался наш поспешный спуск. — Системы обратной тяги серьезно повреждены. Подъемная сила уменьшена до тридцати семи процентов от расчетной. Соприкосновение с поверхностью ожидается значительно более сильным, чем заданные рамки безопасности.

— К фрагу, великолепно! — окрысился я, настолько потеряв ощущение реальности, что начал словесно выражать

свое недовольство когитатору. И с некоторым запозданием осознал, что довериться машинному духу капсулы было все же нашей единственной надеждой на выживание и злить его, вероятно, не лучшая затея.

Кинув взгляд вдоль горизонта, я на самой границе зрения отметил в окружающей нас теперь пустыне клочок зелени; в это самое время мы продолжали терять высоту, и барханы становились все более угрожающе близкими, так что за нами, отмечая на земле путь нашего продвижения, создался маленький, с острым концом песчаный смерч. Бормоча молитвы и в то же время осознавая, что Император слишком занят, чтобы к ним прислушиваться, я отключил системы когитатора от управления и слегка коснулся рукояток перед собой, надеясь, что запомнил, как вручную управлять этой пикирующей капсулой смерти.

К счастью, похоже, я все-таки сохранил в голове достаточно информации для того, чтобы рулить этой штуковиной, так что мне удалось

повернуть нос в направлении оазиса, который я заметил несколько секунд назад. Он быстро приближался — полоска воды и деревьев, нависающих над окружающей пустыней, — и с ударом, от которого, как мне показалось, расшатались все до единого зубы в моих челюстях, мы проехались по вершине одного из самых высоких барханов, окружавших его.

«Вырубить двигатель, вырубить двигатель...» — речитативом повторял я про себя, оглядывая кафедру в поисках крупного красного переключателя, который, как я был уверен, попадался мне на глаза лишь мгновение назад. Едва ли не в последнюю минуту я нашел его и долбанул по нему рукой. С тошнотворным креном, который, несомненно, стал бы последней каплей для Юргенова желудка, если бы его хозяин еще оставался в сознании, чтобы ощутить что-либо, система обратной тяги полностью отключилась, и мы наконец попали под ничем не сдерживаемое действие гравитации.

Впрочем, я довольно хорошо

рассчитал наш прицел, если только могу говорить за себя. Мы рухнули, подобно раскаленному добела камню, почти в самый центр озера, скользнули по его поверхности в облаке пара и снова отскочили в воздух, будто серпом срезая ряд деревьев, идущих по краю береговой линии. В этот момент мне показалось, что я вижу где-то среди них мерцание металла, но из-за круговерти поднятой нами водяной взвеси, едва ли не сразу сменившейся обломками дерева и тяжелым черным дымом, когда они разом занялись огнем, у меня не было времени, чтобы взглянуть еще хоть разок или вообще задуматься об этом. Каждая мышца и косточка в моем теле, казалось, рвется и колеблется в своем собственном направлении, а привязные ремни врезались в ребра, подобно ногтям эльдарской ведьмы. Мое зрение начало туманиться, заставляя опасаться, что я близок к потере сознания.

Внезапно, впрочем, ощущение давления стало слабеть, и постепенно мне в голову начало проникать понимание

того, что моя отчаянная ставка оказалась выигрышной. Деревья поглотили весьма приличную часть инерции нашего движения, и теперь мы, как казалось, тчались вперед гораздо медленнее (хотя это все еще оставалось для нас весьма относительным понятием). Мимо пронесся самый большой бархан из всех, которые я видел до сих пор, — или, возможно, я просто наблюдал его с гораздо более близкого расстояния, чем все предыдущие, — и наш крепкий маленький кораблик весь сотрясся, делая зарубку в самом гребне бархана; после чего мы рухнули прямо вниз, пропахивая длинную траншею, оставляя за собой клочки стекла там, где с каждым ударом и отскоком наш корпус превращал в него обычный песок.[31]

Спустя некоторое время визг металла затих, и, к моему удовлетворенному изумлению, я осознал, что мы на земле и в безопасности. Ну, по меньшей мере, на земле и живы. Как я должен был вскорости узнать, на безопасность здесь рассчитывать

сложновато.

Секунду-другую я просто оставался на месте, стараясь втянуть воздух в многострадальные легкие и стараясь не замечать кратких уколов боли, пробегавших через любой мускул, стоило мне только попытаться его напрячь. Через некоторое время, когда голова моя перестала идти кругом и разогретое добела ядро боли прямо за глазами остыло до тупого, тошнотворного биения, подобного тому, какое бывает с жесточайшего похмелья, я наконец потянулся к застежке привязных ремней. Она легко поддалась, и мне пришлось наполовину вывалиться из кресла, в первый раз отметив, что наше суденышко затерло, довольно сильно завалившись набок.

Ни одна из рун на кафедре управления не светилась, и вскоре стало очевидно, что система питания расплавилась во время аварийной посадки. Наш бравый маленький когитатор воссоединился с Омниссией, вне всякого сомнения погибнув от энергетического недокорма, так что с

этой стороны помощи ждать не приходилось. Не имея возможности раздобыть техножреца, мы не могли запустить и вокс, так что вариант позвать на помощь человеческих существ тоже отпадал.

— Юрген! — С трудом балансируя на накренившейся палубе, я неловко обогнул кресло и нашел моего помощника распростершимся за ним, с лицом, изуродованным отвратительного вида раной на лбу (настолько, насколько она могла казаться таковой, учитывая его обычный внешний вид).

Впрочем, быстрый осмотр, проведенный мною при слабом свете, проникавшем через завал песка, едва ли не целиком скрывающий бронекристалл переднего обзора, показал, что ничего особенно угрожающего жизни в его ранении не было, поскольку, очевидно, череп Юргена был слишком тверд, чтобы расколоться под воздействием чего-нибудь слабее болтерного заряда, — и, пока я заканчивал свои попытки проверить его состояние, мой помощник уже начал шевелиться.

— Мы мертвы? — вопросил он, разлепляя глаза и вглядываясь в меня с еще меньшей степенью понимания в глазах, чем обычно.

Я покачал головой:

— Не думаю. Полагаю, иначе пора бы уже было появиться и Императору.

Оставив Юргена собираться с мыслями — сколько уж их у него было, — я потянул на себя дверь между отсеками, открывая ее, и шатаясь вышел в основное отделение.

Первое, что меня поразило, был запах оплавленного песка и прокаленного металла, конечно же, но перебитый или и почти совершенно скрытый от чувств благословенный аромат свежего, чистого, непереработанного воздуха. Я жадно вдохнул его, подобный зависимому, принимающему понюшку обскуры, едва ли не пьяный от притока кислорода. Очевидно, корпус был пробит не в одном месте, хотя были ли эти дыры от орудийного огня, который по нам вели, или последствия излишне поспешного прибытия, я не мог точно сказать.

Некоторые из шкафчиков от ударов открылись, разбросав свое содержимое, и я передвигался теперь по щиколотку в упаковках пищевых рационов и облотках, которые, без сомнения, еще обещали пригодиться. Сейчас же думать о них было некогда. Подобно человеку, погруженному в транс, я выбрался к входному люку, карабкаясь по вставшему стеной полу так же упорно и с такими же усилиями, как если бы преодолевал горную гряду.

По прошествии некоторого времени, впрочем, я достиг своей цели и с помощью рычага ручного управления, рассчитанного как раз на подобный случай, заставил крышку люка открыться. Она скользнула в сторону с удивительной легкостью, и я благословил способность к предвидению у Адептус Механикус в целом и у того аколита, который разрабатывал эту деталь, в частности. Яркий прямоугольник теплого чистого света озарил меня, а следом затопил оглушающий чувства поток чистого воздуха. Подтянувшись, я выбрался на корпус капсулы, который все еще ощущался

весьма разогретым даже через толстые подошвы сапог и издавал скрипы, щелчки и потрескивания остывающего металла, и приставил руку козырьком ко лбу, нетерпеливо желая осмотреть то место, где мы очутились.

На самой границе поля зрения шевельнулась какая-то тень, и запах свежего воздуха внезапно был совершенно подавлен новым — зловонным.

— Юрген? — спросил я, поворачиваясь к источнику страда, но, уже произнося эти слова, осознавал напоминание от мыслящей части моего сознания, что это никак не может быть мой помощник.

Начать с того, что он все еще оставался в не слишком хорошем здравии на летнем мостике, да и доносящееся зловоние заставило бы его обычный букет запахов сравниться со свежим ветерком ранним весенним утром. Я едва успел заметить присутствие кого-то еще, нависшего надо мной, подобно, как мне показалось, небольшой разъяренной горе, прежде чем орк издал рев ярости и бросился в атаку.

Глава шестая

Оглядываясь назад, я представляю себе все происшедшее так, что зеленокожий был удивлен увидеть меня не меньше, чем я его, иначе, без сомнения, закончил бы бой раньше, чем мое усталое и онемевшее сознание успело толком отметить его присутствие. Но поскольку все случилось именно так, как случилось, несмотря на слабость и неподвижность в моем едва оправившемся теле, во мне сработал инстинкт, и я на чистом рефлексе уклонился от броска противника, развернувшись на каблуке, и нанес свободной ногой удар под колено, пока орк пролетал мимо, рыча, подобно гроксу-самцу, уловившему запах соперника. Мне пришлось пережить секунду паники и сомнения, сработает ли старый прием против этого гигантского куска нечувствительных мышц, возвышавшихся на добрую голову над любым человеком, с каким мне вообще приходилось сходиться в драке — даже учитывая тех катачанцев, с

которыми мне время от времени доводилось тренироваться, — но, кажется, суставы зеленокожих все же были достаточно похожи на наши, чтобы добиться эффекта. Тварь рухнула на одно колено, вопя еще громче, если такое только можно было возможно, потому как раскаленный металл с шипением прожег грубую ткань штанов, в которые он был одет. Не успев встать, орк снова бросился и тут же повалился спиной вперед в открытый люк с едва ли не комичным вскриком изумления, когда я что есть силы пнул его ногой в лицо, не дав шанса восстановить равновесие. Окрестности огласились звуком мощного удара, а за ним знакомым треском лазгана — два одиночных выстрела один за другим.

Будучи уверен, что Юрген вполне способен разобраться с проблемой, я снова прикрыл глаза от солнца и быстро огляделся, стараясь различить, откуда пришел противник и был ли он один.

Конечно же, так далеко, чтобы последнее предположение оказалось верным, наше везение простираться не

могло. Грубые, утробные крики эхом раскатились по барханам вокруг, и со своей возвышенной позиции наверху корпуса спасательной капсулы я сумел разглядеть еще два зеленых пятна, движущиеся с ошеломительной скоростью в нашем направлении. Быстрая рукопашная стычка с их собратом не дала мне достаточно времени, чтобы вполне впитать весь ужас и отвращение от образа твари, с которой мне пришлось сразиться, но наблюдения за этими вполне хватило, чтобы разглядеть весь их поразительный гротеск.

Сказать, что открывшийся вид не заставил меня внутренне содрогнуться от страха, значило бы соврать. Несмотря на мое самоуверенное заявление в адрес Диваса, что твари эти не казались такими уж мощными, и относительную простоту, с которой мне удалось расправиться с первым из атакующих, я был достаточно смышлен, чтобы понимать, насколько серьезную угрозу для меня они представляют. В первой стычке мне повезло, это я осознал в полной мере, и только инстинкт и рефлексы,

отточенные годами тренировок, позволили мне в полной мере воспользоваться запальчивостью моего противника, да и вмешательство Юргена не повредило (ну, разве что собственно орку, но это было и к лучшему).

С одной стороны, бегущие в нашем направлении существа были весьма корпулентными, и на их телах бугрились такие мышцы, которые раньше я видал только у огринов. Даже катачанцы определенно выглядели бы слабаками рядом с любым из этих монстров. Крошечные красные глазки злобно уставились из-под излишне крупных надбровных дуг, но, в отличие от голографических реконструкций, которые мне доводилось видеть, они светились злонамеренностью и чем-то, что, не будучи в прямом смысле слова интеллектом, было в то же время инстинктивной находчивостью, которая весьма во многих случаях вполне заменяла оный. За век с лишним, что прошел с момента той первой ошеломительной встречи, я имел возможность гораздо

больше узнать об этих существах, и одним из наблюдений относительно них — которое, как я убедился, подтверждалось на практике снова и снова — было, что списывать их со счетов как примитивных, лишенных рассудка скотов — скорейший путь на кладбище (или, что гораздо более вероятно, к самим оркам в желудок). Несмотря на свою массивность, передвигались они споро, с особенной грацией, которая совершенно не вязалась с их внешним видом, когда каждое движение было, насколько только возможно, экономным и точным.

Это наблюдение более всего остального оказалось способным вдохнуть страх в мое сердце. Какой бы огромной ни была чистая сила их массивных мышц, она оставалась под контролем и четко направлялась владельцами, несомненно, на одну-единственную цель — мою скорую кончину.

— Комиссар!

В проеме люка появился Юрген, баюкая в руках лазган из оружейного ящика капсулы; и — благослови Император моего

помощника на целую вечность — через разнообразный набор подсумков и разгрузочных ремней, которыми, по обыкновению, он был украшен, оказался продет цепной меч, оставленный каких-то несколько часов назад, завершив последнюю тренировку. Я с благодарностью принял у него эту ношу, одновременно вынимая лазерный пистолет из кобуры на поясе, и ощущение оружия, вновь оказавшегося в руках, мгновенно позволило мне почувствовать себя намного уютнее. Мой помощник повернулся, чтобы взглянуть на атакующих, и его лицо приняло выражение, напоминающее ухмылку довольного жизнью человека. Только позже до меня дошло, что, только-только расправившись с орком, свалившимся в нашу капсулу, он должен был быть в столь же приподнятом состоянии духа, как и любой вальхаллец в подобной ситуации.

— Мерзкие фраггеры, не правда ли, сэр?

— Безусловно, мерзкие, — дипломатично ответствовал я, как и всегда, прекрасно осознавая, что пытаться

указать ему на самоиронию, содержавшуюся в этих его словах, было бы бесполезно.

К тому же нападающие на нас орки уже достигли той дистанции, с которой могли открыть огонь из грубых болт-пистолетов, находившихся в их распоряжении, к счастью оказавшись не более меткими стрелками, чем большинство представителей их вида, так что реактивные заряды разрывались каждый раз в паре метров от того места, где стояли мы. Но, даже учитывая это, сами по себе звуки стрельбы, казалось, еще больше возбудили их, так что бег тварей ускорился и они принялись карабкаться через барханы в таком темпе, что на секунду я было испугался, что они достигнут нас раньше, чем мы сумеем отреагировать. Солнце блестело на несомых ими в свободных руках орудиях ближнего боя — это были широкие тупорылые топоры на коротких рукоятках, выглядевшие так нелепо, что скорее пригодились бы на кухне, чем на поле боя.

— По готовности.

Я первым начал стрелять, и Юрген с радостью присоединился. С облегчением я увидел, как наши лазерные заряды врезаются в грудные клетки этих монструозных нападающих, прожигая дыры в их темно-коричневых одеждах (кстати, весьма затруднявших нам огонь, сливаясь с цветом пустынного песка, так что контуры врагов размывались и казалось, будто гнойно-зеленые их конечности и лица перемещаются сами по себе, без тел) так же легко, как и плоть под ними. К моему ужасу, впрочем, те раны, которые заставили бы упасть человека, лишь немного их замедлили, а затем подвигли еще быстрее броситься вперед. Если мы чего и добились, как мне показалось, так это сумели их разозлить.

— Ваааагх! — раздался боевой клич, спровоцированный болью и яростью, и тот, кто слышал его, не забудет никогда.

Мне раньше не доводилось сталкиваться с ним иначе чем через громкоговорители гололита, и хотя, как мне позднее суждено было выяснить, этот

конкретный совершенно ни в какое сравнение не шел с подобным, но, порожденный сотнями, если не тысячами орочьих глоток, нас он привел в замешательство ничуть не меньше, уж позвольте мне свидетельствовать. Внезапно я услышал, как тот же звук эхом повторяется со спины, как раз вовремя, чтобы успеть повернуться и встретить лицом к лицу вторую пару врагов, незаметно подошедших к нам с фланга, пока наше внимание сосредотачивалось на их соратниках.

— К фрагу!

Я парировал прямой верхний удар одного из огромных пугающих топоров тоим слабо гудящим цепным мечом, одновременно выпуская четыре или пять лазерных зарядов из пистолета прямо в открытый живот твари. К моему облегчению, та отшатнулась, на секунду преградив путь отчаянному рывку своего приятеля, который отреагировал именно так, как поступил бы любой из их рода, что мне довелось узнать довольно скоро: без всякого раздумья рубанул лезвием

своего орудия по черепу собрата, выпустив фонтан дурнопахнущего ихора, и плечом оттолкнул падающее тело в сторону, весь поглощенный стремлением добраться до меня. Спертый запах, хуже любого другого, какой я только когда-либо обонял (и это говорит о многом, учитывая, что я только что провел три недели запертым вместе с Юргеном в крохотной спасательной капсуле), обдал мои рецепторы, когда второй орк изумительно широко распахнул челюсти, чтобы снова проорать сотрясающий кости боевой клич. На мгновение мое поле зрения оказалось заполнено острыми зубами, клыками и глоткой, которая выглядела так, будто я мог войти туда целиком.[32]

Едва ли совершенно не задумываясь над своими действиями, я поднял пистолет в левой руке и снова выстрелил короткой быстрой очередью прямо в эту огромную смердящую пасть. Затылок твари буквально взорвался, прихватив с собой те немногие мозги, которые у нее могли быть. Создание пошатнулось,

уставившись на меня с выражением скучающего недоумения на морде, после чего рухнуло с корпуса капсулы и ударилось о превратившийся в стекло песок с таким звуком, словно разбилась самая большая тарелка в галактике.

Я крутанулся на месте, снова поворачиваясь к первой группе атакующих, и заметил, что Юрген перевел лазган в режим стрельбы непрерывной очередью и поливает тварей с тем же мстительным энтузиазмом, который все вальхалльцы обычно проявляли к убиению своих заклятых врагов. Попав в настоящую метель лазерных зарядов, двое зеленокожих наконец-то зашатались, рухнули на песок и покатились с вершины бархана, чтобы истечь кровью у его подножия, слабо подергиваясь, — как я ожидал, за секунду-две, не более. К моему изумлению, впрочем, они тут же поползли в нашем направлении с жаждой кровопролития, по-прежнему горящей в глазах, пока пара более точно положенных выстрелов моего невозмутимого помощника не расколола им головы, словно

перезревшие арбузы.

— Хорошо сработано, Юрген... — начал было я, но мой помощник вдруг крутанулся на месте и направил свое оружие в мою сторону.

— Берегитесь, комиссар! — выкрикнул он, все еще стараясь навести лазган, а я, предупрежденный его криком, как раз вовремя сумел поднять меч.

С ревом, который заставил звенеть мои и так уже много претерпевшие барабанные перепонки, орк, походя отброшенный с пути собственным товарищем, снова несся на меня, замахиваясь своим мясницким топором. Невероятно, но рана в голове, которая, несомненно, стала бы смертельной для любого человека, его лишь ненадолго отключила, а дыры в животе от моих лазерных зарядов едва замедлили его движения. Не обращая внимания на атавистический голос из глубин подсознания, который невнятно нашептывал в панике про очевидную неуязвимость существа, я инстинктивно двинулся вперед, чтобы встретить его

бешеную атаку. Этот орк не был бессмертным, и целых четыре свидетельства тому уже лежали вокруг — мне просто требовалось найти у него уязвимое место. Но пока что рубящий удар моим верным цепным мечом через всю грудь должен был его несколько притормозить... Я взмахнул оружием, подныривая под массивное предплечье, и был вознагражден еще одной порцией яростного рева, едва лезвие соприкоснулось с его плотью.

Заученным движением уходя прочь от противника, я мог наблюдать, как ихор льется из его черепа; я же стремился увеличить дистанцию, чтобы позволить Юргену сделать надежный выстрел по твари, но та была адски проворна и сблизилась со мной быстрее, чем я смог отойти на достаточное расстояние. Зрение его, видимо, все-таки было затуманено, потому как он моргнул, и я воспользовался этой его мгновенной заминкой для того, чтобы снова пробить его оборону, на этот раз целясь в ногу. Гудящее лезвие цепного меча врезалось

глубоко, на секунду заскрежетав по кости, и зеленокожий пошатнулся, снова выкрикивая свой рычащий вызов мне. В первый раз за все это время, впрочем, он показался несколько менее уверенным в себе, а его движения потеряли точность, так что я увернулся от следующего отчаянного взмаха его топора едва ли не с пренебрежительной простотой. Удар был совершенно исступленным, и я легко ответил на него тем, что отсек руку существа как раз над локтем, чем вызвал поток дурнопахнущей жидкости, которая окатила окружающий песок и металл корпуса, миновав меня на какие-то миллиметры.

Этого хватило бы, чтобы усмирить любого противника, но я опять недооценил способность орков совмещать в себе ярость берсеркера и полное отсутствие инстинкта самосохранения. Вместо того чтобы просто рухнуть, он снова вскочил на ноги, рыча едва ли не громче, чем раньше, но слегка пошатываясь, явно оберегая раненую ногу.

Однако с меня было уже достаточно: я

сделал рывок в сторону, нанося удар в спину существа, перерубая позвоночник. Наконец он упал и покатился вниз, присоединяясь к своим товарищам, еще подергиваясь, прежде чем наконец застыть неподвижно.

— Красивая работа, сэр, — произнес Юрген, опуская оружие.

Я огляделся, тяжело дыша, не решаясь поверить, что все уже закончилось:

— Это был последний?

Мой помощник кивнул.

— Должно быть, — произнес он с уверенностью, которой я весьма позавидовал; впрочем, его народ имел за плечами поколения сражений с этими существами, так что, я полагаю, у него были все основания ощущать нечто подобное. — Если бы поблизости были еще, то они бы уже набросились на нас.

— Да уж, утешил, — откликнулся я с гораздо меньшим сарказмом в голосе, чем намеревался, а затем мне пришла в голову очевидная мысль. — Но хотелось бы знать, как они нашли нас так быстро.

Как оказалось, ответ на этот вопрос

лежал совсем близко, что мы и обнаружили после сравнительно недолгого поиска. Впрочем, даже такая простая задача оказалась весьма трудоемкой, поскольку оба мы все еще страдали от последствий излишне поспешного спуска, а пустынная жара была бы немалой нагрузкой для наших сил, даже если бы мы находились на пике физической формы. Не в первый раз я проклял того, кто придумал, что черный якобы идеально подходит для обмундирования комиссара, и мне даже пришлось оставить шинель (которая обычно была чрезвычайно кстати, потому как находился я большую часть своей службы в окружении обитателей ледяного мира, склонных приводить температуру выделенных им помещений к той, при которой нормальные люди хранят скоропортящиеся продукты). Юрген, вне сомнения, находил высокую температуру окружающей среды еще более тягостной, но, как и все прочее, принимал это с обычным своим стоицизмом.

Я же настоял на том, чтобы перед началом нашей разведывательной

экспедиции мы отдохнули и перехватили еды и питья, и был впоследствии весьма благодарен себе за это, несмотря на то что приходилось терпеть присутствие в капсуле незваного гостя. Температура внутри значительно увеличилась,[33] и вы можете представить себе, что запах запекающегося орка абсолютно не способствовал улучшению аппетита.

Через некоторое время, приложив немалые усилия, мы сумели перевалить труп наружу, где он воссоединился со своими товарищами в импровизированной братской могиле.

— Мы должны будем их сжечь, — заявил Юрген, что, как я сумел понять, было своеобразным суеверием среди вальхалльцев, потому как, учитывая, что зеленокожие были, вне сомнения, мертвы,[34] не видел толку в подобном ритуале.

Впрочем, вопрос оказался праздным, поскольку в бортовом арсенале нашего маленького суденышка огнеметов не нашлось, и мы оставили его до лучших

времен, занявшись подготовкой разведки, которую собирались провести в том направлении, откуда явились нападавшие.

К счастью, идти по оставленным ими следам было легко, и после некоторого времени, прошедшего в барахтанье вверх-вниз по осыпающемуся песку бесконечных барханов, мы достигли узких каменистых ущелий, которые талларнцы называют «вади». Там оставленные врагами цепочки следов окончательно сошли на нет, хотя время от времени на тонком слое летучей пыли, покрывавшей землю, и встречался след сапога, руководствуясь которым мы вполне могли двигаться вперед. По правде говоря, теперь, когда мы вырвались из оков песка, где проваливались по щиколотку при каждом шаге, я почувствовал себя едва ли не воодушевленно, несмотря на удушающую жару.

К этому времени мы оба уже вовсю отдавали тепло через пот, и я на мгновение замешкался, чтобы отхлебнуть воды из фляги, которую перебросил через плечо еще до выхода. И как раз в этот момент мне в глаза бросилась яркая

вспышка отраженного света из следующего поворота теснины, так что я жестом призвал Юргена к тишине. Впереди, вне всякого сомнения, находилось что-то металлическое, хотя я пока что не представлял, что бы это могло быть.

С оружием на изготовку мы осторожно двинулись вперед, причем рот мой пересох еще сильнее, чем до того, как я остановился глотнуть воды, а ладони снова зудели, хотя на этот раз скорее просто от нервного напряжения, чем от какого-то подсознательного сигнала. Несколько раз во время этого мучительно медленного продвижения мои глаза засекали то же предупреждающее мерцание, хотя о том, что оно могло предвещать, я все еще даже не догадывался.

Наконец мы достигли поворота ущелья и, распластавшись по каменным стенам, осторожно заглянули вперед. Дыхание против воли вырвалось из моего горла шипением через плотно сжатые зубы.

— Машины, — произнес я, хотя, говоря

по правде, это был для них ничем не заслуженный комплимент.

Если бы с нами оказался техножрец, не знаю, разразился бы он прямо на месте взрывом хохота или попытался провести над этими извращениями машинного духа экзорцизм. Вероятно, и то и другое; как ни полезны они бывали временами, но большинство шестереночек,[35] которых мне довелось встречать за мою длинную и постыдную карьеру, были, мягко говоря, без Императора в голове.

Юрген кивнул.

— Орочьи, — произнес он со всей уверенностью своего культурного наследия, хотя это мог с точностью сказать и я.

Всего в более широком каньоне, куда наша расщелина выходила подобно притоку, вливающемуся в реку,[36] было оставлено три машины, и я никогда не встречал такой коллекции развалюх.

Две из них были любопытнейшими гибридами трактора с мотоциклом, с широкими гусеницами в той части, где должны были находиться задние колеса;

одна, очевидно, предназначалась для сольной езды, в то время как вторая несла два расположенных бок о бок сиденья, разделенные плоской платформой с закрепленным на ней огромным тяжелым орудием весьма пугающего вида — явно предназначенным для того, чтобы стрельбу из него вел пассажир, а не водитель. Именно эта машина была ответственна за те вспышки света, что бросились мне в глаза. Грубое прицельное устройство, приделанное к орудию, наполовину отвалилось и теперь слабо колебалось под порывами ветра, время от времени отражая поток яростного солнечного света в горловину узкого каньона, по которому мы пришли.

Третья машина выглядела немного более привычно, потому как смонтирована была все-таки на четырех обычных, хоть и мощных, колесах. Как и остальные, она обладала закрепленным на кронштейне орудием, которое я опознал как тяжелый болтер имперского типа, вне сомнения захваченный и установленный сюда тем низкопробным эквивалентом техножрецов,

которым располагали эти гротескные создания. Оглядев прилегающую местность с помощью ампливизора, найденного в хорошо подобранном содержимом личных ящичков нашей спасательной капсулы, и не обнаружив никаких следов жизни, я подал сигнал, что начинаю спускаться в каньон.

Вблизи то собрание самодвижущегося лома, которое нам повезло обнаружить, выглядело еще менее располагающим. Четырехколесное чудище, которое Юрген уверенно поименовал «багги», было, безусловно, весьма капитально бронировано толстыми листами металла, грубо приклепанными к корпусу, но при этом обслуживалось явно из рук вон плохо, если вообще обслуживалось. Пятна ржавчины и яркие серебристые зарубки были в равной мере разбросаны по его поверхности — последние, вне сомнения, являлись последствиями недавних боев, ибо еще не успели окислиться, — и по причине, которую я не мог понять уж совершенно, вдоль обоих бортов была неровно намалевана краской толстая красная

полоса.[37]

— Эта, должно быть, принадлежала их вожаку, — высказал свое мнение Юрген, забираясь на борт четырехколесной штуковины и осторожно осматриваясь.

Спустя секунду я присоединился к нему, не переставая обшаривать взглядом окрестности, готовый заметить малейшее предательское движение в нагромождениях камней, окружавших нас, и по привычке проверил болтер. Кажется, он полностью функционировал, был заряжен, и даже несколько коробок с зарядами внавалку лежали вокруг основания кронштейна.

— С чего ты взял? — спросил я, безоговорочно признавая его более глубокое знание тех существ, с которыми нам пришлось столкнуться.

Мы служили вместе достаточно долго, чтобы я доверял ему больше, чем кому-либо еще в полку, а он, в свою очередь, знал меня достаточно хорошо для того, чтобы не принимать желание выслушать его совет за слабость как командира. (В

действительности это одна из именно тех вещей, которые я изо всех сил стараюсь внушить юным птенцам, что попадают теперь ко мне на воспитание; если вы спросите меня, то момент смущения незнанием всегда лучше, чем целая жизнь этого самого незнания; а на поле боя — там, где то, чего ты не знаешь, определенно отольется тебе болью, — эта самая жизнь в результате незнания может стать весьма короткой. Кроме того, нет ничего более расчетливого, чем показать гвардейским офицерам, с которыми привелось служить, что уважаешь их мнение — или, по крайней мере, сделать вид, что уважаешь, — дабы заставить их немного расслабиться и установить с тобою хотя бы терпимые рабочие отношения.)

Юрген на мой вопрос пожал плечами.

— У нее самая большая пушка, — резонно заметил он.

Ну, по мне, это было вполне себе толковое объяснение, поскольку и сам я с трудом оторвался от драгоценного болтера, чтобы подробно осмотреть

содержимое ящичков машины. Кроме нескольких грубых инструментов, очевидно использовавшихся для того, чтобы производить ремонт повреждений, которые нельзя было полностью игнорировать, в бардачках ничего особенного не нашлось — только в одном хранилась человеческая рука, ссохшаяся от пустынного жара, немало пожеванная и смердящая так, что, казалось, доставало до самого Золотого Трона.

— Чей-то завтрак? — предположил я, выкидывая эту гнусь за борт машины и стараясь подавить поднимающуюся в желудке революцию.

Юрген мрачно кивнул:

— Они что угодно съедят, даже друг друга.

— Очень мило, — проговорил я, содрогаясь от отвращения. После этого случая я стал открывать оставшиеся ящики несколько более осмотрительно, как вы и можете ожидать, но новых неприятных сюрпризов не обнаружилось. — Я так понимаю, что остальная провизия должна быть где-то на другой машине?

Возможно, к счастью, но вокруг не было ничего, что орки могли бы воспринимать как пищу.

— Должно быть, как раз отряд фуражиров, — заключил Юрген, и я согласно кивнул.

— Вопрос в том, — произнес я, — куда они направлялись за провизией и откуда вообще прибыли.

От внезапного порыва холодного ветра меня пробрала дрожь. У нас ушло больше времени, чем я ожидал, чтобы обследовать нашу находку, так что солнце уже начало склоняться к горизонту. Наше предшествующее краткое пребывание на Дезолатии все же достаточно хорошо познакомило меня с пустынными условиями, чтобы я осознавал: температура вскоре упадет до того уровня, который покажется весьма привлекательным Юргену, но никак не мне.

— Нам лучше бы возвращаться к капсуле.

Там можно было, по крайней мере, укрыться на ночь и постараться

выработать план дальнейших действий. Мы не могли до скончания веков оставаться здесь, в пустыне; но у меня не было и никакого желания случайным образом удаляться в глубину диких пустынных пространств, надеясь с помощью слепой удачи и Императора найти линию обороны собственных войск раньше, чем на нас наткнется еще один орочий патруль. Конечно же, в то время я не имел ни малейшего представления о том, насколько далеко мы оказались от основной массы имперских войск на Перлии, а если бы знал, то, скорее всего, уже бился бы в приступе паники.

Мой помощник кивнул.

— Может быть, вот это пригодится? — спросил он, вытаскивая изодранный кусок пергамента, который обнаружился в одном из бардачков багги.

Я принял обрывок, ощутив, насколько он неприятно жирный на ощупь, и вгляделся в паутину грубо начерченных линий и странных орочьих значков, которые усеивали его поверхность, казалось, в совершенно случайном порядке.

— Похоже, карта.

Глава седьмая

Мы возвратились к нашему полуразбитому убежищу в состоянии духа и так гораздо более высоком, чем я мог бы ожидать, а Юрген еще вдобавок развлекся тем, что притащил с собой канистру с топливом, позаимствованную с одной из меньших орочьих машин. Мне это поначалу показалось впустую потраченными усилиями, но, впрочем, если сожжение тел наших недавних противников сделало бы его счастливее, то я мог только пожелать ему хорошего огонька. Что же касается меня, то я захватил с собой лишь тот самый обрывок пергамента, засунув его для надежности под рубашку — стараясь не замечать мурашек, которые поползли по коже от столь близкого соприкосновения с покрывавшим его салом, — и теперь со сравнительно легким сердцем наблюдал за тем, как мой помощник запаливает костерок. Юрген же, несомненно, выглядел в должной мере воодушевленным, наблюдая,

как огонь охватывает свою пищу, нежно мерцая на фоне глубокого пурпура расцветающего звездами неба, так что и я позволил себе немного поразвлечься, пытаясь угадать, какие из точек света над нами — корабли на орбите, пока ветер внезапно не поменялся и вонь горящего мяса совместно со все усиливающимся холодком не загнали меня наконец обратно в спасательный модуль.

Там, конечно же, практически ничего не было видно, потому что система освещения отрубилась, как и все остальные, но — в очередной раз — на помощь пришел умело подобранный кем-то комплект для выживания. Я принялся ломать голову над грубо сработанной орочьей картой при свете ручного люминатора, установленного на одной из коек.

Сами койки, разумеется, оказались слишком наклонены для комфортного сна, но я был достаточно измотан, чтобы чувствовать себя совершенно уютно в гнездышке, устроенном из скатанных спальных мешков, затиснутых в угол

между стеной рубки и иолом, и, когда пришло время спать, отрубился сразу же, едва выключил свет. Юрген, к моему несказанному облегчению, вызвался вместе со своей скаткой ночевать снаружи, где мог в полной мере насладиться морозным воздухом, и его всепроникающий запах, как и всегда, усиленный дневной жарой, милосердно удалился вместе с ним.

Как и большинство вальхалльцев, Юрген обладал передающимся по наследству знанием орочьего письма[38] и был так любезен, что познакомил меня с самыми основами или, по меньшей мере, с их эквивалентом на готике, так что спустя некоторое время я уже мог разобрать значение некоторых записей.

— Если я правильно прочел вот это, — осторожно произнес я, когда мы, расположившись на корпусе нашей капсулы, наслаждались неторопливым завтраком, состоящим из восстановленных зеленых соевых ростков, — они стояли лагерем вон в том оазисе.

Я указал в направлении протяженного

шрама в земле, оставленного капсулой, еще вчера подпрыгивавшей и скользившей там при посадке. Юрген кивнул, наклоняясь, чтобы лучше вглядеться в карту, которую я держал, и не оставляя тем самым у меня никаких сомнений в том, что поднимающееся солнце уже начало свою безукоризненно выполняемую работу по извлечению всего самого лучшего из и так весьма характерного букета его телесных запахов.

— Это символ, обозначающий лагерь, да, — согласился он, — и правда, кажется, на том самом месте.

Карта не содержала в себе ничего уточняющего, вроде масштабной сетки, но значок, на который он указывал, располагался примерно в центре, и после некоторого раздумья мне удалось сопоставить в уме выделяющуюся волнистую линию на краю пергамента с некоторым участком побережья восточного континента.[39] Я пожал плечами. В том месте, где мы в первый раз соприкоснулись с поверхностью, сила

удара составила пару килотонн фуцелина, так что идти проверять, выжил ли кто-нибудь из зеленокожих, даже не стоило. Что важнее, там не осталось и ничего, что могло бы помочь нам с Юргеном продержаться.

— Ну хорошо, мы знаем, откуда они пришли, — заключил я. Затем указал точку на небольшом расстоянии от сровненного с землей оазиса. — А мы сейчас находимся где-то здесь. — Дальше в том направлении располагалась только одна грубая руна, и именно по ней я постучал указательным пальцем. — Так что они, должно быть, направлялись сюда, что бы ни значила эта клякса.

— Похоже на символ сражения, — вызвался просветить меня Юрген. — Либо большое количество врагов.

Он пожал плечами и снова наполнил мою кружку рекафом из чайника, который до того мирно посвистывал на переносной жаровенке, извлеченной Юргеном все из того же спасательного набора еще до моего пробуждения. Я, если быть честным,

предпочел бы чайник танны,[40] но пайки на борту капсулы комплектовались не с расчетом на конкретно вальхалльцев, поэтому эта приятная мелочь откладывалась до того момента, когда мы воссоединимся с нашим полком. Если, конечно, они сумели без особых потерь пережить атаку на наш транспортный корабль.

— Значит, туда и направимся, — решительно заявил я.

Если вы прочитали уже достаточный объем моих каракулей, то мое кажущееся желание выдвинуться в сторону того, что выглядело зоной военных действий, может показаться вам по меньшей мере не слишком обычным для меня, но, по моим расчетам, все, что могло показаться оркам скопищем врагов, было весьма привлекательным местом для нас. При некотором везении мы могли выйти на связь с нашими силами или, по крайней мере, обнаружить кого-то из троллей СПО, за спинами которых можно отсидеться до соединения со своим полком.

По этим размышлениям вы можете разумно заключить, в каком благословенном неведении я оставался касательно того, насколько же плохим было положение, в котором мы оказались.

— Это будет немалая пробежка, — заметил Юрген. — Нам нужно запихать как можно больше в рюкзаки. Сколько сможем.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как кивнуть.

— Особенно воду, — уточнил я.

В подобных условиях ее нам должно было понадобиться не меньше, чем мы сможем унести. На пути вниз с орбиты у меня не было времени особенно наслаждаться видом пейзажа, но я видел достаточно, чтобы понимать, насколько редко и нерегулярно расположены здесь островки цивилизации. Было весьма вероятно, что пройдет не менее недели, прежде чем мы доберемся хоть куда-нибудь, и это еще при должном везении. Ирония состояла в том, что спасательная капсула содержала все необходимое, чтобы поддерживать наше существование при

необходимости в течение пары месяцев, но все равно рано или поздно мы погибли бы от голода или жажды. Лучше было отправляться сейчас, пока мы были еще достаточно сильны, чтобы преодолеть столь тяжелый путь. Кроме того, тот факт, что мы, несомненно, полностью уничтожили орочий лагерь, рухнув на него с орбиты, абсолютно не гарантировал, что не появятся новые непрошеные визитеры. Если вперед того патруля, который атаковал нас, был выслан другой, они могли легко наткнуться на брошенные машины своих соратников по пути назад и решить выяснить...

— Юрген, я идиот, — сообщил я своему помощнику. Тот глянул недоуменно, приоткрыв в смущении рот как раз достаточно, чтобы я мог достаточно хорошо разглядеть его полупережеванный завтрак. — Возможно, нам вообще не придется бросать провизию. Как думаешь, сможешь ты завести этот самый багги?

После некоторого числа осторожных попыток мы убедились, что мой помощник

вполне способен водить орочью машину, и едва ли не с той же уверенной стремительностью, как «Саламандру», которую я обычно реквизировал для своих нужд; а с ней он управлялся в манере, которую большинство имевших несчастье оказаться поблизости описывали не иначе как опасную для жизни. Орочьи машины, несомненно, были очень грубо сработаны, но это также значило, что, соответственно, и управлялись довольно просто, и даже мой помощник был способен без особого труда в них разобраться. По правде говоря, там ничего и не было, кроме руля и педалей газа и тормоза. Вскоре после того, как мы начали повторный осмотр машины, Юргену удалось завести движок, и, потратив несколько минут на то, чтобы приловчиться к маленькой, но тяжелой машине, он вдавил педаль газа на полную, исчезнув из виду за гребнем ближайшего бархана в облаке пыли и ругательств.

Мне оставалось только следить за его передвижениями по звуку мотора, но через несколько мгновений он с широченной ухмылкой во все лицо снова показался над

барханами и лихо тормознул возле меня, подняв небольшую, но полноценную песчаную бурю.

— Сойдет, — заключил он, что было, вероятно, максимальной степенью одобрения касательно чего-либо орочьего, так что мне оставалось только кивнуть.

С чем бы нам ни пришлось еще столкнуться, по крайней мере идти на встречу с этим пешком все-таки не придется. Я указал на два оставшихся транспортных средства.

— Лучше бы нам слить топливо и с этих, — произнес я, принимаясь отвязывать с ближайшего запасной бак. — Один Император знает, где мы сумеем найти еще.

Юрген кивнул:

— Перестраховаться лучше.

Больше ничего такого, что имело бы смысл забирать с собой, ни на одной из машин не нашлось, и, едва только все канистры с топливом были соответствующим образом увязаны, я вспрыгнул на борт и приказал Юргену направляться обратно к нашей

спасательной капсуле.

— Только вот еще что... — произнес я, едва машина под его управлением дернулась, снова набирая ход, и развернул тяжелый болтер, на который опирался для равновесия. На секунду я задумался, а будет ли он работать в моих руках и не испорчен ли его машинный дух насильственным служением нашим врагам, но, очевидно, он оставался верен Императору, потому как открыл огонь с той же готовностью, будто был все еще установлен на «Химере», с которой, очевидно, и был орками вырван. Град зарядов разорвал орочьи мотоциклетки на куски, что было абсолютно неудивительно на таком расстоянии, и одновременно подпалил боезапас в их собственных орудиях, как и остатки топливных паров, все еще остававшихся в баках, вызвав весьма удовлетворительный рев пламени. — Мы же не хотим, чтобы зеленокожие снова их прибрали к рукам, не так ли?

(И если вы недоумеваете, то скажу, что было бы совершенно непродуктивно пытаться прибрать их к рукам самим

будучи принципиально спроектированными с учетом орочьей физиологии, они поставили бы попытку прокатиться на них где-то между «крайне неуютно» и «просто невозможно».)

— Так точно, сэр, не хотим, — подтвердил мой помощник, давая полный газ.

Наше путешествие обратно к капсуле было милосердно коротким, но от этого не менее неприятным. Зеленокожие, построившие это развалюшное средство передвижения, либо вообще не имели представления о такой вещи, как мягкая подвеска, либо считали ее уделом слабаков.

К тому времени, как мы достигли нашего недалекого пункта назначения, я уже начал испытывать серьезные сомнения в мудрости подобного решения нашей проблемы, но на самом деле у нас не было особого выбора. Попытка выбраться из пустыни пешком заняла бы у нас гораздо больше времени, если бы даже вообще завершилась успехом, и, каким бы неуютным ни представлялся этот багги,

он был, по крайней мере, приспособлен к подобной местности. Я предполагал, что барханы, окружающие место нашей вынужденной посадки, станут для него серьезным препятствием, но Юрген провел машину по предательским осыпям так же легко, как помойная крыса пробегает по водосточной трубе, и подкатил к самой капсуле, излучая всем своим видом триумф, на который, я должен признать, он целиком и полностью имел право.

Следующей нашей задачей было загрузить на борт машины столько припасов, сколько позволил бы здравый смысл. Конечно же, еда и питье оставались нашей первой необходимостью, после чего шли принадлежности для лагеря и различные инструменты. По большей части я оставил выбор Юргену, потому как его знания в этой области значительно превосходили мои, а сам отправился осматривать оружейный шкафчик. Кроме того лазгана, который мой помощник уже использовал против орков и который с тех пор постоянно оставался переброшенным на ремне через

его плечо, в оружейной капсуле оставалось еще одиннадцать таких же лазерных винтовок стандартного образца и к ним в придачу пять ящиков запасных батарей.[41]

Не желая оставлять хоть что-нибудь, что мог бы использовать враг, я присовокупил все это к той куче снаряжения, которую мы собирались взять с собой, и это импульсивное решение, хотя и казалось в то время пустой тратой ограниченного места в багги, оказалось более чем оправданным. Я надеялся, что удастся добавить и что-нибудь потяжелее, но разработчики капсулы определенно решили, что если ее обитателям вдруг окажутся необходимы орудия тяжелой поддержки, то они либо сумеют добыть их самостоятельно, либо их ситуация будет такой, что им даже с подобным вооружением ничего светить не будет, так что отвели ограниченное место на борту инструментам для выживания и дополнительному запасу провизии.

Последнее, что я обнаружил в оружейной, был ящичек, полный

микрокоммуникаторов, несомненно предназначенных для того, чтобы позволить выжившим исследовать район посадки, при этом не теряя связи друг с другом. Я с удовлетворением сунул один в ухо и быстро пробежался по всем доступным частотам. Моих комиссарских кодов было достаточно для того, чтобы дать мне полный доступ ко всем имперским передачам, какие только могли вестись поблизости, но, к полному отсутствию удивления с моей стороны, все, что мне удалось поймать, — это разряды статики.[42]

И все равно привычное ощущение этой игрушки в ухе было смутно ободряющим, так что я захватил и один для Юргена вместе с пригоршней запасных. Мы вряд ли могли наткнуться поблизости на техножреца, и последнее, что я хотел бы, так это потерять возможность оставаться на связи со своим помощником в какой-нибудь критический момент.

К тому времени, как мы закончили загружать багги, оставив ровно столько

места, чтобы нам двоим втиснуться на борт, утро уже было в самом разгаре, и я решил, что нужно еще раз перекусить, перед тем как отправляться. Несмотря на все наши старания, в капсуле еще осталось приличное количество припасов, или, по меньшей мере, обычных пищевых плиток, и казалось просто постыдным оставлять за спиной больше, чем мы были абсолютно вынуждены бросить. (Хотя, насколько я могу понять, они и по сей день все так же лежат там, похороненные под наносами песка, столь же близкие к состоянию съедобности, как и совершенно свежие экземпляры. Как гласит старая гвардейская шуточка, хранятся эти штуковины так долго только потому, что никто, имея хоть малейшую альтернативу, жрать их не будет.)

Несмотря на обычное для них и, как правило, тотальное отсутствие какого-либо определенного вкуса, каждый из нас умял по паре таких плиток, и еще несколько мы рассовали по карманам просто затем, чтобы быть абсолютно уверенными в пропитании (моя шинель,

конечно же, была уже погружена в багги, потому как испепеляющая температура пустыни сделала бы любую попытку носить ее смехотворной, но у меня нашлось немного места в карманах штанов, а Юрген, как и всегда, был украшен коллекцией разнообразных подсумков и подстежных карманов, болтавшихся на его бронежилете, подобно лесной подросли, затянувшей старую могилу).

— Ну хорошо, — наконец произнес я с удивительным нежеланием покидать наше скромное убежище. — Полагаю, нам пора выдвигаться.

Вскарабкавшись на борт багги и по возможности комфортно устроившись между тяжелым болтером и какими-то ящиками с чем-то необходимым для нашего выживания, я дождался, пока Юрген не заведет мотор, выплюнувший целый хвост дурнопахнущего выхлопа прямо в прозрачнейший воздух пустыни.

— Пора бы уже поглядеть, что нас ждет впереди.

Конечно, знай мы это наперед, я бы, вероятно, вырыл себе самую глубокую яму в

песке, какую бы смог, и обрушил за собой вход, но на тот момент мне все еще удавалось пребывать в уверенности, что мы достаточно близки к порядкам нашей армии и вскоре обретем защиту в ее рядах. Так что я изготовился к дороге, и Юрген дал газу, тронув нашу колымагу с места в реве и качке, которые, казалось, сразу же расшатали все зубы в моих челюстях, — и это было только начало той бесконечной тряски, с которой мы направились навстречу нашей судьбе.

Глава восьмая

Несмотря на мои вполне естественные дурные предчувствия, рожденные тем, что нашим передвижением мы могли бы привлечь внимание любых врагов, находящихся в ближайшей округе (не говоря уже о наших собственных силах — если бы Гвардия или СПО заметили нас раньше, чем мы их, то, учитывая наше средство передвижения, я даже не смог бы осудить их, коли они открыли бы огонь прежде, чем нам выпала бы возможность представиться как друзьям), остаток дня прошел без происшествий. Мои страхи, впрочем, не были лишены основания, потому как любой затаившийся неприятель получил бы более чем достаточное предупреждение о нашем приближении: рев двигателя, эхом отдававшийся от окружающих нас барханов, был достаточно громок, чтобы заглушить практически любой иной звук в моих многострадальных ушах, так что я успел благословить

предусмотрительность, которая внушила мне еще до выезда передать Юргену микрокоммуникатор. Без него любые переговоры между нами были бы теперь невозможны. Впрочем, и с ними разговаривать было не так уж легко. Двигались мы сериями дробящих позвоночник толчков и ударов, каждого из которых было достаточно, чтобы выбить дыхание из моих легких, так что, какими бы фразами мы ни обменивались, они обычно были разорваны паузами, отведенными перестуку зубов, и повторялись эти паузы едва ли не через каждое слово. Некоторое время спустя я обнаружил, что ощущение дискомфорта немного ослабевает, если стоять за болтером или, говоря точнее, отчаянно цепляться за эту штуковину, позволяя коленям сгибаться в такт прыжкам нашей норовистой машинки, — одновременно все это позволяло мне лучше обозревать окрестности. Использовать ампливизор в таких условиях было невозможно, так что мне приходилось довольствоваться тем, что я мог разглядеть невооруженным

взглядом, а надо признать, это было не так уж и много.

В то же время не хочу сказать, что расстилающийся перед нами ландшафт был неизменно монотонным. Редкие выступы красновато-коричневого камня там и сям пробивались сквозь мелкий песок, подобно рифам в океане, вместе с которыми встречались некрупные пятна низкорослого кустарника, прочно укрепившегося в расщелинах. Также поверхность этих скальных выходов покрывали лишайники, демонстрировавшие ошеломительное богатство расцветок, хотя, вероятнее всего, наш глаз просто отмечал их благодаря тому контрасту, который эти наросты составляли со всем, что их окружало. Никаких следов животной жизни я не видел, хотя при этом не сомневался, что она здесь существует. Если я что и вынес из своих путешествий по галактике, так это тот факт, что жизнь изумительно цепка и упряма до такой степени, что умеет найти способ существовать даже в самых минимальных

условиях. Когда через некоторое время езды сквозь эти ландшафты тени от предметов стали значительно удлиняться и небо окрасилось фиолетовым, я решил объявить остановку. Юрген со всем рвением согласился — что было не особенно удивительным, учитывая, что именно ему приходилось сражаться с неуклюжими органами управления машиной всю вторую половину дня, — и зарулил, останавливаясь, к подветренной стороне одного из выходов камня. Я с удовольствием соскочил на землю, едва не упав, когда песок подался под сапогами, и постарался потянуться так, чтобы вернуть хоть какую-то чувствительность своим сведенным судорогой и перекошенным конечностям.

— Как далеко, думаешь, мы продвинулись? — спросил я, протягивая руку к ближайшей связке сухпайка и переваливая ее с машины на землю перед собой.

Юрген пожал плечами.

— Около восемнадцати клонов,[43] — произнес он, начиная разбирать жаровенку.

Я в удивлении приподнял бровь.

— Так много? — переспросил я, стараясь, чтобы это прозвучало не слишком скептически.

Юрген кивнул, воспринимая риторический вопрос так же буквально, как он был склонен принимать в принципе все окружающее.

— Довольно быстро, учитывая местность и то, как перегружен багги, — ответствовал он.

Добавить или возразить мне было нечего, так что я оставил его разбивать лагерь и побрел вверх по одной из сторон останца, выискивая дорогу с более надежной опорой для ног, в поисках места, где я мог бы попытаться немного поработать цепным мечом и вернуть такой практикой некоторую гибкость моим конечностям, — теперь, когда воздух снова остыл настолько, чтобы сделать саму мысль о физических упражнениях возможной. К счастью, мне посчастливилось найти подходящее место, и к тому времени, когда наскоро закончил обычные повторения выпадов и защит, я

уже чувствовал себя намного спокойнее и гораздо уютнее.

Я вернулся к нашему лагерю в настроении, которое могу описать лишь как приятное, и убедился, что Юрген в мое отсутствие времени не терял. Темнота уже вовсю наступала на пустыню, принося с собой ночной холодок, и я забрал с багги свою шинель. После горячей еды и чашки рекафа я удалился в спасательную палатку-пузырь, также установленную для меня моим помощником, завернулся в спальный мешок, который нашел там же, и тут же уснул, чтобы насладиться последней спокойной ночью, выпавшей на ближайшие недели.

Не то чтобы последовавшее за нею утро породило хоть какое-нибудь предчувствие того, что ждало впереди. Когда я проснулся, то обнаружил, что Юрген уже поднялся и помешивает нечто серое и комковатое на сковороде портативной жаровни. Несмотря на отталкивающий внешний вид, пахло это нечто неожиданно аппетитно. Мой

помощник посмотрел, как я аккуратно переступаю через его скатку, которую он расстелил прямо за входом в мое убежище, и протянул мне чашку рекафа.

— Почти готово, сэр, — заверил он меня и вернулся к заботам о своем вареве.

Император лишь знает, что входило в его состав, но оно было просто напичкано питательными веществами, которые, будучи употребленными, оставили меня с ощущением, будто я готов встретить буквально все что угодно (что, полагаю, звучит весьма иронично, учитывая, какие сюрпризы нам уготовил этот день). Я даже начал непринужденно насвистывать, свертывая лагерь. Убрав обратно в багги некоторое количество инструментов и перенеся туда пару свертков наших пожитков, я поймал укоризненный взгляд моего помощника, заставивший меня припомнить, что все эти манипуляции входят в его обязанности; так что я почел за лучшее не мешаться под ногами и предоставить ему заканчивать начатое мною. Юрген был, мягко говоря, ярым приверженцем протокола, что в обычной

ситуации делало мою жизнь гораздо легче, чем она могла бы быть в ином случае. В последующие годы даже генералам случалось быть вежливо, но твердо отшиты этим человеком тогда, когда у меня не было возможности отвлекаться на них.

Зная, что настаивать на выполнении того, что он, несомненно, считал недостойной заботой, находящейся непростительно ниже моего комиссарского достоинства, значило привести Юргена в ворчливое настроение до конца дня, я вернулся на останец, куда забирался вчера, — и на этот раз с ампливизором, дабы обозреть горизонт в надежде получить хоть какую-нибудь подсказку относительно нашего местонахождения. Со своей возвышенной позиции, как оказалось, я мог видеть намного дальше, чем даже рассчитывал, благодаря чистому пустынному воздуху, и мое внимание было мгновенно привлечено едва различимым пятном на горизонте примерно в том направлении, куда двигались и мы (и куда, естественно, я и

взглянул в первую очередь). Мне стало любопытно, так что я максимально увеличил изображение и попытался разобрать более тонкие детали.

— Полагаю, мы приближаемся к городу, — передал я Юргену, в то время как едва слышные шуршание и звяканье подсказали мне, что он со своей обычной эффективностью продолжает заниматься упаковкой нашего многочисленного снаряжения. Я постарался навести четкий фокус на изображение вдали, но от разогревающегося песка уже начала подниматься легкая дымка, и оказалось сложно разглядеть что-либо, кроме смутного очертания стен и зданий. Как бы я ни старался, я не мог получить никаких точных сведений о том, какова была судьба населения, если, конечно, там вообще хоть кто-нибудь остался. — Это может оказаться той закорюкой на карте, куда ты направляется.

— Вполне возможно, — согласился мой помощник. — Орки могли пометить один из наших городов как множество врагов. — Он помедлил, затем продолжил с ноткой

осторожности в голосе: — Учтите, сэр, они бы так сделали, даже если бы там были только гражданские.

— Ясно. — Я в задумчивости опустил свой оптический усилитель. Это мне раньше в голову не приходило, а идея радостно на рысях влететь в кишащую орками зону смертоубийства (а таковой является для пехотинца любая городская местность, и не позволяйте никому внушить вам, что это не так) была напрочь лишена какой бы то ни было привлекательности. В то же время я не мог придумать никакой альтернативы. Мы определенно не могли продолжать бесцельно колесить по пустыне, дожидаясь, когда закончатся припасы. — Лучше б тогда продвигаться с большей осторожностью.

— Отличная мысль, сэр, — откликнулся Юрген, сдержанно выражая облегчение, испытанное при озвучивании мною решения. Через мгновение рев нашего плохо настроенного движка расколол тишину пустыни. — Не хотим привлекать слишком много внимания, так ведь?

Ни на секунду не выпуская из виду указанное намерение, мы приближались к городу на скорости, лишь ненамного превышавшей пеший темп, потому как обнаружили свойство нашего двигателя на низких оборотах быть чуть более тихим, чем обычно; вдобавок мы до последнего оставляли между собой и поселением пространство тянущихся барханов, которые еще сильнее глушили звук нашего приближения.

Через некоторое время мы встретили полосу дорожного покрытия — прямое как стрела шоссе, ведущее из города Император знает куда, — и свернули на нее. К этому моменту о скрытном передвижении говорить в любом случае уже не приходилось, так что наилучшим вариантом для нас было просто постараться как можно быстрее добраться до укрытия в пригородах, каким бы относительным оно ни было. Это если предположить, что никто не поджидал в засаде тех, кто окажется достаточно глуп, чтобы использовать шоссе...

Быстрый взгляд вокруг убедил меня в том, что такая возможность была очень незначительной. Если судить по тонкой кисее нанесенного ветром песка, которая устилала гладкую серую поверхность дорожного покрытия, по нему уже долгое время никто не передвигался, а это означало, что с очень малой долей вероятности кто-то взялся бы защищать его и вообще обращать на него какое-то внимание. Это, конечно, не означало, что проезды не были заминированы, но я был достаточно уверен в том, что Юрген заметит любые следы саперных работ, так что и об этой возможности старался не задумываться.

— Не нравится мне все это, — доложил я ему, скользя ампливизором по линии стен, образовавших границу города.

По гладкому шоссе поездка выходила значительно более ровной, и мне удалось навести резкость на ожидавшие нас улицы с ненамного большими усилиями, чем если бы мы катили на старой верной «Саламандре». Там, куда мы стремились, все было в следах недавних боев, и ни одно

из зданий, которые я осматривал, не осталось неповрежденным, а некоторые обрушились целиком. Улицы были завалены мусором и обломками, хотя, к своему облегчению, я, кажется, видел, что они не были собраны в баррикады или огневые точки.

— Да, скверно смотрится, — согласился Юрген, сбрасывая скорость, чтобы обогнуть несколько выгоревших наземных машин, которые, очевидно, были подбиты из какого-то тяжелого оружия.

Выглядели они гражданскими моделями, и тонкий металл их корпусов был разворочен, подобно консервным банкам, так что я постарался не приглядываться к их содержимому. Кем бы ни были их пассажиры, они явно набились туда совершенно без учета нормальной вместимости этих машин, так что теперь их обугленные кости ссыпались в один смертный холмик и настолько перемешались, что потребовался бы магос-генетор, дабы установить принадлежность. Шансом же на такую роскошь можно было пренебречь; кем были

эти люди — теперь ведомо лишь Императору, и, вероятно, только Ему и осталось до них дело.

— Беженцы, если хотите знать мое мнение, — сказал Юрген.

— Очень похоже, — согласился я, выбрасывая эту проблему из головы.

Сумели ли остальные жители города избежать опасности, разделили участь этих или спаслись от орков, чтобы вместо этого погибнуть в пустыне, сказать было невозможно. Все, что я мог вынести из этого зрелища, — это тот факт, что орки здесь, несомненно, побывали, хотя оставались ли они еще поблизости или двинулись дальше в поисках чего-нибудь, что еще можно осквернить и уничтожить, не мог сказать ни с малейшей уверенностью. Единственно разумным в нашем случае было предполагать, что округа все еще наводнена ими, так что я приказал Юргену продвигаться с максимальной осторожностью.

— Найди, где мы можем припарковать эту штуковину подальше от посторонних

глаз, и продолжит движение пешим ходом. Не хочу ломиться вслепую.

Ладони мои снова начали зудеть, и я достаточно доверял своей интуиции, чтобы отметить это предчувствие опасности.

— Так точно, комиссар, — подчинился мой помощник, с обычной своей расторопностью и эффективностью заворачивая и останавливаясь в останках ближайшего фабричного корпуса.

Что в нем производилось, я не мог определить, потому как разбитая и перекрученная техника вокруг нас была полупохоронена под обломками крыши, и я лишь кивнул, соглашаясь с выбором места. Толстые куски рухнувшего металла, окружавшие нас со всех сторон, отлично бы защитили, случись нам отступать. Кроме того, они затруднили бы опознание нашей машины на экранах аусников (если, конечно, у зеленокожих было достаточно мозгов, чтобы пользоваться подобными вещами[44]), а также предоставляли достаточное прикрытие, чтобы начать

движение в глубь разрушенного поселения, не привлекая никакого внимания... Я так надеялся.

Едва Юрген вырубил двигатель, как я принялся напрягать слух, но не мог, как ни старался, разобрать ничего, кроме шума собственного сердца и едва заметных щелчков охлаждающегося механизма.

— Лучше бы мне пойти первым, с вашего разрешения, сэр. — Юрген взял лазган на изготовку и перебежками направился в сторону ближайшего пятна дневного света, слегка прищурившись от него, когда залег и принялся выцеливать улицу снаружи. Через секунду он поднял руку, показывая, что все чисто. — Ни следа жизни.

— Хорошо, — отозвался я более эмоционально, чем предполагал, и неуклюже покинул пост возле тяжелого болтера.

Пару мгновений я ощущал себя несколько неустойчиво на собственных ногах — несомненно, потому, что внезапно прекратилась та качка, к которой я уже успел привыкнуть, — но к тому времени,

как я начал пересекать свободное пространство пола, чтобы присоединиться к своему помощнику, приступ головокружения прошел так же внезапно, как и начался. Вытаскивая лазерный пистолет и цепной меч, я быстрым шагом пересек открытое пространство, почувствовав себя намного более спокойным, как только знакомое оружие оказалось у меня в руках, и залег рядом с Юргеном, стараясь не вдыхать слишком глубоко, пока мой нос находился в непосредственной близости от него.

Снаружи полуденное солнце тяжело отражалось от фасада здания на противоположной стороне еще одного индустриального сооружения, которое, судя по завиткам трубопроводов, расходящихся от него во всех возможных направлениях, вероятно, когда-то вмещало в себя теплоэнергоцентраль. Теперь это были руины без всяких признаков крыши, очевидно унесенной каким-то мощным взрывом, прогремевшим внутри; к счастью, архитектор, очевидно, рассчитал само здание на такое стечение

обстоятельств, о чем можно было, пожалуй, судить по метровой толщины стенам. Но даже при этом фасад был весь в трещинах и в некоторых местах обреченно проседал, а уж двери и окна были просто разнесены в щепки, которые усеивали бульвар, отделяющий это здание от нашего. Я предположил, что взорвалось само оборудование энергостанции, вероятно, в результате того, что приставривающие за ним техножрецы были убиты или вынуждены покинуть свои посты, — вокруг было не так уж много заметных последствий самих боев.

Впрочем, для всего окружающего последствия взрыва были также весьма выраженными, и здание, где мы нашли укрытие, являло собой один из примеров — та дыра в стене, через которую мы могли теперь рассматривать всю эту сцену, очевидно, была оставлена пролетевшим через нее осколком.

— Да, беспорядочек здесь получился, — прокомментировал очевидное мой помощник.

Я только кивнул:

— Будем надеяться, что этим делом прихватило и большинство зеленокожих.

— На все воля Императора, — ответил Юрген фразой, которую он был склонен выдавать как словесный эквивалент пожатия плечами.

Держась поближе к стенам, мы проскользнули в дыру перед собой и начали осторожно пробираться глубже в разрушенный город.

В первое время мы не видели никаких следов жизни, хотя было множество свидетельств того, что ее товарка-смерть это место стороной не обошла, и я уже начал надеяться, что все-таки оказался прав и зеленокожие уже покинули это место.

Тела лежали повсюду, в основном человеческие, обоих полов, очевидно пристреленные или изрубленные на куски во время безуспешной попытки к бегству. Враг, впрочем, не всегда творил без препон все что хотел, потому как вокруг валялись и трупы зеленокожих — тех массивных, мускулистых животных, с которыми мы успешно сражались в пустыне, и нескольких

более тощих представителей размерами примерно с их человеческих жертв.

— Это случилось довольно давно, — заключил я, останавливаясь, чтобы осмотреть тело местного арбитра,[45] который, очевидно, погиб, пытаясь защитить группу гражданских.

Его оружие, конечно же, исчезло, подобранное убившим его зеленокожим, но это, судя по всему, был некий крупнокалиберный автоматический пистолет — на то указывали раны, которые он оставил в валяющемся неподалеку гретчине.[46]

Тело, как и остальные, высушенное безжалостным солнцем, совершенно мумифицировалось в постоянной сухой жаре, что означало, что пролежало оно тут уже порядочно времени. Юрген кивнул, не сводя взгляда с трупов зеленокожих и, очевидно, мечтая иметь под рукой немного лишнего прометия.

— Похоже на то, — как обычно, согласился он.

Если это только возможно, то по

мере продвижения в глубину погубленного города, по иронии судьбы носившего, как мы выяснили из муниципальных указателей и рекламных плакатов, гордое имя Колодцы Благоденствия, открывавшийся нам вид становился лишь хуже. Везде, куда бы ни упал взгляд, мы наблюдали признаки дикостей, творимых завоевателями, когда смерть и разрушение приносились просто ради них самих, и, несмотря на мой прагматический склад характера, я начал ощущать гнев от разгульного, ничем не сдерживаемого буйства, происходившего здесь. Что чувствовал при этом Юрген, я могу только воображать, и тогда в первый раз я начал понимать всю глубину ненависти, которую испытывали вальхалльцы по отношению к оркам. Видеть, как мирное людское сообщество подобным образом лишается всякого права на существование, было уже достаточно тяжело; знать, что подобное происходило с твоим собственным родным миром, хотя бы и поколения назад, должно было быть невыносимым вызовом всем чувствам.

К этому моменту Юрген и я

разошлись по крайней мере на десяток метров и перебегали по очереди, так что один прикрывал другого, пока тот двигался от укрытия к укрытию. Для связи мы пользовались микрокоммуникаторами, хотя по привычке продолжали дополнять вокс-переговоры языком жестов, сводя передачи к минимуму. Я как раз готов был покинуть укрытие в дверном проеме какого-то магазинчика, если правильно помню, аптекарии, когда мой помощник поднял руку в останавливающем жесте, и я стек в тень за урной с отходами.

— Враг, — передал он, изготавливая оружие.

Я направил лазерный пистолет, держа его обеими руками, низко пригнувшись и целясь вдоль улицы. Мне не пришлось долго ждать появления мишеней. Буквально секунду спустя толпа гретчинов неторопливо появилась в поле зрения, вереща и скрежеща на своем варварском языке, толкая перед собой здоровенную тачку. С ними был единственный орк, очевидно руководитель,

поторапливавший их с помощью неразборчивых рыков и частых ударов, которые маленькие зеленокожие по большей части игнорировали, больше цапаясь друг с другом. Тачка была нагружена телами, и, вспоминая трачную закуску, которую обнаружил в бардачке раздобытого нами багги, я с ужасом предположил, для чего был предназначен этот груз.

— Не стрелять, — отозвался я так тихо, как только мог, и увидел, как на некотором расстоянии от меня мой помощник трачно кивнул.

Какую бы заманчивую мишень они ни представляли собой и как бы оба мы ни были, несомненно, обуяны благородным гневом, который должен был охватить в подобный момент любого подданного Императора, смысла в том, чтобы, дав волю чувствам, привлекать к нам внимание, не было. Как раз в это время слабое жужжание статики в моем наушнике на секунду усилилось.

— ...повторите? — попросил приглушенный голос и снова ушел за грань

слышимости.

Я глянул на Юргена, готовясь повторить свой приказ, но он, в свою очередь, смотрел в моем направлении, и даже на разделявшем нас расстоянии я вполне мог различить выражение недоумения на его лице (что, впрочем, было не так уж сложно, учитывая, как хорошо я знал именно это проявление его мимики).

— Комиссар? — Его голос прозвучал у меня в ухе так же четко, как если бы он стоял рядом.

Я снова оглянулся на шествие зеленокожих, но они, очевидно, не имели ни малейшего понятия о нашем присутствии, удаляясь в таком оживленном темпе, в каком только мог гнать своих подопечных орк-командир. Я жестом призвал Юргена к тишине.

— Кто-то передает на этой частоте, — пояснил я, усилив сигнал насколько возможно. К счастью, дальше Юргену хватило ума молчать и только кивнуть в знак того, что он понял, прежде чем снова перенести внимание на

удаляющихся зелененьких. Я напряженно вслушивался, стараясь вычленить тот, другой голос из шипения статики в моем наушнике. — Неопознанный контакт, прием.

— ...ержант Тайбер, отделение Браво... — профильтровалось сквозь шум на этот раз. — ...то ради...ного варпа вы тако?..

— Комиссар Каин, приписанный к Двенадцатому Вальхалльскому полевому артиллерийскому полку, — отозвался я. — Ваше положение?

— ...овски отчаянное.

Зеленокожие к этому времени уже скрылись из виду, и Юрген покинул свой пост, чтобы присоединиться ко мне. Даже такой исполосованный статикой голос моего собеседника принял весьма недоверчивый оттенок:

— ...али, что вы...коми...ар?

— Да. Где вы находитесь? — повторил я, не зная точно, какую часть того, что я говорю, слышат на той стороне.

Я привык к вокс-сетям Гвардии, но эта, судя по звуку, была установкой СПО и

поэтому должна была быть гораздо менее совершенной. Насколько я знал, мы могли бы сейчас находиться практически друг у друга на голове.

— Южный...ектор, гидро...анция. Что оста...ось от нее.

— Южный сектор, гидростанция, — подтвердил я прием. — Мы найдем вас.

— Если...нокожие не н...йдут вас прежд... — ободряюще заметил голос. — ...есь горо... кишит...ными...ыми.

— Мы будем продвигаться с осторожностью, — заверил я его как раз в тот момент, когда ко мне присоединился Юрген, и оборвал связь.

Звучало все это не слишком многообещающе. Кем бы ни был этот сержант Тайбер, он, насколько можно было судить по разговору, находился где-то на полпути через эту кишащую орками бойню, и присоединяться к нему значило пойти на немалый риск. Вероятно, самым безопасным было направиться обратно к багги и продолжить наше путешествие тем же манером. С другой стороны, это были первые имперские солдаты, с

которыми мы смогли выйти на связь с тех пор, как приземлились на этот забытый Императором кусок камня, и, возможно, имевшие представление о том, где располагаются основные силы. В общем, выглядело все так, что лучшим шансом на выживание для меня было, по крайней мере, постараться соединиться с ним, и если кто-то из его отряда все еще был в строю, это было бы еще лучше. Чем больше солдат я мог выставить между собой и орками, тем счастливее я себя чувствовал.

— На юг — это сюда, — произнес Юрген, кидая взгляд на компас, который он извлек откуда-то из своего набора подсумков, и указывая — надо же такому случиться — именно в том направлении, в котором только что прошел отряд орочьих фуражиров.

Я глубоко вздохнул и констатировал:

— Иначе и быть не могло.

Глава девятая

Несмотря на очевидные дурные предчувствия, владевшие мною, наше путешествие сквозь сердце разрушенного города прошло без всяких происшествий; этим я хочу лишь сказать, что Юрген и я добрались до южного сектора живыми. По дороге возникали ситуации, когда мы избегали гибели лишь со скрипом. Чем больше мы приближались к центру происходившего в городе, тем больше зеленокожих видели наравне с другими вещами, о которых даже по прошествии стольких лет я предпочитаю не вспоминать слишком подробно. Один раз мы проходили мимо святилища Императора, разбитого и осквернённого, подношения к которому были разграблены, а чаши для них теперь, судя по вони, использовались орками в качестве импровизированного сортира.[47]

Но даже это, как бы отвратительно оно ни было, меркло перед одним-единственным взглядом на здание

Администратума, располагавшееся в центре городка.

Когда-то, вне сомнения, это было элегантное, пропорциональное строение, выходящее на широкую мощеную площадь, на которой играли струи фонтанов и искусно расположенные колоннады предоставляли укрытие в тени для граждан, спешащих по своим обычным делам. Теперь оно несло на себе гирлянды перекрученных тел, свисающих из окон и со статуй и, несомненно, принадлежавших ранее гражданским и духовным лидерам городского сообщества, насколько можно было судить по тому, что они были облачены в одеяния Администратума и Экклезиархии. Лишь немногие умерли быстро, это было очевидно, несмотря на обычную для здешних мест иссушенность трупов.

Юрген отхаркнулся и сплюнул, и я только кивнул, потому что сам испытывал чувства, которые выразить словами было затруднительно. В последующие годы мне, конечно, предстояло наблюдать и худшие картины,

не говоря уже о подобных этой, но в то время я еще не встречался ни со слугами Темных Сил, ни с некронами, ни с бесконечно утонченным садизмом затронутых Хаосом эльдар, и, вероятно, именно поэтому воспоминания о том разе остаются так сильны. Тогда я ничего не желал больше, чем истребления каждого зеленокожего на планете, и, если необходимо, готов был способствовать этому даже голыми руками, но мой инстинкт выживания взял верх раньше, чем я мог дать волю порыву отомстить за этих несчастных жертв следующему же орку, которого встречу на своем пути.

Впрочем, даже тогда мы могли видеть немало этих существ, больших и маленьких, суетящихся на площади по своим недоступным нашему пониманию делам, причем большинство этих дел, кажется, с необходимостью включали как можно больше крика и тумаков. Пару раз для прояснения спора даже вынималось оружие, хотя никто из вступавших в схватку, похоже, не нес какого-либо непоправимого урона от какого-то там

ранения топором или пулевого отверстия, так что большинство находившихся поблизости собратьев просто игнорировали подобные инциденты. В общий шум постоянно вносил свою лепту нескончаемый рев их ветхих средств передвижения, которые носились по всему пространству с совершеннейшим презрением к безопасности как пассажиров, так и попадавшихся на пути пешеходов. Вдобавок к багги и байкам, каковые нам уже довелось подробно рассмотреть, я заметил некие более крупные машины, которые смотрелись как тяжелобронированные грузовики, и один раз мимо проскрежетало что-то, что, вероятно, предназначалось быть танком, но выглядело исключительно как обуреваемая демонами[48] куча металлолома, нагруженная вопящими орками.

Несколько раз мы видели отряды фуражиров, подобные встреченному первым, хотя не все они занимались сбором мяса. На некоторых тачках громоздились

высокие груды чего-то, что опознал бы только техножрец, в то время как другие группы, похоже, стремились собрать лишь побольше металлолома. К моему превеликому удивлению, в некоторых случаях существа, которых я поначалу принял за особенно тощих гретчинов, при рассмотрении в ампливизор оказались пленными людьми. Я с неразборчивым звуком отвращения указал Юргену на эти изможденные, волочащие ноги фигуры, и он мрачно кивнул.

— Долго не протянут, — сказал он, и я вынужден был согласиться.

Конечно же, они должны были изначально обладать выдающейся силой либо верой в Императора, чтобы так долго выжить в подобном рабстве.

Вне сомнения, зверства, результаты которых виднелись в окнах Администратума, были направлены на то, чтобы с помощью устрашения вселить покорность в выживших, и, судя по всему, орки преуспели в этом отношении.

— Мы ничего не можем для них сделать, — произнес я, отодвигаясь чуть

дальше под прикрытие разрушенной стены.

Пытаться освободить эти несчастные развалины значило бы лишь быть убитым самому, да и никто из них не выглядел способным к тому, чтобы бежать, даже дай мы им такую возможность. Несмотря на подобные размышления, продолжили мы свой полный опасностей путь в печальном расположении духа.

Через некоторое время мы достигли водовода и с благодарностью побрели по течению по пояс в благословенно прохладных струях. Солнце стояло почти в самом зените, и облегчение от окружающего жара, которое приносила вода, было более чем необходимым. Впрочем, пить я ее все-таки не стал, продолжая пользоваться для утоления жажды запасом из фляги. Не было никакой возможности судить, где канал берет свое начало и чем могла быть заражена вода в нем, особенно учитывая армию зеленокожих, находившуюся в городе. Если вы подумали, что с нашей стороны было примечательно дурным решением пойти

поплескаться, то, очевидно, никогда не испытывали на себе действия пустынной жары либо никогда не пытались играть в прятки с орками, не говоря уже о том, чтобы делать и то и другое одновременно.

Несмотря на то что продвигались мы как можно осторожнее, чтобы не выдать своего присутствие слишком громким плеском, мы покрыли приличное расстояние таким образом. На всем основном протяжении акведук проходил между камнебетонными стенами, которые поднимались выше наших голов, делая сложным как обнаружение нас врагом, так и ориентирование на окружающей местности. Впрочем, компас Юргена указывал, что мы все еще двигаемся примерно в нужном направлении, и спустя некоторое время, когда гул орочьей деятельности снова затих в отдалении, я посчитал, что пора бы уже рискнуть высунуться и осмотреться, чтобы решить, где мы находимся.

К счастью, к тому времени стены акведука стали наклонными и были выложены из готовых камнебетонных

блоков, щели между которыми представляли идеальную опору для ног, так что мы смогли добраться до самого верха и залечь так, что наши головы оказались вровень с краем стены. Осторожно приподняв голову еще чуть-чуть, я огляделся и, не увидев признаков жизни, выбрался наружу. Юрген проделал то же самое, едва не наступая мне на пятки, затем сразу же пригнулся, держа лазган наготове, я же поднял к глазам ампливизор.

— Добрались, — произнес я, разбирая на ближайшем индустриальном здании надпись, информирующую, что оно находится в собственности Трубопроводной компании южного сектора. Как и везде в этом подвергшемся жестокому нападению поселении, здания вокруг несли на себе шрамы, оставшиеся от сражений или орочьего вандализма, хотя на улицах было меньше трупов и большое число строений все еще стояли целыми и под крышами. Я включил микрокоммуникатор:

— Тайбер, говорит Каин. Отвечайте.

Несколько мгновений ничего не происходило, и мне оставалось только вслушиваться в ставшее привычным шипение статики, ощущая, как этот звук, вливаясь в уши, заставляет мои внутренности неумолимо сжиматься от напряжения. Если все это было просто погоней за черной мусорной крысой в черном туннеле и мы прошли через все это орочье воинство зазря...

— Минуту, — произнес голос у меня в наушнике с удивительной четкостью. Канал, вероятно, оставался далее открытым, потому как я мог различить доносящиеся по нему голоса, хотя слов было уже не разобрать. Через минуту голос и правда вернулся: — Он идет.

— Хорошо, — произнес я. — А кто вы?

— Гренбоу, сэр, то есть, я хотел сказать, комиссар. Сэр. Вокс-специалист второго класса, сэр, то есть, я хотел сказать, комиссар...

— Хватит и одного из двух обращений, — отрезал я, стараясь, насколько мог, скрыть раздражение.

Несомненно, это были СПО, вероятно

никогда за всю жизнь не видевшие алого кушака, так что их представление о том, что являет собой комиссар, было самым расплывчатым. Я полагал, что надеяться встретить здесь настоящих гвардейцев было бы слишком, но если этот самый Гренбоу был типичным местным бойцом, то выходило так, что мне было бы легче последовать первому импульсу и просто убраться из Колодцев Благоденствия, пока у меня была такая возможность. Ну что ж, теперь об этом беспокоиться было уже поздно, и, по крайней мере, выходило так, что Тайбер располагал парой единиц техтуры, за которыми я мог некоторое время прятаться. В конце концов, если эти ребята все еще были на свободе, хотя прошло столько времени с того момента, как орки захватили город, то уж чем-то они должны были быть хороши.

— Сколько вас?

— Семеро в строю, двое раненых на ногах, — прорезался в воксе новый голос, более спокойный и уверенный, а также смутно знакомый; очевидно, это был тот самый человек, с которым мы

разговаривали ранее. — Где вы находитесь?

— Снаружи пакгауза Трубопроводной компании, что на Прометиепродуктовой улице.

С помощью ампливизора я мог достаточно четко прочесть уличный знак.

— Как мы доберемся до вашей позиции?

— Вы не доберетесь. — Голос Тайбера звучал с той же степенью доверия, что в свое время проявлял полковник Мострю. — Я не могу быть уверен, что вы не просто коллаборационист на службе у зелененьких, подобравший где-то вокс. Мы сами придем за вами.

— Фраг раздери! — горячо возразил я. — Если вы полагаете, что мы будем здесь сидеть как на ладони и дожидаться, пока нас снимут...

— Ну, так найдите себе укрытие.

Вокс-передача оборвалась. Мы с Юргеном переглянулись. Очевидно, этот Тайбер был настолько же осторожен, как и я сам. Несмотря на нарушение протокола с его стороны, я начал думать, что все-таки сделал правильный выбор, а если выйдет,

что я все же в нем ошибаюсь, всегда можно позже пристрелить его за неподчинение приказу.

— Ну, нельзя винить его за осторожность, — произнес я, стараясь не ухмыляться при виде пышущей возмущением физиономии моего помощника, и указал в сторону пакгауза. — Можем и переждать здесь.

— Отлично, сэр.

Низко пригибаясь за рядами грузовых платформ с керамической сантехникой, как ни удивительно, неповрежденной, несмотря на все происходящее, мы начали продвигаться под защиту стен здания. И мы уже почти добрались, когда Юрген вдруг помедлил, слегка приподняв голову над укрытием:

— Слышите, сэр?

— Да. — Звук донес легкий ветерок, который обдувал нас нежной прохладой, остужая уже начавшую обильно парить на солнце мокрую ткань моих штанов. Я мрачно кивнул, поскольку ошибиться и принять треск лазерных разрядов, а также более резкий рев грубого орочьего оружия за

что-то иное было невозможно. — Перестрелка.

Выходило так, что сержант Тайбер к нам все-таки не придет.

— Что же нам делать теперь, сэр? — спросил Юрген.

Я с сожалением покачал головой. В сложившейся ситуации самым благоразумным я мог посчитать только рассудительное отступление, прежде чем шум перестрелки привлек бы каждого зеленокожего в пределах слышимости. Конечно же, доблестному сержанту не повезло, но, как казалось, мы ничего не могли предпринять по этому поводу, по крайней мере в данный момент. Ему оставалось надеяться лишь на удачу и горстку своих оставшихся солдат.

— Убираемся, к фрагу, отсюда, — произнес я за мгновение до того, как один из упакованных горшков в стойке непосредственно рядом с моей головой разлетелся на тысячу кусочков.

На нас неслись трое орков, паля из грубых болт-пистолетов. К счастью,

полное отсутствие всякой меткости, столь характерное для всего их рода, не подвело и на этот раз. Это, впрочем, не означало, что под огнем зеленокожих мы могли долго оставаться без царапинки, так что мы сразу ответили тем же, но целясь и не спеша, аккуратно укладывая свои выстрелы. Еще раз, как и обычно, я убеждался в том, что та доля секунды, которая требуется, чтобы убедиться, что каждый следующий лазерный заряд достигнет цели, значит больше, чем вся самая отчаянная пальба в галактике. Конечно же, если просто разряжать оружие куда-то в сторону врага, обычно удается убедить его не высовываться — если, разумеется, имеешь дело не с зеленокожими, некронами или одержимыми кхорнитами, — но если враг умеет держать себя в руках лучше, чем ты, то он использует все появившееся у него в результате время, чтобы твоя дурная голова не осталась на плечах в следующий раз, когда он все-таки нажмет на спусковой крючок. Гораздо лучше, на мой взгляд, взять на себя труд прицелиться,

прежде чем это сделает противник.

В любом случае, вынеся из схватки, происшедшей на месте нашей посадки, достаточно, чтобы сразу целиться только в голову, я уложил вожака лазерным разрядом в черепушку, в то время как Юрген поступил точно так же с бегущими на его флангах подчиненными. Памятуя о том, как сложно их убить, я не стал надеяться на лучшее и, едва они упали, бросился вперед, чтобы снести то, что осталось от их голов, с помощью цепного меча. Не важно, насколько орки были упрямы; после такого они уже не должны были подняться.

— Я за вами, сэр, — заверил меня Юрген, хотя его отличительный запах возвестил об этом за секунду до того, как это сделал его голос. — Куда?

— Отходим, — отозвался я, показывая в направлении, противоположном тому, откуда появились нападавшие.

Если поблизости были еще орки, то можно ставить собственное доброе имя против моркови в заклад, что они сейчас уже направляются сюда же. Юрген кивнул,

проверяя уровень заряда в батарее своего оружия. Видимо посчитав его достаточным, он снова взял лазган на изготовку, пока я быстро осматривался. Конечно же, именно в том направлении, как я и опасался, промелькнуло какое-то движение, и мы начали отступать, стараясь двигаться под углом по отношению к приближающемуся подкреплению врага, держа головы как можно ниже и надеясь, что площадка перед пангаузом вмещает в себя достаточный запас унитазов, дабы скрыть наше продвижение.

Но конечно же, так сильно нам повезти не могло, хотя и удалось довольно сильно оторваться, прежде чем преследователи снова заметили нас. Кинув взгляд назад, я заметил десяток или около того таких же, как и прежде, возвышающихся горой мышц существ, рысящих с той же неожиданной легкостью, что я ранее заметил в их собратьях, так что их головы и плечи на каждом шаге показывались над стеллажами с фарфоровыми санитарно-техническими

изделиями. Двое из них внезапно бросились вперед, завывая что-то неразборчивое на своем варварском языке, затем остановились, подзывая остальных. Очевидно, они только что обнаружили ту троицу, с которой я и Юрген разделались несколькими секундами назад.

— Пора бы нам отсюда убираться, — пробормотал я в сторону своего помощника, и он просто кивнул, ибо нужды отвечать не было.

Я указал на стену пакгауза, находившуюся всего в нескольких метрах впереди. Окрашенная в синий цвет металлическая дверь стояла, будто приглашая, распахнутой настежь, казалось, так близко, что можно было дотянуться рукой, но до нее простиралось открытое место без всякого следа укрытий. Возвращаться той же дорогой, которой пришли, мы уже не имели возможности, так что нам оставалось лишь рискнуть. Внезапно усилившийся вой орков заставил меня на секунду обратить взор в обратном направлении, и этого мне хватило, чтобы подтвердить мгновенное

предположение: между ними вспыхнула свара за личные вещи тех, кого мы только что убили. Я решительно кивнул. Нам определенно не представилось бы лучшей возможности.

— Вперед! — поспешно шепнул я.

— За вами, сэр, — ответствовал мой преданный помощник.

Мы что есть силы припустили к спасительному дверному проему и почти уже достигли его, когда за нашими спинами раздался единый вопль «Ваааагх!», сопровождаемый разлетающейся во все стороны кирпичной крошкой, выбитой залпом плохо нацеленных болтерных зарядов и тяжелых пуль, которые вычерчивали на стене свою неподдельную подпись, в целом делая совершенно очевидным, что нас заметили.

— Внутрь!

Я подкрепил слова делом, слишком поздно ловя себя на мысли, нет ли внутри еще зеленокожих и не стоит ли пропустить вперед Юргена, но, к моему облегчению, пакгауз оказался абсолютно пуст. Через мгновение ко мне

присоединился и сам мой помощник, и вместе, вызвав к жизни дикий визг ржавого металла, мы налегли на тяжелую дверь, захлопывая ее. Очевидно, она так и стояла нараспашку с того самого момента, как орки атаковали город, оставленная в небрежении всеобщей паники, и на одно ужасное мгновение я подумал, не слишком ли она заржавела, чтобы вообще встать на место. Но тот прилив адреналина, который мы испытывали, оказался более чем достаточным, чтобы сломить ее сопротивление, так что она — ни секундой раньше, чем абсолютно необходимо, — со стуком закрылась.

— Это их долго не удержит, сэр, — своевременно напомнил Юрген, задвигая пару на редкость внушительно выглядевших засовов.

Спустя секунду стальная дверь содрогнулась, когда наши преследователи врезались в нее, явно не потрудившись предварительно затормозить. Как и обычно, впрочем, слова Юргена прозвучали на удивление лишенными какой-либо озабоченности, очевидно в связи с полной

убежденностью в том, что у меня все схвачено, — и я, как ни странно, нашел эту его флегматичную уверенность ободряющей.

— Давай надеяться, что не придется это проверять, — произнес я и снова активировал микрокоммуникатор. — Тайбер, ваша дислокация?

— В заднице, — почти сразу же отозвался он. — Прижаты к земле и окружены. Вы?

— Тоже. — Я рефлекторно дернулся, когда грубое подобие гранаты, похоже являвшееся не более чем консервной банкой, привязанной на рукоятку из куска трубы, влетело в окно и закатилось под полки с чем-то, что смахивало на промышленные кондиционирующие установки. Юргену и мне едва хватило времени на то, чтобы нырнуть в укрытие за убедительно прочно выглядевшей паллетой с водонагревательными аппаратами, прежде чем она рванула, осыпав помещение осколками, которые срикошетили от защищавших нас металлических цилиндров с грохотом, подобным

ливневому шторму на Галаване.[49] — У вас есть план?

— Забрать с собой как можно больше троксолюбов.

И тут вокс-передача прервалась с внезапностью, которая заставила бы меня сразу обеспокоиться добрым здравием Гренбоу, коли бы мне не нужно было так волноваться за свое собственное. В любом случае их план мне не слишком понравился.

— Вы целы, сэр? — спросил Юрген, аккуратно привстав, чтобы оценить масштабы разрушений.

Я кивнул.

— Пока что да, — произнес я так невозмутимо, как только мог, стараясь не обращать внимания на ритмично повторяющиеся удары в дверь.

По взрывам сиплого смеха, которые сопровождали каждый из них, я догадался, что орки, очевидно, по очереди разбегались и били в преграду, надеясь своротить ее своими головами, и это впечатление было тут же подтверждено Юргеном, который

осторожно выглянул в ближайшее окно.

— Почему им просто не взорвать ее? — спросил он, откровенно изумленный.

Я только пожал плечами и отозвался:

— Фраг знает.

Но чем дольше они продолжали эту игру, тем больше она была мне по душе; это давало нам шанс побороться за то, чтобы найти выход из этой ловушки. Только когда я начал лучше понимать, что происходит в сознании этих существ, этот инцидент — ретроспективно — начал казаться мне понятным. С точки зрения зеленокожих, мы все равно никуда не могли деться, и, учитывая их склонность к импульсивным поступкам, а также к постоянной внутренней борьбе за социальный статус, было практически неизбежно, что орочьи попытки добраться до нас превратятся в одно из их нескончаемых хвастливых состязаний в силе и храбрости.

— Они и с той стороны тоже, — доложил Юрген, что, впрочем, было излишне, потому как такие же удары

начали эхом разноситься со стороны способных пропустить грузовик ворот, ведущих на погрузочную рампу.

Мне подумалось, что не следует питать ложной надежды выбраться тем путем, и это было весьма прискорбно, поскольку на рампе был припаркован самый настоящий грузовик, который мог бы оказаться значительно более комфортабельным, чем тот костедробильный орочий багги, который мы присвоили. Если, конечно, нам удалось бы этот грузовик запустить — полоса вытекшей смазки тянулась откуда-то из-под машины до дренажного отверстия в углу помещения.

— Юрген, проверь, нет ли где-нибудь технического прохода, — указал я на решетку, которая была едва четверть метра в поперечнике и не оставляла нам возможности, конечно же, протиснуться за нее, но мне показалось неплохим предположением, что она вела в канализацию, которая должна была требовать периодической прочистки.

Конечно же, город Колодцы

Благоденствия был слишком мал, чтобы за прошедшие сотни лет образовать приличные подземелья, но в нем должна была быть хоть какая-то система технических туннелей, в которую мы могли бы попасть.

Но разумеется, таковой не оказалось. Как правило, вовремя попадающиеся под руку сливные решетки, ведущие к легкому спасению, могут в огромных количествах встречаться в самого дешевого подбора и эскапистского духа литературе, но, насколько можно положиться на свидетельство моего многолетнего жизненного опыта, в реальной жизни они попадаются угнетающе редко (ну конечно, я несколько раз даже находил их в нужный момент, но гораздо реже, чем вы могли бы ожидать, учитывая, как часто я оказывался в ситуациях, подобных этой). Нескольких секунд отчаянных поисков было достаточно, дабы убедиться: на этот раз дело с ними обстоит туго. Я как раз начал размышлять, не воспользоваться ли паяльной лампой, чтобы предпринять пустую попытку расширить слишком

маленькое сливное отверстие, обнаруженное мною, когда мне в голову пришла гораздо более практичная идея.

— Проверь, можно ли завести эту машину, — приказал я, прежде чем прихватить охапку паяльных ламп и ринуться обратно к осажденному черному ходу.

К моему облегчению, дверь все еще держалась, хотя и выглядела к этому времени достаточно побитой, а болты, крепившие дверную раму к стене, уже заметно вылезли из кирпичной кладки. Судя по шуму снаружи, толпа орков тоже подросла, и весьма значительно, но об этом, как и о состоянии двери, мне беспокоиться времени не было.

На мое счастье, все, что было мне необходимо сейчас, нашлось прямо под рукой, включая стойку с водонагревателями, за которыми мы прятались от разрыва гранаты. Я направился к ближайшему и ссыпал всю охапку паяльных ламп внутрь, задержавшись лишь для того, чтобы отвинтить от одной из них сопло вместе

с запальником; газ, находившийся под давлением в небольшом баллоне лампы, начал с шипением выходить наружу, и я поспешно кинул ее вслед остальным, задержав дыхание, пока прикручивал позаимствованную с ближайшей полки заглушку на широкое отверстие в верхушке бойлерного котла, которое, очевидно, предназначалось для основной выходной трубы. Спустя всего секунды металлический контейнер должен был наполниться горючим газом, по крайней мере так я надеялся. Входную трубу я заглушил запальником паяльной лампы, заделав оставшиеся щели мастикой, позаимствованной где-то по дороге, и остановился, чтобы оглядеть дело рук своих. Пока что все шло хорошо, но теперь как раз начиналась сложная часть.

Горячо вознося молитвы Императору (который, как я был уверен, все равно был слишком занят, чтобы к ним прислушиваться), чтобы Он не позволил мне теперь ошибиться, я продел кусок тонкой проволоки через рычажок запальника и обвязал ее концы вокруг

дверной ручки. Только я отступил, как дверь снова заметно сдвинулась в креплениях, что сопровождалось более громким, чем до того, ударом и, соответственно, усилившимся хором одобрительных звуков, издаваемых собравшимися снаружи зеленокожими. Сердце пропустило пару ударов, когда проволока от этого натянулась, но удача от меня не отвернулась, и самодельный взрыватель не подался достаточно, чтобы спустить мою импровизированную мину-ловушку. С пересохшим ртом я поспешил обратно к Юргену, надеясь, что за прошедшее время он тоже сумел чего-то добиться.

— Выглядит не очень, сэр. — Мой помощник мрачно покачал головой и указал на струйку смазки, тянущуюся из-под грузовика. — Маслобак пробит. Это работенка для технопровидца или техножреца.

Едва его слова дошли до моего сознания, я начал ощущать, как тяжелое облако отчаяния начинает собираться надо мной, будто саван, поднимающийся из

моей будущей могилы, чтобы потребовать меня в свои объятия. Вот, вероятно, и пошел прахом весь мой блестящий план, и последняя робкая надежда на то, чтобы спасти свою шкуру и, конечно же, шкуру Юргена тоже, испарилась...

— Двигатель встанет намертво уже через клом, самое большое — через два.

— Ты хочешь сказать, что все-таки сможешь его завести? — уточнил я, в то время как волна облегчения снова начала затапливать меня, едва он завершил постановку диагноза.

Мой помощник взглянул на меня с видом еще более недоуменным, чем обычно, и кивнул:

— На несколько минут, так я думаю. Но, как я сказал, сэр...

— Нам и потребуются только эти несколько минут, — заверил я его, принимаясь забрасывать остаток паяльных ламп, а также все выглядящее потенциально горючим, взрывчатым, а лучше и то и другое вместе, что мог найти, в грузовое отделение машины.

В этом отношении мы вряд ли могли

найти себе убежище лучше; пакгауз был просто набит удовлетворяющими этому определению вещами. Собрав весьма впечатляющую коллекцию растворителей и баллонов со сжатым газом, я привязал ко всей этой куче маленький таймер, найденный здесь же и предназначавшийся для системы управления отопительной системой, а вместе с ним самую обычную аккумуляторную батарею и еще один запальник от паяльной лампы плюс бутыль чистящего средства, украшенную удовлетворительно крупным желтым треугольником предупреждающего значка и надписью: «Огнеопасно. Токсично. Беречь от детей и огринов». Несомненно, техножрец, окажись он здесь, пришел бы в ужас от столь откровенного использования даров Омниссии не по прямому назначению, и у меня совершенно не было уверенности в том, что все сооруженное мною заработает без соответствующего благословения, но убивать орков, в конце концов, было одним из тех трудов, что благословил сам Император, так что я понадеялся, что подобная небольшая

вольность сойдет мне с рук.[50]

— Есть, сэр.

Выражение непонимания так и не сошло с лица Юргена, но он завел двигатель, как я приказал. Тот, судя по звуку, определенно был настроен не лучше, чем у нашего ворованного багги, но очень скоро набрал обороты, издавая при этом вой протестующего металла.

— Вылезай из кабины. — Я придавил педаль газа большой канистрой с болтами и показал на запоры, удерживавшие гаражные двери от проникновения орочьей орды снаружи. Таймер я поставил примерно на две минуты и надеялся, что этого окажется достаточно. Было бы воистину высшей иронией, если бы мы сами погибли в огне моего хитроумного плана. — Отвори тихо.

Верный себе, мой помощник так и сделал, хотя продолжал глядеть столь же непонимающе и, вытащив до упора тяжелые полосы металла, которые служили засовами, обернулся ко мне, ожидая дальнейших инструкций.

— Да убирайся уже с дороги! — крикнул я, снимая грузовик с тормоза и бросаясь прочь от него.

Надо признать, даже спустя столько времени воспоминание о происшедшем далее порождает во мне ощущение радостного, мягкого тепла. Говоря кратко, все сработало как по нотам. Едва Юрген нырнул в сторону, орки, напиравшие на гаражные двери, внезапно обнаружили, что те начали подаваться. Издав очередной пробирающий до костей «Ваааагх!», они потоком устремились через расширяющийся проем — как раз вовремя, чтобы столкнуться с набирающим скорость во встречном направлении грузовиком. Мучительно завывая двигателем, несчастная машина, будто плуг, прошла прямо через центр толпы зеленокожих, разбросав тех, кому повезло, и раздавив не столь удачливых, исчезнувших под ее колесами с хрустом и чавканьем, которое было неловким образом сходно со звуками, какие обычно издавал Юрген, заполучивший тарелку с дарами моря. Если гибнущие и успевали

исторгнуть последние крики, то они потонули в разъяренном боевом кличе остальных, как один повернувшихся, чтобы преследовать удаляющуюся машину, дико паля на бегу.

— Вперед, — окликнул я Юргена, устремляясь за ними. Как я и надеялся, диверсия удалась просто чудесно — все до единого орки теперь устремились в погоню за пустым грузовиком. Я лелеял надежду на то, что по крайней мере некоторые из них догонят свою цель прежде, чем таймер дойдет до назначенной мною отметки. — Через пару секунд тут будет не очень здоровая атмосфера.

И в этом я абсолютно не ошибся.

Я устремился прочь от пакгауза и одновременно от грузовика с его дико завывающим эскортом зеленокожих, большинство которых продолжало впустую и с приятным отсутствием всякого результата тратить на него патроны; точнее, если быть до конца честным, то я просто бежал куда глаза глядят, лишь бы только поскорее убраться оттуда. Мы как раз достигли огораживающей периметр

складов сетчатой стены, которой хватило мимолетного взмаха моего цепного меча, чтобы согласиться пропустить нас, и осматривались, стараясь решить, куда рвануть дальше, когда отряд орков возле черного входа, очевидно, преуспел в том, чтобы ворваться на склад. Последовал громкий, но удивительно глухой звук «бамм!», раскатившийся по плоскому пустому пространству между ним и более крупным, лежащим в руинах зданием, на которое мы вышли, — как я полагаю, стены пакгауза удержали внутри большую часть звуковой волны. Медленно, сопровождаемая поднявшимся вокруг грибовидным облаком пыли, крыша склада рухнула внутрь.

— Это научит их не врываться без приглашения, — констатировал Юрген с очевидным удовлетворением.

Толпа орков, преследовавших грузовик, смешалась, в недоумении оглядываясь назад и пытаясь понять, что происходит, когда второй взрыв разметал машину и ее горящее содержимое в радиусе, гораздо более широком, чем я мог предполагать. Рев злости и боли был даже

сильнее воинственных криков, и многие зеленокожие, мгновенно превращенные в живые факелы, ничего не видя вокруг, закружились на месте, прежде чем пьяно споткнуться и упасть на обожженный солнцем камнебетон. Юрген улыбался, и его настроение с каждой минутой явно улучшалось.

— Похоже, для этих нам прометий уже не понадобится.

Тут бурная радость овладела и мною тоже, так что я едва смог удержаться от того, чтобы не вскинуть высоко в воздух сжатую в кулак руку, будто я только что забил выигрышный гол в скрамбольном матче, и только осознание того, что Юрген найдет подобную жестикуляцию недостойной и, несомненно, до конца дня повесит на лицо мину, подобную выражению мордочки щенка, страдающего несварением желудка (которая, как он полагал, выражала многострадальное терпение), удержало меня от подобного поступка. Впрочем, это было очень даже кстати, потому как торжество нашей победы, как вскоре должно было

выясниться, было несколько преждевременным.

— О нет, — произнес я, вложив в эти слова все свои чувства. — Да ты просто, к фрагу, шутишь!

Еще одна кучка зеленокожих с оружием на изготовку появилась из руин прямо по курсу и тут же устремилась в нашу сторону со столь уже знакомым боевым кличем. Я кинул взгляд вокруг, выискивая укрытие, и как раз в этот момент из сливной канавы перед нами выметнулся орк и обрушил мне на голову свой громадный мясницкий топор.

Глава десятая

Как мы умудрились не заметить эту тварь, мне, видимо, не узнать никогда, потому как была она вполне достаточных размеров и злобности, чтобы быть мгновенно обнаруженной, но, полагаю, наше внимание в тот момент было почти полностью поглощено наблюдением разрушений, которые мы учинили в пакгаузе и вокруг него. Первую атаку я парировал чисто инстинктивно, используя свой цепной меч, который, хвала Императору, все еще был активирован после того, как я разрезал им сетчатую изгородь, окружавшую складской двор. С потоком разлетевшихся вокруг искр я отвел неповоротливое орудие врага и сам отступил в сторону, позволяя зеленокожему продолжать движение в том направлении, которое он считал нужным, — до того как я столь непослушно убрался с его пути. Пока враг медленно восстанавливал равновесие, расцепляя наши клинки, возвратным движением я

глубоко рубанул по его грудной клетке и вызвал рев ярости и боли, а также очередной фонтан дурнопахнущих жидкостей. Он отшатнулся на шаг назад, пытаясь восстановить боеспособность, и я выстрелил из лазерного пистолета, остававшегося у меня в другой руке. Памятуя о первой встрече с этими созданиями, я ни в коем случае не был уверен в том, что даже после подобных повреждений он просто не соберется с духом и не бросится на меня снова, но тут Юрген не замедлил присоединиться ко мне, развернув торс существа очередью из лазгана.

Еще мгновение зеленокожий, казалось, сомневался в своей судьбе, и почти комичное выражение удивления как раз начало формироваться на его лице, когда он повалился спиной вперед обратно в камнебетонный канал, откуда столь неожиданно появился. Я кинул взгляд вниз, почти ожидая, что он начнет снова карабкаться за нами, но, благодарение Императору, орк затих навсегда.

Впрочем, наслаждаться победой

времени по-прежнему не было, потому как десяток или около того приятелей этой твари продолжали наступать на нас. Я нырнул в укрытие за обширной металлической трубой, увенчанной каким-то вентилем, и начал прикидывать, как нам использовать окружающую местность. Через мгновение знакомый запах несвежих носков сообщил мне, что Юрген укрылся поблизости, и очень вовремя, поскольку на наше импровизированное укрытие с грохотом и звоном посыпались плохо нацеленные выстрелы из ручного оружия.

— Из какого ада они выбрались? — задал я риторический вопрос, и Юрген пожал плечами, переводя свое оружие обратно на стрельбу одиночными.

— Кажется, из вон того здания, — обстоятельно пояснил он, принимаясь тщательно нашпиговывать рвущуюся к нам орду разрядами с обычной, весьма похвальной меткостью.

Несколько из его попаданий вышли очень удачными, так что двое нападавших упали, но, подобно тем, кого мы

встретили в пустыне, большинство просто не обращали внимания на полученные раны, даже такие, которые в момент вывели бы из строя любого человека. На таком расстоянии шансы причинить какой-то реальный ущерб с помощью моего лазерного пистолета почти отсутствовали, но, несмотря на это, я со всем рвением присоединился к Юргену в его трудах и, по крайней мере, был вознагражден тем, что еще двое пошатнулись и приотстали.[51]

В то же самое время я не переставал вглядываться в руины, на которые указал Юрген. Они были огромны и возвышались над большинством окружающих зданий, к тому же из остатков этого строения — или же, наоборот, в него — струились многочисленные трубопроводы. Что ж, это было неплохо, — похоже, та труба, за которой мы прятались, соединялась со многими другими, так что мы могли оставаться под ее надежной защитой по меньшей мере все то время, пока будем убегать. Однако оставался один вопрос: в

каком направлении бежать? Возвращаться тем путем, которым мы пришли, в очередной раз оказалось невозможным; несмотря на разрушения, которые мы оставили за собой, я не сомневался, что достаточному числу орков удалось выжить, чтобы сделать попытку отступления в том направлении проблематичной для нас. Двигаться вперед мы также не могли: оттуда прямо к нам бежали зеленокожие, а камнебетонный канал, из которого выскочил мой недавний оппонент, был слишком широк, чтобы его перепрыгнуть, моста же не было и в помине. Я, впрочем, не думал, что такая мелочь остановит зеленокожих, ибо, судя по мускулатуре, они, вероятно, способны были сигануть прямо через него и даже не сбиться с шага. Спускаться в канал в надежде найти убежище, подобное тому, что нам предоставлял акведук, было бы самоубийством. Этот был всего лишь пару метров глубиной, и, будучи застигнутыми внизу, мы могли бы лишь ждать, когда нас разнесут на мелкие кусочки.

— Сюда, — произнес я, уводя своего помощника вдоль трубы, которая продолжала звенеть и вибрировать в унисон с ударами пуль и болтов, которые выбивали дыры в противоположной ее стороне.

Насколько я мог судить, оставались считаные секунды до того, как орда нас настигнет.

— За вами, сэр, — заверил меня, как и обычно, Юрген, хотя мой нос возвестил об этом раньше его, и мы припустили со всех ног в сторону небольшого камнебетонного блокгауза, в котором скрывалась труба, вдоль которой мы следовали.

— Ох ты, фраг, — только и вымолвил я, когда еще один зеленокожий появился из-за угла здания.

Я свалил его одним выстрелом, через секунду с невероятным облегчением осознав, что это всего лишь гретчин. Впрочем, данный факт означал, что следом должна появиться целая компания его приятелей, что вскоре и подтвердилось, поскольку, как почудилось мне тогда, приливная волна мелких

вредителей — которая, по всей вероятности, была не более чем десятком или около того — выкатилась из-за угла бетонного зданьица, вереща и размахивая оружием, казавшимся еще более примитивным, чем то, которое использовали их повелители. И правда, по меньшей мере одно из этих орудий взорвалось прямо в руках владельца, когда тот попытался выстрелить. Впрочем, несмотря на это, Юргену и мне снова пришлось круто сменить направление и искать спасения, забираясь все глубже в переплетение трубопроводов, тянувшихся вокруг нас, и как раз вовремя — еще один хаотичный залп грохнул по металлу за нашими спинами.

— Кажется, тупик, сэр, — произнес Юрген.

Я понял, что он прав, и почувствовал, как мною овладевает сжимающий внутренности страх. По сторонам от нас те трубы, которые до сих пор предоставляли защиту от выстрелов врага, скрывались в обширном баке-накопителе пяти или шести метров

высотой. Вскарабкаться туда, чтобы оказаться в безопасности, было абсолютно невозможно, особенно за то время, которое у нас оставалось до подхода противника. К тому времени, как они достигли бы горловины узкого прохода, в котором мы так неосторожно поймали сами себя, мы просто представляли бы собой легкую мишень на стене.

— Назад, — решительно произнес я.

По крайней мере, если бы мы постарались вступить в бой в самой горловине узкого металлического ущелья, им пришлось бы атаковать нас по одному, и мы могли бы принимать бой один на один с каждым, а не с толпой. Это был, конечно, очень слабый шанс на спасение, один Император знает насколько, но все же бесконечно лучше, чем отсутствие всякого шанса вообще. Я повернулся назад с пересохшим ртом и ощущением, как тошнотворный узел ужаса все туже завязывается где-то в кишках. Более глубокие, нутряные звуки, перекрывавшие визг меньших по размеру зеленокожих, явно сказали мне, что мои недавние страхи

были совершенно обоснованы и толпа орков пересекла сточный канал абсолютно без всякого труда.

Ну что же, выбора у нас не было, и я обернулся лицом к своей судьбе, чтобы встретить ее наилучшим образом. По какой-то причине как раз в тот момент мне вспомнилась последняя передача от сержанта Тайбера: «Забрать с собой столько гроксолюбов, сколько сумеем». Мне это по-прежнему не казалось удачным планом, но на данный момент подходил и такой. Инстинкт выживания меня еще не подводил, так что я просто уповал, что не подведет и сегодня.

Я поднял лазерный пистолет, прицеливаясь так спокойно, как только мог, в прямоугольник солнечного света впереди. За ним двигались тени, и внезапно, как солнечное затмение, в нем появился орк. У меня достало времени лишь на то, чтобы отметить, какое гротескно огромное орудие находится в его руке, дополненное вращаемым над головой мясницким топором, без которого эти твари мне уже не представлялись, — и мой

движимый страхом палец уже готовился нажать на спусковой крючок...

Столь же внезапно земля содрогнулась, в ушах зазвенело от грохота накладывающихся друг на друга взрывов. Орк исчез в облаке дыма, от которого у нас заслезились глаза и которое за секунду взметнулось вокруг нас, подобно огромной волне. Ошеломленный, я помотал головой, затем мой инстинкт выживания включился на полную катушку — сильнее, чем когда-либо ранее. Я схватил Юргена за руку и проорал, кашляя от царапающей горло пыли:

— Вперед! Двигай!

Сквозь звон в ушах прорвались звуки редкого ружейного огня — и грубый лай орочьих орудий, и знакомый треск ионизированного воздуха, который мог исходить только от имперских лазганов. К чести моего помощника, он сумел собраться с теми мыслями, которые у него вообще были, почти мгновенно, и более его поторапливать не приходилось.

Мы вылетели из нашего убежища прямо на сцену кровавой бойни.

Большинство зеленокожих лежали на земле и явно были не только не в состоянии встать и продолжить бой, но и просто существовать, потому как их разбросало по окружающему ландшафту в виде не могущего не радовать числа кусочков. Несколько выживших гретчинов, очевидно, вполне пресытились сражением, поскольку удалялись куда-то в сторону горизонта со всей скоростью, которую позволяли развить их коротенькие нижние конечности, что, надо отдать им должное, было достаточно быстро. Лишь горстка орков, то ли слишком глупых, то ли слишком воинственных, чтобы бежать, еще отбивалась, поливая градом болтов и пуль окружающие металлические конструкции, откуда им отвечали точно положенными лазерными разрядами.

Пока мы наблюдали, еще двое орков упали, разорванные на части четким перекрестным огнем, и этого, очевидно, оказалось достаточно даже этим тварям. Оставшиеся трое, удивительно обильно истекая тошнотворной кровью, уставились друг на друга в немом

изумлении, пока в их черепушки не проникла наконец-то мысль, что они, несомненно, скоро разделят участь товарищей, если только не последуют примеру гретчинов. Как один, зеленокожие развернулись, побежали было и тут обнаружили, что мы с Юргеном закрываем им путь к спасению. С неизбежным своим «Ваааагх!» они отреагировали на это ровно так, как их род склонен реагировать в критических обстоятельствах: пригнули головы и бросились в атаку.

Не надо и говорить, что первой и непосредственной моей реакцией было просто убраться с дороги и позволить им бежать, пожелав скорее оказаться как можно дальше от нас, но, похоже, для данной ситуации этот вариант не подходил. С одной стороны, Юрген и я были зажаты с двух сторон проклятыми трубопроводами и деваться с пути орков было некуда, так что нас бы, скорее всего, просто растоптали в спешке, попробуй мы пропустить их. С другой стороны, у меня не было никакой гарантии, что орки просто пронесутся мимо, даже если мы

сумеем освободить им дорогу. Если судить по тому, что я уже видел, эти существа были вполне способны теперь, когда им представилась видимая цель, перебороть порыв к бегству с помощью врожденной жажды крови и сначала расправиться с нами, прежде чем продолжить отступление. И наконец, нужно было учитывать и наших спасителей. Первое произведенное впечатление должно было укрепить в них авторитет моей формы.

Как я сегодня не устаю пытаться вбить в молодняк под моим надзором, что не алый кушак и не занятная фуражка делают вас комиссаром, а то, как вы носите эту форму. Солдаты, с которыми вы служите, никогда не станут вас любить, но если вы сможете заставить их уважать себя, это почти так же хорошо. Помните, говорю я, что вы должны провести большую часть своей карьеры на одном поле боя с ними и у каждого в руках будет по ружью, так что заставлять их думать, что вы для них обуза, никогда не будет хорошей идеей.

Почти не размышляя, я отступил в

сторону так, чтобы столкнуться только с одним из зеленокожих, и хлестанул цепным мечом.

— Врешь, не уйдешь! — оскалился я, изображая, насколько возможно в текущих обстоятельствах, воинское усердие, и поднырнул под руку твари, несущую какой-то гротескно огромный стаббер.

Как и его приятели, выбранный мною орк держал во второй ручище тяжелый топор, и у меня хватало здравого смысла, чтобы не атаковать его с той стороны, где он мог свободно махать этой штуковиной. Почему ни один из них не выстрелил по нам, прежде чем броситься, я в то время не представлял совершенно, но с тех пор мне приходилось неисчислимое количество раз видеть такое же поведение. Едва зеленокожие подходили к врагу достаточно близко, тактического мышления, которое у них имелось, становилось не больше, чем у культистов Кхорна, — их настолько захватывала перспектива вступить в рукопашную, что, казалось, орки полностью забывали о стрелковом оружии, которое у них было.

Мой противник, например, попытался использовать свое ружье как дубинку и проломить мне череп, однако я легко уклонился, одновременно обнаружив, что он был так любезен, чтобы этим движением широко открыться для удара в грудь. Благодаря больше удаче, чем расчету, мое цепное лезвие вошло глубоко, прорезав существо насквозь, так что он еще пробежал несколько шагов, прежде чем резко рухнуть, развалившись пополам, подобно хорошо прожаренному стейку из мяса амбулла.

Юрген схватился с орком на другом фланге, упрямо поливая его лазерными разрядами в автоматическом режиме стрельбы. Я лишь мельком отметил результат, и это было крайне непривлекательное зрелище, потому как несчастный зеленокожий буквально распался на части под нескончаемым огнем в упор, эффект которого мог едва ли не сравниться с попаданием некронского шкуродера. Таким образом, оставался один орк, в середине, который промчался мимо меня подобно несущейся с горы бочке, еще

когда между мною и ним находился тот зеленокожий, которого я позже прикончил. Подняв тесак и завывая от ярости, он надвинулся на Юргена. Мой помощник легким движением взял новую цель, сразу же влепив несколько лазерных разрядов в грудь врага, и тут его ружье замолкло. Каждый из нас потратил немало выстрелов с тех пор, как мы покинули наш багги припаркованным на разрушенной фабрике всего лишь этим утром, а автоматический режим стрельбы опустошает батарею быстрее, чем огрин пивную кружку.

К счастью, я все еще имел некоторый момент инерции, поворачиваясь после удара, который расположил моего орка, и, что еще более удачно, зеленокожий наступил на то, во что мы превратили его товарищей. Он поскользнулся, потерял равновесие, и Юрген с удивительной быстротой сделал шаг вперед, нанося удар прикладом лазгана в нос твари; послышался отчетливый хруст, орк пошатнулся и начал заваливаться назад, все еще отчаянно пытаясь восстановить

равновесие, когда я довершил скользящее движение моего слабо напевающего цепного клинка, отрезав ему ногу под коленом. Тварь рухнула, лишившись правой нижней конечности, и попыталась было встать с видом тупого изумления, но в этот момент я обратным взмахом снес зеленокожему голову с плеч. Обезглавленное тело содрогнулось в конвульсиях и затерло на пропитанной кровью земле.

— Ловкий удар, — сказал я Юргену, оглядываясь, дабы убедиться, что орки в округе закончились.

Мой помощник просто пожал плечами, загоняя в лазган свежую батарею.

— Есть парочка уязвимых мест, — пояснил он.

Я кивнул. Учитывая исторически сложившуюся антипатию, которую его народ питал к зеленокожим, я не был удивлен, что он их знает (на самом деле, если бы я дал себе труд поинтересоваться заранее, вместо того чтобы отмахиваться от историй, которые мне довелось слышать на борту «Длани

возмездия», как от совершеннейшего преувеличения, я бы уже не сомневался, что едва ли не любой вальхаллец этим знанием владеет столь же хорошо).

— Нужно тебе будет меня подтянуть в этом вопросе, — произнес я (что, конечно же, Юргеном было принято не за комплимент, а за приказ, так что на следующий день он предоставил мне планшет данных, где в деталях описывалось несколько способов победить зеленокожего в рукопашной; впрочем, мне еще пришлось неисчислимое количество раз быть благодарным ему за эту науку).

— Так точно, сэр. — Он оглянулся, опуская свой уже перезаряженный лазган. — Это был последний?

— Надеюсь, — произнес я. В ближайших окрестностях и правда зеленокожих больше не наблюдалось, так что я, выключив цепной меч, вернул его в ножны. — Полагаю, нам стоит выяснить, кого же благодарить.

Я указал на разбросанные куски орков, испоганившие собою камнебетон вокруг.

— Нас.

Из переплетения труб появился человек, глаза которого скрывались за солнечными очками, — в их стеклах мы с Юргеном отражались похожими на два манекена с огромными головами. Поверх пыльной формы на нем была одета легкая броня, хотя, в отличие от цветов хаки, которые носил мой помощник, она была раскрашена в оттенки городского камуфляжа. На рукавах были видны сержантские нашивки, хотя обвислая широкополая шляпа от солнца, которую он носил вместо шлема, была лишена каких-либо знаков различия. При себе человек имел лазган стандартного образца, который свободно держал в руках, не направляя на нас, но и не закидывая за плечо.

— Классный трюк, — произнес я.

Он кивнул, указывая подбородком на троицу мертвых орков у наших ног.

— Возвращаю вам ваш комплимент. — Человек с ног до головы смерил меня взглядом. — Полагаю, вы Каин.

— Если вы не считаете, что тут мог пробегать еще какой-нибудь комиссар, —

согласился я. — А вы, должно быть, Тайбер.

— Да уж, доводится быть таковым. — Он подал знак рукой, и горстка людей начала появляться из того же самого переплетения труб, где скрывался он сам. — Вижу, вы все-таки нас нашли.

Ну конечно же. Руины, возвышавшиеся перед нами, просто должны были оказаться гидростанцией. Это, полагаю, объясняло и переплетения труб. Впрочем, я просто кивнул, налепляя на лицо самую спокойную улыбку, какую только мог, и произнес:

— Насколько было слышно, вас немного отвлекли. В этих обстоятельствах было бы грубо настаивать на том, чтобы вы высылали за нами эскорт.

Тайбер все так же продолжал всматриваться в меня, так что я решил взять инициативу в свои руки:

— Как Гренбоу? Ваша передача прервалась весьма внезапно.

— В порядке, сэр, — доложил молодой парень, едва вышедший из подросткового возраста, с громоздким вокс-передатчиком за спиной. Судя по виду агрегата, можно

было догадаться, что он остановил собой один из выстрелов, определенно сохранив этим жизнь бойцу.

— Рад слышать, — откликнулся я и снова переключил внимание на сержанта: — Нам нужно выдвигаться. Позади еще осталось сколько-то зеленокожих. — Я указал на колонну дыма, поднимавшегося в небо с того места, где мы подорвали грузовик.

Тайбер кивнул:

— Нужно. Теперь они знают, где мы скрываемся. Собирайте ваших людей — и вперед.

— Это все, что у меня есть, — сказал я, указывая на своего спутника. — Мой помощник, стрелок Юрген. Наш десантный корабль был подбит на входе в систему, и наша спасательная капсула лишь несколько дней назад упала здесь, в пустыне.

— Занимательная история, да. — Тайбер отвернулся, чтобы дать сигнал своим подчиненным. — Пойдемте. Мы выдвигаемся, хотя Император знает куда.

Примечание редактора

Поскольку Каин обычно сосредотачивается исключительно на личных переживаниях, забывая обо всем остальном, добавлю несколько слов, способных пролить чуть больше света на события, описанные им в предыдущем фрагменте. Конечно, мемуары сержанта Тайбера, как и у остальных отставных мужчин-военнослужащих (впрочем, сразу вспоминается мне и не раз уже упомянутая женщина), написаны весьма своеобразным стилем. Тем не менее они сохраняют неизменную популярность на его родном мире, как сохраняет ее и автобиографическое произведение Каина «На службе Императору: Жизнь комиссара» (стоит заметить, что эта книга куда менее интересное чтиво, чем личные дневники; должно быть, это объясняется тем, что попытка переосмыслить свой житейский опыт для передачи его последующим поколениям ставит в тупик бывалых вояк, привыкших решать все

проблемы куда более прямолинейно).

Из книги «Поступь Освободителя: Каин, как я его знал» за авторством Аларика Тайбера, 337.М41:

«Возможно, это слишком малая малость, чтобы хвалиться ею, и она меркнет по сравнению со значимостью тех несчетных тысяч жизней, сохранением которых мы обязаны его вдохновенному лидерству, но именно моя оказалась первой из спасенных Каином Освободителем, вернее, если быть более точным, это были жизни горстки бойцов, что осталась от моего отряда.

С того самого момента, когда зеленокожая чума опустилась на наш родной мир, мы сражались с ней, прилагая все наши способности, применяя тактику удара и отхода, в то время как орки, имеющие подавляющее численное превосходство, собирали кровавую дань со стелых защитников планеты. В предыдущей главе я обрисовал обстоятельства, в которых, будучи отрезанными от быстро разрушающейся

командной структуры, мы ушли в подполье, затаившись на разрушенной гидростанции, где прежде работал Ласкинс, и использовали туннели, соединяющие ее с остальными частями города, чтобы устраивать партизанские рейды против тех целей, которые могли обнаружить. По какому-то дурному стечению обстоятельств мы в ходе одной из таких вылазок выдали местонахождение нашей импровизированной цитадели и были атакованы немалых размеров бандой орков прямо на месте нашего базирования. Ирония заключалась в том, что именно в тот день на контакт с нами вышел комиссар Каин, и это был первый вокс-сигнал, который мы получили почти за целый месяц.

Если бы не это случайное совпадение, мы, несомненно, были бы застигнуты врагом врасплох и до единого перебиты в нашем укрытии. Но мы как раз вышли навстречу комиссару, когда знакомые звуки орочьих голосов, которые нельзя спутать ни с какими другими, предупредили нас,

что наша база обнаружена. Мы тут же вступили в бой и сумели отбить первый натиск, но я отдавал себе отчет, что положение наше безнадежно. Как если бы специально, чтобы сделать его еще печальнее, или так мне показалось в тот момент, комиссар Каин также встретился с некоторыми частями банды, окружившей нас, и оказался в ловушке наедине с превосходящим врагом и глядя в глаза неминуемой смерти.

Если бы я только знал, какими бесподобными глубинами смелости и умения обладает Освободитель, я тревожился бы гораздо меньше. Использовав блестящую стратагему, он сумел не только превзойти окруживших его врагов, но и оттянуть на себя основную массу тех зеленокожих, что осаждали нас. Несомненно, устрашенные шумом и разрушениями, которые смог произвести этот несравненный тактик, они решили, что столкнулись с массированной контратакой, и большая их часть повернулась, чтобы встретить лицом к лицу этого выдуманного врага, давая нам

столь необходимую возможность отступить. Благодаря великой удаче, избранный врагом путь отступления привел в проход, который мы заранее заминировали, ожидая нападения с той стороны, и по причинам, которые мы не могли в тот момент осознать, все они остановились как раз в середине убойной зоны. Одного простого сигнала на детонацию было достаточно, чтобы превратить основную боевую силу орков в горстку оглушенных выживших.

Именно тогда мы впервые имели честь узреть Каина Освободителя, смело противостоящего атаке орков, которая, несомненно, заставила бы задуматься более слабого человека. Он же, неустрашимый, ринулся прямо им навстречу, разбираясь с нападавшими шквалом умелых ударов и защит, позволяя своему цепному мечу рубить тела врагов столь же невозмутимо, как топор дровосека валит огромные деревья.

Когда он зачехлил оружие и двинулся вперед, чтобы поприветствовать нас, со скромнейшей улыбкой, будто смущенный

тем, что его застали за незаконченной работой, я был поражен, насколько он молод. У нас в СПО комиссаров не было,[52] так что все, что я знал о них, было лишь обычными историями, но вскоре мне предстояло убедиться самому, что, несмотря на очевидную молодость, зрелость и точность суждений Каина несравненны.

Конечно, первый же его вопрос, после того как мы приветствовали друг друга, был о здоровье моего оператора вокса, который принял выстрел на свою установку как раз в тот момент, когда мы, чуть ранее, обменивались сообщениями с комиссаром, и это было, как мы вскоре поняли, первым проявлением глубочайшей заботы, которую он проявлял ко всем, кто даже случайно попал под его крыло.

И только когда мы покинули былое пристанище, я осознал, насколько вдохновляющей была природа его лидерства. Со всех точек зрения, как ни погляди, мы были в тот момент гонимы,

вынуждены снова и снова бежать, но комиссару Каину это, очевидно, сокрушительное отступление виделось совершенно иначе.

И естественно, ибо это, по сути своей, положило начало движению к победе настолько полной, какую никто из нас тогда не мог представить даже в мечтах».

Глава одиннадцатая

Возвращение туда, где мы с Юргеном оставили наш позаимствованный у орков транспорт, оказалось гораздо менее мучительным, чем я предполагал. Выяснилось, что один из солдат работал на гидростанции, прежде чем записаться в СПО, и поэтому был достаточно хорошо знаком с сетью туннелей и коллекторов под городом, чтобы провести нас без всякого опасения снова столкнуться с зеленокожими. По крайней мере, я так надеялся. Для меня становилось все более очевидным, что, какими бы злобными и импульсивными они ни были, общепринятое поверье, будто они тупы, как пни болотные, не вполне соответствовало действительности. Сказать по правде, среднестатистический зеленокожий по сравнению с человеком (да и ратлингом, если уж на то пошло) и правда довольно глуп, но абстрактное мышление им особенно и не требовалось. Но что-то же привело их к укрытию

Тайбера на гидростанции, и им не должно было потребоваться много времени, чтобы сообразить, что мы ушли по начинающимся от нее туннелям. И несмотря на то, что вся моя натура жителя улья приветствовала те ощущения, которые порождало замкнутое пространство, интерпретируемое инстинктами как нечто знакомое и безопасное, все время, что мы пробирались по нему, я не переставал вслушиваться в расходившееся по туннелям эхо, стараясь вычленить звуки преследования или залегшей впереди засады.

Чем дальше мы удалялись от южного сектора, тем больше я позволял себе расслабиться и теперь уже мог более внимательно прислушиваться к рассказу Тайбера. Он и его подчиненные использовали эти самые туннели уже не одну неделю, нападая на отдельные патрули орков, устраивая набеги за припасами и, в целом, отравляя жизнь зеленокожих самим фактом своего существования. Ну, молодцы конечно, но, собственно, в этом и состояла их работа,

и чем больше зеленокожих они уже уложили, тем я был счастливее, но из тех подробностей, которые он излагал, мне все очевиднее становилось, что они лишь отсрочивали неизбежное.

— А что нам еще оставалось делать? — наконец вопросил Тайбер, уже когда мы добрались до разрушенной фабрики, где был припаркован наш багги. Он осторожно оглядывался, очевидно прикидывая, нельзя ли превратить это место еще в одну импровизированную базу операций, откуда можно было бы досаждать зеленокожим. — Не сдаваться же?

— Конечно нет, — согласился я.

Теперь уже он, кажется, убедился в том, что мы не орочьи коллаборационисты, что, конечно, привело к некоторому улучшению в отношениях, по крайней мере теперь он уже желал выслушать мое мнение. Не знаю уж, что сыграло здесь роль — мой авторитет как комиссара, мои личные качества, с помощью которых я старался подспудно, насколько мог, укрепить то доброе

впечатление, которое, очевидно, произвела на него сцена разделки мною парочки орков, или, наконец, полная тарелка разогретых зеленых соевых ростков, которые он уплетал, в то время как мы продолжали разговор. Если что и убедило солдат СПО в наших добрых намерениях, так это целая куча личных сухпайков, которые мы забрали со спасательной капсулы, — похоже было, что теплой еды они не пробовали уже много дней.

— Теперь они знают, что вы скрываетесь где-то в городе. Возможно, пора уходить.

— Уходить куда? — спросил Тайбер, слегка морщась, когда Юрген наклонился, чтобы подлить рекафа в его чашку (чего, по мне, в его положении делать не следовало — месяц пожив в крайне стесненных условиях, он тоже не особенно благоухал).

На его вопрос я лишь пожал плечами, отправляя в рот еще одну порцию восстановленной соевой бурды, и пояснил:

— Мы надеялись соединиться с основными силами. Мы знаем, что наш

полк добрался в целости, и нашим долгом является вернуться в его ряды как можно быстрее.

Для того, конечно же, чтобы я мог снова заняться спокойным сидением за линией фронта, не испытывая на себе ничего более страшного, чем обычные попытки полковника Мострю убедиться, что я действительно настолько герой, насколько должен бы быть, но говорить с Тайбером так откровенно, мне казалось, не стоило. Впрочем, к моему удивлению, он все равно только рассмеялся на мои слова и заявил:

— Ну, удачи. Вам она понадобится в таком случае.

Что-то в том, как он отреагировал, заставило мои ладони снова начать зудеть, но я лишь улыбнулся, будто мы обменялись комплиментами.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил я.

Вместо ответа он вытащил из рюкзака планшет с картой и предложил поглядеть.

— Мы находимся здесь, — произнес он,

указывая, к моему тщательно сдержанному удовлетворению, примерно то же место, которое мы рассчитали по грубо начерченной орочьей карте. Я кивнул, показывая, что понял. — А ближайшие силы обороны здесь. — Тайбер прокрутил карту до самого западного континента и постучал по узкому перешейку, который соединял два больших пространства суши. — Примерно вот так, — пожал плечами он, — если не считать случайных разрозненных групп типа нашей, конечно же.

— Ясно, — протянул я, с непринужденностью опытного обманщика пряча тот факт, что желудок мой, казалось, опустился куда-то ниже пяток, и тоже пожал плечами. — Похоже, наша тактическая информация была несколько устаревшей.

— Можно и так сформулировать, — согласился Тайбер.

Я глотнул еще рекафа, отчаянно желая, чтобы вместо него была танна. Голова моя шла кругом от тех выводов, что подсказывала эта новая информация.

Как ни посмотри, а мой изначальный план все еще выглядел как единственный, дающий хоть малейший шанс обеспечить мое выживание. Оставаться за сотни клонов во вражеском тылу, ничего не предпринимая, было просто очень долгим самоубийством. Раньше или позже, но даже моя удача должна была подойти к концу.

— И все же, — медленно проговорил я, — мне нужно попытаться. Я должен. Этого требует мой долг перед полком и Комиссариатом, а также... — Я снова пожал плечами и слабо ухмыльнулся в сторону Юргена, зная, что только он поймет и шутку, и тот факт, что в целом в ней содержится большая доля правды. — Вы знаете, ближайшая чашка танны находится где-то на том континенте. И я собираюсь ее получить.

В конце концов убедить Тайбера следовать за мною оказалось гораздо легче, чем я ожидал. Я беспокоился, не придется ли давить на него с позиции моего комиссарского ранга, но он был достаточно

умен, дабы осознавать, что заварушка в южном секторе расшевелила зеленокожих до той степени, что шнырять по округе никем не замеченным будет гораздо сложнее, чем раньше. Что же касается солдат под его командованием, я не знал и совершенно не заботился о том, что они по этому поводу думают; заполучив на свою сторону Тайбера, я собирался отдавать им приказы через него, а им просто полагалось выполнять их, как всякой доброй пехтуре. Если я и заметил какие-то знаки нежелания покидать город, то отнес их на предвидимые практические трудности путешествия, которое мы собирались предпринять.

— Мы никогда не доберемся туда пешком, — заметил Тайбер и, чтобы подчеркнуть свою мысль, уменьшил масштаб карты так, чтобы наше нынешнее местонахождение и наша цель были видны на пикт-экране одновременно.

Опускались сумерки, и я не имел ничего против, ведь мы собирались выскользнуть из этого гнезда огненных шершней так, чтобы орки вовсе не

заметили, и лучше всего будет осуществить это в темноте. Я кивнул, соглашаясь, и Тайбер, чье лицо было слабо подсвечено скудным светом экрана карты-планшета, пожал плечами, показывая, что добавить ему нечего.

— Ну что ж, тогда нам придется раздобыть какой-нибудь транспорт, — произнес я.

Нечего и упоминать, что взять их на борт нашего багги мы не могли. Он был настолько набит запасами со спасательной капсулы, что там едва оставалось место поставить ноги, но, даже если бы мы все это выбросили (каковой возможности у нас не было, учитывая, какие пространства нам предстояло преодолеть и лишние восемь ртов, которые нужно было кормить[53]), все равно весь отряд в машину не влез бы.

Тайбер приподнял бровь.

— И где вы предлагаете найти транспорт? — спросил он.

Я указал на добытую нами орочью машину небрежным кивком:

— Уверен, орки переживут, если мы позаимствуем у них еще парочку.

И опять, хоть я ожидал, что Тайбер будет спорить, к моему изумлению, он только кивнул и проявил, пожалуй впервые с начала нашей дискуссии, какие-то намеки на энтузиазм:

— Я знаю, где это можно сделать.

Если бы дело происходило в последующие, более зрелые мои годы, полагаю, уже тогда вмешалась бы моя врожденная паранойя, но в те дни я был намного более наивен и чувствовал такое облегчение от его согласия, что даже не подумал о скрытых мотивах, которыми мог руководствоваться этот человек.

Глава двенадцатая

В конце концов тот план, на котором мы остановились, оказался достаточно простым, но в то же время в немалой степени отчаянным. Тайбер и его подчиненные хорошо знали город — это было неудивительно, учитывая, что большинство жили в нем с самого рождения; при этом они все прошедшее с начала вторжения время с весьма похвальной тщательностью следили за деятельностью зеленокожих. Тайбер вызвал на картографическом планшете план улиц и указал нам с Юргеном, склонившимся над крохотным изображением, главные местные ориентиры. Как и всегда, едва я бросил взгляд на картинку, включилось мое врожденное чувство направления, и мне пришлось с удовольствием отметить, что могу самостоятельно и без труда проследить ту дорогу, которой мы прошли этим утром.

— Большинство не используемой

постоянно техники они держат здесь, — произнес Тайбер.

Узнав обычный картографический значок для обозначения храма Адептус Механикус, я кивнул. Это было понятно, хотя, учитывая то состояние, в котором мы обнаружили наш позаимствованный багги, с трудом верилось, что регулярное обслуживание техники находилось на первом месте в списке приоритетов его хозяев. Я озвучил это соображение, и один из солдат, по имени Хаском, неуверенно вмешался.

— В основном они заезжают туда за горючим, — произнес он. — И там же строят новые.

— Новые? — эхом откликнулся я.

Хаском кивнул:

— У зеленокожих есть какие-то свои техножрецы. Они делают всякую... всячину.

Я кивнул в ответ, чтобы показать, что прислушался к его словам. Еще у Юргена я узнал, что некоторые из орков обладают рудиментарными знаниями в технических вопросах, но новость о том, что зеленокожие способны производить

новые опасные игрушки, чтобы заменить те, которые ломаются, придавала всему абсолютно иную окраску. Я бросил взгляд на Тайбера:

— Мне кажется, что именно это место вы должны были разрушить как можно скорее.

Сержант неловко замялся.

— Все не так просто, — произнес он. Я нацепил на лицо выражение вежливого интереса, и, когда он осознал, что выпытывать детали у него не будут, в конце концов сам рассказал мне явно гораздо больше, чем изначально собирался (что является хорошим примером того, почему я стараюсь внушить своим воспитанникам некоторую долю терпения, хотя эти мелкие сопляки обычно слишком юны и восторженны, чтобы понять, для чего оно необходимо). — Там мощная охрана. Нам ни разу не удалось проникнуть внутрь, а даже если бы мы это сделали...

Он помедлил, и я исподволь отметил возросшее напряжение среди солдат, подобное легкому предчувствию надвигающейся грозы.

— Мы не можем взорвать его.

— Почему? — спросил я. — Если это станция дозаправки, там должны быть прометиевые баки.

Я бросил взгляд на солдата Ласкинса, ту самую туннельную крысу, по совместительству несшего ракетную установку, и его напарника Йодрила, чей короб с ракетами был почти пуст.

— Право слово, если хорошо выбрать расположение для стрелка, то бронебойного кумулятивного заряда, выпущенного из-за пределов ремонтного комплекса, будет более чем достаточно.

— Было бы, — мгновенно согласился Ласкинс с видом человека, который именно об этом более чем достаточно спорил сам с собой.

— Но это будет огонь по своим, — вставил Гренбоу.

Он все еще таскал с собой бесполезный теперь вокс-передатчик, но, хоть убей, я не мог понять зачем. Возможно, он просто настолько привык к нему, что уже не замечал веса за спиной.

Ласкинс пожал плечами:

— Они то же, что мертвецы. Просто еще двигаются и дышат.

Гренбоу и еще пара солдат налились краской злобы, и я вмешался, разряжая обстановку, с легкостью, выработанной долгой практикой.

— Прошу прощения, — произнес я, — но я не вполне понимаю, о чем речь.

Тайбер тяжело вздохнул.

— Там же они держат пленных, — произнес наконец он.

Я подумал о тех истощенных развалинах, которых мы видели сегодня утром, и внутренне не мог не согласиться с Ласкинсом: никто из них не выглядел способным протянуть слишком долго. Впрочем, произносить это вслух значило ничего не добиться, так что я просто рассудительно кивнул, будто признавая его точку зрения.

— Мы должны принять все меры для того, чтобы защитить гражданских, — заявил я, даже не представляя себе, насколько эта простая ложь осложнит мне жизнь. В тот момент, впрочем, я добился именно того эффекта, на который

рассчитывал, и атмосфера напряженности исчезла так же быстро, как возникла. — Это даже не подлежит обсуждению. — Я снова обернулся к сержанту. — Но и наша задача изменилась по сравнению с той, которую вы рассматривали раньше. Мы должны лишь проникнуть внутрь, добыть себе транспортные средства и выбраться обратно. Как бы вы решили ее?

— Мне потребовалась бы диверсия, — откликнулся Тайбер. — Но координировать действия было бы проблематично. Как только мы разделимся, мы потеряем всякую связь друг с другом.

— Нет, не потеряем, — заверил я его, постучав по микрокоммуникатору в своем ухе. — У нас достаточно таких штучек, чтобы хватило на всех.

Сержант всего мгновение выглядел удивленным.

— Отлично, — произнес он. Потом взглянул на Йодрила. — Осколочные остались?

— Один, — подтвердил заряжающий. — И два бронебойных.

— Этого вполне достаточно для

диверсии, — заверил я, оборачиваясь к команде ракетомета. — Вы сможете найти такое место, чтобы оно возвышалось над ремонтным блоком?

Ласкинс лениво улыбнулся.

— Я знаю как раз одно такое, — произнес он, совершенно меня этим не удивив.

— Рад слышать, — вернул я ему улыбку. — Расположитесь там и ждите нашего сигнала. По нему запустите осколочный в самую большую толпу зеленокожих, какая найдется в поле зрения.

— Затем отступаете к точке встречи, — твердо произнес сержант Тайбер, очевидно обеспокоенный, что тот энтузиазм, который питал Ласкинс к идее поджечь прометиевые баки, возобладает, пока мы еще будем внутри.

Я рассудительно кивнул, как будто именно такой приказ и рассчитывал отдать.

— Это, вероятно, будет наиболее разумно, — согласился я и повернул планшет с картой к Ласкинсу. — Где вы будете находиться?

— Здесь, — указал он, и я снова кивнул.

— Вы можете оттуда видеть основные ворота?

— Как день ясный, — заверил меня ракетометчик, а заряжающий потряс головой, живо подтверждая его слова.

— Тогда я предлагаю, — обращаясь к Тайберу, произнес я тонко рассчитанным тоном, дабы дать понять, что предложение это является обязательным к исполнению, — чтобы они оставались на месте до того момента, пока мы не окажемся в безопасности. На тот случай, если нам понадобится прикрытие при отступлении.

— Это может оказаться весьма предусмотрительным, — с очевидным нежеланием согласился сержант.

Я обернулся к Ласкинсу, скрывая собственные дурные предчувствия, будто я лично, своими руками вручаю пиромаьяку огромнейшую коробку спичек.

— Однако не стрелять без четкого приказа сержанта Тайбера или лично моего, — добавил я, будто только что подумав об этом. — Запасные ракеты,

знаете ли, на деревьях не растут.

— Никак нет, сэр, не растут, — печально кивнул тот и тут же расплылся в ухмылке. — Но было бы неплохо, коли б росли, а?

Когда солдаты ушли на назначенные посты, нам с Юргеном не оставалось ничего другого, кроме как ждать. Ночь уже вступила в свои права, и с ней пришел холод, так что я почувствовал себя гораздо уютнее, затянув шинель. В темноте ее мрачный черный цвет был определенным преимуществом, и в ближайшие часы я собирался использовать его во всей возможно полной мере. Как и всегда, когда приходилось ждать, пока придет время боя, я нашел, что размышляю о том, правильные ли решения принял. Мы с Юргеном подвергнемся огромному риску, и я был совершенно не уверен в наших новообретенных союзниках. Возможно, наиболее разумным было просто отбыть самим по себе, направившись к западу и надеясь проскочить мимо орков незамеченными.

Но нет. Это было бы самоубийством. Возможности преодолеть все это расстояние без огневой поддержки у меня практически не было. Если я хотел увеличить шансы добраться к своим до разумного предела, мне нужно было взять солдат с собой, а для этого добыть им какой-нибудь транспорт. Это, в свою очередь, означало, что я был обречен и дальше развивать наш смехотворный план, который, когда мне представилось время рассмотреть его без спешки, был дыряв, подобно юргеновским носкам. Было, впрочем, некоторым утешением услышать наконец в микронаушнике, где до того лишь шипела статика, голос Ласкинса, запыхавшийся и возбужденный:

— Вторая команда. На месте.

— Отлично. — Чисто инстинктивно голос мой оставался спокойным. — Ждите сигнала. Первая команда, докладывайте.

— Приближается к цели, — произнес Тайбер, и все снова смолкло, поскольку он, как всякий хороший сержант, был верен вокс-дисциплине, по крайней мере такой, какую предусматривали стандарты СПО.

Я глубоко втянул ночной воздух и вскарабкался на борт багги, где уже поджидал Юрген, закутанный в одеяло.

— Ну что ж, — сказал я, когда мой помощник завел двигатель и машина дернулась, набирая ход, — поглядим, сработает ли все это.

Поначалу, казалось, все шло удачно, и Тайбер, вскорости после того, как мы выдвинулись, передал по воксу, что он и пятеро солдат с ним ждут в дренажной штольне, которую им указал Ласкинс и которая выведет их едва ли не внутрь самого периметра охраняемой ремонтной зоны без того, чтобы им пришлось подставляться под вражеский огонь; или, если удача будет нам сопутствовать, они вообще не встретят охраны, если, конечно, зеленокожие вообще были достаточно организованны, чтобы выставить таковую. Нетрудно предположить, что они этого не сделали, или, по крайней мере, не здесь, потому как металлическая решетка, через которую производился слив отходов от сокровенных процессов, вершившихся

здесь в более счастливые времена, делала доступ с этого направления невозможным без применения взрывчатки или подобного рода не самых потайных средств. Взрывчатки, конечно, у нас в достатке не было, да и я на месте Тайбера вовсе не был бы рад заниматься взрывными работами в тесных трубах, но, как и всегда, мой помощник легко бросил вызов проблеме, выудив из множества подручных инструментов, которые он забрал с нашей разрушенной капсулы, небольшую паяльную лампу.

Конечно же, подобный способ все-таки был несколько шумноват, но, если бы все пошло по плану, у зеленокожих ко времени, когда перлийцы начали бы прожигать решетку, должна была образоваться гораздо более примечательная забота. Так что все было бы хорошо, пока их внимание не сосредоточилось бы на нас...

Путешествие к бывшему храму техножрецов вытянуло из нас все нервы. Я скорчился за грудой тюков с добром, украшающих нашу самодвижущуюся развалюху, надеясь, что этого будет

достаточно, чтобы скрыть меня от посторонних взглядов. Впрочем, того, что я сам все же мог видеть на ночных улицах, мне хватало с избытком, поскольку там наблюдалась все та же бурная деятельность, нисколько не ослабленная ночными часами. Тут и там пылали костры, озаряющие отвратительные картины мерцающими оранжевыми бликами, и один раз я заметил горящее здание, очевидно подожженное просто ради освещения.[54] Машин, впрочем, было меньше, чем днем, и большинство из тех, которые мы видели, двигались в том же направлении, что и мы, так что разведданные Тайбера, как казалось, были верны по меньшей мере в этом отношении.

Один раз, к моему ужасу, целое стадо гретчинов попыталось взобраться к нам на борт, вереща и борморча в сторону Юргена, очевидно демонстрируя, что наш импровизированный маскарад работал, по крайней мере при взгляде издалека. Ожидая неприятностей, я не вкладывал оружия в ножны, и мой большой палец уже

лег на руну-активатор цепного меча. Но прежде, чем я обнаружил свое присутствие, запустив его, Юрген ударил одного из непрошеных попутчиков точно и сильно, заставив перевалиться обратно через борт, и громко захохотал. Это возымело должный эффект, потому как остальные гретчины последовали за своим упавшим товарищем, сами разразившись истерическим хихиканьем.

— Что это была за чертовщина? — тихо спросил я.

Юрген пожал плечами:

— Они просили подвезти. Я сказал «нет». — В его голос начала закрадываться тень неуверенности. — Обычно мелкие не водят машин.

— Вовремя ты это вспомнил, — откликнулся я, в то время как дрожь дурного предчувствия начала карабкаться вверх по моему позвоночнику.

Если бы кто-то из орков заметил что-то необычное, с нами было бы покончено. Впрочем, теперь поворачивать было уже поздно: мы были обречены довести дело до конца. Я активировал

микронаушник.

— Вторая команда, приготовиться, — произнес я. — По моей команде...

— Уже заряжено, — заверил меня Ласкинс. — И мы выбрали хорошенькую сочную мишень.

— Вижу вас, — перебил Йодрил.

Теперь, когда орудие было заряжено и готово к стрельбе, он, очевидно, наблюдал за местностью с помощью ампливизора. Выглянув поверх оружейной консоли и плеч моего помощника, я смог увидеть, что мы приближаемся к воротам из кованого железа, чей рисунок включал шестереночный символ Адептус Механикус. Створки были распахнуты настежь, открывая проход в высокой стене, покрытой изображениями Омниссии, осквернеными теперь, по большей части, отвратительной орочьей мазней.

— Если мы проскочим, то едва-едва, — предупредил я Ласкинса. — Будьте готовы в любую секунду.

К моему несказанному облегчению, он даже не озаботился ответить, очевидно сосредотачиваясь на том, чтобы точнее

навести выстрел. Юрген начал замедлять ход. Крупный орк, хотя, вероятно, не более крупный, чем те, которых мы видели ранее, просто кажущийся огромным моему охваченному ужасом сознанию, отлепился от теней, окружающих ворота, и легко двинулся к нам, подняв кулак величиной с добрый окорок, приказывая нам остановиться. Юрген еще сбросил скорость.

— Огонь!

Росчерк пламени разрезал небо над нашими головами, привлекая внимание каждого зеленокожего в округе, и скрылся за стеной. Приближавшийся к нам охранник молниеносно повернулся, чтобы отследить его движение, инстинктивно реагируя на угрозу, и Юрген снова вдавил педаль газа, пока враг на мгновение отвлекся. Звук столкновения, с которым зеленокожий исчез под колесами нашей машины, заставив ее корпус заметно вздрогнуть, был поглощен более мощным грохотом взрыва внутри огороженного стеной пространства и последовавшей едва ли не сразу за ним какофонией криков и

рева.

— Вперед! — проорал я одновременно Тайберу и Юргену, и мой помощник врубил двигатель на полную, швырнув нас между створками ворот за мгновение до того, как второй охранник захлопнул их, умудрившись при этом еще и вынырнуть из-под колес и складывая при этом на нас многоэтажную лингвистическую конструкцию, смысл которой был, очевидно, ясен без всякого знания орочьего.

— Входим, — сообщил сержант, и Юрген снова дернул рулевую рукоять, разворачивая нас к кучке машин, стоящих возле огромного бака, который не мог быть ничем иным, кроме как топливным запасом. В процессе мы пронеслись мимо еще одного зеленокожего, который, расширив от шока и внезапного понимания глаза, наставил на нас украшенный когтем палец.

— Члвеки![55] — проорал он.

Прежде чем я сумел что-либо предпринять по поводу этого его открытия, голова твари взорвалась, и

Ласкинс удовлетворенно хмыкнул у меня в наушнике:

— Не извольте беспокоиться, комиссар, блох мы с вас снимем.

— Буду весьма признателен, — произнес я, поднимаясь на ноги и размышляя о том, что чем дольше он развлекается прицельной стрельбой по оркам из своего лазгана, тем выше вероятность, что он случайно поджарит нас всех.

Толку скрываться все равно уже не было, так что я просто крутанул тяжелый болтер и начал разряжать его в наиболее плотные скопления зеленокожих, которые мог найти.

И вовремя. Никто не мог бы обвинить орков в излишней организованности, но на угрозу они реагировали едва ли не мгновенно, и потому каждый схватил какое-нибудь оружие и бросился в нашу сторону так быстро, как только мог. К счастью, по большей части они, как и все предыдущие, казалось, были слишком сосредоточены на том, чтобы лично схватиться с нами, чтобы тот ответный

огонь, который велся в нашу сторону, был весьма редким и легко отражался толстой броневой обшивкой, прикрученной ко всем поверхностям нашей машины. Что было еще более удачно, орки приближались такими тесными группами, что промахнуться на подобном расстоянии было просто невозможно; все, что мне нужно было делать, — это нажимать спусковой крючок и наблюдать, как они валятся штабелями и большинство легкораненых затаптываются в спешке теми, кто выступал из задних рядов, чтобы заполнить образовавшиеся бреши.

— Тайбер, — произнес я, с усилием сохраняя невозмутимость, — где вы? — Определенно у него не должно было уйти столько времени на то, чтобы прожечь барьер, перекрывающий дренажную штольню. — Вы внутри?

— Идем к вам, — заверил меня сержант, хотя единственные потери в стане врага, которые я мог видеть, кроме тех, причиной которых являлся сам, были результатом редкого снайперского огня Ласкинса и Йодрила, заставляющего

упасть то одного то другого зеленокожего (правда, по большей части они просто встряхивались и бежали дальше, но, по крайней мере, это заставляло их немного сбавить ход и начать оглядываться в смутном раздражении тем, что они не видят источника угрозы).

— Рад слышать, — ответствовал я, допуская лишь самую малую нотку сарказма. Юрген затормозил с рывком, который едва не оторвал меня от моего орудия, а в следующий момент я увидел, как он карабкается на ближайшую из стоящих здесь же машин. Это был один из бронированных грузовиков, которые я ранее замечал на улицах, и выглядел он так, будто был способен нести целый взвод. — Ваше такси уже подано. — Я переключил вокс и бросил взгляд на Юргена. — Если его, конечно, удастся завести.

— Без проблем, комиссар, — заверил он меня, и через мгновение двигатель грузовика с ревом ожил, на слух еще более громкий и еще хуже настроенный, чем на нашей машинке, если только это вообще было возможно.

— Отлично.

Я бросил взгляд вокруг, отметив, что наступающие зеленокожие приблизились как никогда раньше. Тяжелый болтер под моими руками вдруг перестал сотрясаться выстрелами, и с криком «Ваааагх!», который я мог слышать даже за грохотом двигателей, орки устремились вперед. У меня кончились боеприпасы.

— Тайбер! — взвыл я. — Сейчас или никогда! Что вас держит?

— Нужно было кое-что сделать, — спокойно произнес сержант. — Сколько машин вы завели?

— Одну.

Я нагнулся, стараясь выудить ближайшую из валяющихся под ногами коробок с зарядами, и неуклюже перехватил в руке тяжелую обойму. Зеленокожая орда была уже всего в нескольких метрах, и по какой-то причине воспоминание о генокрадах-гибридах, с которыми я столкнулся на Кеффии, всплыло у меня в памяти. Сейчас все обстояло еще хуже — по крайней мере тогда у меня были прочные стены, за которыми я мог

прятаться, и союзники, на которых мог рассчитывать... Когда я вогнал обойму в болтер, у меня оставались какие-то секунды, чтобы нажать на спусковой крючок и снова открыть огонь, оттесняя зеленокожих назад на шаг-другой, но все равно теперь они были настолько близко, что я мог различить индивидуальные черты каждого из них: сломанный клык, шрамы, отсутствующий глаз, залатанный какой-то грубой аугметикой.

— Нам потребуются несколько, — произнес Тайбер.

Я не сразу сообразил, о чем он говорит. Потом монетка мысли провалилась-таки в щель машины моего мозга. Не мог же он...

— Вы освободили гражданских, что ли? — вопросил я, возвысив от недоверия и ужаса голос.

Слыша наши переговоры, Юрген перепрыгнул в соседний грузовик, заводя и его тоже, затем пошел повторять тот же процесс с остальными, не обращая внимания на изрядное количество болтов и пуль, разрезающих воздух вокруг него и

грохочущих по броне окружающих его машин. Один из орков попытался ухватить меня за ногу, и я рубанул цепным мечом вниз, отсекая его руку и обратным ударом рассекая глотку. Несмотря на все мои усилия, зеленокожие подобрались в мертвую зону болтера, и теперь мне не оставалось ничего иного, кроме как схватиться с ними врукопашную, по крайней мере на ту пару секунд, что им потребуется, чтобы стащить меня вниз и четвертовать.

— Сами же сказали, мы должны сделать все возможное, чтобы обеспечить их безопасность, — напомнил Тайбер, и я про себя проклял каждого слишком буквально все понимающего сержанта в этой галактике.

— Нам бы ваша забота тоже не помешала, — парировал я, стреляя еще одному зеленокожему в морду из лазерного пистолета.

Внезапно я осознал весьма долгожданное присутствие и такой удивительно приятный запах возле моего плеча — это Юрген, встав рядом со мной,

открыл огонь прямой наводкой из своего лазгана. Экономить заряды смысла уже не было, поскольку мы должны были либо выбраться отсюда, либо все равно погибнуть, так что он косил зеленокожих на полном автоматическом огне, совершенно не задумываясь о том, что может снова остаться без боезапаса, как это случилось вчера.

— Мы идем, — снова заверил меня Тайбер, и с внезапным приливом облегчения я увидел, как задняя часть толпы, стремившейся к нам, разделяется и поворачивается, в то время как сосредоточенный залп лазерного огня настиг их со спины.

И там были не только лазерные залпы, как я с изумлением заметил. Некоторые из орков упали с развороченными грудными клетками, разбрасывая внутренности, несомненно в результате попадания болта. Когда строй фигур позади толпы постепенно вступил в зону видимости, причина этого стала понятна. Многие из заключенных подобрали оружие павших зеленокожих и с

легко понятным мне мстительным энтузиазмом обратили его против своих тюремщиков. Как им при таком истощении удавалось даже просто поднять тяжелые орудия, я сказать не могу, не говоря уже о том, чтобы прицелиться и стрелять из них, но, без сомнения, только представившийся шанс свершить возмездие за перенесенные лишения и страдания мог придать им достаточно сил.

Это неожиданное обстоятельство оказалось достаточным, чтобы переломить бой в нашу пользу. Захваченные врасплох и, вероятно, решившие, что столкнулись с человеческой армией, а не с изнуренным сбродом, едва способным стоять на ногах, зеленокожие, наступавшие до того сплошной волной, наконец-то дрогнули. Взвыв в смятении орки повернулись и бросились бежать, демонстрируя такое же единство, как и в недавнем кровавом угаре, оставив нас с Тайбером глядеть друг на друга через унылое пространство, покрытое слабо подергивающимися телами.

Я жестом указал на ворчащие двигателями машины за моей спиной.

— Загружайте, — произнес я, не доверяя голосу, чтобы произнести что-то еще, и Тайбер кивнул, с трогательной заботой, подобно пастушьей собаке, направляя своих новых подопечных в сторону захваченного нами транспорта. Я же снова занял свой пост за болтером, ожидая, что враг в любой момент может собраться с духом и контратаковать, но, к моему облегчению, похоже, с них, по крайней мере пока что, хватило. Я постучал по микрокоммуникатору. — Ласкинс, заряжайте бронебойным.

— Уже сидит в стволе, — откликнулся ракетометчик с нескрываемой радостью. — Просто на всякий случай.

Юрген забрался обратно на сиденье водителя перегруженного и теперь изрядно помятого багги. Я был изумлен тем, что после всего того избиения, которое этой машине пришлось только что перенести, она еще могла бегать, но она, дернувшись, пришла в движение ничуть не хуже, чем

делала это раньше, и мы повели импровизированную автоколонну в сторону ворот со всей скоростью, которую Юрген мог выжать. За нашими спинами раздались нестройные крики радости, когда заключенные поняли, что наконец убираются из этого места, и я переключил передачу на общую волну отрядных коммуникаторов.

— Заградительный огонь! — приказал я. — Не позволяйте им перегруппироваться, или нам конец!

Я подчеркнул свои слова тем, что срезал группу зеленокожих, изготавливавших к стрельбе какую-то ракетную установку, которая, как я был уверен, несмотря на свой топорный внешний вид, была более чем способна своим выстрелом пробить нашу броню, и потому с удовольствием увидел, как они упали в волнах сукровицы и перепутанного, разорванного металла. К нашей удаче, один из болтов детонировал боеголовку, которую они заряжали, и она взорвалась, расширяя радиус полнейшего разрушения вокруг себя до самого что ни на есть

удовлетворительного.

— Этим и занимаемся, — заверил меня Тайбер, и солдаты открыли стрельбу из лазганов, не заботясь о прицельности, но полагаясь на то, что сама по себе настоящая метель автоматического огня, которую они производили, заставит зеленокожих поплясать.

Говоря по правде, любая попытка прицелиться с борта одной из наших дико подпрыгивающих машин все равно была бы обречена на провал. К моему удивлению и облегчению, некоторые из солдат отряда или, скорее, кто-то из освобожденных пленников начал палить и из тяжелых орудий, смонтированных на позаимствованных нами машинах, с полным отсутствием чего-либо отдаленно напоминающего стрелковые способности, но, несмотря на это, добавляя изрядного хаоса к происходящему.

— Ворота закрыты, — напомнил мне Юрген, и я снова крутанул болтер, выцеливая филигранное переплетение металла и небольшую кучку впавших в истерику зеленокожих, сжавшихся под

створками ворот.

— Уже нет, — произнес я с определенным удовлетворением, в то время как град разрывных снарядов разнес на куски равно и ворота, и орков.

Юрген протаранил образовавшийся проем, заставив машину подскочить на телах и выбив снопы искр из толстой бронеплиты, защищавшей переднее отделение нашего крепкого маленького багги, когда остатки препятствия разлетелись от него в ночь. Мы выметнулись на улицу, все еще ускоряясь и уносясь в приветливую тьму, с моторами, завывающими подобно душам проклятых, эхом отдаваясь от строений вокруг нас.

— Все покинули пределы стены, — передал Тайбер, и я снова активировал микрокоммуникатор на передачу.

— Ласкинс, — передал я, — подрывайте баки.

— А я уж думал, вы никогда не попросите.

Еще одна огненная полоса вырвалась из лежащего в руинах особняка, где окопался расчет нашего ракетомета, и

исчезла в глубине огороженной стеной зоны. Через мгновение весь мир вокруг окрасился красным и в мои уши ударил звук, который превосходил предел слышимого, так что ощущался просто как физическое воздействие. Наш несущийся в ночь багги содрогнулся и пошел было юзом, но Юрген восстановил контроль над машиной с обычным своим невозмутимым видом. Оглянувшись, я увидел огромный шар пламени, вздымающийся за нами, будто расплавленное ядро планеты внезапно соскучилось у себя внизу и решило на минутку подняться сюда, чтобы прошвырнуться по округе.

Голос ракетометчика приобрел несомненный оттенок удовлетворения:

— Хорошо вошло.

— Хаском, — приказал я, — отделяйтесь и подберите их.

Сам я не собирался останавливаться сейчас ни для чего, кроме, пожалуй, личного визита Императора, и, только когда бушующий огонь за нашими спинами уменьшился до далекого зарева, я велел Юргену притормозить, чтобы позволить

остальной части автоколонны нагнать нас.

Насколько я мог судить, теперь наше положение стало хуже некуда: вместо группы тренированных бойцов, за которыми я мог прятаться, мы приобрели целый поезд гражданской обузы, каковой, вне всякого сомнения, привлечет каждого зеленокожего на этой планете по наши души. Я мог бы с тем же успехом рассчитывать на безопасность, присоединившись на марше через континент к полковому оркестру. Но конечно же, выражать хоть одну из этих мыслей даже на лице не было никакого смысла, если я только хотел, чтобы солдаты оставались в полной боеспособности и подчинении, так что я лишь тяжко вздохнул, поправил фуражку и спустился с нашего багги на дорогу, излучая столько невозмутимости, сколько мог.

— Ну, пошли, Юрген, — произнес я. — Пора бы поприветствовать наших новых гостей.

Примечание редактора

Хотя в то время ему и правда не приходилось радоваться такому повороту событий, в действительности действия Каина в Колодцах Благоденствия привели к последствиям гораздо более серьезным, чем он мог себе представить. И снова мы обращаемся к популярной истории войны за авторством Каллиса, поскольку отчет Тайбера о том инциденте, конечно же, сосредоточен на роли Каина в нем почти столь же, сколь и отчет самого Каина. Впрочем, должна заметить, что там, где Каллис обращается к подробностям, его повествование становится несколько размытым, однако не более, чем можно было ожидать, учитывая, что он работал с официальной версией происходившего.

Из книги «Зеленая кожа, черные сердца: Вторжение орков на Перлию» за авторством Гисмиони Каллиса, 927.М41:

«Если можно сказать, что война за освобождение Перлии имела некую

определенную поворотную точку, то это, несомненно, должна быть битва в Колодцах Благоденствия. Многое было с тех пор написано о ней, в том числе живыми участниками событий, так что нет необходимости детально разбирать этот инцидент здесь, но простые факты уже сами по себе изумительны. Пережив падение своей спасательной капсулы, комиссар Каин один, без чьей-либо помощи,[56] выбрался из пустыни, что само по себе уже является подвигом, доступным не каждому.

Впрочем, если он надеялся найти какую-то помощь в этом городе с названием, являвшим в то время удивительную иронию и позднее переименованным в Каиноград,[57] когда на пепле старого поселения выросло новое, то ему пришлось жестоко разочароваться. Зеленокожие сделали это место своим оплотом, дико неистовствуя в доселе мирном оазисе посреди песков пустыни, оскверняя все, к чему бы ни прикоснулись, и превратив в рабов немногих выживших,

лишенных воли к сопротивлению. К счастью для последних и для будущего этого мира, несколько стелых защитников города еще продолжали сражаться, и героический комиссар, не теряя времени даром, заручился их поддержкой в своем бесстрашном плане освобождения жертв зеленокожих.

Ночь большого пожара, как ее назвали позже, все еще празднуется по всей Перлии весело горящими кострами на каждую годовщину того события, которое застало врасплох орочью сволочь. Пойманные в своих логовах, они умирали тысячами, когда недавние пленники поднялись как один в сопротивлении, слетаясь под знамена того единственного человека, который вел их вперед. — Каина Освободителя.

Лишь убедившись, что все они находятся в безопасности, Каин все-таки был убежден отступить — и сделал это последним из своего доблестного отряда, остановившись только для того, чтобы взорвать прометиевые баки, на которые орки так рассчитывали, с тем чтобы

питать свои богохульные пародии на священные мистерии наших техножрецов. Последовавший огненный шквал пронесся по городу, стирая орочью массу едва ли не начисто и отражаясь как некая аномалия в данных, собираемых орбитальной сенсорной сетью.

К этому моменту, конечно, имперское высшее командование еще не имело ни малейшего понятия о подлинном значении титанического взрыва, который отметили их аналитики, но он был достаточен для того, чтобы убедить их, что в восточных пустынях происходит нечто необычное, так что они начали присматриваться к дальнейшим следам происходивших там событий. И долго ждать им не пришлось».

Глава тринадцатая

К моему удивлению, впрочем изрядно приправленному облегчением, следов погони не было по причинам, которые стали очевидны, стоило мне только взобраться на вершину очередного бархана и направить ампливизор туда, откуда мы явились. Взрыв, который мы устроили в качестве прощального подарка зеленокожим, оказался только началом. Пылающий прометий, вырывающийся из разорванных баков топливохранилища, поджигал все, чего касался, а оттуда, в свою очередь, огонь перекидывался на другие запасы горючих материалов, патронов и Император знает чего еще. Даже с расстояния, на котором мы оказались, слабое эхо ударных волн от вторичных взрывов, когда еще какие-то запасы загорались и взрывались в потоках пламени, звучало подобно отдаленному, непрерывному грому, заставив меня почувствовать непостижимую ностальгию по звукам и милому образу 12-го

артиллерийского полка. Не последним в этом образе стояла добрая кружка горячей танны, как мне тогда подумалось.

— Сегодня они за нами не двинутся, — отметил Тайбер, появляясь возле моего плеча и поднимая свой собственный ампливизор, дабы окинуть взглядом созданный нами огненный ад.

Я подышал на руки и потер их друг о друга, потому как холод пустынной ночи легко проникал даже сквозь материю моей шинели, составляя иронический контраст буйному веселью пламени вдалеке.

— Смею надеяться, — согласился я. — Но нам лучше все равно выставить часовых.

Несколько из тех гражданских, которых мы подобрали, как оказалось, были не в состоянии перенести долгую дорогу, и теперь я досадовал на задержку, к которой они нас принудили. Что касается меня, то чем дальше и быстрее мы убрались бы от пылающего города, тем мне было бы лучше. Несмотря на это, я тщательно прятал свое нетерпение — с той же легкостью, что и любые другие

чувства. Коли бы случилось самое худшее, я всегда мог рвануть в бега, пока зеленокожие расстреливали бы легкие мишени. Это, впрочем, напомнило мне о том, что не стоит терять расположение доброго сержанта.

— Как держатся наши беженцы?

— Хорошо, насколько это только возможно, — уклончиво ответил Тайбер. — Определенно лучше теперь, когда они могут поесть.

— Рад слышать, — произнес я. Первое, что мне пришлось сделать, — это организовать для всех горячее питание, или, если быть более точным, переложить организацию его на Юргена; я подумал, что наши гости по-настоящему не ели неделями, да и, пока у них заняты руки и рот, имели меньше возможности разбрестись и как-то нам помешать. Однако само по себе это ставило передо мной отдельную проблему. Те запасы, которые нес наш багги, могли позволить нам с Юргеном прожить месяцы или несколько недель кормить наш отряд СПО, но теперь, когда у нас на руках оказалась

едва ли не сотня голодных ртов, такое небольшое количество пищи означало для нас значительные трудности. — Проблема состоит в том, чтобы они и в будущем оставались накормлены. — Я указал на пустынные пески, расстилавшиеся вокруг. — Вряд ли в этом ландшафте можно прожить собирательством.

— Да, едва ли, — согласился Тайбер, глядя по-прежнему слегка самодовольно. — Но у нас среди гражданских есть несколько песчаников.[58] Я поспрашиваю.

— Отлично, — похвалил я, с усилием перехватывая командную инициативу. — И по ходу дела выясните, какие еще таланты есть в нашем распоряжении. Большинству этих бедняг чертовски не помешало бы посетить медика, но я не думаю, что нам настолько повезет.

Тайбер коротко, отрывисто кивнул, и я продолжил свою мысль:

— Нашими основными задачами, кроме снабжения, будет обеспечение транспортом и обороной. Проверьте, есть ли у кого-нибудь базовые навыки ведения

боя или, на худой конец, хотя бы охотничьи, или что-то вроде, и вооружите их. Переговорите с Юргеном насчет запасных лазганов, которые у нас с собой, а нехватку восполните, если таковая возникнет, из орочьего оружия. Если окажется, что у нас достаточно доходяг со способностями, чтобы организовать приличную оборону, разделите их на отряды и поставьте во главе каждого одного из своих солдат. И нам, честно говоря, совершенно не помешал бы кто-нибудь, кто знал бы, как поддерживать эти кучи металлолома на ходу.

Я бросил взгляд на полудюжину, или около того, грузовиков и багги, которые нам достались, выстроенных грубым кольцом, образующим всю возможную в данный момент оборону, и покачал головой:

— Но это уж будет просто чудом.

— То есть именно тем, что Омниссия, как известно, иногда ниспосылает нам, — вмешался в разговор незнакомый голос, и я, немного повернув голову, увидел молодую женщину, остановившуюся в нескольких шагах от

Тайбера.

Ее черты заострились от голода, как и у прочих несчастных, которых мы спасли, но глаза были живыми и искрились юмором в мерцающем свете горящего города. Этот же свет окрашивал в бледно-оранжевые тона ее волосы и фигуру, которые, как выяснилось позже при свете дня, оказались весьма привлекательными, а также поблескивал на ее перепачканном и рваном одеянии и выпущенной поверх него цепочке с символом в виде шестерни.

Хотя мы никогда не встречались ранее, что-то в ее чертах было знакомое, и когда я сделал шаг вперед, протягивая ей руку, то осознал, что у нее есть определенное сходство с нашим сержантом.

— Технопровидец Фелиция Тайбер, к вашим услугам.

— Тайбер? — вопросительно повторил я, поднимая бровь в сторону сержанта, в то время как пожимал протянутую ею в ответ руку.

Она оказалась более холодной на ощупь, чем мне ожидалось, и мозолистой

от обращения с инструментами, но я мог точно сказать, что плоть у нее своя собственная. Впрочем, техножрецы и не склонны бросаться в эту их полную замену органов аугметическими приточками прежде, чем достигнут гораздо большего, чем у нее, уровня в иерархии. Тайбер же в ответ поглядел несколько смущенно, хотя красноватый свет пылающего ада вдалеке не позволил мне сказать точно, покраснел он при этом или нет. Наконец он откашлялся:

— Моя сестра.

— Понятно, — произнес я, начиная подозревать, что твердое его намерение спасти гражданских было вызвано отнюдь не только излишне буквальной трактовкой моих приказов. Впрочем, доказать что-либо в связи с этим мне не удалось бы, а он сам был мне нужен для того, чтобы удерживать в повиновении солдат, так что я решил не заострять на этом внимания, вместо этого снова обернувшись к молодой женщине. — Похоже, нам обоим есть за что благодарить вашего брата.

— Я бы сказала, что тут мы еще

поглядим, — откликнулась она с тенью улыбки на лице. — Мне прежде всего нужно поглядеть на эти машины.

Она обернулась, оглядывая ближайшую, и на мгновение будто глубоко задумалась. У этого конкретного грузовика на борту был нарисован желтый череп.

— У этого что-то не в порядке с трансмиссией.

— Вы можете это определить прямо отсюда? — спросил я, раздумывая, не были ли ее глаза аугметикой, хотя выглядели они вполне настоящими.

Те немногие техножрецы, которых я встречал тогда (и большинство тех, которые мне попадались потом, если уж на то пошло), предпочитали, чтобы их улучшения были очевидны, а не похожи на те настоящие органы, которые замещали; очевидно, они испытывали ощущение, что чем менее человечно выглядели, тем ближе оказывались к своему Богу-Машине.

Фелиция покачала головой:

— Я на нем ехала. И моя задница до сих пор не отошла. — Из-под складок ее

одеяния появился механодендрит и выудил из моего кармана запасную плитку сухпайка (о которой сам я к тому времени совершенно забыл). Она ухмыльнулась, разворачивая угощение своими настоящими руками, и принялась со стаком его уплетать. — Сколько у нас времени, прежде чем нужно будет отправляться?

Я пожал плечами, захваченный врасплох этой маленькой пантомимой:

— Полагаю, до рассвета, — и бросил взгляд на Тайбера.

Он согласно кивнул и пояснил:

— Это около шести часов.

— Ну, тогда лучше бы мне начинать. — Фелиция радостно помахала нам рукой и припустила вниз по склону бархана в каскадах отблескивающего красным песка. — Где-то там должны быть инструменты.

— Спросите у Юргена, — лишь оставалось посоветовать мне ей вслед. Если кто-то и мог найти все, что ей было необходимо, так это он. Затем я снова обернулся к Тайберу. — Ваша сестра — она

не совсем типичный техножрец, не так ли? — медленно спросил я.

Сержант слегка смутился:

— Она любит возиться с разными штуковинами. И всегда любила — так мы поняли, что у нее такое призвание. Она обычно проводила все свободное время в храме Механикус, медитируя на части машин. — Выражение его лица смягчилось, когда он вспомнил более счастливые времена, и мне пришлось напомнить себе, что они, вероятно, были единственными выжившими из всей семьи. — Мы очень гордились ею, когда она дала священные обеты. Но в семинарии у нее не все шло гладко.

— Сложно в это поверить, — выразил я удивление.

Обычно мне не приходилось жаловаться на неспособность определить тип личности человека, возможно, потому, что постоянное сокрытие своего собственного сделало меня неплохим знатоком характеров вообще, и мне определенно показалось, что Фелиция за любое дело, которое брала на себя,

принималась со всей душой. Это, как оказалось, и было ее проблемой.

Тайбер покачал головой:

— Она так и не смогла толком разобраться в теологической части, а это весьма серьезный недостаток, если хочешь преуспеть среди Механикус. Так что они просто сказали ей остановиться на том, чтобы всю жизнь оставаться технопровидцем.

— Есть занятия и похуже, чем быть хорошим технопровидцем, — произнес я. — Гвардия без них не прожила бы.

— Знаю. — Тайбер с сожалением покачал головой. — Да и она, кажется, была довольна. Просто немного жаль, вот и все.

— Мы все служим Императору в меру своих возможностей, — процитировал я так, будто это было какое-то глубокое откровение, а не фраза, которую я однажды обнаружил в печенье с сюрпризом,[59] но Тайбер кивнул.

— Ну, тогда мне пора, пожалуй, организовать пару отрядов ополчения, —

заключил он.

К моему смутному удивлению, я сумел после этого разговора даже перехватить несколько часов сна, а проснувшись, обнаружить, что орки еще не вырезали всех до единого под покровом ночи, да и в целом все выглядело несколько более организованным, чем вчера. Юрген впихнул мне кружку рекафа и подогретый бутерброд с солониной из мяса грокса, и я с благодарностью умял эту горячую закуску. Солнце едва поднималось над горизонтом, и в пустынном воздухе все еще чувствовалась свежесть ночи.

— Они вас ждут, сэр, — проинформировал мой помощник, как будто я должен был иметь хоть малейшее понятие, о чем он говорит, так что я просто кивнул, потягивая горький напиток и согревая руки о кружку, и отозвался:

— Отлично. Кто и зачем?

К счастью, это было не первое утро, когда мой помощник наблюдал меня в совершеннейшей дезориентации, иногда усиленной похмельем, так что он

воспринял мою очевидную непонятливость в привычном ключе. Я принял из его рук вторую чашку рекафа и попытался стряхнуть паутину, застилающую все уголки моего сознания.

— Сержант Тайбер, — уточнил Юрген. — С отчетом об организации обороны. Леди-техножрец. Хочет поговорить относительно машин. Одна, похоже, доездилась, и она хочет разобрать ее на детали. И еще пара гражданских — полагают, что могут быть полезны, и вызвались помочь.

— Ясно, — произнес я, на самом деле понимая не многим больше, чем до того. — И кто-нибудь из этих посвятил тебя, в отношении чего они собираются выразить добрую волю?

Зная Юргена, конечно, нетрудно было догадаться, что он разыгрывал из себя вежливую стену до тех пор, пока они ему это не выложили, и тот факт, что он их все-таки решил допустить до моей персоны, был практически гарантией, что они могли нам пригодиться.

— Один, по имени Эриотт, полагает,

что может помочь с позиции медицины. — (Настроение мое тут же повысилось — это, несомненно, было хорошей новостью.) — А еще дорожный рабочий Колфакс провел много времени в пустыне, прежде чем появились зеленокожие, и говорит, что кое-что знает о здешних местах.

— Да, это может быть весьма полезно, — признал я. Затем поправил фуражку, стряхнул, насколько смог, с шинели песок и куски орков. — Идем послушаем, что они могут сообщить.

В общем и целом разговор вышел удивительно конструктивным, но мне пришлось долго добираться до них — это оказалось тяжелее, чем я полагал. Я пробирался через колготящуюся толпу беженцев, в умах которых, очевидно, уже началось некоторое брожение. Когда я проходил мимо, они, почти без исключения, оборачивались, чтобы проводить меня взглядом, перешептываясь между собой, с выражением, которое я могу описать лишь как благоговейный трепет на исхудалых и грязных лицах. О стоявшем

вокруг запахе утолчу, заметив только, что впервые со времени нашей первой встречи мне приходилось оборачиваться, дабы проверить, не отстал ли от меня Юрген.

— Комиссар! — Женщина неопределенного возраста, но, вероятно, достаточно молодая, потому как она должна была быть в добром здравии, чтобы вообще пережить недели заключения у орков, бросилась мне в ноги, едва не повалив меня, будто бы проводила — едва ли не идеальную — подсечку в скрамбольном матче. — Император храни вас всегда!

— Благословенно будь Имя Императора! — хорот подхватила добрая половина оказавшихся поблизости идиотов.

Я постарался отлепить ее от себя так нежно, как только мог.

— Благодарю вас, — произнес я, в то время как у меня скулы сводило от смущения. — Это очень мило. Благословение и с вами.

Мне наконец-то удалось ее стряхнуть, и женщина осталась сидеть на

песке с отвисшей в экстазе челюстью.

— Благословение, — прошептала она.

Несколько беженцев, немного менее одурманенных всем случившимся с ними, подошли, чтобы позаботиться о ней, и мне оставалось лишь покачать головой.

— Я простой солдат, — произнес я. — Если хотите благословения, вам нужно найти жреца.

К счастью и удивлению, среди них не оказалось этих утомляющих самого Императора личностей, что было едва ли не первым положительным моментом из тех, которые я мог отметить во всей этой печальной заварухе. К сожалению, очевидное проявление скромности с моей стороны оказалось достаточным, чтобы вызвать новый хор похвал и славословий, который, кажется, привлек внимание всех до единого мужчин и женщин, у которых не было никакого другого дела, что, конечно же, относилось к большей их части. В конце концов, дабы спасти остатки своей психики, я поднял руки, призывая к тишине, больше в надежде, чем реально рассчитывая, что это сработает. К моему

удивлению, весь этот вонючий сброд мгновенно затих.

— Вы оказываете мне слишком большую честь, — произнес я, ничего так не желая, как убраться отсюда куда-нибудь, где можно спокойно прикончить свой рекаф и постараться придумать, что делать дальше. — Если кого и должно славить, так это солдат вашего родного СПО.

Пускай лучше идут и достают Тайбера. В любом случае он-то сам виноват.

К сожалению, как и всегда, чем больше я старался преуменьшить свою роль в событиях предыдущей ночи, тем прочнее укреплял ее в сознании своей аудитории (чего должен был, казалось бы, ожидать, поскольку часто сознательно прибегал к этому приему; могу только предположить, что сознание мое в тот момент было слишком затуманено усталостью). В ответ мне поднялся новый шквал одобрительных возгласов и затих только тогда, когда я снова поднял ладони:

— Теперь мне нужно вас покинуть,

чтобы заняться... гм... военными обязанностями. — Завершение речи в моем исполнении вышло особенно жалко. — Приятного завтрака.

Как я и надеялся, перспективы получить еду было достаточно, чтобы отвести от меня всеобщее внимание, и все-таки без дальнейших инцидентов мне удалось добраться до того места, где ждали Тайбер и остальные, расположившиеся в тени одного из грузовиков.

— Комиссар, — поприветствовал меня, отдав честь, Тайбер, полагаю, больше для присутствующих гражданских, чем потому, что этого требовал протокол,[60] но все равно я ответил столь же четким приветствием.

Произвести впечатление и внушить серьезность происходящего окружающим не мешало, как и сделать вид, будто мы знаем, как справиться с нашей ситуацией.

— Сержант, — произнес я с точно рассчитанным кивком и присел на подвернувшийся ящик.

Здесь их было несколько, стащенных в подобие круга и в большинстве занятых собравшимися. Либо Юрген, как всегда, оказался столь любезен, что приволок для меня лишний заранее, либо те, кто собрался в этой маленькой группке, принесли один ради находящихся в нем продуктов. И верно, Тайбер сидел на коробке с пайками (которые, судя по тому, как работали челюсти гражданских, уже были открыты, что заставило меня твердо решить поставить этот вопрос под личный надзор; конечно же, еще недавно эти люди голодали, поэтому нельзя было винить их за то, что им постоянно хотелось перекусить, но на пищевом фронте дела и так уже обстояли критически, и нам вовсе не следовало усложнять их еще больше). Единственной, кто оставался стоять, была Фелиция, хотя при этом выглядела она весьма расслабленно. Только спустя некоторое время я понял, что она опиралась на механодендрит, используя его подобно импровизированному сиденью, — это, как мне довелось узнать за время нашего

знакомства, было ее привычкой. Поскольку эта штуковина крепилась к основанию позвоночника,[61] являя собой нечто вроде цепкого хвоста, то для подобного использования подходила идеально.

Я кивнул, приветствуя ее, и она ухмыльнулась в ответ, очевидно совсем не выбитая из колеи целой ночью, проведенной за ковырянием во внутренностях орочьей машинерии, а скорее даже наоборот.

— Хорошо, — начал я. — Времени у нас не много. Рано или поздно выжившие зеленокожие оправятся достаточно, чтобы выйти за пределы города, либо какая-нибудь другая группа будет проходить по направлению к ним. В любом случае тогда нам настанет полный фраг.

— Если, конечно, там есть выжившие... — вставил лысеющий человек в рваных одеждах Администратума, и остальные гражданские кивнули.

— Выжившие есть всегда, — сообщил я ему. — И даже если их нет, то предполагать надо, что есть. Самоуверенность сейчас для всех нас

стертельна.

Это заставило собравшихся должным образом подтянуться, а трутень из Администратума снова кивнул.

— Весьма рассудительно, — произнес он.

Я бросил взгляд на других гражданских в группе. Один из них был одет как ремесленник и, соответственно, должен был оказаться Колфаксом, в то время как другой носил побитые временем остатки вязаного свитера с протертыми кожаными заплатками на локтях. Очевидно, на гардероб этого субъекта орочий плен не оказал столь катастрофического воздействия, как у остальных, в силу изначальной поношенности. Несмотря на это, он излучал вид надежности и в целом заботы об окружающих, так что я про себя его отметил как медика Эриотта. Что, конечно, оставляло открытым вопрос о том, что же это за администратор, с которым я говорю. Взглянув на Юргена, я вопросительно поднял бровь, но мой помощник только пожал плечами,

очевидно столь же не сведущий в этом вопросе.

— Не знал, что с нами окажутся представители Администратума, — гладко заметил я.

Тайбер глянул на меня с некоторым смущением.

— Прошу прощения, сэр, — произнес он, — нужно было поставить вас в известность. Однако мне показалось, что лучше позволить вам выспаться.

— Благодарю за заботу, — отозвался я. Затем снова повернулся к лысеющему маленькому человечку в рванье. — Как вы уже, вероятно, догадались, я комиссар Каин.

К его чести, он вовремя улыбнулся и откликнулся:

— Не думаю, что остался хоть один человек, который не был бы в курсе. А я нотариус Норберт. Ваш сержант, кажется, полагал, что я могу оказаться полезен.

— Вот как? — сказал я, позволяя закрасться в свой голос самой малости скептицизма.

Впрочем, Норберт, казалось, не был этим смущен и лишь улыбнулся еще шире — чем заработал от меня еще один плюс.

— Конечно, мы еще не выяснили чем, так что вопрос о моей полезности остается открытым.

— Согласен, — кивнул я, откладывая это на потом. — Сначала самое главное. — Я обернулся к Тайберу. — Наша оборона.

— Мы набрали восемнадцать человек, которые знают, с какой стороны стреляет ружье. Трое солдат СНО, пятеро трибунов,[62] остальные просто развлекались с оружием в качестве хобби. — Он нахмурился, глядя с некоторым сомнением. — По крайней мере, они так утверждают. Если хотите знать мое мнение, то как минимум пара из них бандиты.

— Ну и хорошо, если так, — откликнулся я, к его очевидному удивлению. — Тогда они хотя бы знают, как драться без правил. Как вы распределили силы?

— Три команды.

Я слегка наклонил голову, признавая правильность избранной им формулировки — в нынешних обстоятельствах называть их отрядами было бы до дикости оптимистично. Да и понятие «команда» подразумевало все же нечто более организованное. Если они смогут схватиться с врагом, не перестреляв по ошибке друг друга, это уже будет чудом.

— Во главе я поставил Хаскома, Гренбоу и Тарвила, придав каждому одного из освобожденных из плена солдат, по крайней мере пока что.

Я снова кивнул. Тренированные солдаты будут естественными лидерами для новообразованного ополчения, и, когда ты немного натаскаем их, члены майберовского отряда Браво смогут снова собраться в старом составе (в котором они будут сражаться намного эффективнее). Подбодренный мною, Тайбер продолжал:

— Мы распределили лазерные винтовки между командами так равномерно, как было возможно. Те, кто остался без них, как ты надеешся, могут

взять на себя тяжелое вооружение на грузовиках.

— Хорошая идея, — произнес я. — Они неплохо все крушили прошлой ночью.

Если нам предстояло встретиться с патрулями врага, дополнительная убойная мощь могла оказать решающее влияние.

Я обернулся к Фелиции:

— Эти орудия еще работают?

— Большинство. — Она откинулась под неправдоподобным, казалось бы, углом и пожала плечами. — Я гляну получше, прежде чем мы отправимся.

— Юрген сказал, что вы собираетесь разобрать один из багги на куски, — добавил я.

Она кивнула:

— Это и так уже металлолом. Почти половина деталей совершенно изношена. Остальные, впрочем, сойдут в качестве запасных. Не то чтобы у зеленокожих было хоть какое-то подобие стандартных конструкций, конечно, но я, вероятно, смогу как-нибудь все залатать и подогнать.

Впрочем, она определенно выглядела

предвкушающей подобную работу.

— Как долго займет разборка? — спросил я.

Фелиция снова пожала плечами, казалось нарушая законы гравитации все больше и больше.

— Я заарканила себе пару ремесленников. Они не знают должных молитв, сопутствующих разборке машины, но выкрутить гайку без того, чтобы я над ними стояла, могут, да и не думаю, что орочье барахло соответствующим образом благословлено. Я просто проведу краткий молебен, прежде чем использовать что-либо, и буду надеяться на лучшее.

— Так они уже разбирают его для вас? — уточнил я.

В первый раз за время нашего знакомства Фелиция глянула немного неуверенно.

— Мне это показалось наиболее разумным, — ответила она, словно защищаясь. — А вас не было под рукой, чтобы спросить.

— Вы эксперт в этих делах, —

оставалось только ободрить ее мне. — Я в любом случае сказал бы вам поступать по собственному усмотрению.

Она кивнула с очевидным облегчением, и я окинул взглядом нашу группку.

— То же самое относится и ко всем остальным, — пришло в голову добавить мне. — Если вам придется принимать решение, имеющее отношение к безопасности всех нас, просто действуйте самостоятельно.

Ответом были кивки, неуместно напомнившие мне движения механических фигур на карнавальных платформах. Я снова обратился к нашей технопровидице:

— Сколько времени это займет?

— Будем готовы выдвигаться, как только будете готовы вы, — заверила меня Фелиция.

— Отлично. — Я и сам кивнул, будто болванчик. Черт, похоже, эта манера была заразной. — Это что касается защиты и передвижения. Как с припасами?

— Едва хватает, — поспешно вступил Норберт и протянул мне инфопланшет. —

Я провел большую часть ночи, инвентаризуя то, что у нас есть. Если не считать некоторых находящихся в частной собственности вещей, полагаю, здесь перечислено все.

Я быстро пролистал список на крохотном экране.

— При текущем уровне потребления запас еды на три дня, воды на два дня. Я взял на себя смелость прикинуть некоторые меры по введению рационов, которые с легкостью позволят увеличить этот срок вдвое или — с некоторой натяжкой — втрое.

Пролистал я и его заключения. Похоже, если он что-то и упустил из виду, то немногое.

— Вы нам очень помогли, — сказал я, стараясь скрыть волну шока и ужаса, которая прокатилась по мне, когда мне удалось полностью осознать цифры, занесенные в планшет.

Все шло еще хуже, чем я себе представлял, — если до нас не доберутся орки, то прикончит пустыня. Норберт глядел столь же тревожно.

— Чего еще у нас в обрез, это топлива, — указал он. — Предсказать его потребление проблематично, учитывая уникальный характер конструкции отдельных двигателей и особые условия пустынной местности, но я попытался ввести осторожную поправку. Если предполагать самое худшее, то мы можем рассчитывать преодолеть не более двух сотен километров, прежде чем столкнемся с этой проблемой лицом к лицу.

Комок напряжения в моем желудке начал затягиваться все туже, превращая съеденное мною недавно в плотный комок свинца.

— Значит, мы должны найти, где пополнить припасы, — произнес я, стараясь, чтобы голос мой звучал уверенно.

К моему облегчению, Тайбер согласно кивнул.

— В этом радиусе должен быть опорный склад, — произнес он.

— Что? — переспросил я, стараясь, чтобы внезапная вспышка надежды не отразилась в моем голосе.

Очевидно, мне это удалось, потому как тон Тайбера оставался столь же безукоризненно деловым.

— СПО поддерживает цепочку потайных складов по всему континенту. По обоим континентам, конечно, но это сейчас не важно. Это для того, чтобы даже в случае полномасштабного вторжения нам было чем воевать.

— В текущих обстоятельствах подобная предосторожность, думается мне, оказалась весьма полезной, — произнес я с едва заметным следом иронии.

Тайбер, впрочем, воспринял это замечание без всякого подтекста.

— Если зеленокожие пока что не нашли и не разграбили их, — согласился он.

Ну, это была проблема будущего; по крайней мере на данный момент можно было заняться чем-то менее отдаленным или хотя бы отрядить для решения этого вопроса кого-нибудь другого.

— Поскольку вы так умело оцениваете ситуацию, — произнес я, протягивая планшет данных обратно Норберту, — можете считать себя нашим

уполномоченным по снабжению. — Я указал на Юргена: — Мой помощник поможет вам уладить все необходимые, по вашему мнению, вопросы. — Будто только что вспомнив, я перевел взгляд на Эриотта, который до сих пор молча наблюдал за происходящим с вежливым интересом. — Можете начать с того, чтобы выяснить, что понадобится медику Эриотту.

— Медику? — Голос этого человека был настолько же скромным, как и его одежда. — Полагаю, что произошла какая-то ошибка. Я ветеринар.

— Ну, вы все равно лучшее, что у нас есть, — ответил я, с некоторым трудом скрывая истинные чувства. Все веселее и веселее. — Если вы можете лечить все от грокса до носух, то столь средних размеров пациент, как человек, не должен создать для вас такой уж проблемы.

На это Эриотт только ухмыльнулся и вскочил с ящика, на котором сидел.

— Полагаю, вы правы, — согласился он и направился к Норберту и Юргену.

Через несколько секунд обсуждения они отошли, сопровождаемые Фелицией,

которая хотела поговорить с нашим бюрократом касательно распределения топлива, так что мне оставалось лишь обернуться к Тайберу.

— Ну хорошо, — заключил я. — Как далеко мы от этих припасов?

Глава четырнадцатая

Как выяснилось, у нас был выбор из двух возможных направлений в пределах обозначенного Норбертом двухсоткилометрового радиуса. Мы с Тайбером рассматривали картографический планшет, сравнивая относительное расположение этих точек, в то время как Колфакс слонялся вокруг, очевидно чувствуя себя неуютно от самого факта, что взят нами в оборот. Ну, он все-таки больше других соответствовал понятию эксперта по местным условиям, так что ему оставалось только привыкать.

— Эта ближайшая по координатам, — произнес Тайбер, указывая на опорный склад примерно в южном направлении от нашей нынешней позиции.

Я вглядывался в планшет данных, и ладони мои зудели все в той же старой доброй манере. Что-то было в этом месте не то, помимо того факта, что оно увело бы нас на добрую сотню километров в

сторону от намеченного маршрута (по крайней мере моего — я все еще собирался миновать перешеек и оказаться в безопасности западного континента так скоро, как только возможно).

— И почти весь путь проходит по основному шоссе.

— Которое, вероятно, просто кишит зеленокожими, — вставил я, позволяя причине своего беспокойства пробиться к поверхности сознания.

Тайбер кивнул, признавая мое замечание, но все еще готовый отстаивать этот вариант.

— Это справедливо для любой дороги, какую бы мы ни выбрали, — возразил он.

Я покачал головой, все более убеждаясь, что второй выбранный мною путь был верным, и указывая на склад, к которому он вел, расположенный на добрые тридцать километров дальше, но более или менее к западу от места, где мы находились.

— Этот, конечно, более отдален, но он и в более укромном месте. Если мы направимся сюда, то должны избежать

встречи с большинством зеленокожих. — Я взглянул на Колфакса. — Не так ли?

— Верно. — Это был низенький коренастый человечек, очевидно, обладатель плотных мышц, по крайней мере до того, как орочий плен взял свое. Его немногословие граничило с грубостью, но это, скорее всего, объяснялось тем, что он много времени провел в одиночестве пустыни. Он ткнул в карту на планшете коротким пальцем. — Там есть обходные дороги, и даже зеленокожие дважды подумают, прежде чем на них соваться.

— И надо полагать, вам хорошо знакомые, — закончил я.

Колфакс кратко кивнул:

— Не больше, чем любому, кто там работал.

— Значит, удовлетворимся этим, — решил я. — Займете ведущую машину вместе с одной из команд ополчения.

— Правильно, — снова кивнул Колфакс.

А мне в голову внезапно пришла еще одна мысль:

— Возможно, вы знаете, как там найти воду?

— Взять с собой. — Колфакс позволил себе секундную усмешку над своей собственной остротой. — В любом другом случае много вы не найдете.

— Лучше бы нам надеяться на то, что удастся обнаружить хоть что-то, — произнес я, — иначе у нас на руках окажется куча страдающих от жажды людей.

Колфакс в третий раз кивнул, снова принимая обычный трачноватый вид.

— Нам может и повезти, — заключил он. — Если Дожди в горах выпадают как положено, то иногда с аквифера поднимается достаточно воды там, где есть трещины в породе. — Он указал пару точек на карте. — Я раньше встречал обводненные низины здесь и здесь. Но существуют они в лучшем случае очень недолго.

— Под песком есть водоносный слой? — удивился я.

Если бы мы каким-то образом сумели добраться до него, то все наши проблемы были бы решены. Ну, по меньшей мере одна — с нехваткой воды.

Тайбер кивнул:

— Примерно на глубине трехсот метров. Именно из него мы поднимали воду, чтобы поддерживать существование города.

Я вспомнил размеры гидростанции, на которой они скрывались до моего прибытия. Определенно имевшиеся в нашем распоряжении инструменты абсолютно не подходили для глубокого бурения, даже если бы мы располагали требующимся на это временем.

— Значит, попытаем удачи с этими распадками, — подытожил я и снова сверился с картой на планшете. — Крюк выйдет небольшой. И даже если они пересохли, нам просто нужно будет сократить рационы, чтобы сохранить имеющееся.

Тайбер глянул на меня обеспокоенно, и я, кажется, мог понять почему. Если бы нам пришлось прибегнуть к таким мерам, наиболее слабые из наших беженцев могли умереть. Но если и базовый склад окажется разграбленным, нам всем предстоит погибнуть от жажды прежде,

чем мы столкнемся даже с проблемой нехватки горючего, в то время как восполненный в природных источниках запас воды даст нам, если все обернется именно так, несколько дней отсрочки. Не в первый раз — и далеко не в последний — я понял, что размышляю, в какой мере принятие столь сложных решений является частью моей должности и что это один из тех ее аспектов, без которых я мог бы вполне обойтись (конечно же, не считая столкновений с бесконечными ордами врагов Императора, только и помышляющих, чтобы прикончить меня).

— Это увеличит нагрузку на наши запасы топлива, — отметил Тайбер голосом человека, понимающего, что уже проиграл спор.

Ощущая великодушие победителя и толчаливое облегчение оттого, что не понадобилось привлекать во всей полноте авторитет своей формы, дабы добиться желаемого, я согласно кивнул.

— Да, это так, — признал я, — но на базовом складе его должно быть полно. Когда мы его получим, сможем двигаться

куда душе угодно.

— И куда же? — спросил Колфакс, внезапно напомнив мне о собственном существовании.

Я вызвал соответствующий масштаб на экранчике картографического планшета и, указав на западный континент, пояснил:

— В конечном итоге сюда.

Мой собеседник издал короткий резкий горловой звук, очевидно обозначавший всю полноту его недоверия, на который я, впрочем, не обратил никакого внимания, ибо периодические отхаркивания Юргена были куда более взрывными и впечатляющими.

— Но если говорить о ближайших целях... — Я снова изменил увеличение карты, нацеливаясь на окружающий нас район. — Наилучшим путем кажется вот этот. — Я провел пальцем, следуя цепочке опорных складов. — Здесь мы выйдем из пустыни, пройдем по долинам, затем поднимемся в горы.

Этот последний момент внушал мне некоторое беспокойство, потому как я

видел только один крупный перевал, и он должен был кишеть зеленокожими. Ну что ж, с этой проблемой нам предстояло столкнуться много позже.

— Затем по прибрежной равнине перейти перешеек — и мы дома.

Если произносить все на одном дыхании, чтобы не успеть задуматься, звучало вполне правдоподобно. Колфакс снова фыркнул.

— Вы забыли сказать «пройти сквозь орочью армию», — добавил он.

Это был достойный аргумент. Большая часть вражеских сил должна была сосредоточиться как раз на прибрежной равнине, стекаясь в компактную массу, стремящуюся, как и мы, пересечь узкую перемычку земли, ведущую на запад. Мне оставалось лишь просто пожать плечами.

— Как-нибудь решим эту проблему, — произнес я, стараясь, чтобы голос мой звучал уверенно. — Пока что у нас есть о чем поволноваться, кроме этого.

Коренастый гражданский кивнул.

— Верно, — выразил полное согласие

он. — А к тому времени мы все будем уже, вероятно, мертвы.

Давние привычки, как я обнаружил, удивительно сильны. Даже учитывая, что количество настоящих солдат в нашей дружной маленькой шайке было один к десяти по отношению к тем, кто был просто мертвым грузом, я понял, что перед отправкой автоколонны собираюсь пройтись вдоль нее, ободряя случайных встречных словами поддержки, раздавая благочестивые банальности и в целом повторяя все телодвижения по поддержанию боевого духа. К моему удивлению, они работали. Общее настроение казалось весьма приподнятым, и лица большинства тех несчастных человеческих обломков, которых мы спасли, осветились широкими улыбками, когда мы готовы были выступать. Стоит держать в уме тот факт, что в подобных обстоятельствах, полагаю, им вполне было чему улыбаться, учитывая, что они променяли определенно неминуемую смерть на почти неминуемую (и смею вас

заверить, это ощущение, которое мне и самому слишком часто приходилось испытывать за последний век с небольшим, является удивительно уютным).

Я начал свою прогулку с хвоста колонны, где Гренбоу все еще пытался вбить некоторое понятие порядка в вверенное ему подразделение импровизированного ополчения, в чем ему помогал суровый человек в изодранных остатках формы СПО — единственный из новых рекрутов, кто знал, как обращаться с лазганом. На мой вопрос о том, как идут дела, бывший оператор вокса лишь пожал плечами.

— В целом неплохо, — отозвался он.

Он наконец-то, как я заметил, скинул ненужную заплечную станцию, закрепив ее в кузове грузовика, которым командовал, вместе с некоторой частью драгоценных припасов, которые Норберт постановил им взять на борт. К моему некоторому изумлению, этот планшетомаратель выказал достаточно здравого смысла, обеспечив такое распределение груза, при котором запасы воды и пищи перевозились

в сопровождении вооруженного эскорта на тех пяти машинах, в которых находились наши военные силы; при этом он умудрился не делать слишком очевидным факта, что задачей этого было свести разграбление к разумному минимуму.

— Большей боеготовности от них уже не добиться. — Тон его голоса достаточно красноречиво говорил, насколько, по его мнению, велика их нынешняя подготовка, так что я лишь кивнул в ответ.

— Уверен, что вы сумеете построить их в бой, если на нас насядут, — подбодрил я его.

Гренбоу невесело усмехнулся.

— Я сказал им в случае орочьей атаки переключаться на автоматический огонь, — объяснил он, — и просто держать спусковой крючок зажатым, пока не иссякнет батарея.

Видимо, какие-то чувства при этих словах отразились на моем лице, потому что он добавил, пожав плечами:

— Знаю, это преступный расход боезапаса. Но, по крайней мере, так они смогут некоторое время держать

зеленокожих на расстоянии, пока мы их отстреливаем. А если не смогут, то растрата зарядов будет последним, о чем мы тогда будем волноваться.

— И мы сможем пополнить их позже, — убежденно сказал я. — На базовом складе будет еще куча батарей.

— Мы сделаем так, что все туда доберутся, — заверила меня одна из рекрутов, жилистая молодая женщина с холодными глазами и татуировкой на лице, вне сомнения принадлежавшая к тем подозреваемым бандитам, о которых упоминал Тайбер.

Она с видом собственника опиралась на тяжелое орудие командной машины, являвшее собой, судя по внешнему виду, своего рода крупнокалиберный пулемет; как мне явственно представилось, женщина эта была из той породы, что с презрением отвергла бы любое предложенное ей стандартное личное оружие, лишь бы завладеть самым разрушительным стволом, на который только могла наложить руки.

— Не сомневаюсь, — согласился я.

— Привет, комиссар, — подошла к нам Фелиция, нагруженная перекинутой через плечо сумкой с чем-то издававшим металлическое звяканье, которую она поддерживала одной рукой и механическим хвостом.

Как я предположил, там были инструменты. За ней следом плелись двое гражданских, оба с подобными же тюками, которые они затем передали ей, а техножрица закинула один за другим через бронированный задний борт грузовика с грохотом, достаточным, чтобы несколько наиболее нервных рекрутов обернулись к ней с оружием на изготовку, тут же, впрочем, расслабившись и изо всех сил постаравшись изобразить на лицах полную невозмутимость. Двое мастеровых, как я предположил, ныне рекрутированные в качестве ее помощников, похоже, стали ее подручными на более или менее постоянной основе.

— Явились напутствовать перед отправлением?

— Просто убеждаюсь, что все в

порядке, — возразил я. — Например, что вы не опоздаете на наш маленький поезд.

Она рассмеялась, карабкаясь на борт грузовика, сопровождаемая гораздо менее грациозными подручными. В теории, путешествуя на последней машине в колонне, они могли вовремя остановиться и прийти на помощь любой из остальных, случись какая-то поломка, без того, чтобы разворачиваться и возвращаться. А это, как нас проинформировал Колфакс, было как раз тем, чего лучше избегать на избранных нами окольных дорогах; учитывая, что его гражданской обязанностью было следить, чтобы они вообще оставались проезжими, я был склонен доверять его мнению на этот счет.

— Не опоздала бы и за целую галактику, — заверила она меня, в то время как ее внимание уже было поглощено поврежденным воксом. — Ух ты, досталось же этой штуковине.

— Вы можете ее починить? — спросил я, ибо мысль о такой возможности только что пришла мне в голову.

Если бы ей это удалось, мы могли бы использовать вокс-установку в качестве передающей станции, увеличив таким образом радиус действия наших микрокоммуникаторов, а также получив возможность прослушивать возможные передачи от каких-то еще оставшихся в округе имперских боевых единиц. Если поблизости были еще отряды СПО, то они должны, как и мы, направляться к складам, так что допустимо было предположить, что они окажутся в зоне приема, по крайней мере в какие-то моменты времени.

— Могу попробовать, — живо откликнулась Фелиция, уже тыкая куда-то внутрь корпуса вокса своим механодендритом. — Но, учтите, без обещаний.

— Конечно же. — И я двинулся дальше.

Следующий грузовик был занят Эриоттом и самыми тяжелыми с медицинской точки зрения пострадавшими, по большей части просто до крайности истощенными выпавшими на их долю злоключениями, но в некоторых

случаях и с более выраженными последствиями плохого обращения со стороны орков: переломами, вывихами и внутренними кровотечениями. Наш дружелюбный ветеринар поднял на меня взгляд, едва я подошел.

— Комиссар, — поприветствовал он меня таким тоном, будто мы встретились на какой-нибудь официальной вечеринке.

Несмотря на растущее во мне нетерпение закончить обход, мне пришлось замедлить шаг.

— Доктор, — отозвался я, заставив его иронически улыбнуться, — как ваши пациенты?

Он лишь пожал плечами, на секунду показавшись совершенно вымотанным свалившейся на него ответственностью. Затем благодушный вид вернулся.

— Если бы они были моими обычными клиентами, половину я уже усыпил бы. — Улыбка его стала немного менее натянутой. — Но, учитывая особенный характер этих среднего размера пациентов, мне приходится рассчитывать

на время и анальгетики. Небольшая молитва Императору тоже не мешает. — Он понизил голос. — Для наиболее тяжелых случаев я мало что могу сделать, честно говоря. Лишь держать их в стабильном состоянии до того момента, пока мы не найдем нормального медицинского оборудования.

— Значит, их шансы выше, чем были бы без вас, — заметил я, оставляя его, насколько можно судить по лицу, немного более вдохновленным, чем ранее.

Несколько следующих багги были набиты гражданскими. Затем я достиг грузовика, занятого тем, что осталось от отряда Браво. С Тайбером я уже переговорил, так что теперь прошел мимо, обменявшись лишь несколькими словами и кивнув Норберту, который путешествовал с ними, надзирая за некоторыми наиболее ценными из наших запасов. Их машина была примерно в середине колонны, подобно начинке в сэндвиче, между двумя группами гражданских машин и двумя грузовиками ополчения. Когда я проходил мимо

беженцев, волна радостных приветствий, казалось, преследовала меня, раскатываясь на моем пути, и я на секунду задумался, не следует ли мне утихомирить их, но, едва мы запустим двигатели, любая попытка скрытного передвижения все равно не будет иметь смысла. Лучше уж позволить людям спустить лишний пар. Вскорости дела наши должны были снова пойти много хуже, так что следовало дать им испытать довольство собой, пока это возможно.

Солдат Тарвил в переднем грузовике более или менее управлялся со своей импровизированной командой бойцов. Если что и было плохо, так это их лишняя уверенность в себе и горячечное желание поскорее начать мстить зеленокожим, поэтому я отозвал их командира, чтобы переговорить с ним наедине.

— Вам, возможно, придется немного их приструнить, — сказал я.

Он кивнул:

— Знаю. В том настроении, в каком они сейчас, можно вести себя опрометчиво. Я подожду до тех пор, пока один из них

слишком занесется, и осажу перед всеми, прежде чем что-нибудь случится. Таким образом, мне придется облаять одного, а научатся все.

— Может сработать, — согласился я. — Но если хотите моего совета, вам придется быть с ними как можно более жестким, едва мы отправимся. Это разведка боем, а не увеселительная прогулка.

Он оказался достаточно умен, чтобы послушаться, — это я могу про него сказать точно. Когда все-таки началась стрельба, несмотря на мое дурное предчувствие, он построил их в бой гораздо лучше, чем я мог ожидать.

Следующим был наш собственный багги, где уже ждал готовый к отправлению Юрген, так что мне оставался лишь ведущий грузовик, где обретался ополченский сброд, ведомый солдатом Хаскомом, и наш местный проводник Колфакс. Я кратко переговорил с обоими, подчеркивая жизненно важный характер нашего предприятия, но стараясь при этом не внушить им

большей напряженности, чем они и без того чувствовали.

— Я вас проведу, будьте спокойны, — заверил Колфакс, забираясь в грузовик на место рядом с водительским.

Хаском с сомнением посмотрел на дорожного рабочего:

— Уверены, сэр, что не хотите взять его в свою машину? Я полагал, вы собираетесь сами вести колонну.

Я покачал головой:

— Лучше мне немного приотстать, чтобы точно знать, если где-то возникнут проблемы, и иметь возможность вмешаться. К тому же, если дороги заминированы, не думаю, что мне стоит убеждаться в этом лично.

Хаском кивнул, принимая эти слабые оправдания за чистую монету.

— Как пожелаете, сэр. — Он четко отдал честь. — Мы вас не подведем, обещаю.

Едва он запрыгнул на борт орочьей развалюхи, несшей его отряд, этот сброд приветствовал его так радостно, будто

они были на гуляньях сектора,[63] а не в преддверии битвы, и до меня вдруг запоздало дошло, что они полагали право идти на острие честью.

«Ну что же, тем лучше для них, если уж им досталось заслонять меня от линии огня, то никто не будет мешать им чувствовать от этого удовлетворение».

— Проверка связи, — произнес я, возвращаясь к своей машине, забираясь на борт и включая передатчик в ухе. Пространство кузова теперь, когда основная часть наших припасов была распределена между машинами колонны, казалось гораздо просторнее, и я свободно распахнул шинель, пока Юрген, Тайбер, Гренбоу, Тарвил и Хаском по очереди докладывали о готовности. Становилось все теплее, и я наконец просто свернул тяжелую ткань в качестве импровизированной подушки и положил ее на одну из коробок с болтерными зарядами. Секунду я слушал шипение статики в своем наушнике, пока перестегивал оружейный пояс и устраивался как можно

более комфортно, втиснувшись в угол между ящиками. — Колфакс, слышите меня?

— Да. — Ответ дорожного мастера был настолько же кратким, как и обычно. — Не сразу понял, как управляться с этой штукой.

— Ясно. — Я легко скрыл раздражение. — Если все готовы, можем выдвигаться.

Рев запускаемых двигателей нашей колонны разорвал тишину пустыни. Шум поднимался скачками, когда дурно отрегулированные двигатели один за другим с натугой оживали. Каждый раз, когда я было думал уже, что грохот ни при каких условиях не может стать еще громче или еще нестерпимее, он увеличивался едва ли не вдвое, и вечное эхо от барханов, окружавших нас, только ухудшало дело. После того, что показалось мне вечностью, грузовик впереди нас, покачиваясь, тронулся с места. Затем с рывком, который будто специально был предназначен для того, чтобы подчеркнуть тщету моих усилий

поудобнее устроиться на сложенной шинели, Юрген тронул и наше транспортное средство. К добру или к худу, но теперь мы были обречены идти вперед, к судьбе, которая с тех самых пор направляет течение моей жизни.

Глава пятнадцатая

День завершался в монотонном дурмане пыли, шума, жары и скуки, не говоря уже о болях в спине, вызванных примитивным устройством багги. Вскоре после того, как мы отправились, я уже чувствовал настойчивую необходимость глотнуть воды, но сдерживался, хоть и значительным усилием воли. Отчасти это было для того, чтобы поддержать свое положение среди столь многих отчаявшихся и не имеющих способностей к выживанию личностей, которых я должен был вести своим примером; кроме того, я знал, что позволить себе первый глоток сейчас значило испытать на себе муки жажды гораздо скорее и вдвое мучительнее. Если нам предстояло найти ту воду, на которую надеялся Колфакс, я мог бы подчиниться подобным порывам с чистой совестью (насколько, в принципе, она у меня может быть чиста), но, если нам предстояло разочароваться в этом нашем устремлении, у нас не оставалось

бы иного выхода, как перейти к предложенной Норбертом схеме водных рационов, и в этом случае мне определенно следовало оставить некоторый личный запас на то время.

Дорога, которой мы следовали, уводила нас прочь от главного шоссе, и очень вовремя. Оглядываясь назад с помощью ампливизора, я смог, несмотря на тряску нашего неровно идущего транспортного средства, разглядеть группу орочьих байков и грузовиков, быстро движущихся по нему. Опасаясь, что мы будем замечены и привлечем преследователей, я предупредил Гренбоу и его команду, но зеленокожие не обратили на нас никакого внимания — несомненно, приняли нашу автоколонну развалюх за одну из своих, если вообще заметили. Я облегченно выдохнул, довольный, что мое мнение касательно того, куда отправиться нашему отряду, оказалось верным, и нашел в себе даже достаточно такта, чтобы не напоминать об этом Тайберу.

— Похоже, мы от них улизнули, — сам

признал сержант.

Я согласился, при этом позволив себе немного осторожности в голосе:

— По крайней мере на данный момент.

Я включил в передачу остальных, кроме Колфакса, которому не нужно было знать подробности происходящего.

— Не расслабляемся. Впереди могут еще оказаться отдельные единицы[64] и группы врага, что-нибудь ищущие.

Ответом мне был хор заверений в том, что все остаются начеку, и я снова уселся, обнимая болтер, ожидая малейшего признака нападения, которое, впрочем, так и не произошло.

Вскоре после полудня нам пришлось остановиться, и Колфакс прибежал к моей машине, чтобы переговорить с глазу на глаз. Несмотря на то что он не испытывал сложности в обращении с микрокоммуникатором, дорожный рабочий не чувствовал себя спокойно, обмениваясь по нему какой-либо информацией, особенно когда ему приходилось быть носителем дурных вестей.

— Если поблизости есть вода, то затем гребнем, — без всякого вступления выложил он. — Но, как я понимаю, ее не будет.

Он повел указательным пальцем, едва ли не столь же грязным, как у Юргена; хотя, если быть честным, я и сам был к тому времени здорово покрыт похожей коркой. Дорога, которой мы следовали, за время, прошедшее с начала пути, перестала быть достойной называться этим словом, превратившись в просто немного более ровный участок плотно укатанной грязи, поверх которой скользил песок, поднимаясь тонкой удушливой пленкой в воздушных потоках, вызванных нашим продвижением, и превращаясь в нашу личную маленькую песчаную бурю. Какими должны быть условия путешествия в хвосте автоколонны, совершенно скрытой облаком песка, я мог только воображать (и весьма живо, почему я и выбрал для себя и Юргена второе место в ряду машин, вместо того чтобы засунуть нас в середину, где мы были бы лучше всего прикрыты от вражеского

огня).

— Откуда вы знаете? — спросил я, разматывая комиссарский кушак, прикрывавший мое лицо от пыли, наподобие импровизированной маски. Несмотря на такую защиту, горло, казалось, было покрыто слоем этой терпости, и я сделал четко отмеренный глоток воды из своей фляги, прежде чем продолжить разговор. Казалось, мне пришлось проглотить целый комок песку, но, когда я снова заговорил, внутренне борясь с желанием осушить всю емкость и вместо этого опуская ее на место, мой голос звучал намного чище. — По мне, так все одно и то же.

— В том и беда, — отозвался Колфакс.

Я слез с машины, благодарный за возможность размять свои затекшие и болящие конечности, и Юрген, как и обычно, присоединился, встав у меня за плечом. Он нес лазган и теперь отнял от него одну руку, чтобы убрать ото рта тряпку, которую повязал на лицо в качестве маски.

— Что-то не так, сэр?

— Сейчас выясним, — ответил я, окинув взглядом машины, которые постепенно появлялись из оседающего облака поднятой нами же пыли, делающей их одинаково окрашенными в цвет пустыни.

Маленькие пассажиры того же объединившего все цвета сырой красной глины посыпались из них, указывая на нас и жестикулируя, очевидно недоумевая, чего мы ждем. Ну, отлично, этого только нам и не хватало.

Я включил микрокоммуникатор и объявил:

— Остановка на отдых. Передайте по цепочке. Никто не должен уходить за пределы видимости своей машины.

Это должно было приглушить любые другие предположения и удержать любопытных от того, чтобы последовать за нами. Но чтобы убедиться в этом окончательно...

— Раздайте немного еды. Одну плитку на человека и чашку воды.

Это вполне укладывалось в

рекомендации Норберта, да и как раз пришло время чем-нибудь перекусить. Как я и ожидал, этого оказалось более чем достаточно, чтобы занять мысли гражданских, а солдатам подкинуть работку в виде распределения пищи и воды.

Если уж на то пошло, теперь, когда возникла сама мысль о еде, я тоже почувствовал голод. Вытащив пару питательных плиток из кармана штанов, я протянул одну из них Колфаксу, в то время как Юрген сам добыл себе одну откуда-то из глубин своего обмундирования. Несмотря на подобное хранение, кажется, ни одна из этих плиток особенно не пострадала, и на вкус они оставались так же хороши, как и всегда, — что в их случае заключалось в полном отсутствии какого-либо вкуса. Несмотря на сей факт, пайки позволили унять первый голод, и, когда мы добрались до гребня, я обнаружил, что пребываю в несколько более оптимистическом настроении.

— Как я и боялся, — произнес Колфакс с набитым ртом, пережевывая плитку из

Императора знает чего, спрессованного в единую массу.

Я окинул взглядом понижение местности, открывшееся, когда мы перевалили за хребет. Оно заросло колючками такого вида, будто они были способны проткнуть керамитовую пластину.

— Но это же должно быть хорошим знаком, — удивился я. — Если тут повсюду растения, то должна быть и вода.

Лицо Колфакса перекосилось — наверное, это следовало считать иронической ухмылкой.

— Была, — поправил он. — Но вся высохла.

Он наклонился, чтобы заглянуть под крупный булыжник, и указал на небольшую трещину под ним. Маленькое иссохшее растение все еще цеплялось за нее, стремясь выжить, несмотря ни на что. Я, кажется, знал, что оно должно было чувствовать.

— Видите?

Юрген кивнул.

— Растение, — произнес он, вероятно

на тот случай, если кто-то не понял, что это такое.

— Каменная полынь, — пояснил Колфакс. — В последний раз тут ее был просто ковер. — Он указал на задушенную терновыми кустами расщелину. — Хотите верьте, хотите нет, здесь находился пруд. Ну, я не рассчитывал, что в этот раз повезет, тут редко можно найти настоящую воду. Была бы каменная полынь, можно было бы лопатой докопаться.

— А эти? — спросил я, в свою очередь указывая на терновые заросли. — Они, наверное, тоже нуждаются в воде, нет?

— Шиподер. У него корни метров десять, а то и двадцать. У нас нет ничего, с чем можно добраться так глубоко, верно?

Молчание с моей стороны было для него достаточным ответом.

— А если бы и добрались, — горько заключил он, — сначала-то надо было бы все тут расчистить, а об этом нечего и думать.

Я всмотрелся в изобилие шипов и совершенно с ним в этом согласился.

— Тогда лучше двигаться дальше, — произнес я. — И надеяться, что у следующего распадка повезет больше.

Колфакс кивнул.

— Не загадывайте, — посоветовал он.

Мы вернулись к грузовикам в мрачном настроении духа, но у меня не оказалось времени дальше предаваться размышлениям об этом эпизоде. Едва мы спустились с гребня, скрывавшего за собой пустынное разочарование, мой микрокоммуникатор ожил.

— Комиссар, — голос принадлежал Гренбоу, и звучал он взволнованно, — у нас проблема.

— В чем дело? — поинтересовался я, преодолевая порыв перейти на бег, несмотря на обессиливающую жару. Вместо этого я просто зашагал быстрее и решительнее.

Бывший вокс-оператор помедлил, очевидно пытаясь найти верные слова.

— Пара ополченцев повздорили.

— Можете сами разобраться? — спросил я, в то время как Колфакс отошел, чтобы снова присоединиться к команде

головного грузовика. Юрген, как и обычно, оставался при мне. — Вы там командуете.

— Меня они не слушают, — доложил он.

Ну, отлично. Наше путешествие не продлилось и половины дня, а все уже начало разваливаться. Расстегнув кобуру лазерного пистолета, я поспешил, как только мог себе позволить, к месту происшествия, недоумевая, отчего, во имя Терры, мне пришло в голову выдать этим фрагомозглым оружие. Впрочем, по крайней мере, чем бы ни была вызвана неприязнь, они не начали палить из него друг в друга. Пока что.

Это было, как я обнаружил спустя мгновение-другое, в основном оттого, что Гренбоу сам встал между двумя задирами, каковое решение, по моему мнению, было скорее смелым, чем умным, но, по крайней мере, он таким образом предотвратил нарастание конфликта. Девушка с татуировкой на лице уже вытащила нож и переступала с ноги на ногу, будто стараясь улучить момент, чтобы обогнуть солдата, но пока что здравый

смысл или, скорее, лазган в руках нашего вокс-оператора не давал ей сделать подобную попытку. Это, впрочем, не мешало ей кидать злобные взгляды на мужчину в побитых жизнью остатках формы, идентичной той, что я видел на местном арбитре, которого мы нашли лежащим на улице Колодцев Благоденствия; этот же представитель был жив и кидал убийственные взгляды в ответ, сжимая собственное оружие так сильно, что суставы побелели.

— Что происходит? — вопросил я, широким шагом приближаясь к этой небольшой пантомиме, выказывая весь до последней капли авторитет, какой только внушила мне Схола.

Остальные ополченцы расступились, давая мне пройти и продолжая наблюдать за происходящим со всем возможным интересом, хотя, к моему облегчению, казалось, что никто не был настроен вписываться за одну из сторон. По крайней мере это уже облегчало мою задачу. Мастеровые помощники Фелиции тоже наблюдали, рассевшись на заднем борту

грузовика с таким видом, будто ожидали, что им сейчас передадут орешки кабы. Сама техножрица была все еще поглощена внутренностями поврежденной вокс-установки. Она едва удостоила меня взглядом и, взмахнув рукой в качестве приветствия, вернулась к работе, радостно напевая что-то себе под нос. Мне потребовалась секунда-другая, чтобы узнать мотив «Хрустят еретики под траками "Ленд Рейдера"...».[65]

Гренбоу обернулся ко мне с видом явного облегчения:

— Демара разлила часть водного рациона Тэмворта.

— Это вышло случайно! — отрезала девушка. — Дурной орколюб не глядел, куда идет!

Бывший блюститель правосудия налился кровью еще сильнее, чем до того, и попытался было поднять свой лазган, несмотря на то что между ним и целью по-прежнему оставался Гренбоу.

— Ты меня намеренно толкнула под руку и прекрасно это знаешь, ты, лживый

кусок грязи!

Гренбоу попытался было приструнить его, но Тэмворт ударил молодого солдата прикладом в живот. Гренбоу изогнулся, пропуская удар по касательной и позволяя броне принять на себя большую часть его силы, и быстро поднял собственное ружье, метя бунтарю-ополченцу в лицо. Тэмворт отшатнулся, и тут Демара ринулась к нему с занесенным ножом.

— Достаточно! — Я плавным движением вытащил лазерный пистолет и всадил один-единственный заряд в песок между ними. Оба драчуна застыли на месте. — Юрген, забери у них оружие.

Мой помощник послушно шагнул вперед, вырвал лазган из рук Тэмворта и перекинул его ремень через плечо.

Демара, когда он потянулся за ее ножом, сделала шаг назад.

— Но это мое, — запротестовала она. — Я сняла его с зеленокожего, которого сама свалила!

— Так уберите, пока не пришлось против них с ним же и выйти, — ровно сказал я.

У меня не было сомнений в том, что для Юргена не станет проблемой отобрать нож, если женщина продолжит им размахивать, но это была не такая ценная вещь, чтобы не позволить Демаре сохранить ее. Кроме того, накал ситуации начал спадать, а она выглядела достаточно разумной, чтобы понять это. К счастью, именно так и оказалось, поскольку она вогнала лезвие обратно в ножны без дальнейших препирательств.

— Отлично. — Я тоже убрал свое оружие. — Так что произошло?

Тэмворт и Демара набрали было воздуху в легкие, чтобы продолжить взаимные обвинения, и мне пришлось вновь потянуться к кобуре, одновременно поднимая другую руку.

— Гренбоу, пожалуйста.

— Мы только закончили раздавать порции гражданским, — четко доложил Гренбоу. — Так что я отдал приказ обслужить самих себя.

— Еле дождались, — проворчал один из рекрутов за моей спиной.

Я обернулся и посмотрел так, что

тот мгновенно заткнулся. Гренбоу одновременно со мной наградил его столь же устрашающим пристальным взглядом.

— Поздравляю, — произнес он. — Вы только что вызвались нести двойную вахту.

Я кивнул, подтверждая его слова. Похоже было, что Тайбер хорошо выбрал из своего отряда неплохих командиров. Едва с мелким нарушением дисциплины было покончено, Гренбоу вернулся к нашему делу:

— Эти двое сидели рядом. Демара толкнула Тэмворта под локоть, когда поворачивалась, и он пролил часть своего питья.

— Сколько он потерял? — спросил я.

Гренбоу пожал плечами:

— Около половины чашки.

— Это ложь! — выкрикнул Тэмворт. — Я уронил всю чашку!

— Ты ее выпустил из рук, когда бросился на меня! — парировала Демара, снова сжимая руки в кулаки, хотя при этом проявляя достаточно здравого смысла, чтобы не потянуться вновь за ножом. — Если ты остался совершенно без

питья, так это по собственной глупости!

— Достаточно, — вновь заставил обоих умолкнуть я. — Если запамятовали, напомню, что вы вызвались служить защитниками этой автоколонны, а потому подпадаете под военные правила и нормы. Включая военную дисциплину.

— О, я уже боюсь, — саркастически перебила девушка. — Что вы можете мне показать такого, что было бы хуже, чем у орков?

— К примеру, могу вас пристрелить, — мягко отозвался я и повернулся к Тэмворту. — Это, к слову говоря, предписано в качестве наказания за нападение на старшего офицера.

Он внезапно сник, кровь отхлынула от лица, так что шрам проступил четче; мужчина, очевидно, не испытывал сомнений в том, что я могу привести свою угрозу в исполнение. Отлично, пусть немного помаринуется в собственном поту.

Остальные неловко зашептались между собой, затем продолжили наблюдать за происходящим еще внимательнее, чем раньше.

— Вы не станете этого делать, правда? — спросила Демара, ее гнев постепенно уступал место рассудительности. — Он, возможно, и тупоголовый...

— Не заступайся за меня, ты, бандитская дрянь! — рявкнул Тэмворт, и я тут же придавил его своим вторым по суровости комиссарским взглядом.

Вот мы и докопались до сути.

— Если вы не заметили, — ровно пояснил я, — ваш мир изменился. Какие бы различия между вами ни существовали, они погибли и похоронены. Если же нет, то я легко могу сделать так, чтобы это произошло буквально. Ясно?

Тэмворт молча кивнул.

— Отлично. — Я обернулся обратно к Гренбоу. — На следующей остановке он получает вполовину меньше воды за растрату. И она тоже.

— Я же сказала, это вышло случайно! — воспротивилась Демара.

Ответом ей с моей стороны было лишь пожатие плечами.

— Мне без разницы. Вы ее пролили, и

этого достаточно. Пусть это будет для вас поводом быть осторожнее со следующей порцией.

Оба бывших соперника теперь злобно глазели уже не друг на друга, а на меня, что я воспринял как положительный знак и снова обратился к Гренбоу:

— Я не собираюсь расстреливать этого фрагомозглого за то, что он вас ударил. Сейчас нужны все бойцы, которые у нас имеются. Если считаете, что ему полагается дальнейшее наказание, придумайте его сами, вы их командир. — Я ткнул большим пальцем в сторону Демары. — То же касается и ее. Я не хочу видеть, что кто-то из них снова затеял драку.

— Так точно, не увидите, — заверил меня Гренбоу.

— Рад слышать, — одобрил я, затем немного повысил голос: — Это касается и всех остальных. Выживание каждого из нас зависит от того, сможете ли вы выполнять ту работу, на которую подвизались, и мы не можем нести мертвый груз. В следующий раз, если

случится драка, я оставляю зачинщиков в пустыне. Без воды и припасов. Передайте это всем.

Зная, что портить драматический эффект дальнейшими рассуждениями не следует, я развернулся на каблуках и двинулся прочь. Через мгновение Юрген передал конфискованный лазган Гренбоу и поспешил за мной.

В целом, я предположил, что достаточно хорошо справился с ситуацией.

Но даже при этом я позаботился о том, чтобы найти Гренбоу сразу, едва мы встали на ночной отдых возле маленького камнебетонного бункера; как сообщил мне Колфакс, тот предназначался для подобных ему работников в мирные времена, когда дорожный рабочий занимался тем, что поддерживал в таком же, как сейчас, минимально проходимом состоянии кружные пути, которыми мы теперь следовали. Дверь не имела замка, что было неудивительно, — красть там было нечего или, по крайней мере, не было ничего такого, за чем стоило бы

проделать весь этот путь вдали от цивилизации. Несмотря на это, я приказал под надзором Норберта забрать все полезное, добавив таким образом к нашим запасам некоторое количество инструментов, немного постельных принадлежностей и пугающе маленькую коробку с консервированными продуктами. Единственным, что еще нашлось в этом домике, оказался планшет порнографических данных, очевидно забытый кем-то из коллег Колфакса (по крайней мере, сам он на него не претендовал), который я тайком сплавил Юргену. Моему помощнику за последние несколько дней выпало много работы, так что самое малое, что я мог для него сделать, — это позволить ему предаться на некоторое время любимому хобби. Танны, конечно, не оказалось и следа, и я почувствовал даже минутную зависть к Юргену, сожалея, что мои желания не удовлетворяются так же просто, как его.

— Были сложности? — спросил я у юного вокс-оператора, и он в ответ только покачал головой, осторожно прикладываясь

к своей чашке с водой; его черты лишь едва различались в слабом свете переносного нагревателя, который мы позаимствовали из рабочей сторожки.

Я поплотнее запахнул шинель, осознав, что мечтаю о чашке рекафа, но горячие напитки на ближайшее будущее оставались нам недоступными. Кипятить драгоценную влагу значило слишком много ее разбазаривать в виде пара, а судя по вычислениям Норберта, воды у нас было и так пугающе мало; в результате я не имел права даже на такое малое утешение. Я потянул тепловатой жидкости из своей фляги, ожидая ответа и сражаясь с тягой проглотить все ее содержимое. Пить медленно и бережно было единственным способом, гарантирующим, что вся влага окажется поглощенной иссохшими тканями моего тела, вместо того чтобы пройти прямиком в том или ином виде наружу.

— Никаких, — сказал Гренбоу. — Никто не нашел в себе решимости проверить, блефуете вы или нет насчет того, чтобы бросить нарушителей в

пустыне.

— Не блефую, — заверил я, надеясь, что доказывать это все-таки не придется. — Мы не можем себе позволить внутренней вражды. — Я снова отпил отвратительно теплой жидкости, стараясь не обращать внимания на слабый металлический привкус. — Что приводит нас к вопросу, как вы поступили в отношении Демары и Тэмворта, после того как я вас оставил?

— Худшее, что мог только придумать, — откликнулся он с ноткой веселья в голосе. — Сделал эту парочку командой, приставив его заряжающим к ее пулемету.

— Это весьма находчиво, — признал я.

Если составляющие одного расчета тяжелого орудия и не были спаяны физически, то с тем же успехом могли бы быть, так близко друг к другу они должны были работать.

Молодой солдат кивнул:

— Теперь им придется сойтись. Жизни обоих будут зависеть от этого, едва мы попадем в бой. — Он пожал

плечами. — А если они все еще находятся под впечатлением, будто легко отделались, то, скажу я вам, будут стоять совместные вахты, начиная с сегодняшней ночи и пока звезды не замерзнут. Одни.

— Тот, кто приставил вас к связистам, плохо знал свою работу, — произнес я. — Похоже, вы без каких-то минут сержант — по меньшей мере.

К моему удивлению, он рассмеялся:

— Но, похоже, нелегкая это работенка.

Ощущая себя несколько ободренным этим разговором, я отправился пройтись по нашему импровизированному лагерю, стараясь не слишком задумываться о предстоящем дне. Сегодняшний же принес далеко не одни лишь хорошие новости: двое пациентов Эриотта умерли, не перенеся тягот пути, и я понял, что размышляю, насколько это позволит растянуть наш запас пищи и воды. К сожалению, едва ли надолго. Я зашел к Тайберу, чтобы утвердить позиции часовых, и провел ампливизором по округе, убеждаясь, что

все они расположились там, где положено.

К моему облегчению, я смог различить их смутные фигуры на фоне более светлого оттенка усеянного звездами неба, так что, по крайней мере, мы знали, что орки не подкрадутся к нам под покровом ночи (хотя это вообще было не в их стиле). Тэлворт и Демара сидели на вершине бархана, очевидно храня угрюмое молчание, но уже спина к спине и не помышляя, кажется, о том, чтобы снова проявить агрессию, так что, похоже, неортодоксальное решение Гренбоу работало.

И последним я решил найти Колфакса, который по-прежнему оставался в бараке, о чем свидетельствовал слабый свет притушенного люминатора, который просачивался оттуда. Когда я вошел, он взглянул на меня и продолжил отрывать от стены решетку вентилятора.

— А, комиссар, — произнес он, швыряя кусок перфорированного металла на пол, затем потянулся в открывшуюся за ним полость и что-то оттуда достал. — Да, так я и думал, она еще там.

— Что такое? — спросил я.

Вместо ответа он выдернул пробку из добытой бутылки и сделал большой глоток, удовлетворенно выдохнув, когда оторвался от горлышка. Сладковатый запах дешевого, ширпотребного амасека вырвался вместе с его дыханием, и он поднял бутылку, протягивая ее мне:

— Спрятал ее тут в последний раз, когда был, так, на всякий случай. Не желаете?

Конечно, отхлебнуть хотелось, еще как, но у меня сохранилось достаточно здравого смысла воздержаться. В моем нынешнем иссушенном состоянии пить крепкий алкоголь было бы неосмотрительно. Я покачал головой:

— Не сейчас. Приберегите до того момента, когда достигнем цели нашего пути.

Колфакс уставился на меня в ошеломлении:

— Вы и правда верите в эту чушь, что ли? — Он снова приложился к бутылке. Теперь уже я, по зрелом размышлении, протянул за ней руку. — Правда ведь в том,

что все мы умрем здесь. Лучше бы вам привыкнуть к этой мысли.

— Может быть, для вас и лучше, — возразил я, — но я этого делать не собираюсь. Давайте бутылку, с вас довольно.

Он на мгновение встретился со мной взглядом.

— Вы мне нужны завтра в трезвой памяти.

— Отвалите. — Он сделал еще один глоток дешевого алкоголя.

Я вытащил пистолет.

— Последняя возможность, — предупредил я.

Колфакс лишь рассмеялся:

— Вы не сможете в меня выстрелить. Сами сказали, я вам понадоблюсь уже завтра.

— Могу, — заверил я. — Просто не так, чтобы убить. Вы ведь не потеряете способность искать воду, лишившись коленных чашечек, не правда ли?

Он вперился в меня, очевидно размышляя, выполню ли я свою угрозу, впрочем, не он один в этом сомневался, но

знать ему об этом было незачем. Через мгновение он сник, протянул мне бутылку и произнес:

— Тяжелый вы человек.

— Это моя работа — быть таковым. — К его явному удивлению, я не взял ее. — Будьте любезны передать это медику Эриотту. Полагаю, что он найдет ему лучшее применение, чем любой из нас.

Набор первой помощи, который мы взяли из спасательной капсулы, к этому времени уже изрядно истощился, и Эриотт мог бы использовать алкоголь как замену антисептику. Колфакс кивнул, и стало ясно, что его негодование не выстояло перед выражением полного доверия, которое я только что выказал. Если я правильно понимал стоявшего передо мной человека, этого было достаточно, чтобы удержать его в строю, по крайней мере пока что.

— Увидимся завтра, — сказал я, поворачиваясь, чтобы уйти.

Следующий день, за исключением драк среди личного состава ополчения,

оказался точной копией предыдущего. Наша ветхая автоколонна с рычанием и тряской преодолевала пустынный ландшафт, покрывая нас все новыми слоями пыли, покуда мне не стало казаться, что я с радостью убил бы за стакан холодной воды. И не я один. Когда мы остановились на полуденный отдых, ко мне перемолвиться словечком наедине подошел Норберт.

— Количество воды подошло к критической отметке, — предупредил он. — Сколько еще до базового склада?

— Послезавтра должны прибыть, — ответил я, — если с Колфаксом не заблудимся.

Норберт кивнул, глядя с гораздо меньшим облегчением, чем я надеялся.

— Должно хватить, но едва-едва, — проинформировал он меня. Потом помедлил. — Хотите, чтобы я установил еще более жесткие нормы? Это даст нам по крайней мере еще пару дней.

— Не станем этого делать. — Я указал на колготящуюся толпу грязных гражданских, которые едва могли спокойно

ждать своей очереди, дабы получить чашку воды и пригоршню еды. — У них и так осталось не много, на что они могут точно рассчитывать. Отнять и эту малость — значит... — Я оборвал фразу, не желая заканчивать свою мысль.

Норберт кивнул:

— Конечно, должно хватить и так. Но если возникнут задержки...

— Вы об этом узнаете первым, — заверил я его.

К счастью, ничего такого не произошло, и остаток дня прошел в такой же скуке и костедробительной тряске, как и утро.

Дело уже близилось к вечеру, а в нашем путешествии не наметилось и малейшей перемены; солнце склонилось так близко к горизонту, что заставляло при взгляде вперед прикрывать глаза, так что я задумался, не настало ли время для следующей ночевки, и активировал микрокоммуникатор.

— Колфакс, — передал я, — здесь есть какое-нибудь место, чтобы остановиться на ночь?

— Надеюсь, — ответил тот.

Мы едва перекинулись парой слов со времени нашей беседы в рабочем бараке прошлой ночью, но, казалось, он стал вести себя со мной немного более открыто, будто наше столкновение из-за бутылки атасека внушило ему какую-то дополнительную уверенность во мне. И конечно же, если он все еще продолжал испытывать сомнения по поводу наших шансов на успех, то теперь держал их при себе, что уже было значительно лучше, с моей точки зрения.

— Скоро узнаем.

— Что это значит? — спросил я и встал, держась за станину болтера, чтобы более пристально взглянуть на идущую впереди машину.

Завидев мою появившуюся в поле зрения голову, Колфакс помахал рукой:

— Мы продвинулись дальше, чем я предполагал. Глядите. — Он показал вправо, и, сузив до предела глаза, я смог различить, что там цвет почвы несколько отличается от обычной расцветки камней, и определить, что он зеленоватый, прежде чем пыльное облако

снова взвихрилось, застилая вид.

— Это ведь то, что я думаю? — спросил я с проблеском надежды.

Несмотря на обычный цинизм, голос Колфакса, оказывается, мог выражать и некоторую грань осторожного оптимизма:

— Надеюсь. Мы узнаем, едва перевалим за следующий гребень.

Хотя для этого потребовалось не больше нескольких секунд, мне они показались невероятно мучительными, растянувшимися, подобно некоему предвкушению вечности. В конце концов следовавший перед нами грузовик миновал последний подъем дороги и начал скрываться за каменистым пригорком.

— Ну? — поторопил я, но, прежде чем Колфакс успел ответить, команда, сопровождавшая его, взорвалась радостными криками.

— Повезло нам, — заверил он меня несколько запоздало.

Мне не пришлось долго ждать, прежде чем в этом убедиться. Юрген рывком перевалил нашу машину через гребень, и я понял, что гляжу на обширный

распадок посреди пустыни, покрытый крохотными листочками, плотно свернувшимися под палящим солнцем.

— Каменная полынь? — спросил я.

— Точно, теперь вы видите. — Колфакс на идущей впереди машине махнул рукой, охватывая этим жестом всю низину, протянувшуюся почти на километр. — Но даже не это самое главное.

Дорога здесь расширялась, и Юргену удалось немного прибавить ходу, поравнявшись с грузовиком и позволяя мне разглядеть что-то, помимо его заднего борта.

Целую секунду мое сознание отказывалось определить всю значимость того, что я видел, а было это ослепительное кроваво-красное пятно, соперничающее с заходящим солнцем, и я подумал было, что это цветут покрывающие все вокруг растения. Но затем монетка все-таки упала на дно моего сознания.

— Это вода! — воскликнул я. — Да тут целое озеро!

— Похоже, что так, — согласился Колфакс, и в его голосе прозвучала нотка благоговейного трепета. — Никогда раньше ничего подобного не видел. Вам всегда настолько везет?

— Пока что да, — заверил я его, размышляя, сколько еще могла продлиться моя удачливость.

Глава шестнадцатая

Всеобщий подъем духа, который последовал за нашим прибытием к временному оазису, был просто удивителен, даже для кого-то, кто, подобно мне, был привычен отслеживать его приливы и отливы. Я полагаю, это оттого, что впервые за свою карьеру мне приходилось иметь дело с гражданскими как с массой. До сего времени я сталкивался с ними лишь как с отдельными личностями и, как правило, в минимизированных протоколом социальных ситуациях или в процессе рассмотрения их самодовольных жалоб на, скажем, дурное поведение вне службы пары-другой артиллеристов, о поддержании морального облика которых я должен был фраг знает как заботиться (впрочем, последнего рода посетители редко подбирались ко мне ближе приемной перед моим кабинетом, где Юрген, на которого я полагался целиком и полностью, мог бесконечно сдерживать жалобщиков, если

только нарушение, о котором шла речь, не было, на его взгляд, особенно серьезным или, наоборот, забавным). Должен признаться, я был в достаточной мере удивлен той стойкостью, которую до сих пор проявляли наши нечаянные подопечные, хотя, полагаю, тут можно поблагодарить орков за проделанную весьма серьезную работу, в процессе которой отсеялись все лишние и остались лишь самые крепкие обитатели этого несчастного небольшого сообщества.

Первое, что я сделал, — передал по воксу лидерам СПО и ополченцев приказ выдвинуться в голову автоколонны, как только расширяющаяся дорога позволит обгон, так что к тому времени, когда прибыла основная масса гражданских, между ними и озером влаги стояла цепь вооруженных мужчин и женщин. Я слишком хорошо мог представить себе, как, подобно леминам,[66] они бросаются в воду, и не собирался позволить, чтобы десятки не разбирающих дороги ног сделали драгоценную влагу непригодной

для питья.

К счастью, нашего оцепления и обещания горячей еды теперь, когда мы наконец обрели возможность приготовить ее, было достаточно, чтобы сдержать любой их порыв, по крайней мере на некоторое время.

— Сколько мы можем взять с собой? — спросил я Норберта, наслаждаясь чашкой рекафа, которую заботливо приготовил мне Юрген.

Нотариус пожал плечами, сияя широченной улыбкой в первый раз с тех пор, как я вообще увидел его, и посчитал что-то на планшете, с которым не расставался.

— Если мы заполним каждую имеющуюся емкость, полагаю, сможем забыть о рационах вообще, — ответил он с чем-то подозрительно похожим на ликование, которое готово было вот-вот пробиться сквозь обычную его бюрократическую сдержанность. — У нас будет более чем достаточно воды, чтобы добраться до базового склада, и еще останется запас на несколько дней.

— На тот случай, если это место окажется разграбленным, — вставил Тайбер.

Мы втроем сидели несколько в стороне от основной массы людей, в тени одного из грузовиков, наслаждаясь едой в уединении настолько полном, насколько вообще мог предоставить наш импровизированный лагерь.

Норберт склонил голову в согласии:

— Именно так. Даже при таком несчастливом раскладе нам предстоит беспокоиться в основном о еде и горючем.

Он с выражением полного довольства подцепил полную вилку омлета из яичного порошка, который приготовил нам Юрген.

— Значит, так и поступим, — произнес я. — Если возможно, то пусть ваши помощники как можно скорее приступают к сбору воды.

Норберт кивнул:

— Приступим сразу же. — Он, казалось, был уже готов оставить трапезу незаконченной, чтобы начать выполнение этой задачи, так что мне пришлось заставить его успокоиться и доесть;

впрочем, он не слишком сопротивлялся. — Есть что-то еще, о чем нам следует позаботиться?

— Ну, не знаю, как вы, — пришлось указать мне на очевидное, — но я бы не отказался от хорошего мытья. И возможно, не лишено смысла организовать заодно и наряды по стирке. — Я снова взглянул на Норберта. — Нам ведь не потребуется брать отсюда питьевую воду завтра утром, так?

— Не потребуется. — Казалось, он стал еще счастливее, несмотря на только что взваленный на его плечи дополнительный объем работ. — У нас будет более чем достаточный запас.

Нотариус подчистил тарелку куском хлеба и отошел, дожевывая на ходу.

— Ну, это уже совсем хорошая новость, — согласился Тайбер, даже не стараясь скрыть подъем, который сам испытывал от перспективы предложенного мною мытья.

Император свидетель, я уже спустя несколько дней в этой пустыне весь чесался и смердел, так что нечего и говорить о

тех страданиях, которые должен был испытывать в связи с этим он.

— Рада слышать, — подала голос Фелиция, появляясь из-за грузовика с вокс-аппаратом Гренбоу, лениво покачивающимся в механодендрите. — Что тут у вас? О-о-о, яичный порошок! Давненько не пробовала.

— Присоединяйтесь, — пригласил я и перевел взгляд на Юргена. — Можешь приготовить еще порцию для нашего технопровидца?

— Есть, — козырнул Юрген и принялся возиться со своей переносной жаровенкой, я же указал Фелиции на складной стул, только что освобожденный Норбертом, и она благодарно присела на него, поставив вокс на песок передо мной.

— Мне удалось его починить, — сказала она. — Но не ожидайте слишком многого. Мне пришлось позаимствовать некоторые части из перфоратора, который я нашла в бараке у дорожников, чтобы сделать временный конденсатор, а еще у меня закончилось благословленное машинное масло, так что пришлось

освятить немного старой застывшей смазки и использовать ее. — Она пожала плечами. — Но более или менее он теперь функционирует.

— Что намного лучше, чем если бы он совсем не работал, — поспешил заверить я. — Какой у него теперь радиус действия?

— Пара километров, полагаю. — Она приняла из рук моего помощника тарелку с едой, подняв на него взгляд и одарив радостной улыбкой. — Спасибо, Юрген, ты заставляешь этот мир крутиться.[67]

— Всегда пожалуйста, мисс. — Тот зарделся от смущения и быстро нашел себе какое-то дело в сторонке, которое, как он показывал всем своим видом, требовало его незамедлительного и полного внимания.

— Замечательно, — сказал я.

Это было не настолько далеко, как мне бы хотелось. О чем-то, чему хватило бы мощности и дальности, чтобы вызвать шаттл, который бы забрал меня отсюда (конечно, с почетным эскортом из истребителей, чтобы уж долететь наверняка), можно было лишь мечтать, но

теперь мы хотя бы могли заметно увеличить дальность действия отельных микрокоммуникаторов. А это, в свою очередь, значило, что мы можем разделить наши силы и, возможно, выслать несколько разведывательных отрядов, чтобы не продвигаться вслепую, как до сих пор. В общем, наши шансы на выживание сегодняшним вечером весьма существенно увеличились.

— Кто будет с ним управляться? — спросил Тайбер. — Гренбоу теперь командует одной из команд ополченцев.

И это назначение он получил, конечно же, потому, что, покуда вокс был сломан, его специальные навыки не были нужны, а сейчас внезапно снова оказались востребованы. С другой стороны, если убрать его из команды теперь, когда он только начал приводить их в подобие слаженной боевой единицы, не обошлось бы без катастроф.

— По тому, что я видел, могу заключить, что мы были бы идиотами, если бы не оставили его на этом посту, — произнес я. — По крайней мере, пока у них

там все не устроится получше.

— Согласен, — кивнул Тайбер, очевидно пребывая в плену счастливого самообмана, будто его мнение могло оказать здесь какое-то влияние на мое решение. — Но больше поставить некого.

— Я могла бы разобраться, — встешалась Фелиция несколько неразборчиво из-за того, что не отвлекалась при этом от еды, и кивнула на объемистый заплечный аппарат. — В принципе, это не должно быть слишком сложно.

— Но ты не знаешь нужных процедурных моментов, — возразил Тайбер, — позывных, протоколов связи...

— А ей и не нужно, — возразил я. — Если микрокоммуникаторы все равно будут связаны с базовым аппаратом в общую сеть, вы или я всегда сможем ответить на входящий запрос.

Тайбер кивнул, внезапно оценив возможности маленького передатчика, закрепленного у него в ухе.

— Все, что Фелиции нужно будет делать, — это держать каналы связи

открытыми и прослушивать случайные переговоры, которые мы можем поймать.

— Это я могу, — заверила нас технопровидица, проглотила последнюю порцию омлета и неожиданно громко рыгнула. Она ухмыльнулась, лишь немного смущенно, и отдала тарелку моему помощнику. — Прошу прощения, просто еще не привыкла снова иметь полный желудок. Спасибо, Юрген, тебе удался настоящий деликатес.

Это было, конечно, некоторым преувеличением, учитывая несколько базовый характер кулинарных способностей моего помощника, но, вероятно, следовало учесть, чем ей приходилось питаться последние пару месяцев, и тогда все становилось на свои места. Я улыбнулся, стремясь рассеять остатки неловкости, и произнес:

— Не думал, что услышу нечто подобное из уст техножреца. Мне как-то казалось, что вы полагаете вкус пищи совершенно не имеющим значения.

Фелиция снова ухмыльнулась.

— Мы должны бы, конечно,

игнорировать удовольствия плоти, устремляясь к идеалам машины, — радостно согласилась она, — но с некоторыми из них так сложно расстаться.

Я кивнул в ответ, начиная понимать, почему учителя в семинарии находили ее столь сложным учеником.

— Ну, что у нас на десерт?

Следующий рассвет мы встретили в осязаемой атмосфере оптимизма, охватившего всю автоколонну. Несмотря на прохладу начала дня, я еще разок, напоследок, окунулся в пруд, понимая с некоторой печалью, что определенно слишком много времени провел среди вальхалльцев,[68] но в то утро я оказался не единственным; казалось, едва ли не половине наших беженцев пришла в голову та же идея.

Направляясь к пруду, я повстречал Фелицию, уже идущую в противоположную сторону с мокрыми волосами и в одежде, так плотно облегающей влажное тело,

что становилось очевидным: теперь, когда с едой стало получше, ее формы вновь приятно округлились.

— Вы все еще не против быть при воксе? — спросил я, отчасти чтобы лишний раз убедиться, отчасти — подольше насладиться представившейся картиной.

Фелиция кивнула, как я полагаю, ни в малой степени не обманутая в отношении того, какая из причин была главной.

— Все отлично, — откликнулась она. — Гренбоу со мной в одном грузовике, не забывайте. Я всегда могу спросить у него совета, если он потребуется.

— Уверен, вы справитесь, — заверил я ее и возобновил ленивую прогулку к кромке воды.

Всего меня опередила, казалось, добрая пара десятков человек, и теперь все они со смехом плескались на мелководье, будто отдыхающие на водном курорте, а не беженцы глубоко в тылу врага. Двое, как я с удивлением заметил, оказались Демарой и Тэмвортом, и заняты они были тем, что окатывали друг друга

пригоршнями воды, веселясь, подобно паре дошколят.

Отбросив полотенце, я вошел в воду, сжавшись в ожидании тонизирующего холода, и, нырнув, проплыл пару метров, наслаждаясь относительной тишиной. Звук здесь был приглушен, и свет лишь тускло цедился сквозь рефлекторно опущенные веки. В первый раз со времени моего слишком круто обернувшегося прибытия на Перлию я чувствовал настоящий мир и покой.

Но конечно же, это было слишком хорошее ощущение, чтобы продлиться долго. К тому времени, когда я высушился, оделся и перехватил приготовленный Юргеном (который уже успел снова покрыться обычной своей патиной грязи, несмотря на то что вчера мылся не менее тщательно, чем я) завтрак, мне уже пришлось разобраться с десятком маленьких кризисных ситуаций или, точнее, спихнуть их на Тайбера или Норберта. Ни одна из них сама по себе не была достаточно серьезной, но в целом все это были досадные неприятности,

которые, как я пытался себя убедить, не должны были, впрочем, определить дальнейшее течение дня.

К несчастью, именно так и произошло. Колфакс продолжал вести нас столь же безошибочно, как и раньше, все еще купаясь в лучах всеобщей благодарности за то, что привел нас к воде, но дорога не становилась лучше, если не сказать больше. Наши топорно сработанные средства передвижения, качаясь, будто больные, преодолевали пересеченную местность, и нескончаемый грохот нашего похода вкупе с головокружительной качкой и неослабевающей безжалостной жарой обеспечили мне совершенно ослепляющую головную боль менее чем через час после того, как мы двинулись в путь.

— Дегидратация, — поставил мне диагноз Эриотт, едва я обратился к нему на первой же нашей остановке. — Старайтесь принимать воду равномерно — это все, что я могу посоветовать.

Я и не ожидал, что он предложит мне анальгетик, ибо пациенты медика

нуждались в ограниченном его запасе гораздо более меня, и знал, что потребовать его — значит нанести смертельный удар моему хрупкому лидерству. Вместо этого мне оставалось лишь мрачно ухмыльнуться.

— Легче сказать, чем сделать, — откликнулся я.

Глотнуть из фляги, не пролив половины, в условиях поездки на орочьей машине было фокусом не для среднего человека. Впрочем, под критическим взором нашего медика я выпил еще немного, в энный раз промыв рот от пыли. К этому моменту все уже снова покрылись ею с ног до головы; это раздражало тем сильнее, что мы еще так недавно с такой радостью отмылись от этой гадости.

— Да что там говорить, — согласился Эриотт, и мне пришлось запоздало вспомнить, что в его обязанности входило соблюдение водного режима как для себя, так и для своих пациентов. Я поинтересовался их самочувствием, и наш медик поневоле покачал головой. — Новых смертей вроде пока нет, и за это стоит

благодарить Императора.

— Безусловно, на все Его воля, — отозвался я настолько тактично, насколько мог, и оставил его разбираться с другими делами.

Послеполуденное время оказалось немногим лучше и ознаменовалось двухчасовой задержкой, когда Фелиции пришлось использовать некоторые части разобранного багги, чтобы вернуть в строй один из гражданских транспортов, в двигателе которого что-то не выдержало нагрузок и разлетелось с катастрофическим треском, разнесшимся эхом от окружающих нас барханов, так что часовые схватились за оружие. Я развлек себя тем, что нарычал на не сделавших этого за невнимательность, рассудив, что если уж чувствую себя несчастным, то и им неплохо бы ощутить немного того же самого, но по какой-то причине они оказались только польщены и ободрены. Через некоторое время, к всеобщему облегчению, техножрица выбралась из-под кучи разнообразного хлама и объявила, что полностью довольна

ремонтом и желает чего-нибудь холодненького.

— Вокс чем-нибудь порадовал? — спросил я, присоединяясь к ней возле канистры с отвратительно теплой водой — единственным «холодненьким», которое было в нашем распоряжении.

Она покачала головой:

— Совсем ничего. — (Памятуя о том, как я совершенно случайно вышел на контакт с Тайбером, я попросил ее и в дальнейшем продолжать прослушивать все имперские частоты в поисках чьих-нибудь передач.) — Но я могу попробовать что-нибудь передать, и поглядим, кто откликнется.

Мне пришлось отрицательно покачать головой.

— Это могут оказаться орки, — заметил я. — Лучше никому не давать знать, где мы, пока не будет уверенности, что это друзья.

— И верно. — Фелиция кивнула и глотнула воды; в ее глазах заплясали чертики. — Правда, только при том раскладе, что все остальные не

руководствуются теми же соображениями, а?

Она ухмыльнулась и удалилась, неосознанно отмахивая механическим хвостом в противофазе с движениями бедер и оставив меня в редком для меня состоянии безмолвного ступора.

— Ах ты фраг! — протянул я.

Об этом-то мы и не подумали.

Как выяснилось, следующему дню предстояло ответить на заданный ею вопрос с совершеннейшей ясностью, но, когда мы разбивали лагерь на ночь, я не имел никакой возможности предугадать такое течение событий. Головная боль все еще была со мной, милостиво сбавив силу, лишь когда начал задувать холодный ночной ветерок, но недостаточно, чтобы вид появившегося передо мной Колфакса, размахивающего картографическим планшетом, меня обрадовал.

— Насколько плохо дело? — спросил я, и он пожал плечами, более темным силуэтом выделяясь на фоне богатого, сочного индиго неба за ним.

— Не так, как могло бы быть, — сообщил он, падая на соседний раскладной стул, и протянул мне планшет. — Я надеялся, что сегодня мы продвинемся немного больше, но мы все равно должны быть на месте чуть позже середины дня.

— Если только ничего не случится, — закончил я его мысль.

Несмотря на это, новости меня порадовали. Как только мы доберемся до базового склада, дела пойдут гораздо легче, по крайней мере на некоторое время.

Колфакс кивнул.

— Одна радость во всем этом, — указал он, — неплохое место для лагеря. Лучше, чем то, о котором я думал, — в любом случае.

Я решил, что это хоть какая-то компенсация за проволочки этого дня, если кто-то был так уж нацелен их искать. Мы остановились в небольшом каньоне немного в стороне от дороги, зато он был закрыт с одной стороны и имел узкий вход с другой. Если бы нам потребовалось, мы могли бы сколь угодно долго держать здесь оборону.

— Да, этого не отнимешь, — согласился я, стремясь избавиться от Колфакса как можно скорее, однако преуспеть в этом можно было лишь после обсуждения некоторого количества вопросов касательно завтрашнего отрезка нашего путешествия.

Лучшим лекарством от моей головной боли, как мне казалось, должен был стать добрый ночной сон. Я потянул за закрывающий клапан своего спального мешка, прячась в него с головой, стараясь заглушить окружающие звуки и вернуть то ощущение спокойствия, которое обрел во время купания. У меня ничего не получилось, и в итоге я просто заснул.

Юрген разбудил меня до рассвета — той нос предупредил меня о его присутствии в палатке за мгновение до того, как он коснулся моего плеча:

— Комиссар, просыпайтесь.

— Просыпаюсь, просыпаюсь, — заверил я, отпуская рукоятку лазерного пистолета, который неведомо как оказался у меня в руке. — В чем дело?

— Орки, — просто ответил он. — Сотни.

Как выяснилось, это было некоторым преувеличением, но заставило меня схватиться за микрокоммуникатор прежде портков.

— Тайбер, — отчеканил я, — что происходит?

Выбираясь на свежий воздух вслед за Юргеном, я уже примерно представлял себе это. Рев плохо настроенных двигателей разносился по пройденному нами вчера устью каньона, хотя, следовали ли машины по нашим следам или ехали в противоположном направлении, сказать было невозможно.

— К нам приближается колонна машин, — доложил Тайбер. Встревоженные гражданские колготились в окружающей темноте, что-то блея другу другу, хотя, к моему удивлению, лишь немногие из них порывались схватить какое-нибудь импровизированное оружие и побежать на подмогу командам ополченцев и отряду Браво, которые занимали оборонные позиции. — Часовые насчитали около

дюжины.

— Принято, — произнес я, стараясь не обращать внимания на тревожную дрожь, возникшую в глубине желудка, когда я перевел эту цифру в примерное число зеленокожих.

Если предположить самое худшее из возможных вариантов — что часовые недосчитали одну-две машины и что все они были забиты до предела, — мы могли столкнуться с силой в сто пятьдесят полностью вооруженных орочьих воинов. Я не питал никаких иллюзий относительно того, что мы сможем устоять против такого количества в прямом бою, но, используя преимущества местности, нам, возможно, и не придется принимать вызов. Устье каньона было естественным огневым коридором, и мы должны были суметь удержать их на этом рубеже. Так я надеялся...

Ласкинс и Йодрил заняли позицию за подходящим камнем, и их единственная оставшаяся ракета уже была приготовлена для того, чтобы пробить дыру в первом же багги, экипаж которого

будет достаточно неосторожен, чтобы сунуться в наше убежище; я и сам вытащил цепной меч, больше инстинктивно, чем полагая, что под руку в данный момент могло подвернуться что-то, чтобы его применить. Сам по себе этот жест, кажется, немного успокоил толпу. Люди отодвинулись, во все глаза разглядывая меня, и мне оставалось лишь указать им на застывшие позади машины.

— В укрытие, — приказал я как можно спокойнее и авторитетнее, и, к моему облегчению, они подчинились. Хорошо, — по крайней мере, это значило, что у них меньше шансов попасть под перекрестный огонь и затруднить нам стрельбу. Когда гражданские укрылись, я заметил несколько знакомых фигур, бегущих в противоположном направлении, чем остальное ополчение, и выступил вперед, чтобы остановить их. — Куда это вы, черт побери, направляетесь?

— К грузовику, — парировала Демара. — Наше орудие к нему прикручено, не забыли?

Я кивнул. Это была разумная мысль.

— Не двигайте грузовик с места, — приказал я. — Если зеленокожие прорвутся, прикройте гражданских. И, что гораздо важнее, дайте мне немного огневого прикрытия, пока я буду отступать.

Тэмворт кивнул, и было видно, как готовность служить и защищать прямо-таки взметнулась в нем при моих словах.

— Так точно. Вперед, Дем.

Он снова припустил по направлению к грузовику. Девушка отстала от него едва на шаг или два, но протестующе закричала:

— Я тут стрелок, а ты заряжающий! Значит, я говорю «вперед», а ты слушаешь! Понял?!

Покачав головой, я только вздохнул. Похоже, их совместная работа еще нуждалась в некоторой корректировке, но сейчас времени беспокоиться об этом не было. Я обернулся к нашей формирующейся засаде и соединил Тайбера и трех командиров в вокс-подсеть.

— Не показывайтесь, — распорядился я, распластываясь за подходящим валуном и опирая на него руку с лазерным

пистолетом. Через мгновение рядом уже был знакомый запах Юргена, а еще через секунду и он сам, появившись, так же распластался и нацелил лазган ровно в проем окружающих нас скал. — Ждите, пока они не заберутся слишком глубоко, чтобы бежать, прежде чем откроете огонь.

Что касается засад, должен признать, что наша была не из худших, особенно учитывая, в какой спешке она организовывалась. Стоило зеленокожим завернуть за поворот ущелья, им открылся бы замечательный вид на гражданских. Это должно было очень легко заманить их в ловушку, принимая во внимание стремление этих тварей к убийству, и позволило бы нам отстреливать их с флангов, особенно если бы Ласкинсу удалось остановить ведущую машину врага, сломив инерцию атаки.

— Ждем, спокойно... — подбодрил подчиненных Тайбер, и я услышал слабое эхо его слов, повторенных Хаскомом, Тарвилом и Гренбоу для рекрутов.

Оружие, казалось, намертво прилипло

к моим потным ладоням, и влага эта, надо признаться, была обязана своим появлением не только пустынной жаре.[69] Теперь уже в любой момент...

— Они здесь, — доложил Тарвил, чья команда удостоилась сомнительной чести быть развернутой на передовой позиции. — Оставайтесь начеку.

Это был самый ненужный из всех ненужных советов, но, кажется, в данный момент он оказался необходимым для его едва оперившейся команды, поскольку никто из них не дал воли нервам и не выдал нашего расположения, выстрелив раньше времени. Что, как выяснилось, было совершенно нелишне. Когда я снова услышал голос Тарвила, в нем звучала нотка недоумения.

— Ведущая машина идет дальше. Вторая тоже... Они не останавливаются.

— Пропустили, — произнес я, чувствуя, как внезапно расслабляется напряженное тело, буквально превращаясь в студень.

— Похоже, что так. — В голосе Тайбера, кроме того, проскакивали нотки

облегчения. — Никому не покидать позиций.

Впрочем, на этот раз его осторожность оказалась излишней. Гул орочьих моторов затих вдалеке, и мы наконец перевели дыхание, ощущая удивительную разрядку напряжения.

— Как они могли пропустить наши следы? — спросил я у Колфакса, обнаружив, что крепко сбитый проводник стоит поблизости.

Тот только пожал плечами и предположил:

— Судя по звуку, они двигались весьма быстро и, должно быть, подняли приличное облако пыли. Они, вероятно, сами их и затерли.

— К счастью для нас, — согласился Тайбер, присоединяясь к моей импровизированной сходке командования. — Вопрос в том, как долго они уже следуют за нами.

Мои ладони снова начали знакомо зудеть.

— Вопрос в том, а за нами ли.

Тайбер посмотрел на меня, не находя

слов или не желая закончить цепочку рассуждений, которую я только что начал.

— А за кем же еще? — сказал он, пожимая плечами. — Что им еще тут может понадобиться?

— Базовый склад, — проронил я.

Глава семнадцатая

Не надо и говорить, что мысль эта была очень горька и мы возобновили наше странствие в гораздо более подавленном настроении.

— Мы не можем быть уверены, что они направились именно туда, — заявил Тайбер, когда мы остановились на первый из дневных перекуров.

Для этого мы съехали в небольшой распадок, просто понижение ландшафта, которое защитило бы нас от ветра, но ни от чего другого, случись нам заночевать здесь прошлой ночью, как планировал Колфакс, так что я внутренне содрогнулся, осознавая, насколько близка была беда. Орочий конвой не мог нас не заметить, и нам пришлось бы столкнуться с ними в ожесточенном бою.

— Верно, — согласился я.

Ни он, ни я не верили в это, но оба старались удержать зародившийся в наших сердцах страх в узде. В этих местах не было других очевидных целей,

но, в конце концов, это были зеленокожие, и кто знает, что они здесь могли искать. Насколько я мог судить, поблизости просто мог находиться один из их лагерей, подобный тому, который мы с Юргеном столь удачно уничтожили нашей аварийной посадкой. Эта мысль, конечно, тоже была далека от обнадеживающей, но была немного лучше предположения, что в данный момент те припасы, в которых мы так нуждались, исчезают в орочьих глотках. Я обернулся к Колфаксу, который как раз околачивался вокруг, пожевывая питательную плитку:

— Все еще ни следа, что они свернули?

— Нет, — откликнулся он с уверенным кивком. — Но впрочем, чему удивляться?

Порывы ветра усиливались час от часу, перекатывая друг за другом волны горячего, плотного воздуха (вместе с еще большим количеством всепроникающей пыли), обдающие мое лицо и тело так, что я начал чувствовать себя, будто за мной по пятам ходит слишком дружелюбный, но излишне огромный зверь.

— Мы и сами поднимаем тучи песка, а скоро еще и задует.

— Вы имеете в виду песчаную бурю? — уточнил я, и наш проводник кивнул:

— Небольшая, к рассвету должна улечься.

Тайбер и я переглянулись, поскольку нам одновременно пришла в голову одна и та же мысль. Орки там или нет, но, если мы не найдем себе убежища в зданиях базового склада, у нас будут серьезные проблемы. Пациенты Эриотта вряд ли переживут еще одну ночь под открытым небом даже в нормальных погодных условиях, но и предположить нельзя, сколько людей падет жертвой дурной погоды. Что еще более важно, мы должны были укрыть машины. Как бы крепки они ни были, полный двигатель песка искалечит даже орочью технику, — в этом у меня не было сомнения, и я не видел способа, каким Фелиция и ее мастеровые могли бы починить весь наш маленький автопарк.

— В таком случае лучше бы нам выдвигаться, — заключил я, допивая воду и

поворачиваясь, чтобы брести обратно к багги.

Тайбер кивнул.

— Лучше бы, — согласился он.

Последние два часа пути до места назначения были невыносимо напряженными, и мои нервы натягивались все сильнее с каждым остающимся позади километром, словно внутреннее эхо зловещей серой полосы, что с каждым мгновением неуклонно росла на горизонте. Колфакс время от времени обращал к ней ампливизор, отвечая на мои вопросы лишь раздражающе расплывчатыми предсказаниями вроде «ну да, приближается». Так что для меня явилось некоторым шоком, когда мы наконец выбрались на последний гребень и грузовик перед нами затормозил, а наш добрый проводник привстал, чтобы указать что-то на равнине под нами.

— Вот оно, — произнес он голосом, немного искаженным микрокоммуникатором. Юрген остановил нас бок о бок с грузовиком, и я тоже поднял

свой ампливизор. — Похоже, зеленокожие добрались-таки первыми.

— Не вполне, — возразил я.

Наша цель лежала как на ладони — кучка готовых куполов, установленных здесь и в качестве грубой маскировки наполовину засыпанных песком (если, конечно, и об этом позаботился не ветер), защищенная обрывистыми краями бетонной платформы, служившей фундаментом, и оградой из колючей проволоки. Крохотные султанчики песка выдавали местонахождение орков, которые проехали мимо нас утром и теперь носились вокруг огороженной территории на бешеной скорости, закладывая чрезвычайно небезопасные виражи. Расстояние и нескончаемый рев наших собственных двигателей лишали это маленькое представление звукового сопровождения, хотя редких вспышек со стороны нарезающих круги машин и ответных из осажденного строения было достаточно, чтобы подтвердить: там идет сражение.

— Кто-то защищает склад.

— Есть предположения, кто именно? — вклинился в разговор Тайбер. — Они могут просто драться за добычу.

— Не важно, — произнес я. — Кто бы это ни был, мы вступаем в бой. — Затем я окинул взглядом колонну развалюх за спиной. — Выгружайте гражданских и скажите им найти любое убежище. Мы вернемся за ними позже.

Я на это надеялся. А если не судьба, то у них определенно было больше шансов выжить, уйдя на своих двоих, чем отправившись с нами на колесах в гнездо огненных шершней.

Тут я на минуту задумался, оценивая разумность своего приказа, но все равно не видел другого выхода. Двигаться к следующему базовому складу мы не могли — у нас не хватило бы топлива, даже если бы по какому-то чудесному стечению обстоятельств приближающаяся песчаная буря не вывела из строя наши средства передвижения. Единственным шансом на спасение было отогнать орков и надеяться, что неизвестные защитники окажутся на нашей стороне. Не обращая внимания на

холодок дурного предчувствия, который, казалось, плотно обосновался на дне моего желудка, я продолжал разворачивать нашу стратегию:

— Когда перевалим за хребет, направляйтесь прямиком к основной массе врага. Начинайте стрелять по готовности.

Другими словами, мы должны были использовать против них их же тактику и надеяться, что они будут слишком ошеломлены, чтобы ответить, предоставив нам возможность вывести их из строя, по крайней мере некоторых.

— Не стреляйте, пока не окажемся совсем рядом. Если немного повезет, они будут принимать нас за подкрепление до тех пор, пока не станет поздно.

Это, конечно, был не самый лучший план, но других предложений или возражений ни от кого не поступило (не считая некоторых гражданских, которых совершенно не прельщало быть брошенными посреди пустыни, но которые живо вняли гласу разума и угрозе расстрела). Несмотря на то что это шло

вразрез со всеми моими представлениями, я вскоре уже дал отмашку нашей импровизированной наступательной группе, подавая сигнал к атаке.

Говоря по правде, ощущение было неожиданно бодрящим. Мы набрали скорость, двигаясь вниз по склону гребня, подняли по пути огромную тучу пыли, и я определенно услышал, как некоторые из рекрутов завывают, подобно самым настоящим зеленокожим, перекрикивая даже грохот движков.

Я же ощутил лишь слабый укол беспокойства, когда увидел тот гордый стяг из песка и пыли, который мы оставляли за собой и который совершенно лишал наше приближение хоть какого-то элемента внезапности.

Оставалось только надеяться, что этот факт будет несколько уравновешен тем, что мы собирались скрывать свое настоящее лицо до того момента, пока не придет время нанести удар. Впрочем, волноваться по поводу того, сработает это или нет, было некогда, поскольку зеленокожие с каждой секундой

становились все ближе, и я передал по общей вокс-связи последнее предупреждение.

— Не стрелять, пока не будете твердо держать кого-нибудь на мушке, — напомнил я. — И постарайтесь, чтобы каждый выстрел зачелся. У нас будет только один шанс, и если мы его упустим, то дела пойдут дурно.

Ответом мне был хор выражающих согласие голосов, и я занял позицию за тяжелым болтером, стараясь компенсировать дикие рывки кузова, с которого мне предстояло стрелять. Ярко размалеванный красной краской чужой багги прыгал и вилял в прицеле оружия, и я поводил стволом, стараясь не выпускать цель из перекрестья.

— Комиссар, — раздался в моем микронаушнике голос Фелиции, — я принимаю сигнал. Очень слабый.

— Передавайте, — приказал я. Раздалось шипение статики, сквозь которое пробивалось несколько голосов, однако слов было не разобрать. — Похоже, еще одна тактическая сеть.

— Именно то, о чем я подумала, —

подтвердила техножрица. Я испытал некоторое облегчение; по крайней мере, кто бы ни занимал базовый склад, это были люди. — Я стараюсь пробиться в нее, но этот конкретный дар Омниссии просто настоящий фра...

— Продолжайте, — распорядился я.

Как раз в этот момент в паре метров слева от нашего несущегося вперед багги взметнулся фонтан песка. Юрген начал поворачивать, выполняя маневр по уходу от огня, и я, не теряя времени, приказал остальным повторять.

— Похоже, зеленокожие нас заприметили, — произнес мой помощник.

— К фрагу зеленокожих! — яростно отозвался я, замечая клуб дыма от выстрела, поднявшийся из-за ограды склада. — Это свои!

Которых, надо отдать должное, нельзя было винить за то, что они сделали ту ошибку, на которой мы надеялись поймать орков. Я отчаянно вцепился в кронштейн болтера, когда Юрген юзом обошел что-то, неуютно напоминающее пылающие обломки точно такой же

машины, как та, в которой ехали мы сами, и еще один кусок пустыни взорвался — достаточно близко, чтобы на этот раз осыпать меня землей.

— И у них дальнобойное оружие, фраг бы их побрал! — Теперь оставались считаные секунды до того, как скрытые за решеткой минометы подобьют нас. — Фелиция, мне нужна их частота!

— Работаю над этим, — радостно заверила она, но, как я предположил, занималась технопровидица этим ничуть не спустя рукава, хоть и сидела в тишине и покое на оставленном нами гребне, наслаждаясь представлением издалека.

— Таллок, у них подкрепление, — внезапно ворвался мне в ухо новый голос, четкий и уверенный. — Подстриги их прежде, чем они смогут приблизиться. Остальные, продолжайте давить первую волну.

Кто бы это ни был, он, очевидно, хорошо знал свою работу.

— Так точно, лейти,[70] — отозвался кто-то, вероятно Таллок, что бы за черт

это ни был.

Я сразу же врезался в передачу, как никогда ощущая благодарность своим комиссарским приоритетным кодам.

— Говорит комиссар Каин, веду автоколонну с восточного направления, — передал я и, оглядевшись, с дрожью ужаса осознал, что сказал правду: обычный для Юргена мастерский стиль вождения вывел нас несколько вперед остальных, которые теперь рассыпались веером по равнине, приближаясь к зеленокожим. — Везем имперские войска и гражданских беженцев в захваченных вражеских машинах. Сосредоточьте огонь на орках перед нами.

— Докажите.

Безымянного пока что лейтенанта, очевидно, было столь же тяжело убедить, как в свое время Тайбера, но, по крайней мере, он придержал град минометного огня, который, у меня не было сомнений, уже готовился обрушить на нас.

— Собираюсь это сделать в самый кратчайший срок, — пообещал я и снова взял в прицел карминово-красный багги.

Если Таллок чего и достиг своей

стрельбой по нам, так это того, что орки были теперь совершенно убеждены: мы находимся на их стороне. Эту иллюзию я готов был теперь разрушить со всем возможным удовлетворением:

— Цельсь!

Хор голосов заверил меня, что остальная часть нашей бравой своры готова к тому же, и я нажал спусковой крючок.

Мы уже были достаточно близко, чтобы я различал экипаж развалюхи, в которую целился. Он состоял из пары тускулистых зеленокожих, один из которых вел, а второй висел на стойке некоего тяжелого орудия, направляя поток плохо нацеленного огня куда-то в сторону окопавшихся защитников.

Когда стрелок повернулся, наконец-то обратив на нас внимание, я смог рассмотреть, что вся его нижняя челюсть заменена грубой аугметикой, свинченной крупными болтами. Я снова вдавил спусковой крючок, и, по счастью или волею Императора, поток разрывных снарядов раскроил тело вражеского стрелка

пополам, заставив его запрыгать по песку в ошметках внутренностей и потоках крови. Водитель отреагировал немедленно: повернул машину нам наперерез и пошел на таран.

— Ну уж нет! — Юрген жестко вжал тормоза, едва не вышибив из меня дух о твердую поверхность болтера, но годы знакомства с его стилем вождения предупредили меня о том, чего ждать, и я смягчил удар ладонью, в то же время направляя поток болтерных зарядов в освобожденное заднее отделение вражеской машины.

Как я и надеялся, там располагались запасные заряды или топливо, потому что она внезапно взорвалась шаром огня. Оглушенный водитель потерял над ней управление и вывалился наружу, в то время как полыхающие обломки покатились по инерции дальше, пока не врезались в бархан. Юрген бросил наш транспорт в широкую дугу, выискивая следующую цель.

Наша внезапная атака имела ошеломительный успех, потому как не менее четырех вражеских грузовиков и

багги пали жертвами первых же залпов, а остальные панически рассыпались. К моему облегчению, орочьих солдат несла лишь пара больших грузовиков, и один из них уже был выведен из строя, а его пассажиры выбирались наружу, потрясая ручным оружием. Несколько попаданий без всякого результата простучали по нашей броневлите, и я не обратил на них ни малейшего внимания, понимая, что не стоит тратить патроны, пытаясь подавить огнем орочью пехоту. Впрочем, я сделал совершенно правильно, потому что через мгновение один из наших грузовиков с ревом пронесся прямо через центр группы врагов, размазав пару зеленокожих под колесами, в то время как Гренбоу и его ополченцы нашпиговывали остальных одиночными выстрелами (это, конечно, мало чем могло помочь, кроме как дезориентировать орков еще больше — что, в общем, не так уж и сложно, когда дело касается этих существ, — но по крайней мере это не давало им шанса сплотить ряды).

— Осторожнее, комиссар! — выкрикнул

Гренбоу, забыв в возбуждении боя о микрокоммуникаторе и в результате едва не оглушив меня.

К счастью, Юргена было смутить гораздо труднее, и он развернул нашу машинку еще одним дробящим позвоночник кульбитом как раз в тот момент, когда град крупнокалиберных патронов начал барабанить по бронеплите, прикрывающей мою позицию. Я крутанулся, выискивая цель, и обнаружил три байка, надвигавшиеся на нас в стробоскопических вспышках пулеметов или чего-то подобного, плюющегося смертью в нашу сторону.

Я открыл огонь почти одновременно с тяжелым орудием на грузовике и разглядел Демару, мрачно вцепившуюся в дико дергающийся тяжелый пулемет, из которого она пыталась целиться, и край белого одеяния, которое, казалось, само собой зацепилось за задний борт грузовика и крепко там заякорилось.

— Фелиция! — взвыл я. — Какого фрага вы здесь делаете?

— Поддерживаю связь, видимо. — Она

радостно помахала мне рукой, когда подпрыгивающий грузовик пошел с нами параллельным курсом, крепко удерживаемая на месте механодендритом, который обвился вокруг подходящей металлической распорки. — Как вы полагаете, я вас связала с той сетью?

Впрочем, дальнейшее обсуждение этого вопроса пришлось отложить, поскольку орочьи байки быстро приближались, — их водители низко пригнулись к рулям. Лидер, который был широк и мускулист даже для орка, дико ухмылялся, наблюдая за сближением, и я разглядел, что на его шлеме прикреплены рога какого-то животного.[71]

Через мгновение эта ухмылка пропала, как и большая часть байка, которая, казалось, просто перестала существовать в тот момент, когда Демара наконец совладала со своим пулеметом.

— Ваааауууух! Один есть!

— Молодец! — отозвался я. — Но не зарывайтесь.

Я направил болтер на ближайшего из оставшихся двоих и снес ему переднее колесо. Несшаяся на нас штуковина зарылась вилкой в песок, сделала полный кувырок и погребла водителя под своим весом.

— Мой, — произнес Юрген, будто принимая голевую передачу на поле «кузнечика».[72]

Прежде чем я понял его намерения, он снова вывернул руль и протаранил оставшийся байк, заставляя нашу машину подпрыгнуть на том, во что мы его превратили. Глубоко уйдя в песок под нашим весом, задние гусеницы байка продолжали некоторое время крутиться, и пара ног, торчащих оттуда же, слабо подергивалась, нелепо загребая воздух, будто их владелец пытался бежать.

Через мгновение за нами последовал грузовик, превратив то, что еще оставалось после нас, в металлолом и слизь.

Мы, впрочем, не везде играли с врагом как хотели. Окинув взглядом

ландшафт, я заметил, что один из наших багги перевернут, а его экипаж разлетелся по округе. Прямо на моих глазах один из бойцов попытался подняться, но лишь затем, чтобы быть рассеченным напополам убийственным топором зеленокожего.

— Помогите уцелевшим! — передал я по воксу Гренбоу, и грузовик оторвался от нас, чтобы выполнить приказ, насколько было возможно. Я переключил частоты, снова настраиваясь на волну безымянного лейтенанта. — Убеждены?

— В достаточной мере.

Еще один орочий грузовик завалился набок, когда в его борту образовалась приличных размеров дыра, пробившая броню и заливившая несчастный экипаж расплавленным металлом, что определенно выдавало работу какого-то энергетического оружия. Я обернулся и разглядел знакомый силуэт имперской «Химеры», воздвигшейся на ближайшем бархане; ее лазер поворачивался, отслеживая движение цели. Он полыхнул снова, поджигая топливный бак грузовика,

и тот взорвался шаром пламени. Еще две «Химеры» выкатились из укрытия, их мультилазеры ударили, находя собственные цели, и я с внезапной волной облегчения понял, что все оставшиеся орочьего производства машины — это уцелевшие из нашей автоколонны. Кроме того, багги, что перевернулся, мы не лишились ни одного, и наши потери, по крайней мере на первый взгляд, казались на удивление минимальными.

— Рады стараться, — сухо прокомментировал я последние слова неизвестного собеседника, когда Юрген уже глушил мотор и останавливался возле командной машины, легко отличимой от остальных по куче вокс-антенн, собранных на его броне.

«Химера», в свою очередь, тоже остановилась, переведя двигатель на холостые обороты, в то время как ее товарки покатили дальше, облизывая местность с разбегающимися выжившими зеленокожими языками пламени тяжелых бортовых огнеметов, легко подчищая пытающихся спастись пешим ходом

противников. Впрочем, это были не многие, и, насколько я мог наблюдать, наши гражданские ополченцы, которые, вне сомнения, только и ждали возможности отплатить врагу, с энтузиазмом разделывались с теми, кто умудрялся избежать огнеметов. Я спрыгнул на землю и пошел к остановившейся «Химере», на ходу поправляя сбившуюся фуражку и возвращая свой пропитанный песком кушак на пояс, где ему и полагалось находиться.

— С кем имею честь?

— Лейтенант Пирс. — Люк в башне машины откинулся, и на меня воззрился удивительно молодо выглядящий мужчина в форме СПО. — Должен сказать, что, услышав слово «комиссар», я ожидал немного другого.

— Я тут был, как вы могли заметить, немного занят, — коротко отозвался я. Потом указал на гребень позади. — Мы оставили наших нестроевых спутников в паре километров отсюда. Не будете так любезны отрядить за ними кого-нибудь?

Как я и ожидал, проявления заботы о

гражданских было достаточно, чтобы объехать по кривой все возможные подозрения, которые он мог бы высказать. Лейтенант все еще глядел удивленно, и кто бы мог его за это винить, но при этом согласно кивнул.

— Я этим займусь, — пообещал он. Его глаза расширились, едва он толком взглянул на отбитые нами у орков машины и пиратского вида толпу солдат нашей нерегулярной армии, которые на них разъезжали, но, когда с багги спустился Юрген, контролировать выражение лица он уже перестал совершенно. — Я могу вам еще чем-нибудь помочь в данный момент?

— Может быть, у вас найдется немного танны? — с надеждой спросил я.

Пирс только покачал головой.

— Никогда ни о чем таком не слышал, — отозвался он.

Глава восемнадцатая

Ну, танны у них могло и не быть, но остального, чего только можно было пожелать, было в достатке, вплоть до душа и кондиционеров. Я все еще купался в подзабытом ощущении комфорта, хотя прошел уже час после нашего прибытия, и наслаждался ощущением чистоты, прохлады и чашкой рекафа, которую раздобыл для меня Юрген, сидя за столом в одном из куполов и посвящая Пирса в подробности нашего путешествия. Приглушенный шум песчаной бури, с шуршанием бьющейся в стены купола, был в своем роде успокаивающим и внушающим покой, несмотря на то, каким осязаемым напоминанием о лишь недавно обретенном убежище являлся.

— Вы действительно полагаете, что ты сможет преодолеть все это расстояние? — спросил мой собеседник.

Я слегка склонил голову.

— Иначе бы и не пытался это сделать, — произнес я, избегая касаться

того очевидного факта, что большей части моего импровизированного эскорта, насколько мне это виделось, может и не настолько повезти. Кивком я указал на картографический планшет. — Между нами и равнинной частью располагаются еще два базовых склада. После этого, если придется, можем находить пропитание и воду на местности, хотя нам все равно придется пополнять где-то топливо и патроны.

— Придется, — ответно кивнул Пирс, уже принимая за свершившийся факт то, что он участвует в нашей маленькой экспедиции, и за это я был ему более чем благодарен.

Мне казалось, что придется убеждать и его тоже, возможно упирая на мой авторитет как комиссара, но по каким-то своим причинам идея схватиться с главной частью армии зеленокожих едва ли не врукопашную ему почему-то казалась очень привлекательной. В то время я не задался вопросом почему, и просто поблагодарил Императора за очередных простодушных

идиотов, и перешел к решению практических задач. Да и сам этот парень-лейтенант меня почему-то сразу расположил к себе, возможно, потому, что чем-то напоминал мне Диваса.

— Чем вы занимались все это время? — спросил Тайбер.

Он присутствовал в основном по той причине, что я не хотел тратить время, доносясь до него потом результаты совещания, а к тому же до сих пор он был старшим по званию в нашей автоколонне, и я счел хорошим политическим ходом включить и его в обсуждение нашей стратегии. Кроме того, Тайбер меня до сих пор ни в чем не подводил (если не считать того, что подбросил мне толпу гражданских, с которыми теперь приходилось нянчиться), а Пирс был пока что темной лошадкой, так что мне вовсе не мешало присутствие сержанта-ветерана, дабы поддержать меня в том случае, если произойдет столкновение интересов.

— Насколько я понял из вашего рассказа, тем же самым, что и вы, —

откликнулся Пирс. — После того как наш полк был рассеян, мы ушли в подполье и обратились к тактике удара и отхода, с тем чтобы поражать цели, которые могли отыскать.

Тайбер кивнул. Именно в этом, как он мне рассказывал вскоре после нашей встречи, заключался последний связный приказ, поступивший по цепи командования, прежде чем она окончательно распалась.

— Сюда мы пришли вчера на пополнение боезапаса и провизии и сегодня были застигнуты зеленокожими, которые как-то отыскали это место.

Он покрутил настройки карты на планшете, и пиктограмма, обозначающая базовый склад, приобрела красный цвет.

— К сожалению, придется взорвать все, что не сможем унести, когда будем выступать. Они знают про это место, значит, вернутся с новыми силами.

Я кивнул. Причина готовности Пирса присоединиться к нам теперь была очевидна и ясна: он, судя по всему, был столь же ярым приверженцем понятия

«совместная безопасность», как и ваш покорный слуга. В его доводах я ошибок не видел; никто из зеленокожих, конечно, как мне представлялось, не выбрался живым из столкновения, происшедшего снаружи, но, поскольку они не вернутся с добычей, тот, кто послал их сюда, приведет на подмогу еще больше войск.

— Они, кажется, точно знали, куда направляются, когда обогнали нас, — произнес Тайбер.

Я задумчиво глянул на Пирса:

— Есть догадки, откуда бы?

Молодой лейтенант лишь пожал плечами.

— Карту нашли? — предположил он. — Возможно, один из других отрядов, которые посещали это место, оказался не столь удачлив, как мы.

— Другие отряды? — переспросил я.

— Мы здесь в третий раз, — пояснил Пирс. — Когда я записывал в расходную книгу то, что мы взяли для себя, я заметил, что за последний месяц были и другие списания.

Ну, отлично — все их общество

развалилось на куски вокруг них, а они, те, кто остался от СПО, все еще продолжали заполнять бухгалтерские книги.

— Покажите, — попросил я.

Это заняло некоторое время, но после некоторого количества поисков и перекрикивания через коридоры купола сержант Пирса — крупный неразговорчивый мужчина по имени Винер — появился с соответствующим планшетом и положил его на стол между нами. Пирс повозился с настройками, вызвав экран, заполненный стандартными бланками реквизиции.

— Вот. Это были мы. — Он указал на пару из них. — Похоже, в округе есть еще по меньшей мере три активных боевых единицы. — Он кинул оценивающий взгляд на Тайбера. — Считая вашу — четыре.

— Мы довольствовались тем, что находили в городе, — сказал Тайбер. — Мне так казалось надежнее.

Молодой лейтенант ухмыльнулся:

— Какие зеленокожие молодцы, что давали вам позаимствовать награбленное.

— Есть какая-нибудь информация о

том, что это могут быть за отряды? — спросил я.

Пирс покачал головой:

— Нет, все зашифровано. Из соображений безопасности. На случай, если враг захватит это сооружение. Так он хотя бы не будет знать, кто из наших есть в округе.

Я медленно кивнул. Возможно, Фелиция могла что-то с этим шифром поделать, возможно, и нет. В любом случае, когда утихнет песчаная буря, у нас будет гораздо более прямой способ выяснить это.

— Мне нужно поговорить с вашим оператором вокса, — произнес я.

К рассвету буря почти сошла на нет (как и предсказывал Колфакс, к его мало скрываемому удовлетворению), и я рискнул бросить вызов все еще налетавшим шквалам колючего песчаного ветра, дабы как следует осмотреть наше убежище. Самый большой из куполов содержал запасы воды и пищи, с распределением которых я оставил разбираться Норберта и с легким

сердцем двинулся дальше, найдя в следующем фелицию и наши оставшиеся машины. Даже если нам довелось бы пополнить наши ряды новыми рекрутами, мы все еще были вполне достаточно снабжены самым необходимым, чтобы пройти сколь угодно большое расстояние. Это, конечно, в том случае, если на этом складе имелся и запас топлива.

— Да тут его хоть бочками отливай, — заверила меня техножрица. — Омниссия знает как мы его все увезем, но как-нибудь постараемся. — Она провела меня в отдельный бункер с большой дверью, излучая странную ауру ожидания чего-то. — Вот тут есть то, что должно помочь. — Она легко распахнула створку механодендритом, да так, что источенное непогодой дерево завибрировало, упершись в стопор.

Двое солдат Пирса выскочили нам навстречу, подобно потревоженным мусорным крысам, с лазганами на изготовку, но затем успокоились, обнаружив лишь нас и никакого врага. Я обходительно кивнул им, обрадованный

уровнем их боеготовности, и снова обернулся к Фелиции, дабы взглянуть на то, что вызывало такое возбуждение.

— Да это «Часовой»! — ошеломленно заключил я.

Технопровидица расплылась в улыбке.

— Даже лучше, — произнесла она, включая люминаторы верхнего света. — Это погрузчик.

Я, конечно же, уже видел подобные, и не раз, но они всегда казались мне довольно странными приспособлениями. Вместо оружия эти шагающие машины были снабжены набором механических захватов, предназначенных для того, чтобы поднимать и переносить тяжелые грузы, а также массивным противовесом, привешенным за спиной, подобно камнебетонному рюкзаку.

— Как только мне удастся завести и разогреть его, мы все погрузим мгновенно.

Не было нужды спрашивать, кто, по ее мнению, будет пилотировать эту штуковину, потому как она буквально поедала ее обожающими глазами, так что я сделал себе мысленную заметку найти

важное и срочное дело где-нибудь вне открытого пространства склада, как только она начнет баловаться с этой игрушкой.

— Рад слышать, — произнес я. — Как наши машины?

— Как всегда, не лучше и не хуже, — откликнулась она, и это звучало очень верно в отношении орочьих развалюх. — Мы крайне вовремя загнали их в укрытие. Алдиман и Лидди как раз проводят общую диагностику.

После секундного недоумения я понял, что она говорит о своих помощниках, которые, насколько можно было понять, продвинулись несколько дальше простого откручивания гаек (конечно же, к концу нашего путешествия на обоих появились значки в виде шестерен, и, кажется, они начали полагать себя технопровидцами во всем, кроме формального посвящения[73]).

— А что из имперского тут есть? — спросил я.

Фелиция пожала плечами, с явным усилием и нежеланием отрываясь от своей

большой игрушки.

— У нас теперь имеется пять «Химер», и все они в достаточно хорошем состоянии, учитывая, как их эксплуатировали. Им не помешал бы текущий ремонт, но сейчас возможности для этого нет. — Она пожала плечами, и механодендрит хлестанул в унисон за ее спиной. — Если я правильно понимаю, времени у нас не много.

— Вы понимаете правильно, — заверил я ее. — Мы должны выдвинуться отсюда не позднее завтрашнего утра.

После некоторого обсуждения мы с Пирсом и Тайбером решили, что ближайшее скопление орков должно было ожидать возвращения своих рейдеров около сегодняшнего полудня и начать шевелиться лишь к следующему рассвету, если собирались всей массой сняться и выяснить, что же с ними произошло. Конечно, ни то ни другое не было с надежностью верным предположением, но в наших обстоятельствах рисковать мы не хотели.

— Сможете выпотрошить этот

склад к тому времени?

— О да, — отозвалась Фелиция с несколько большим энтузиазмом, чем тот, что мог бы внушать мне спокойствие, и я покинул ее, чтобы найти вокс-оператора отряда Пирса, стремясь убраться прочь прежде, чем техножрица заведет свой погрузчик.

Связист оказался тощим, болезненного вида бойцом, насколько я могу припомнить, и встретил меня на пандусе командной «Химеры», как и было оговорено, при этом выказывая все признаки недоумения по поводу того, положено отдавать честь комиссару или нет. В конце концов он пришел к компромиссу, изобразив некое незаконченное движение рукой, на которое я не замедлил ответить полным парадным салютом, добавив достаточно дружелюбную ухмылку, дабы не слишком его запугать.

— Все готово, — заверил он меня и пропустил в уютное нутро бронетранспортера, прочь от постепенно стихающего ветра.

Внутри было немного теснее, чем в

обычной модели, потому что часть объема кузова была отведена для аудиника и дополнительной аппаратуры связи, к которой меня и пригласил Маркони, связист. Мне приходилось иногда бывать в командной машине Мострю, так что я был знаком с внутренним расположением приборов — хотя, конечно же, в этой было достаточно небольших отличий — и уверенно занял свое место рядом с хозяином аппаратуры.

— Все, кто находится в зоне досягаемости, должны каждые две минуты слушать возможные передачи.

Это был еще один постоянный приказ-инструкция, оставшийся с начала вторжения, и, надо сказать, он пришелся весьма кстати. С мощностями передающей станции командной «Химеры» я мог достичь ушей возможных союзников в радиусе гораздо большем, чем позволяла переносная станция Гренбоу (которая теперь почила с миром, после того как Фелиция отслужила над ней соответствующую заупокойную).

— Благодарю, — откликнулся я, вводя

свой комиссарский код.

Учитывая то скептическое отношение, которое я встретил у Тайбера и Пирса, с самого начала следовало установить формат передачи, возможный лишь для моего положения, чтобы по мере сил оградить и нас, и ее получателей от множества противоречий. Маркони посмотрел на хронограф, подкрутил какие-то рукоятки и переключатели и кивнул мне:

— Вы в эфире.

— Передает комиссар Кайафас Каин, для всех имперских боевых единиц, кто может меня слышать, — произнес я, стараясь наполнить голос легким ожиданием полного подчинения, как меня тому учили в Схоле. — Общий сбор на базовом складе «Сигма двенадцать» к завтрашнему утру. Конец передачи.

Я кивнул Маркони, и он сразу же заглушил передатчик. Мы добрые двадцать минут вслушивались в разряды статики, но никакого ответа не было, даже удивленного «Вы сказали "комиссар", ты не ослышались?», которого я

наполовину ждал.

Маркони ухмыльнулся в мою сторону.

— Хорошая вокс-дисциплина, — произнес он. — Тем меньше зеленокожие могут услышать.

— Или так, или никого уже не осталось, чтобы дисциплину нарушить, — произнес я, стараясь, чтобы это прозвучало как шутка.

Как оказалось, мои страхи оказались необоснованны. Первый из разрозненных отрядов выживших прибыл вскоре, еще до полудня, добавив к нашей разношерстной компании еще пару «Химер» и больше дюжины солдат. С ними у нас образовался почти полноценный взвод, если добавить выживших из отряда Пирса, не говоря уже о том, что теперь по крайней мере одну «Химеру» мы могли использовать целиком и полностью для транспортировки различных припасов. Я оставил сержанта разбираться с новоприбывшими, дабы обсудить насущные вопросы интеграции нашей цепи командования с Пирсом и Тайбером, после чего направился еще за

одной чашкой рекафа.

Так получилось, что по пути я столкнулся еще и с Норбертом, который, очевидно, искал того же, что и я, и потому присоединился ко мне за общим столом.

— Это прямо-таки зигзаг удачи, — заявил он, разворачивая ко мне планшет данных. — Теперь я могу распределить часть наших запасов топлива и амуниции в полностью бронированную машину. Так меньше шансов, что их подорвет шальной снаряд.

Конечно, в этом был известный риск, потому что одно хорошее попадание крак-ракеты или энергетического заряда заставило бы нас потерять значительную часть и того и другого, но у зеленокожих, кажется, не было большого количества подобных орудий. Так что это было определенно безопаснее, чем везти крупные части наших взрывчатых запасов в полуоткрытых орочьих штуковинах.

— А что касательно остальных припасов? — поинтересовался я.

Нотариус пожал плечами:

— Я разделяю их между грузовиками и некоторыми багги. Насколько возможно, равномерно. Даже если мы потеряем одну или несколько машин в предстоящих боях, это не нанесет нам большого ущерба. — Судя по голосу, его, конечно, не воодушевляла такая перспектива, и я совершенно не мог его за это винить. — Но все равно часть придется оставить. У нас не хватит транспорта, чтобы увезти все.

— Уверен, вы проконтролируете, чтобы у нас было необходимое, — сказал я.

— Я набросал список приоритетов, — подтвердил Норберт. — Вода, пища и медицинские принадлежности, конечно, а также достаточное количество боеприпасов для нашего вооружения. — Он указал на некоторые из пунктов в составленной им описи. — Некоторые из ополченцев запросили новые ружья вместо охотничьих, которые им достались.

— Скажите, чтобы брали что захотят, — сказал я. — В оружейной достаточно добра.

И чем больше его мы смогли бы раздать по рукам, тем меньше пришлось

бы везти мертвым грузом: будь я проклят, если оставлю за собой что-нибудь пригодное для зеленокожих, но и взрывать то, что могло оказаться необходимо нам в будущем, было против моей натуры. Кроме того, то оружие, которое мы позаимствовали у орков, имело склонность быть не менее опасным для стрелка, чем для его мишени.

— Именно так я и сделаю, — кивнул Норберт. — Что касательно остальных гражданских?

Я пожал плечами:

— А почему бы и нет? — С оружием в руках они почувствуют себя увереннее, в этом я не сомневался, а целиться с тех подпрыгивающих на ухабах орочьих монстров, на которых они ехали, все равно было бесполезно. — Все, кто пожелает, могут взять оружие, но только при условии, что кто-то из людей Тайбера покажет им, как с ним обращаться, и если они готовы слушать приказы, когда начнется стрельба.

Это, конечно, должно было позволить большинству из них не отстрелить себе

ноги, когда дойдет до дела, а в моем распоряжении оказывалось еще больше пушечного мяса, которое можно было поставить между мною и орками в том случае, если дела пойдут совсем уж отчаянно.

— Вполне разумно, — согласился Норберт.

Оглядываясь назад, я, впрочем, могу сказать, что это была не самая удачная из моих идей, но, кажется, тогда она вдохнула в наших беженцев новые силы, и в конце концов едва ли не каждый из них обзавелся лазганом или чем-то подобным, закрепив свой статус в качестве части нашей нерегулярной армии. Даже Эриотт, когда мне случилось его встретить, уже добыл себе лазерный пистолет, хоть и заверил меня, что не собирается им пользоваться. Я был несколько озабочен тем, что регулярные бойцы СПО могут косо посмотреть на такое развитие событий, но они, кажется, были всеми руками за. Поскольку теперь гражданские вроде как могли позаботиться о себе сами,

солдаты получили возможность сосредоточиться на том, чтобы биться с врагом без того, чтобы отвлекаться на беззащитную массу (или, по крайней мере, они так считали — я обнаружил, что немало солдат выразили полную готовность преподать персональные уроки стрельбы женщинам). В целом я посчитал это признаком поднятия боевого духа.

И действительно, весь наш лагерь вскоре излучал ощущение общей цели, что я нашел несколько удивительным. Незадолго до заката состоялся наш следующий разговор с Пирсом — на открытом воздухе, но все же за бутербродами с солониной и чашкой рекафа. К этому времени появилось еще немного оставшихся от регулярных сил СПО отрядов, приведших с собой пару тяжелых армейских грузовиков, которые заставили Норберта едва ли не откровенно потирать руки от удовольствия, и три «Саламандры» (разведывательного образца) с полными экипажами, а также медицинскую «Химеру». Я направил ее и двух санитаров,

прибывших с нею, к Эриотту и его раненым, которым должно было быть гораздо удобнее на борту этой новой машины, чем на орочьих колымагах, к которым они были приговорены до сих пор.

— Никто из нас не ощущал себя так с тех пор, как появились зеленокожие, — произнес молодой лейтенант, откусывая от бутерброда. Он кинул на меня взгляд, яростно работая челюстями, с примечательным выражением на лице. — Мы просто старались выжить, и все. Но теперь у нас снова есть цель.

— Цель остается той же, что и всегда, — откликнулся я. — Очистить этот мир от орков.

— Вам легко говорить. — Пирс допил остатки своего рекафа, непроизвольно отшатнувшись, когда Юрген шагнул к нему, чтобы снова наполнить чашку. — Для вас это всего лишь еще одна военная кампания. Но мы здесь потеряли все, что у нас было.

— Но только не боевой дух, — возразил я, легко входя в ту роль, к которой Комиссариат так старался меня

подготовить. — А это все, что вам нужно, дабы снова отвоевать свою планету.

А также позволить мне оставаться невредимым, как я искренне надеялся.

Пирс кивнул, полностью покупаясь на мои слова.

— И мы это сделаем, — торжественно провозгласил он. — Или умрем сражаясь.

Пирс слегка повысил голос, и тот эхом разнесся по пространству между куполами, перекрыв даже шум людской суеты, всех этих солдат и ополченцев, сновавших туда-сюда с коробками и тюками.

— Пришел тот день, когда мы перестанем бежать и прятаться. Сегодня мы закончим просто досаждать врагу, мы станем наносить ему настоящие раны! Настало время зеленокожим бояться нас!

Рев согласных голосов поднялся от добрых шести десятков глоток вокруг, эхом отозвавшись от высоких стен. Я отступил в тень, позволив перлийцам наслаждаться собой в этот миг. Император знает, что им придется туго, едва лишь снова начнется наше

путешествие.

— С дороги! А, это вы. Простите. — Демара, тащившая на себе переносной пулемет огневой поддержки, который был едва ли не с нее размером, шагнула в сторону, чтобы обойти меня. Тэмворт следовал за ней в двух шагах с треногой, заброшенной за спину бронеплитой, долженствующей защищать расчет орудия, и с коробками патронов в обеих руках. На лице девушки-бандитки появилось странное, смешанное выражение недовольства, уважения и вызова, когда она обратилась ко мне: — Или я должна добавить «сэр»?

— Обычно да, — произнес я. — Но я не гонюсь за формальностями.

— Мы это поняли, сэр, — вставил Тэмворт.

Демара кивнула:

— Спасибо, что разрешили брать всякую всячину. — В ее глазах промелькнуло сомнение. — Вы ведь не имели в виду только ружья и тому подобное, правда?

— Что вам больше подходит, —

заверил я.

— Круто. — Она оглянулась на Тэмворта. — Видишь? Я же говорила, что все будет тип-топ. — Затем девушка снова обратилась ко мне: — Тэм говорил, что ты можем брать только легкие штуки. — Она бросила на тяжелое орудие в своих руках такой нежный взгляд, будто это был котенок тринкса. — Но я как увидела ее, так сразу сказала: вот она, моя пушка.

— Наслаждайтесь, — напутствовал я.

Оба ухмыльнулись и быстро удалились в сгущающуюся темноту. Через мгновение из-за угла ближайшего здания вывернул погрузчик и с шипением пневматических приводов остановился, легко удерживая в клешнях коробку высотой почти с меня. Фелиция улыбнулась мне, превращенная своими белыми одеждами и наступающим сумраком в благожелательного призрака.

— Почти последняя, — сообщила она. — Из того, по крайней мере, что может нам пригодиться.

— Отлично. — Я кивнул. — А что в остатке?

— В основном крупные снаряды, но нам не из чего ими стрелять. — Ее ухмылка расширилась. — Когда будем взрывать это местечко, должно неплохо жахнуть.

— Рад слышать, — только и произнес я. — А как с машинами?

— Неплохо. Я проведу за ночь последние проверки.

Ее энергичность в то время показалась мне ошеломительной; лишь позже я узнал, что, как и у многих техножрецов, мозжечок ее был заменен аугметической системой, которая, помимо всего прочего, позволяла ей обходиться без сна едва ли не бесконечно.

— Если у вас есть минутка, то я обсудила бы несколько идей по поводу этой вот машинки.

— Вы хотите взять ее с собой? — изумленно вопросил я.

— О да. Конечно, пока она славна только перетаскиванием туда-сюда коробок, но не забывайте, этот агрегат выполнен на основе «Часового». — В ее голосе появилась определенная нотка энтузиазма. — Он будет намного быстрее

и маневреннее на пересеченной местности, чем даже «Химера».

Технопровидица подняла одну из клешней погрузчика в подобии салюта, заставив меня сжаться от предчувствия, что коробка рухнет мне на ноги, но та оставалась на месте, ловко сбалансированная Фелицией на одной точке.

— И он окажется более чем полезен, если какая-то из наших машин застрянет.

— Хороший довод, — признал я, сторонясь, чтобы дать ей пройти, затем обернулся к Юргену. — Пора бы и нам собираться.

Мой помощник согласно кивнул.

— Завтра будет еще полно дел, сэр, — отозвался он.

Хотя если бы я в тот момент знал, насколько слабое это выражение для того, что нам предстояло, уверен, мне всю ночь не пришлось бы сомкнуть глаз.

Глава девятнадцатая

Как мы ни старались, а уже перевалило за полдень, когда наше разношерстное собрание машин было готово отправляться, и я, как мог, скрывал свое нетерпение, пока гражданские рассаживались по местам. Последние несколько тюков драгоценной поклажи привешивались на борта наших «Химер», уже и так настолько увешанных ею, что противопехотные лазеры сделались совершенно бесполезны, и Тайбер был уже готов устроить из покидаемого нами места такой фейерверк, чтобы было видно с самого Золотого Трона. Мы расположили заряды взрывчатки в каждом из зданий и еще несколько подрывных патронов к оставшемуся в хранилище оружию и снарядам, просто на удачу, но все же я намеревался быть отсюда как можно дальше, прежде чем позволить саперам передать по воксу импульс, который приведет все это в действие.

— Последнее, — в конце концов

доложил Тайбер, подбегая к командной «Химере», где Юрген и я расположились вместе с Пирсом и остатками его подразделения.

В нормальных условиях я последовал бы своей привычке и забрал бы для собственных нужд одну из «Саламандр», но с меня уже хватило езды в открытой машине по подобной местности. Разведывательные же машины были назначены для той работы, для которой и были сконструированы, — они патрулировали впереди основной автоколонны и на флангах, время от времени докладывая, что все еще не видно и следа зеленокожих, хотя я все равно не собирался позволять себе погрузиться в обманчиво-спокойное состояние. С самого первого момента прибытия на Перлию я научился доверять своей хронической паранойе больше, чем чему бы то ни было.

Вдобавок к прочим положительным моментам командная машина должна была идти в центре нашей импровизированной армии и быть защищенной настолько, насколько это

вообще возможно. Я, конечно, и не думал сообщать Пирсу, что именно это было основной причиной пересесть к ним, а вовсе не необходимость контролировать любую нештатную ситуацию, чему должен был весьма способствовать набор специализированного вокс-оборудования и аусников, которые командная «Химера» несла на борту. То, что я мог почти с таким же успехом получать информацию и отдавать приказы с помощью моего старого доброго микрокоммуникатора, по-прежнему глотая при этом пыль в нашей орочьей костоломке, ему, кажется, в голову не пришло, а если и пришло, то он оставил эту мысль при себе.

— Отлично, — похвалил я Тайбера, в последний раз перед отправлением окидывая взглядом тот сброд, который мы назвали военным конвоем.

А что еще оставалось делать, если в нашем распоряжении была лишь примечательная смесь имперских и орочьих машин, настолько перегруженных закрепленным снаружи грузом, что эта разница все равно была малоразличима, —

оставалось лишь смириться с тем, что выглядим мы, как куча бездомных со своим барахлом, а не военное формирование.

Я уже готов был дать сигнал выдвигаться, когда знакомый свист поршней и звяканье валов предупредили меня о появлении погрузчика. Обернувшись на звук, я был вознагражден особенно радостным помахиванием рукой Фелиции, перегнувшейся через дверь кабины, притом что сам я мог лишь пялиться в полном ошеломлении на труды ее рук.

— Импе́ратор, Сущий на Земле! — воскликнул я. — Что вы с ним сотворили?

— Я же предупреждала, что у меня есть на его счет некоторые идеи. — Голос технопровидицы звучал совершенно обыденно, эхом отдаваясь у меня в ухе, что хорошо, я полагаю, поскольку в противном случае я не мог бы разобрать ни слова за ревом запускающихся вокруг нас двигателей.

Одна из идей, которая ей пришла в голову, очевидно, заключалась в установке на погрузчике вокс-оборудования.

Место камнебетонного противовеса

за спиной шагающей машины занял обширный металлический бак, полный, судя по ведущему в нутро машины переплетению труб, прометия. С таким количеством топлива на борту Фелиция, должно быть, могла добраться без остановки до самого побережья, хотя, очевидно, часть этого запаса планировала иначе: под кабиной «Часового» был смонтирован тяжелый огнемет, чей поджигающий элемент нежно шипел, наполняя воздух слабым запахом гари. Как, во имя всей галактики, Фелиция собиралась использовать его, учитывая, что панель управления огнем в кабине у этой модификации была предназначена для управления клешнями, я не имел ни малейшего понятия. Лишь позже, когда мне случилось наблюдать, как она со всем и всяческим удовольствием набросилась на встреченный по дороге орочий патруль, я осознал, что она наскоро прикрутила к нему подобие гашетки, которой могла управляться с помощью своего механического хвоста.

— Это... очень находчиво, — только и

смог вымолвить я, стараясь, чтобы это прозвучало как можно нейтральнее.

Фелиция снова ухмыльнулась и со звоном удалилась на поиски своих помощников, которые забрали себе один из новоприбывших транспортов, погрузив в него набор инструментов и запчастей (которых теперь, когда их запас был пополнен за счет хранившегося на складе, было обнадеживающе много). Я обернулся к Пирсу:

— Мы можем выступать.

— Эскорт-второй, — зазвучал в моем ухе новый голос. — Вижу цель, движется в юго-восточном квадранте, быстро приближается.

Одна из команд на «Саламандрах» выполнила, как видно, свою задачу. Пирс поглядел мрачно.

— Быстро они выдвинулись, — заметил он.

Я кивнул и осознал, что внезапно пересохшее горло стало таковым вовсе не из-за сухой пустынной жары или вони горящего прометия, распространяемого моторами наших машин, подобно тому

как Юрген распространял вокруг свой особый запах. Похоже было, что оправдывается наш самый пессимистический прогноз относительно того, как скоро орки отреагируют на уничтожение их разведывательного отряда.

Я поспешил укрыться в тенистом чреве командной «Химеры», и некий отстраненный уголок моего сознания порадовался холодку внутри нее, в то время как я встал за спиной оператора аудиспика.

— Можете дать мне приблизительную оценку численности врага? — спросил я.

Оператор по имени, если я правильно помню, Орилли покачал головой.

— Они еще не вошли в наш радиус действия, — объяснил он и указал на пятно у самого края экрана, успокаивающе помеченное имперским значком. — Это «Эскорт-второй».

— Говорит Каин, — передал я, прервав рутинное подтверждение приема от Маркони. — Визуально можете

определить цель?

— Никак нет, сэр. — Капрал, командовавший состоявшей из четырех человек командой разведчика, ответил сразу же, вне сомнения удивленный моим вмешательством и полный надежд произвести на меня хорошее впечатление. — Все, что пока видим, — это облако пыли, которое они поднимают.

Потом он взял паузу, и я легко представил себе, как он вглядывается в ампливизор, стараясь настроить более четкую картинку.

— Облако, впрочем, большое.

— Дайте знать, когда получите какую-то информацию, — сказал я. Затем обернулся к Пирсу и Тайберу. — Время принимать решение. Остается и надеется, что сможем отбиться в укрепленном расположении, или выдвигаемся, рискуя тем, что придется драться на открытой местности, если будет погоня?

— Выдвигаемся, — решил Пирс и указал на экран аустика. — Они по меньшей мере в двадцати минутах пути.

Тайбер кивнул, соглашаясь:

— Мы все равно собирались подорвать все строение. Отойдем за линию холмов, пока еще есть время.

— Вопрос в том, есть ли оно, — задумчиво протянул я. Будь с нами лишь военные, мы, несомненно, должны были успеть скрыться, но сможет ли гражданский сброд так быстро взять ноги в руки, было весьма спорно. Впрочем, я лично задал вопрос чисто в риторическом ключе, ради того чтобы показать свою заботу о беженцах. Я не собирался рассиживаться здесь, ожидая подхода зеленокожих, а если кто-то из гражданских поработает для нас в качестве живого щита, то уж это мне как-нибудь удалось бы пережить. Так что я кивнул, будто неохотно принимая тяжелое решение. — Но, впрочем, выбора у нас нет, все согласны? Выдвигаемся.

К моему удивлению, отход с территории склада прошел удачно, по крайней мере в том, что касается его первой части. Гражданским вполне удавалось не отставать, несмотря на то что они по большей части были

размещены на орочьих машинах, и, хотя наша цепь немного растянулась, «Химеры» смогли достаточно хорошо держать общий строй под контролем. Основной моей заботой было узкое место на выходе из главных ворот, через которые вел единственный спуск с отвесного основания складов, но все живо оказались на равнине и уже через каких-нибудь десять минут весело поднимали пыль по направлению к холмам.

— Вижу цель, — доложил Орилли вскоре после того, как и мы начали движение. — Одна машина средних размеров. Большего на таком расстоянии сказать не могу.

— Отлично, — подбодрил я его, стараясь скрыть испытываемое облегчение.

Кто бы это ни был, похоже, они не представляли особой угрозы. Через секунду вышла на связь команда «Саламандры», подтверждая выводы оператора ауспика.

— Имперская машина, — доложил капрал. — Один «Леман Русс». — Он на секунду замолчал, затем продолжил: —

Похоже, ведет какой-то конвой. За ним гораздо большее облако, тянется на несколько километров.

— Какое, к чертям собачьим, ведет! — врезался в передачу новый голос, четкий, командный и, несомненно, женский. — У нас куча зеленокожих на хвосте. Кто бы вы там ни были, лучше бы вам приготовить серьезные пушки, или от нас останутся одни шкварки.

— Говорит комиссар Каин, — ответил я, стараясь ничем не выдать тревожную дрожь, охватившую меня при ее словах. — Назовитесь, пожалуйста.

Намек на то, что пора бы перейти на официальные формулировки, должен был внушить окружающим уверенность в том, что их комиссар контролирует ситуацию, но и грубить экипажу танка не стоило. Я всегда находил, что от людей можно добиться гораздо большего, если дать им почувствовать твое уважение, а если это не сработает, всегда можно их пристрелить.

— Сержант Вивика Сотин, Пятьдесят седьмой бронетанковый. Все,

что от него осталось, насколько мне известно.[74] У нас нет снарядов для основных калибров. Заехали сегодня пополнить боезапас на точке «альфа», а там кишмя кишат зеленокожие.

Я бросил взгляд на Тайбера, узнав имя того склада, к которому он предлагал направиться вместо теперешнего, но был даже так галантен, что не стал вслух произносить ничего вроде: «А что я говорил?»

— С этого момента мы только уносим ноги, — продолжала Сотин. — Думала, что оторвались от них, но с рассветом они углядели наши следы.

— Обходите склад, — передал я, надеясь, что зеленокожие все же не прослушивают наши вокс-передачи. — Встречаемся на гребне противоположной стороны долины.

— Вы что, невнимательно слушаете? — отозвалась она с резкостью, которую я могу списать только на состояние стресса, в котором она находилась, и обычное для СПО

недопонимание значимости Комиссариата. — Мы совершенно на нуле. Если не перевооружимся, то остается выйти на врага с одними лишь матюгами.

— Они в десяти минутах за вами, — заметил я, вопросительно посмотрев на Орилли, чтобы он подтвердил мой расчет. Тот кивнул. — Если вы не способны перевооружиться с такой скоростью, склад станет смертельной ловушкой.

Я не сказал обо всех тех взрывчатых мерах, которые мы приняли, дабы не допустить попадания запасов снарядов в лапы орков, все-таки опасаясь, что связь наша прослушивается. Сотин, впрочем, очевидно, оказалась достаточно умна, чтобы самой прийти к такому выводу.

— Получение приказа подтверждаю, — отозвалась она.

Я снова повернулся к Орилли и светящимся отпинкам, покрывшим экран его аупика. Что-то касаемо их движения показалось мне смутно неправильным, но я некоторое время не мог сообразить что же. Через пару секунд на меня снизошло озарение, и я указал на одну из крапинок.

— Этот почему движется не в том направлении? — спросил я.

Что бы это ни было, оно обладало изрядной скоростью и маневренностью, протискиваясь сквозь массу других машин с поспешностью и легкостью, которые исключали большинство из транспортных средств нашей импровизированной роты. Мне пришлось заключить, что это «Часовой», что через мгновение подтвердилось радостным окликом по воксу:

— Не волнуйся, Кайафас. Я обо всем позабочусь.[75]

— О чем позаботишься? — переспросил я, уже боясь услышать предполагаемый ответ.

Как и всегда, голос Фелиции просто лучился обычным оптимизмом, который в моем сознании давно уже плотно увязался с ее личностью.

— У меня куча времени, чтобы смотаться на оружейный склад и обратно, — заверила она меня. — Мы ведь не захватили с собой снарядов, а?

— Немедленно вернись в строй, — произнес я так авторитетно, как только мог, не забыв отключить все остальные вокс-каналы от этого разговора.

Я не мог рисковать подрывом собственного авторитета прямым неповиновением, о котором стало бы к тому же известно всем и каждому.

Фелиция лишь рассмеялась:

— Это я и сделаю, как только раздобуду снарядов для леди-танкиста. Болтерные заряды у нас есть, да и пара батарей для лазеров тоже.

Непокорная точка на экране теперь выбралась из основной части конвоя и была ближе к складу, чем к безопасной цепи холмов. Я прикинул время. Если все будет происходить столь же быстро, она обернется с делами внутри примерно к тому моменту, как спасающийся бегством танк достигнет базового склада, а затем они смогут вместе отступить. У нас не было никакого вооружения, которое позволило бы обеспечить им огневое прикрытие на таком расстоянии, и я понял, что мечтаю иметь в своем

распоряжении хоть парочку «Сотрясателей» (или, что предпочтительнее, «Василиск», оборудованный этим орудием, который мог бы выполнять все те же функции и при этом передвигаться наравне со всеми).

— Разрешаю, — произнес я, смиряясь с неизбежностью.

У меня не было никакой возможности переубедить ее, так что оставалось лишь создать впечатление, что я сам утвердил ее действия. В этом вся беда с гражданскими: они вечно одержимы какими-то своими идеями, вместо того чтобы просто делать, что сказано. Я переключился на другой канал связи.

— Тайбер, — распорядился я, — отложите детонацию до дальнейшего приказа.

— Так точно, сэр. — Его голос даже по воксу донес некоторое удивление, но дисциплина превыше всего. Фоном я слышал рык «Химеры», в которой теперь разместился отряд Браво, и свист ветра, обдувающего микрокоммуникатор, — это говорило о том, что сержант стоит,

высунувшись из верхнего люка. — Какие-то трудности?

— Фелиция возвращается, чтобы кое-что забрать, — пояснил я, вполне уверенный, что он достаточно хорошо знает сестру, чтобы понять все остальное.

— Ясно, — произнес он таким тоном, который с очевидностью показал, что он все понял. — Еще приказы?

— Стройтесь на гребне, — сказал я. — Как и обсуждалось.

Я бросил взгляд на Пирса, и тот кивнул. Если зеленокожие обойдут склад и двинутся за нами, у нас хотя бы будет то преимущество, что им придется идти в атаку вверх по склону. С нашими перегруженными машинами у нас не было возможности уходить от продолжительной погони, так что нас просто уничтожили бы по одному, а значит, необходимо было встать и принять бой, а в нем я хотел использовать любое возможное преимущество.

— Приказ понял.

Канал связи замолчал. Я снова посмотрел на экран аусника. Фелиция как

раз достигла базового склада, да и танк был почти на месте. Эскорт-второй тоже быстро приближался к нашим позициям — хорошо настроенный двигатель разведывательной «Саламандры» позволял держаться вне радиуса обстрела орочьих машин, пока он огибал их по широкой дуге, стараясь визуально определить численность. Я затаил дыхание. Первые точки вражеского построения появились на экране ауспика Орилли, отразившись в маленьких круглых очках, которые он носил.

— Время поджимает, — предупредил я всех.

— Спешу, — заверила меня Фелиция. — У меня две налеты со снарядами для главного калибра лежат около ворот. Сотин, сможете зарядить пушки?

— Нет, — кратко отозвалась командир танка, — но можем погрузить снаряды на броню. За пару минут принайтовим.

— Это хорошо, — заверила Фелиция, как всегда полная оптимизма. — Я прихвачу еще одну с собой.

Этого, если я правильно помнил, должно было хватить, чтобы полностью заполнить их боекладку, и еще останется несколько лишних.

— У вас только две минуты, — предупредил я.

— Эскорт-второй, — врезался в переговоры наш разведчик, идеально подчеркивая мою мысль. — Подтверждаем, восемь орочьих грузовиков, двадцать багги. Наступают с достаточными силами.

— Сколько там пехоты? — сразу задал вопрос я.

Если каждый из этих грузовиков был заполнен до отказа, мы могли столкнуться с гораздо более многочисленными силами зеленокожих, чем какая-то сотня. Даже с преимуществом, которое давала возвышенная позиция, нам потребовалось бы приложить все возможные усилия, чтобы выиграть этот бой.

— Пара дюжин, в основном в мелких машинах, — доложил разведчик с некоторой ноткой удивления в голосе. — Грузовики едва ли не пусты.

— Они направлялись поживиться, — констатировал я, и детали происходящего внезапно сложились в целостную картину.

Разграбив склад, расположенный к югу, они, вероятно, нашли информацию еще об одном и послали разведчиков, чтобы захватить его, после чего последовали за ними с тяжелым транспортом. То, что они наткнулись на след, оставленный танком Сотин, было лишь несчастливым совпадением, и ничем другим, но я абсолютно не питал иллюзий относительно того, что, каковы бы ни были их изначальные цели, предвкушение битвы уже должно было распалить их врожденную жажду крови. Водитель нашей «Химеры» остановил машину, и я подхватил ампливизор, собираясь лично понаблюдать, как будет развиваться ситуация.

— Похоже, вы правы, — согласился Пирс, опуская задний пандус машины.

Я выбежал наружу, как обычно, с Юргеном, следующим за мной по пятам, и поднял наблюдательный прибор. Солдаты вокруг занимали позиции для обороны,

подкрепленные силами ополченцев, в то время как остальные гражданские сбились в кучу позади них, отчаянно и трачно цепляясь за свои лазганы. Это было не к добру. Если на нас попрут зеленокожие, то эти, весьма вероятно, начнут палить в полной панике, не обращая внимания на то, что между ними и врагом находятся свои, и в результате по их милости мы понесем больше потерь, чем от рук орков.

— Колфакс, — подозвал я нашего проводника, — уводите гражданских. Если зеленокожие атакуют, мы будем сдерживать их до тех пор, пока вы не отступите на достаточное расстояние.

— Ясно, — кивнул он, к моему невыразимому облегчению даже не вздумав возражать, и начал загонять гражданское стадо обратно на машины.

— Хорошо придумано, — одобрил Пирс, уважительно глядя на меня. — По крайней мере беженцы будут в безопасности.

— На некоторое время, — произнес я, размышляя, смогу ли быстренько выдумать оправдание, чтобы улизнуть с ними, но затем пришел к выводу, что в

окружении профессиональных тренированных солдат мои шансы на выживание побольше. Нам ведь еще предстояло преодолеть целый континент, наводненный зеленокожими. — А потом мы их нагоним. — Я отвернулся, но тут заметил Эриотта. — Вам бы тоже лучше отправляться, — произнес я.

К моему удивлению, он покачал головой:

— У вас могут быть раненые. А если так, то у них будет больше шансов, если «Кэти» останется здесь.

— Кто? — переспросил я, на секунду выбитый из колеи, и он указал на медицинскую машину, на носу которой, как я только сейчас заметил, было грубо выведено «Кэти» — как я предположил, имя подружки кого-нибудь из санитаров.[76] Сообразив, о чем он, я кивнул. — А как же ваши пациенты?

Не то чтобы я очень о них заботился, но это были те слова, которых от меня ожидали.

— Их состояние достаточно

стабильно, — со всей серьезностью отозвался Эриотт, явно просто подразумевая, что те, кто должен был умереть, уже умерли. — Ит было бы удобнее в «Кэти», но они переживут час или два в грузовиках, а это освободит нам носилки — на всякий случай.

— Отлично, — кивнул я. — Займитесь этим, хорошо? Если нам будет сопутствовать удача, они не понадобятся, но приготовиться стоит.

Знать, что медицинское оборудование под рукой, всегда было очень хорошим подспорьем для боевого духа идущих в бой солдат.

— Положитесь на меня. — Эриотт отошел, чтобы обсудить все с Колфаксом, и я наконец приник к ампливизору, со внезапной вспышкой дежавю поняв, что расстилавшийся внизу вид был очень похож на открывшийся мне в момент, когда я смотрел на простирающуюся внизу равнину и орков, осадивших базовый склад.

Погрузчик был хорошо виден в главных воротах площадки склада, в его манипуляторных клешнях уже была

зажата палета со снарядами для главной штурмовой пушки «Леман Русса», да и сам танк почти доехал до них. На моих глазах он резко остановился, верхний люк распахнулся настежь, а следом за ним и боковые. Экипаж начал выбираться наружу, направляемый энергичными приказами командира, которую легко можно было отличить по надетому на ней особой формы шлему, напоминающему гораздо более грубый и массивный вариант моего микрокоммуникатора. Весь экипаж танка, кажется, состоял из женщин, что меня не удивило, — смешанные подразделения были редкими исключениями из правил как в Имперской Гвардии (хотя мне, конечно же, повезло служить с одним из таких в дальнейшем[77]), так и в СПО.

Фелиция опустила одну из палет со снарядами точно на левый обтекатель шасси, и танкистки принялись накрепко принайтовливать ее, в то время как погрузчик подхватил вторую палету и обогнул корпус танка, чтобы провернуть

ту же операцию с другой стороны.

Я повел ампливизором, сместив угол обзора на катящуюся вперед тучу пыли в отдалении. Она быстро приближалась, в ней уже угадывался блеск металла, и я был уверен, что различаю смутные силуэты отдельных машин. Пытаясь лучше сфокусировать изображение, я разглядел время от времени взблескивающие там вспышки, вылетающие из орудийных стволов, указавшие, что некоторые из зеленокожих стрелков уже дали волю инстинктивной агрессии, впустую растрачивая патроны в слепом проявлении кровожадности, задолго до того, как могли рассчитывать во что-либо попасть. Тем не менее зрелище это было подобно холодному душу.

— Достаточно, — передал я по воксу. — Время вышло. Двигайтесь!

— Один момент. — Голос Сотин звучал так спокойно, что не мог не выводить из себя. — Лина, Белль, хватайте по жестянке.

Я снова перевел взгляд на танк. Две танкистки вылотали из оставшейся

палеты, лежавшей на песке, по снаряду. Спустя секунду обе пошатываясь припустили обратно к своей машине, заметно кренясь под весом, который тащили на себе.

— У вас нет на это времени! — повысил голос я.

Фелиция подхватила разграбленную палету и повернула «Часового» обратно в сторону занятого нами гребня, заставив его перейти на тот примечательный порывистый бег, который характерен для подобных машин, когда они передвигаются на высоких скоростях и который для меня всегда делал их зловеще похожими на огромных напуганных снежных куропаток.[78]

— Я не уйду, не имея чего-нибудь, чтобы стряхнуть их со своей задницы! — огрызнулась в ответ Сотин.

Я снова повел ампливизором в сторону надвигающихся орков и тут же вернулся обратно к танку. К моему облегчению, обе женщины из экипажа уже исчезали внутри, а гусеницы его начали

вращаться. Сотин забралась на борт, когда танк уже пришел в движение, а от его броневлиты полетели куски краски, отбитой парой случайных орочьих попаданий, и захлопнула за собой люк. Когда ее голос снова зазвучал в воксе, она лишь немного запыхалась.

— Видите? У нас была еще куча времени.

— Будем надеяться, — произнес я, приникнув к ампливизору. Танк набирал скорость, но и орки быстро сближались с ним, ободренные близостью давно преследуемой добычи. Я сглотнул, чувствуя ужасную сухость во рту, и внезапно осознал, что рядом, едва не касаясь меня плечом, так же напряженно застыл Пирс. — У нас есть что-нибудь, чем прикрыть их с такого расстояния?

— Ничего, — мрачно отозвался лейтенант.

— Мы теперь и сами о себе позаботимся. — Сотин в любом случае оставалась уверенной в себе.

Башня спасающегося танка начала поворачиваться, и пушка, пройдя половину

окружности, замерла, направленная назад, в сторону подступающей орочьей орды. Как раз тогда, когда я начал было подозревать, что командир танка все-таки опоздала с отбытием, потому как стрелки зеленокожих уже почти взяли прицел, из дула главного калибра вырвался клуб дыма, и через секунду или две до нас приглушенным рокотом грома донесся разрыв танкового снаряда.

Выстрел был хорош и полностью оправдал тот риск, на который пошел экипаж танка, позволив врагу подойти так близко, поскольку снаряд угодил точно в идущий впереди багги, который, кажется, нес на себе грубую ракетную установку. Легко пробив броню, он взорвался внутри, превратив машину в шар огня. Через мгновение детонировали и боеголовки ракет, посылая во все стороны пылающие обломки и совершенно нарушив строй врага. Благодаря невероятной удаче основная часть пылающего корпуса машины, завалившись, пошла юзом и протаранила второй багги, перевернув его. Намертво сцепившись, две кучи

металлолома принялись оживленно полыхать, и лишь один оглушенный зеленокожий из их экипажей шатаясь поднялся на ноги, очевидно чудом выброшенный из кузова. У него как раз хватило, должно быть, времени порадоваться своей удаче, когда его размазала по песку следующая развалюха орочьей колонны, водитель которой слишком сосредоточился на погоне за танком, чтобы обращать внимание на пешеходов.

— Это заставит их призадуматься, — заметил Пирс.

Я покачал головой:

— Они не отступят. Всем приготовиться. Как только наши войдут в сектор стрельбы, я хочу, чтобы у них было как можно больше огневого прикрытия.

Песок вокруг танка и погрузчика теперь кипел от вражеского огня, вздымаясь волнами, подобно прибою. Фелиция увертывалась, используя всю до последней капли скорость, которой располагала ее легкая машина, но, должно быть, ей оставалось совсем немного до

того момента, когда какой-нибудь выстрел угодит в массивный бак с прометием и все будет кончено. Очевидно, та же мысль пришла в голову и ей. В очередной раз к моему изумлению, она крутанула шагающую машину на месте и продолжила бег задом наперед едва ли не с той же скоростью, что и до того (а это, надо сказать, был маневр, о проведении которого даже пилот-ветеран «Часового» дважды бы подумал, но связь Фелиции с машиной была по-настоящему из ряда вон выходящей, даже для техножреца). Еще один багги попытался приблизиться к ней, и технопровидица окатила его из огнемета. Поток пламени не причинил заметного вреда самой машине, но водитель был охвачен огнем прямо на своем месте, вспыхнув, подобно бумажной кукле в Ночь очищения.[79]

Впрочем, учитывая, что это был все-таки орк, даже этого не было достаточно, чтобы сразу убить его, и, прежде чем сдохнуть, он попытался протаранить «Часового». К счастью, Фелиция была к

этому готова и, сделав пируэт, ушла с пути неповоротливой машины врага, после чего багги исчез где-то за барханами, оставляя за собой след жирного дыма.

— Всем отрядам по местам стоять! — приказал Пирс, и волна ожидания прокатилась по ряду солдат и ополченцев, почти сразу сменившись ощущением смертельной готовности.

Везде, куда бы я ни бросил быстрый взгляд, не желая надолго отрываться от драматического зрелища, разворачивающегося в узком поле зрения ампливизора, были лазганы, взятые на изготовку, и расчеты крупнокалиберных орудий, готовящиеся к стрельбе. Ласкинс, очевидно, уже отыскал себе цель, едва заметно поводя стволом ракетомета вслед за ее передвижением, в то время как Йодрил выкладывал в линию запасные ракеты, готовый заряжать, едва его напарник произведет свой выстрел; он чередовал кумулятивные и осколочные, очевидно намереваясь первыми останавливать машины, а вторыми, разрывными добивать экипаж,

пытающийся покинуть свое средство передвижения. Слева от меня я заметил Демару, которая растянулась за своей новой игрушкой, в то время как Тэмворт изготавливал запасную патронную ленту.

— Эскорт-второй, — доложил командир разведчиков. — Враг проходит базовый склад.

Это было и неудивительно, но в то же время явилось и некоторым разочарованием. Похоже было, что нам все-таки придется разбираться с ними тяжелым и неприятным путем.

На равнине под нами «Леман Русс» дал еще один выстрел, уничтожив грузовик, и этот выстрел был последним — мы все это знали. Через мгновение Сотин подтвердила это по воксу.

— Мы пусты, — доложила она как о само собой разумеющемся.

— Продолжайте движение, — сказал я насколько мог ободряюще, в то время как Фелиция превратила в барбекю еще один багги, который оказался настолько неосторожен, что влез в зону действия ее огнемета. — Вы уже почти на месте.

Я взглянул на Пирса, и тот кивнул, соглашаясь.

— Таллок, не подбросите ли пару подарков сразу за нашими друзьями?

— Есть, лейти!

Через секунду-другую я услышал знакомый хлопающий звук, с которым вылетали снаряды из миномета, и снова поднял ампливизор, чтобы нацелить его на танк и погрузчик. Казалось, снаряды нашего орудия летят целую вечность, прежде чем упасть, но, когда это произошло, облако превращенной в крошево земли поднялось между спасающимися машинами и их преследователями, которые, казалось, были в должной мере захвачены врасплох. Идущие впереди багги были почти в накрытой огнем зоне, и по крайней мере некоторые из них мгновенно потеряли управление, когда взрывы выросли прямо перед ними, но остальные, подчиняясь звериной натуре своих водителей, просто продолжали переть дальше, не заботясь о том, что также могут попасть под удар. Фелиция снова крутанула погрузчик на месте и

заставила его скакать вверх по склону, сразу же увеличив расстояние между собой, преследователями и танком, который с рычанием начал карабкаться по склону за ее спиной.

— Время, — сказал я. — Они в зоне обстрела. Огонь по готовности, старайтесь только не попадать по своим.

Последнее я добавил в шуточном тоне, но предупреждение все равно было нелишним. Стрелки ополчения едва разобрались со своим новым оружием, и я не мог надеяться, что их стрельба будет хоть сколько-нибудь прицельной.

К счастью, этого никак нельзя было сказать про солдат СПО. Может, они и недотягивали до стандартов Гвардии, но прошедшие месяцы боев более чем восполнили недостаток как тренированности, так и дисциплины. Ласкинс снял один из грузовиков — чисто, как только можно было пожелать, — как раз прежде, чем орочьи машины накрыл второй минометный залп, который весьма категорично вывел их из боя. Вся наша разношерстная армия открыла дружный

огонь, хотя шансы попасть во что-либо из лазгана на таком расстоянии иначе чем по чистой дурной случайности были минимальны (но все же были, как доказал почти сразу же Юрген, сняв водителя багги, после этого услужливо завалившегося в одну из воронок, оставленных минами). Ракеты, залпы из крупнокалиберных пулеметов, болтерные и лазерные заряды — все это дождем сыпалось на зеленокожих, усиливая их растерянность и выкашивая экипажи машин, которые оказывались подбиты или остановлены.

— Не переставать стрелять! — проорал я, вытаскивая лазерный пистолет и посылая совершенно бесполезные заряды вниз по склону, ни во что особенно не целясь, но являя собой достаточно красивую иллюстрацию воинской доблести, как я надеялся. Ответный огонь тоже был, но редкий и настолько же плохо нацеленный, как мы и привыкли ожидать от зеленокожих, так что лишь несколько людей получили ранения. — Тесни их!

— Со всем возможным

удовольствием. — «Леман Русс» присоединился к нашей линии обороны, наконец выкатившись на гребень; несколько одиноких орочьих выстрелов отскочили от его бронеплиты, и Сотин распахнула верхний люк, едва только танк замер на месте. — Ну-ка, тащите сюда остальные снаряды!

Фелиция не замедлила подвести свою шагающую машину поближе, поднося палету, которую, вопреки всему, она продолжала сжимать в клешнях погрузчика все время, что за ней гнался враг, и теперь танкисты принялись по цепочке передавать снаряды куда-то в глубины их громогласной колесницы (которая по какой-то причине была украшена грубо выполненным рисунком зверя с пушистым хвостом, покрытого рыжим мехом, одетого в легкий бронежилет и вооруженного лазганом, под которым было выведено «Лисички»[80]).

— Они бегут, — доложил «Эскорт-второй» через мгновение.

Юрген покачал головой:

— Нет, не бегут. Они перегруппируются и снова пойдут в атаку. Они всегда так делают.

Ну, он был среди нас лучшим экспертом по оркам и их поведению, так что я был склонен его послушать.

— Что мы можем сделать, чтобы их отвадить? — спросил я.

Мой помощник пожал плечами:

— Не давать собраться вместе. Чем меньше группа, тем они больше трусят. Но если они смогут объединиться, то снова перестанут бояться потерь. — Кажется, тут ему в голову пришла какая-то запоздалая мысль. — Сосредоточьте огонь на самых больших. Тогда маленькие сбегут.

Быстрый взгляд в ампливизор подтвердил его правоту, по крайней мере в этом, потому что фигурки более мелких гретчинов уже разбегались с места бойни с такой скоростью, с которой их только несли уродливые нижние конечности. Они, кажется, направлялись прямиком к оставшемуся позади складу, надеясь найти убежище за его камнебетонными стенами.

И это, как я мрачно подумал, им тоже должно было вскорости выйти боком.

Вокруг той информации, которой поделился со мной Юрген, стала формироваться идея.

— Осколочными — огонь! — приказал я. — Держите выживших разрозненными.

Если кто-то и удивился той игре, которую я затеял, то они не потрудились возразить. Через мгновение у меня в ушах зазвенело, когда в них ударил гром выстрела «Леман Русса», и еще один орочий грузовик взорвался, превратившись в груду металлолома.

— У нас таких не водится, — лаконично сообщила мне Сотин. — Если вы не против, мы продолжим в том же духе.

— Ни в коем случае не возражаю, — заверил я.

Основное же движение моего наскоро сляпанного плана, кажется, набирало обороты: пока группки орков все сокращались, их бойцовский дух, по всей видимости, тоже сходил, как и предсказал Юрген, на нет, так что они поворачивались к нам спиной и бежали в

одиночку или парами, иногда даже кучками до полудюжины особей. Я, насколько позволяли сложившиеся обстоятельства, направлял огонь наших солдат, разделяя зеленокожих пулеметными очередями или внезапным минометным шквалом, пока, к своему огромному облегчению, не осознал, что их отступление перерастает в повальное бегство. Одна за другой уцелевшие машины разворачивались и устремлялись к иллюзорной безопасности склада, а крохотные кучки пеших орков, как могли, следовали за ними. Ликующие крики раздались по всей длине гребня, когда наша импровизированная армия почувствовала вкус первой победы; выстрелы постепенно прекратились, когда даже самые полные энтузиазма ополченцы сообразили, что выжившие зеленокожие бежали далеко за пределы досягаемости их орудий. Я следил за врагом в ампливизор, пока последняя хромающая фигурка не исчезла за воротами склада.

— Тайбер, — передал я по воксу, — подрывайте по готовности.

— Давно готов, — откликнулся сержант, очевидно намеренный ни на йоту не уступить мне в наигранном спокойствии.

На секунду все стихло и ничего не двигалось, так что я было уж начал размышлять, не были ли наши тщательные приготовления раскрыты и обезврежены и не придется ли просить Сотин попытаться забросить на территорию склада пару снарядов в надежде, что это сработает, когда земля под моими ногами вздрогнула.

— Золотой Трон! — вымолвила Демара с благоговейным страхом и восхищением, и она была не единственной.

Все строения склада исчезли в режущей глаза вспышке, через один удар сердца сменившейся плотным столбом песка, обломков и дыма, поднявшимся в прозрачном пустынном воздухе, подобно зловонному выдоху из самых кишок ада.

— Ну что же, с орками покончено, — резюмировал я, убирая оружие с соответствующей моменту театральностью. — По крайней мере на

сегодня.

— Ну и ладно, — пожала плечами Демара, очевидно предвкушая возможность повторить свое сегодняшнее выступление. — Там, откуда они прибыли, их еще полно.

— Вы абсолютно правы, мисс, — согласился Юрген, рассудительно кивнув.

Примечание редактора

Далее в рассказе Каина о своих похождениях следует одно из многочисленных упущений, свойственных для его архива. Обычно подобные лакуны встречаются там, где, как он посчитал, не произошло ничего особенно интересного и он может снова начать свой рассказ с событий, которые произошли часами, днями или, как в данном случае, неделями позже предыдущего инцидента, описанного им. В данном случае он хотя бы во вступлении немного обрисовывает происходившее в этот опущенный промежуток времени, но, так как делает Каин это крайне кратко и в своей обычной небрежной манере, я решила, что здесь назрела необходимость дополнить его рассказ более широким обзором тех событий.

Читатели, которые пожелают подробнее узнать об этой части путешествия Каина, могут обратиться к ранее упомянутой книге мемуаров

сержанта Тайбера, который в утомительных подробностях описывает каждую мелкую стычку, сопровождая все это невероятным количеством нюансов выживания в условиях пустыни, особенно касаемо необходимых мероприятий по очистке мочи для питья.

Из книги «Зеленая кожа, черные сердца: Вторжение орков на Перлию» за авторством Гисмиони Каллиса, 927.М41:

«Разрушение базового склада было достаточным событием, чтобы подтвердить впечатление, начавшее формироваться среди высшего командования на Перлии, о том, что нечто неожиданно важное происходит в самом сердце удерживаемых орками территорий, хотя на тот момент они не имели представления, кто мог быть ответствен за это. Если они и знали о существовании такого человека, как Каин, то лишь из печальной сноски к списку потерь в Битве при Гало, где он упоминался в качестве единственного выжившего, почти сумевшего оказаться в

безопасности, прежде чем быть убитым случайным орочьим мародером.[81]

В любом случае взрыв был настолько силен, что привлек к себе внимание орбитальной сенсорной сети, и с ее помощью командование смогло отслеживать движение того, что войдет в историю под именем легендарного Марша Освободителя.

Мы можем лишь воображать себе изумление генералов при появлении, казалось бы, из ниоткуда первой значительной по размерам военной силы на восточном континенте с тех пор, как зеленокожие полностью покорили его территорию. Конечно же, изначально они заключили, что автоколонна Каина принадлежит оркам, которые начали очередной раунд внутренней грызни, характерной для этой расы, а имперские машины в ее составе посчитали захваченными врагом, хотя все обстояло как раз наоборот.

Это мнение, впрочем, не продержалось и недели. Анализ

последующих боевых столкновений колонны показал, что тактическая сложность, проявленная в них, неслыханна для орков, и доказал, что отдельные боевые единицы в нем действуют в соответствии со стандартными имперскими полевыми военными доктринами. Начиная с этого момента, когда лоскутное войско продвигалось от одной победы к другой, а его численность прирастала с каждым освобожденным гражданским и каждым привлеченным маленьким отрядом, оставшимся от регулярных сил, было уже невозможно отрицать, что контроль над оккупированной территорией неумолимо уплывает из рук захватчика».

Глава двадцатая

Несмотря на выказанный Юргеном после нашей первой победы пессимизм, мы достаточно быстро двигались вперед в течение следующей пары недель. Мы продолжали путь отрезками от одного базового склада до другого, и на каждой подобной остановке в наши силы вливался еще один тоненький ручеек затерянных на вражеской территории отрядов, отвечавших на наши призывы по воксу, да и наши разведчики то и дело натыкались на отдельных солдат или беженцев. Впрочем, пока мы не выбрались из пустыни, говорить о том, что наши дела пошли много лучше, не приходилось. Но постепенно жара и желтизна песков сменились прохладой и зеленью, а мимо вместо монотонных барханов поползли столь же нескончаемые заброшенные поля.

Это, конечно же, вызвало и новые проблемы. Теперь мы вступили на территорию, охваченную чем-то, хоть отдаленно напоминающим дорожную сеть,

и тягкая культивированная земля за ее пределами оказалась гораздо менее приспособленной для того, чтобы наше шаткое сборище машин прорывалось напрямик, чем открытая, ровная пустыня. Это не говоря уже о стенах и изгородях, а также прочих препятствиях, которые затрудняли бы наше продвижение, если бы мы попытались преодолеть их. К счастью, Колфакс еще раз доказал, что способен справляться со своей задачей, и отыскал официальный планшет с картой дорог в региональном офисе его бывших работодателей, расположенном в разбомбленном городке, через который мы прошли утром, покидая пустыню (конечно же, добавив к нашему обозу кучку гражданских, но в целом я посчитал это ничтожной платой за столь ценную информацию[82]).

С подобным инструментом в руках мы смогли спокойно разделить наши силы между параллельными дорогами, координируя все по воксу. Это позволило нам продвигаться через пахотные земли с

достаточной скоростью, избежав многих бутылочных горлышек на пути, развертываясь фронтом, широким ровно настолько, чтобы мы всегда без проблем могли прийти на помощь отдельным частям нашей армии, столкнувшимся с большим количеством зеленокожих, чем то, с которым они могли без хлопот справиться и сами.

— Пока что все идет отлично, — обронил я на одном из командных сборов, удобно устроившись на кухоньке расположенного в предгорьях одинокого фермерского домика, умудрившегося, в отличие от многих других, даже сохранить свою крышу.

Мы поднялись уже на приличную высоту, чтобы воздух стал заметно прохладнее, к нескрываемому удовольствию Юргена, хотя остальные присутствующие, кажется, все-таки разделяли мое сдержанное отношение к данному факту, стараясь держаться поближе к огню, разведенному моим помощником за каминной решеткой.

Колфакс кивнул, изучая карту на

своем планшете.

— Далеко забрались, и все благодаря вам, — сообщил он тоном человека, признающего что-то, чему он никогда не ожидал стать свидетелем. — Но теперь все станет по-настоящему сложно.

Остальные члены нашей маленькой командной группы склонились над полированной столешницей, исчерченной зарубками за долгие годы, наверное даже целые поколения использования, отодвинув кучу грязной посуды, которую Юрген только начинал прибирать.

Конечно же, здесь были Пирс и Тайбер, де-факто возглавлявшие наш военный контингент. За время путешествия мы пополнили свои ряды еще несколькими офицерами и унтер-офицерами, не ниже их по званию, но эти двое были со мной дольше, чем кто-либо иной, и заслужили соответствующее доверие (или, что более верно, меньшее недоверие с моей стороны, доверие же из всего нашего воинства я мог испытывать, вероятно, лишь к Юргену). Мы выросли в численности до размеров

роты,[83] хотя авторы «Тактики Империалис» едва ли признали бы наш лоскутный отряд таковой, так что я повысил обоих офицеров в звании прямо на поле боя, чтобы цепочка нашего командования оставалась относительно понятной. Пирс теперь был в чине капитана, по крайней мере для наших целей,[84] а Тайбер назначен его СРС.[85]

Я также пригласил на текущую встречу Норберта, который продолжал руководить хозяйственно-логистической частью, все усложнявшейся в соответствии с неуклонным ростом численности нашей милой маленькой банды, и делал это с поражавшей меня легкостью, а также Фелицию, которая была нашим техническим экспертом и просто наиболее миловидной частью сборища.

— Вы имеете в виду переход через горы? — уточнил я.

Колфакс кивнул:

— Именно. — Он показал на дисплей, увеличив тот сектор, в котором мы в

данный момент находились. — Сейчас мы растянуты в двухкилометровый фронт, продвигающийся по дорогам здесь и здесь.

Мы располагались примерно в центре построения и поблизости от той дороги, где бронетанковая[86] часть наших сил служила острием наступления с моторизированной пехотой на флангах, дальше которой рассредоточились разведчики, готовые заранее обнаружить любые неприятные сюрпризы.

Ополченцы и просто гражданские также шли в центре, защищенные настолько, насколько это было для нас возможно, и добавляя еще один слой расходного пушечного мяса между мною и зеленокожими на тот случай, если нам встретится группа орков, достаточно большая, чтобы представлять непосредственную угрозу.

— Проблема в том, что мы уже почти в самых горах и чем дальше продвигаемся, тем меньше у нас остается возможностей свернуть. — Колфакс указал на дорожную сеть, которая уже начала

сужаться по направлению к единственному бутылочному горлышку, ведущему сквозь горную гряду. — Мы подойдем к перевалу меньше чем через неделю, и, когда окажемся там, обратного пути у нас не будет.

— И зеленокожие прекрасно это знают, — закончил за него мысль Тайбер, как будто мне нужна была чья-то помощь, чтобы разглядеть ослепляюще явное.

Мы достаточно насолили оркам по ходу нашего движения вперед и теперь могли быть вполне уверены, что они не упустят возможности прихлопнуть нас раз и навсегда, и, как бы плохо они ни соображали, даже для них должно было стать совершенно очевидным, куда мы стремимся.

Ладони мои снова зудели от неприятного ожидания засады, которая — я был в этом уверен — должна была поджидать нас, попытайся мы вступить в лежащее впереди узкое ущелье.

— Это, должно быть, объясняет те доклады, что поступают от эскорта, — добавил Пирс.

Я уважительно кивнул. Разведчики отметили значительные скопления орков, следовавших по нашим следам в течение последних нескольких дней, но державшихся поодаль с терпеливостью, которая шла совершенно вразрез со всем, что я начал было понимать касательно натуры этих существ. Вне сомнения, они ожидали, пока мы начнем преодоление перевала и столкнемся со ждущей там засадой, для того чтобы обрушиться на нас со спины.

— Вы абсолютно уверены, что через горы нет другого пути? — спросил я Колфакса, уже зная, каким будет ответ. — Никаких обходных путей вроде того, в пустыне?

Колфакс покачал головой:

— Ничего такого, где могли бы пройти машины. — Он постучал пальцем по экрану планшета, почти над перевалом. — Только здесь. Конечно, если мы не хотим огибать всю гряду. Если направиться на север и пройти почти восемьсот клоков в том направлении, то мы сможем обогнуть нагорья, держась холмов.

Самого тона, которым это было произнесено, было достаточно, чтобы сообщить мне, что он думает о подобной затее, и мне оставалось лишь понимающе кивнуть. Всю дорогу мы будем подвергаться атакам орков, и даже если каким-то чудом сумеем обогнуть горы, сохранив большую часть наших сил, то перед нами будет еще приличное расстояние, на которое придется продвинуться к югу, прежде чем мы достигнем перешейка. Все это время мы будем заперты на узкой береговой полосе, где орки смогут собрать силы против нас еще проще, чем здесь, на перевале.

— Похоже, нам некоторым образом фраг, — произнес я. Затем обернулся к Пирсу, стараясь не показать дурных предчувствий, все нарастающих где-то у меня в кишках. — Нам придется рискнуть и преодолеть перевал. Если мы сможем пробиться прежде, чем преследователи подберутся достаточно близко, чтобы навязать нам бой, то, возможно, сумеем уйти.

— Это очень натянутое

предположение, — произнес юный капитан.

Я со всем согласием кивнул:

— Даже если так, полагаю, это лучшая из имеющихся у нас возможностей.

Самое ужасное заключалось в том, что это была совершеннейшая правда, и все это знали. Небольшой шанс все-таки лучше, чем никакого, и выбор между этими двумя вариантами мне в последующие годы приходилось делать неисчислимое количество раз и, как правило, в обстоятельствах гораздо более суровых (как, например, мой отчаянный прыжок через варп-портал некронов на Интеритус Прайм или тот момент, когда оказалось, что я бегу на демона Кхорна с ржавым штыком и бутылкой святой воды; оба этих происшествия, надо признаться, все еще часто оказываются сюжетом моих снов даже спустя столько лет). Тогда же я лишь мрачно усмехнулся, стараясь вдохнуть отвагу в остальных совершенно обманным проявлением решимости.

— По воздуху мы не пролетим, под землей не пройдем, так что придется...

— Возможно, и пройдем, — задумчиво произнесла Фелиция, разглядывая карту на планшете с видом, который я могу описать лишь как выражающий крайнее любопытство.

Она указала на озеро, заполняющее горную долину недалеко от основной дороги на перевал. На берегу было обозначено какое-то крупное здание, помеченное значком Адептус Механикус. Я глянул на Фелицию, стараясь не поддаваться наплыву внезапной надежды, которую ощутил при ее словах. Несмотря на ее импульсивную натуру и непреходящий оптимизм, я научился за последние несколько недель вполне доверять ее суждениям.

— Что вы имеете в виду? — спросил я. Вместо ответа она увеличила карту до максимального разрешения. Я изучил проявившуюся топографию клочка местности вокруг озера, ощущая некоторое непонимание. — По мне, выглядит как тупик.

Озеро располагалось в высоком конце длинной узкой долины, перекрытой дамбой,

создававшей этот обширный искусственный резервуар. По краю долины вилась узкая дорога, следующая изгибам русла, на дне которого теперь струился слабенький ручеек, несомненно питаемый шлюзами; берега же отстояли довольно далеко друг от друга, делая очевидным, что ранее там текли гораздо большие массы воды. Приближаясь к дамбе, дорога сворачивала от пустынного русла и поднималась по стене долины серией резких поворотов, чтобы петлей обвиться вокруг обширного сооружения и окончиться перед тем самым зданием, которое я сразу заметил на карте. Оно, казалось, было поистине огромным, почти достаточным по размерам, чтобы вместить титан,[87] и я совершенно не представлял себе, каково могло быть его предназначение.

Норберт нахмурился, потому как его врожденное административное чувство, очевидно, отметило некоторую неправильность в том, что он видел, и указал на частично пересохшее русло.

— Куда уходит остальная вода? —

спросил он.

Теперь, когда он обратил на это общее внимание, стало очевидно, что верхняя часть реки, располагавшаяся над озером, приносит в него гораздо больше влаги, чем спускается сквозь шлюзы у подножия дамбы.

Фелиция улыбнулась:

— Она уходит под горы.

Затем девушка снова уменьшила масштаб карты и указала еще на один храм Механикус у нижних склонов хребта, на другой стороне гор по отношению к нам и первому строению. Я затаил дыхание. Он располагался едва ли не на той самой прибрежной равнине, куда мы хотели выйти, в сотне клотов от перешейка. Если мы бы смогли как-то достичь его без того, чтобы преодолевать перевал, то вышли бы оркам во фланг и застали бы основную часть их войска, которая, несомненно, все еще собиралась на соединяющем континенты естественном мосту суши, совершенно врасплох. В первый раз за все прошедшее время мне стало казаться, что у нас есть реальный шанс невредимыми

пересечь горы и перешеек.

— Здесь находится генераторная станция, питаемая водой из резервуара, а соединяет их акведук.

— Все это очень хорошо, — сказал я, ощущая легкое головокружение. — Но у нас уйдет несколько дней, чтобы все могли добраться так далеко пешком. А если зеленокожие найдут вход в туннель раньше...

Фелиция рассмеялась, несомненно разгадав, что в моем сознании сформировалась картина, чем-то похожая на тот бетонный канал, которым мы с Юргеном преодолели большую часть Колодцев Благоденствия.

— Что за глупости, мы возьмем машины с собой. Акведук питает целый храм с турбинами, а не пару кранов на кухнях. Он почти десять метров в поперечнике.

— А он не полон воды? — спросил Юрген, вычленяя самый очевидный недостаток подобного плана.

Фелиция кивнула:

— Конечно же полон. В этом вся и

суть его работы. Но мы можем его осушить. — Она снова указала на дамбу. — Когда мы откроем шлюзы, уровень воды в резервуаре быстро упадет. Через пару часов обнажатся входные решетки акведука. Открыть их не будет большой проблемой. — Она пожала плечами. — Они для того и предназначены, чтобы команды ремонтников могли проникать внутрь для текущего обслуживания.

— Звучит хорошо, — согласился я, начиная ощущать осторожный оптимизм в первый раз с начала нашей импровизированной конференции. — Как ты спустишь туда машины?

— Так же, как это делают ремонтные команды, — объяснила Фелиция с ноткой раздражения в голосе. — Вы что, полагаете, что они пешком преодолевают все это расстояние?

Это была разумная мысль, и я кивнул, соглашаясь.

— Думается мне, у нас появился план, — произнес я.

На следующее утро план этот

выглядел все так же привлекательно, несмотря на то что моя паранойя заставила меня всю ночь беспокойно размышлять о нем в поисках потенциально смертельных ошибок. Я сумел найти лишь одну и чуть свет поделился ею с Фелицией.

— Долина закрыта с одного конца, — заметил я. — Если орки найдут нас раньше, чем мы будем готовы отправляться, мы окажемся в окружении.

— Верно.

Технопровидица задумчиво жевала свой утренний тост и уже выуживала еще один из моей тарелки своим механодендритом. После нескольких месяцев, проведенных на приличном питании, она приятно округлилась во всех нужных местах, но все еще не избавилась от привычки при малейшей возможности есть все, что не прибито.

— Но нам придется сдерживать их лишь короткое время. Да и преимущество местности будет за нами.

Как и все остальные в этом конвое, она обрела достаточно прочный опыт в

практических вопросах боевых действий пехоты. Я кивнул, соглашаясь, и пояснил:

— Это не совсем то, что меня волнует. Представьте, что они последуют за нами или затопят туннель, пока мы будем еще в нем.

Фелиция ответно склонила голову и приняла новую чашку со свежим рекафом от внимательного Юргена, нависающего неподалеку, который, в свою очередь, не сумел подавить нервную дрожь при мысли о таком количестве воды.

— Взорвем за собой туннель, — сказала технопровидица. — К тому времени, как они прокопаются через обломки, мы уже давно будем на месте. А если разрушим затворы шлюзов до того, как войти в туннель, они не смогут снова поднять уровень воды и смыть нас.

— Ну, звучит обнадеживающе, — сказал я. У нас с собой было достаточно взрывчатки, чтобы справиться с подобной работой так чисто, как мы только пожелаем, так что я не видел проблемы в подобном решении. Теперь, когда последнее мое возражение исчезло, я едва ли не

предвкушал это предприятие. — Жалко, что мы не можем остаться и поглядеть, какие у них будут физиономии, когда они поймут, что добыча сбежала.

Мы продолжили наше путешествие, ощущая себя некоторым образом в приподнятом настроении. Да, нам приходилось снова собирать наши широко развернувшиеся силы в единую массу, но эту заботу я легко мог оставить Пирсу и Тайберу. Уверенный, что ближайший вражеский патруль находится в паре километров отсюда, я без опасений высунулся из верхнего люка «Химеры», по мере сил наслаждаясь чистым утренним воздухом. План Фелиции, возможно, и поможет нам обойти бутылочное горлышко, но, пока мы будем проходить оставшийся отрезок горной местности, станем гораздо уязвимее для вражеских засад, и мне уже не захочется находиться где-либо, кроме как под уютным прикрытием прочной бронеплиты.

В действительности же наше дальнейшее продвижение происходило практически без сучка без задоринки, если

не считать нескольких столкновений между отрядами фуражиров и отдельными группами зеленокожих, которые заканчивались весьма быстро и удовлетворительно для нас, особенно в том случае, если на сцене появлялась Сотин; еще до исхода недели я обнаружил, что мы уже катимся по узкой долине, ведущей к дамбе.

Горная местность здесь была еще более суровой, чем можно было заключить по топографическому изображению, которое мы изучали, но, оказалось, не лишена определенного величия. Высокие пики нависали повсюду над нами, увенчанные ледяными полями, на которые Юрген поглядывал с неизбывной жаждой, хотя наш поход и должен был его в этом разочаровать; место нашего назначения лежало гораздо ниже линии снегов, а противоположный конец акведука и подавно спускался на пару тысяч метров, почти до уровня моря. В стороне от дороги, по которой мы следовали, ниточка воды бежала, журча и волнуясь, в слишком большом для нее канале, а обе стены

долины покрывал густой кустарник, окрашивавший их в разнообразные оттенки коричневого, зеленого и неожиданного желтого или фиолетового цветов.

Сама дамба возвышалась над всей долиной, представляя собой обширную стену ровного серого камнебетона, тянущуюся впереди подобно внешним городским укреплениям, и я старался не задумываться о чистом объеме воды, который она удерживала собой. Умом я, конечно, понимал, что дамба стояла неколебимо десятки лет, но не мог не представлять себе картин того, что произойдет, если она внезапно уступит напору. Содрогнувшись, я обернулся в башне нашей машины и помахал Фелиции, которая легко трусила за нами в своем модифицированном «Часовом».

— Откуда вы, кстати, столько знаете об этом месте? — не удержался я от вопроса.

Она ответила голосом, в котором сквозила особенная теплота, слышимая даже через вокс-связь:

— Это одно из величайших чудес

нашей планеты. Любой техножрец знает о нем. Мы изучаем системы дамбы в семинарии.

— Как удачно для нас, — суховато заметил я.

Фелиция только рассмеялась:

— Это поистине обворожительное сооружение, даже если не принимать во внимание местные суеверия, касающиеся этого места.

— О чем вы? — поинтересовался я. — Уверен, это место соответствующим образом благословлено во имя Императора.

Я, конечно, никогда не был самым благочестивым человеком и первым готов признать это за собой, но даже в те дни я уже навидался достаточно всяческих недобрых сил в этой галактике и дважды подумал бы, прежде чем искушать судьбу встречей с ними, а пересечение границ каких-либо нечистых земель именно таким искушением, в моем понимании, и было. (Разумеется, это ничто по сравнению с тем, что мне пришлось повидать в будущие годы внутри цитадели эльдаров-убийц, на мире-

гробнице некронов или в городе, осквернённом прикосновением Хаоса, — воплощениях богохульной мерзости, какие и не представить неопершемуся юнцу, каковым я тогда являлся. Но, впрочем, я отклонился от темы.)

— Во имя Омниссии, — поправила Фелиция, откровенно забавляясь. — Но конечно же да. Впрочем, истории, которые рассказывают местные, уходят своими корнями в прошлое задолго до того, как здесь появилась дамба.

— Правда?

Несмотря на очевидную рукотворность этого сооружения, было сложно поверить, что такие времена когда-либо были. Неким образом гигантское сооружение выглядело так, будто находилось здесь от начала времен.

Фелиция кивнула:

— На тысячи лет назад. Когда, вы полагаете, это место получило свое название?

— Да что это за название? — спросил я, стараясь побороть растущее дурное предчувствие.

Голос Фелиции приобрел знакомый оттенок озорства.

— Долина Демонов, — радостно заявила она.

Глава двадцать первая

Несмотря на множество вопросов, требовавших моего внимания, я не мог избавиться от того дурного предчувствия, которое разбудили во мне походя брошенные слова Фелиции, но времени расспросить ее подробнее не оказалось, поскольку наш конвой наконец-то достиг огромной цитадели, возвышающейся над самой дамбой, и начал развертывать лагерь на площади перед зданием. Достаточно большая, чтобы сойти за парадный плац, она была покрыта плитками размером с ноготь моего большого пальца, которые образовывали обширные картины, священные для культа Бога-Машины. Я ожидал, что столь тонкие мозаики будут стерты гусеницами нашего транспорта в порошок, но, к моему удивлению, они не оставили на покрытии даже царапин.

— Установите тяжелую артиллерию так, чтобы прикрывать дорогу, — приказал я Сотин, которую поставил

командующей нашими бронетанковыми силами.

— Уже занимается. — Она жестом указала на свою «Лисичку», чья башня и лазерные пушки были устремлены на долину вдоль узкой ленты камнебетона, которая карабкалась по склону, и на застывшие с флангов другие два «Леман Русса». — А «Василиск» установлен так, чтобы забросать устье долины тяжелыми снарядами, если только зеленокожие попытаются пройти его в последний момент, когда мы будем почти готовы отправляться.

— Хорошо задумано, — похвалил я.

Мобильная артиллерия лучше всего подходила как раз для подобной работы там, где ее превосходящая дальность огня могла использоваться наилучшим образом. Пара снарядов к «Сотрясателю» должна была весьма неплохо помешать наступлению орков по узкому месту внизу долины, как мне тогда думалось.

— Жалко, что мы не можем подорвать всю дамбу, — заметила Сотин, с сожалением разглядывая дорогу, которая

бежала поверху двухсоттметровой стены, чтобы окончиться там, где мы стояли сейчас. — Это бы гарантированно остановило любое преследование с их стороны.

— Именно так, — согласился я, но тем не менее у нас не было такой возможности; во всем нашем конвое не нашлось бы достаточно взрывчатки, чтобы проделать даже серьезную зарубку в столь огромной массе камнебетона. — Мы можем, впрочем, попробовать заминировать дорогу, идущую по ней.

— Я пошлю кого-нибудь заняться этим. — С этими словами Сотин развернулась и ушла по своим делам.

Ну что же, о нашей обороне, таким образом, было кому позаботиться. Пришло время выяснить, права ли Фелиция, полагая, что наше спасение лежит в нескольких метрах под поверхностью огромной, плоской, как зеркало, тянущейся во все стороны обширной водной преграды, или мне просто довелось завести нас всех в смертельную ловушку.

Я повернулся и прошагал сквозь

толчею солдат и ополченцев, обмениваясь с некоторыми случайной шуткой или словом, расточая поднимающие боевой дух банальности еще стольким же и поглядывая, не покажутся ли где знакомые белые одежды.

Технопровидица, как выяснилось, ждала меня у самого входа в высившийся над нами храм, украшенный чудотворными статуями, которые умудрялись вмещать в себя всю строгость линий и форм, характерную для лучших эстетических традиций Механикус. Юрген был здесь же, с неразлучным лазганом, и я должен признать, что рад был видеть его. Фелиция очень доходчиво объяснила, что часовня управления была священной территорией, на которую могли вступать лишь специально посвященные техножрецы, и что право сопровождать ее является привилегией, которой удостаивались немногие, не принадлежащие к Адептус Механикус (говоря по правде, я был бы совершенно счастлив обойтись без этого и позволить ей самой сделать все, что ей там было

нужно внутри, но она указала на то, что при этом могут потребоваться командные решения, а их я мог принимать наиболее эффективно, лишь находясь в этот момент рядом с ней).

Ее мастеровые слонялись неподалеку с выражением зависти на лицах, несомненно надеясь, что их присутствие в гордо вознесшемся храме технологических чудес тоже окажется необходимым.

— Готовы? — спросила Фелиция, посмотрев на меня, и я кивнул, размышляя, так ли это на самом деле. — Хорошо. Тогда можем отправляться.

Только в этот момент я осознал, что она нервничала гораздо сильнее, чем хотела мне показать, и это каким-то непонятным образом вернуло мне присутствие духа. Предоставив Юргену, как обычно, встать у меня за плечом и, даже не поворачивая головы, удостоверившись посредством его отличительного аромата, что мой помощник так и поступил, я повел маленький отряд к массивным бронзовым дверям, перекрывающим вход в храм. Через

секунду Фелиция присоединилась ко мне, держась примерно на шаг впереди нас, как и полагалось нашему проводнику на священную землю.

— Странно.

Ее тон выражал скорее недоумение, чем тревогу, но я тем не менее ощупал свое оружие как в ножнах, так и в кобуре. Если случится что-нибудь нехорошее, я сначала применю его, а потом уже буду спорить о теософских последствиях этих действий.

— Что странно? — спросил я, краем глаза отмечая, что Юрген последовал моему примеру и снял лазган с предохранителя.

Двери теперь высились прямо перед нами — тяжелые бронзовые плиты с вытесненными на них шестереночными символами Механикус, каждый размером в четыре человеческих роста. Одна из створок была слегка приоткрыта, как раз достаточно, чтобы мог пройти наш небольшой отряд, и Фелиция указала на нее, хмурясь в недоумении:

— Они должны быть закрыты. Лишь

посвященные техножрецы имеют возможность отворить эти двери.

— Может быть, персонал оставил все так, когда эвакуировался? — предположил Юрген.

Фелиция покачала головой:

— Да нет, ответ может быть только один. Они все еще здесь и проводят ритуалы рутинных операций. Это священное место, они не могут просто так покинуть его.

— Почему же они не вышли поприветствовать нас? — поинтересовался я, затем показал на площадь за нами, на сотни солдат и беженцев и на нашу сборную солянку машин. — Они не могли не заметить, как мы прибыли.

— Может, зеленокожие уже добрались сюда? — опять высказал догадку Юрген, осторожно оглядываясь в поисках цели для своего лазгана.

Тут уже я отрицательно покачал головой:

— Посмотри по сторонам. Все цело. Орки разнесли бы все на куски.

Вокруг не было видно разрушений,

которые доставляли такое удовольствие оркам и которые были бы результатом штурма этого места; на безукоризненной каменной резьбе не было ни единой щербины от пуль, даже от случайного выстрела из стаббера. Казалось, единственными существами, которые оставили здесь свой след, были птицы. К собственному удивлению, впрочем, я нашел отсутствие последствий орочьей грубой игры еще более зловещим, чем могло бы стать их присутствие. Как мог, я подавил растущее чувство тревоги.

— Они просто, должно быть, прячутся, — добавил я решительно. — Когда они поймут, что мы друзья, то выйдут.

— Если их не сожрали демоны, — мрачно сказал Юрген.

— Да это просто местное суеверие! — рявкнула на него Фелиция, даже слишком поспешно, и мой помощник счел за лучшее умолкнуть.

— И все же, — произнес я, вынимая лазерный пистолет, — полагаю, мы с Юргеном все-таки пойдем первыми.

Сказано это было, конечно, в расчете на то, что она станет возражать, иначе я никогда не предложил бы ничего подобного, но, к моему тщательно замаскированному удивлению, техножрица кивнула.

— Это может быть разумной предосторожностью, — согласилась она.

Ну что же, делать было нечего, ибо я не мог рисковать потерей лица, так что я взял оружие на изготовку и скользнул в проем, чувствуя, как нервы мои скрутились туже, чем жилы струн на арфе. Юрген сразу последовал за мной, выцеливая врага, и через мгновение к нам присоединилась Фелиция.

— Еще не поздно привести какой-нибудь отряд на подмогу, — предложил я, осматривая окружающую обстановку.

Никто в нас, кажется, не стрелял, но здесь было огромное число мест, где мог бы засесть снайпер, так что я на всякий случай продолжал держать свое оружие в руках.

Мы оказались в обширной комнате с высоким потолком, искусно подсвеченной скрытыми люминаторами, создающими

ощущение одновременно функциональности и медитативности. Таинственные механизмы, которые я не мог опознать, были выставлены на отдельных постаментах для наблюдения их или поклонения им, и Фелиция оглядывала все это собрание широко раскрытыми пытливыми глазами, хотя, по мне, машины выглядели просто кучей металлолома.

— Нет, — произнесла она приглушенным голосом. — Мы не можем осквернять это место своим присутствием больше, чем абсолютно необходимо.

— Ну хорошо, — согласился я. — Вы тут эксперт. — Несмотря на это, я связался по воксу с Тайбером и приказал: — Подготовьте несколько штурмовых команд. Будьте готовы прийти ко мне, как только позову, но ни секундой раньше. — Я взглянул на необычно подавленную Фелицию: — Согласны?

К моему облегчению, технопровидица кивнула:

— Да. Если нам понадобится их

помощь, значит, это место уже осквернено гораздо сильнее, чем это может сделать их присутствие.

Это прозвучало довольно прагматично, полагаю, но спокойствия не внушало.

— Ну хорошо, — сказал я, стараясь сориентироваться. — Куда?

— Контрольная часовня должна находиться там, — указала девушка на лестницу в дальнем конце холла, ступени которой двигались, поднимаясь вверх.

Мы направились туда так быстро, как только позволяли обстоятельства. — Юрген и я оставались начеку, чтобы заметить любые следы движения за витринами.

— Комиссар!

Мой помощник внезапно застыл на месте, хотя я некоторое время не мог понять, что привлекло его внимание, из-за перекрывающего обзор очередного экспоната этой выставки скобяных изделий. Обогнув эту штуковину, я тоже увидел то, что лежало на полированном мраморном полу у ног Юргена, и обернулся,

надеясь загородить Фелиции дорогу, но было поздно. Она уже стояла прямо за мной, уставившись на мертвого техножреца со смесью растерянности и ужаса.

— Ты его знала? — спросил я, и она медленно покачала головой, все еще, очевидно, стараясь осознать всю чудовищность картины: член ее Ордена, убитый посреди собственного храма.

— Я никогда здесь не была, — напомнила она мне. — Только смотрела чертежи.

— Он мертв пару недель, — услужливо подсказал Юрген. — Убит уже после вторжения, значит.

— Похоже, зеленокожие все-таки сюда добрались.

— Да, не думаю, что демоны использовали бы болтер, — согласился я. Разрывной снаряд сдетонировал внутри грудной клетки человека, мгновенно убив его, несмотря на многочисленные аугметические улучшения, по всем признакам заполнявшие его грудную полость. — Но если бы это были орки, они

перевернули бы все здесь вверх дном.

— Да, так бы и было, — согласился Юрген. — И они не стреляют так прицельно.

Я понял, что он абсолютно прав: зеленокожие вели бы огонь в автоматическом режиме, оставив в полу и деталях машин вокруг дыры от промахов.

— Вы полагаете, это могли сделать люди? — Фелиция переводила напряженный взгляд с одного из нас на другого в совершеннейшем недоумении. — Но зачем?

— Понятия не имею, — признал я. — Но в данный момент это не имеет значения. У нас тут есть дело, и множество жизней зависит от того, справимся ли мы с ним.

К ее чести, Фелиция быстро собралась с мыслями, вне сомнения привыкшая к различным непотребствам подобного рода за то время, которое она провела среди орков, а также будучи участником многих из тех битв, которые мы вели со времени ее освобождения. Так что она кивнула, лишь бледностью лица выдавая то усилие, с которым сохраняла

самообладание.

— Тогда лучше бы нам приступать, — отозвалась она. — Кто бы ни был в ответе за это, его уже давно здесь нет.

Это было, скорее всего, верно, но насколько верно и что вся эта загадка означала, мне предстояло оставаться в неведении еще более десяти лет, а когда я узнал наконец, что же произошло в том храме, это, надо сказать, совершенно меня успокоило.

— Вверх, вы говорите?

Я повел наш отряд в сторону самодвижущейся лестницы, напрягая в ожидании опасности все чувства, настропаленные находкой мертвого тела, — и хорошо, что это было именно так. Когда мы приблизились к нашей цели в конце холла, я, едва заметив краем глаза проблеск движения, сразу же рефлекторно бросился за один из кусков металла, столь нарочито расставленных по всему залу. Едва я скрылся за ним, как ни с чем не сравнимый треск крупнокалиберной автопушки эхом разнесся по окружающему нас пространству, и машина, за которой я

нашел убежище (чем бы она ни была), зазвенела от ударов, подобно церковному колоколу.

— Тайбер! — проорал я в передатчик. — Нужна поддержка, сейчас же! С тяжелым вооружением! Выдвигайтесь!

— Идем, — заверил меня ветеран-сержант, и я, насколько решился, высунул голову из укрытия, стараясь разглядеть, кто же это пытается нас убить.

Фелиция тоже залегла, и ее белая одежда выглядывала из-за постамента с куском машины в паре рядов от меня, а внезапный треск ионизирующегося воздуха позволил мне обнаружить местонахождение Юргена (за секунду-другую до того, как то же самое сделало мое обоняние). Лазерный заряд ударил в цель и безвредно расплескался по странной смеси аугметики и плоти, высокой и широченной, как огрин, и, вероятно, вдвое более умной.

— Боевой сервитор, — передал я по воксу Тайберу. Не было причины заставлять нашу огневую поддержку слепо влетать в бой. — Одна автопушка, один

цепной кулак.

Я также выстрелил в эту штуковину, больше в слепой надежде, чем разумно ожидая чего-то добиться, и она медленно повернулась в моем направлении. Стрелять, кажется, было все же глупой затеей, как запоздало подумалось мне, — стоило позволить Юргену принять огонь на себя. Ну что ж, поздно метаться.

— Он сильно поврежден, — добавил я, получше присмотревшись к устройству.

Казалось, кто-то буквально поливал его из тяжелого болтера — впрочем, с нынешней моей точки зрения, явно недостаточно усердно, — но все же панцирь сервитора был покрыт дырами и шрамами от разрывных снарядов. Орудие ближнего боя было, кажется, совершенно выведено из строя, что не могло не радовать, однако он все еще мог произвести немалые разрушения просто закованной в броню рукой, а человека бы просто размазал в кашу.

— Уничтожить вторгшихся, — проскрежетала штуковина с помощью какого-то встроенного вокс-синтезатора,

одержимо повторяя последний приказ, отданный ему, в раздражающей манере, характерной для всех подобных механизмов. — Защитить святилище.

Говорящий механизм дал новый залп из автопушки куда-то в моем направлении и сделал тяжелый шаг вперед.

На мгновение мне показалось, что он вот-вот бросится в атаку, но Юрген потратил на него еще один заряд, и тот затер с выражением недоумения, если так можно сказать о безмозглом автомате. Затем его голова развернулась к моему помощнику, снова повторив: «Уничтожить вторгшихся. Защитить святилище».

— Продолжаем его занимать! — окликнул я Юргена, как раз когда механизм выстрелил в направлении новой цели и неуверенно шагнул к нему.

Шансы были, как я подумал, невелики, но, как и всегда, это было лучше, чем ничего; ко времени подхода штурмовой команды мы могли уже быть мертвы, так что не было толку дожидаться, пока они придут и спасут наши шеи. Включив цепной меч, я ринулся что было силы к

врагу, прежде чем мог подумать о том, что делаю, и переменить решение.

Я почти добрался, когда тварь почувствовала мое приближение и развернулась, чтобы встретить наиболее близкую угрозу. Мой гудящий клинок отскочил от кабелей питания, скрывающихся у него в спине (которые, как мне подсказала бы даже секунда рационального мышления, и должны были быть бронированы), вызвав лишь ливень искр. Механизм размахнулся цепным кулаком, который, слава Императору, не функционировал, и я поднырнул под удар лишь в самый последний момент, ощутив с внезапным холодком, как изощренно зазубренная цепь скользнула по черепу.

Я ударил в ответ снизу вверх цепным мечом, найдя, больше благодаря везению, чем расчету, телесную часть корпуса, за что был вознагражден потоком дурнопахнущего заменителя крови, который обрушился за воротник моей рубахи. Тварь снова махнула в мою сторону, но движение ее теперь стало более скованным. По крайней мере эту руку

я вывел из строя.

— Назад, комиссар! Вы на линии огня!

Женский голос показался мне смутно знакомым, но об этом размышлять времени не было, поскольку я дрался не на жизнь, а на смерть с машиной, которая была создана для того, чтобы жизни забирать, и пытаться сбежать сейчас было лучшим способом позволить ей взять и мою. Юрген сделал еще один аккуратный выстрел точно в спину твари, и та пошатнулась, чем я не преминул воспользоваться, крутанувшись вокруг корпуса сервитора и снова рубанув по тем же самым кабелям. Впрочем, надо признать, этот прием имел ровно такой же успех, что и раньше.

— Уничтожить вторгшихся. Защитить святилище.

Тварь снова поворачивалась вслед за моим движением, и, как раз когда сервитор начал наводить автопушку, я наконец нырнул в укрытие, но, уже проделывая это, знал, что не успею и что этот механизм никаким образом не промажет на таком расстоянии... а

затем, уже перекатываясь за очередную колонну с металлоломом на ней, услышал приглушенный, смехотворно тихий щелчок и вознес благодарность всем известным мне святым, которых только мог припомнить. У монстра кончились патроны. Тот бой, в котором сервитор побывал ранее, должно быть, почти совершенно опустошил его боезапас. Через мгновение я подумал было, что ошибся, поскольку определенно услышал, как снова заработала крупнокалиберная автопушка, но в этот раз вокруг меня не раздалось визга рикошетящих пуль, так что я рискнул высунуть голову и взглянуть, что же происходит.

Сервитор качался, принимая на себя в упор целый град свинца, которыми его поливали Демара с Тэмвортом — с уверенностью ветеранов, каковыми они и стали за прошедшее время. Остальная часть отряда Гренбоу была здесь же, поддерживая их усилия огнем лазганов, и бывший оператор вокса не преминул оторвать одну руку от оружия, чтобы приветственно помахать мне. Уже

прилично поврежденная, опасная машина не могла долго выдерживать подобного обращения. Внезапно колени сервитора подломились, и он тяжело упал, подергиваясь в агонии, будто человек.

— Прекратить огонь! — крикнула Фелиция, осторожно выбираясь из своего металлического укрытия, и после моего кивка ополченцы послушались.

Сервитор продолжал слабо шевелиться, пытаясь встать, и наша техножрица сделала к нему несколько опасливых шагов. Голова твари повернулась, очевидно воспринимая ее присутствие, и девушка выставила вперед свой талисман в виде шестерни так, чтобы механизм мог рассмотреть его (или зарегистрировать его присутствие тем методом, которым обычно пользовался).

— Уничтожить вторгшихся, — снова заскрежетал он, на этот раз, кажется, несколько медленнее и как будто стущенно. — Защитить...

— Отмена инструкций, — раздельно и четко произнесла Фелиция, в то время как

механодендрит покачивался за ее спиной, подобно хвосту обеспокоенной кошки. — Отключение энергии.

Она замолчала, очевидно готовая сейчас же броситься в ближайшее укрытие, если тварь не распознает ее как человека, которому разрешено находиться здесь, но та не сделала и движения, чтобы атаковать техножрицу.

Пауза растянулась невыносимо.

— Отключаю энергию, — наконец эхом откликнулся механизм. — Вхожу в режим ожидания. Возможно, понадобится ремонт.

Он перестал двигаться.

— Что подобная штуковина делает на гидростанции? — спросила Демара.

— Хороший вопрос, — поддержал я, подбирая фуражку и водружая ее на голову со всем спокойствием, которое только мог изобразить, учитывая, что одежда моя была вся пропитана кровезаменителем и воняла хуже, чем Юрген. Затем обернулся к Фелиции. — Есть предположения?

— Ни малейших, — ответила та, пребывая в таком же недоумении, как я сам.

— Ну ладно, обсуждать это некогда, — произнес я. — Надо открыть шлюзы. — Затем обернулся к Гренбоу. — Вы со своими людьми сопровождайте техножрицу — на случай, если тут бегают еще подобные штуковины.

Нечего и говорить, что самому мне вовсе не улыбалось долее оставаться в этом месте. Снова обратившись к воксу, я связался с Пирсом:

— Еще три отряда сюда. Обыщите все здание сверху донизу. Если обнаружатся еще неприятные сюрпризы, я хочу, чтобы мне о них сразу же доложили.

Я ожидал, что Фелиция будет возражать, но она кивнула, лишь плотно сжав губы.

— Нужно приниматься за работу, — сказала она, поворачиваясь к лестнице.

— Уже прочесываем, — заверил меня знакомый голос Тайбера. — Мы на нижнем уровне.

— Каком еще нижнем уровне? — резко обернулась Фелиция. — Судя по чертежам, этот и есть нижний.

— Ну а мы нашли еще один, — заверил

ее брат. — За той самодвижущейся лестницей.

Мы поспешили туда, куда он указал, что, впрочем, для Фелиции было все равно почти по пути к часовне управления шлюзами, и действительно нашли в стене за лестницей большую дыру.

— Что могло проделать такое? — спросила Фелиция.

Края отверстия были зазубрены, а камнебетон опален и оплавлен каким-то ужасным жаром.

Я пожал плечами:

— Плазмаган, возможно, или мелта. — На тот момент мне еще не приходилось видеть ни одно из этих орудий на поле боя, но я был достаточно знаком с их действием благодаря демонстрационным занятиям в Схоле, чтобы сделать резонное предположение. — Кто бы это ни был, он хотел войти и отрицательного ответа не признавал.

— Войти куда, зачем? — поинтересовался Юрген.

За стеной располагалась лестничная клетка, вероятно скрывавшаяся за

потайной панелью в стене до тех пор, пока кто-то или что-то не решило избавиться от такой помехи.

— Здесь, внизу, много помещений, — доложил Тайбер. — Они полны всякой техники. — Он помедлил. — И трупов. В основном — при жизни хорошо вооруженных.

— Нам лучше бы взглянуть самим, — решил я.

Мне не хотелось и пытаться разобраться с проблемами, которые предвещал весь это бедлам, без того чтобы как можно лучше понимать, что же все-таки происходит; да и в любом случае именно таких слов ожидали от меня все окружающие.

Я взглянул на Фелицию:

— Простите, что спрашиваю, но, возможно, вы смогли бы заметить там что-то, что не обнаружим мы?

— Согласна, — кивнула она. — Шлюзам придется пару минут подождать. Будем надеяться, что зеленокожие тоже не будут спешить.

— Они пока что даже не сунулись сюда, — сказал я.

Техножрица мило кивнула.

— Но это было до того, как вы привели сюда армию, — заметила она.

Загадочный нижний уровень оказался именно таким, как его описывал Тайбер. Он встретил нас троих у подножия лестницы (Гренбоу и остальные охраняли наш тыл), имея на лице выражение крайнего беспокойства. Остальные солдаты отряда Браво были здесь же, с ним, оглядываясь с выражением беспокойства и трепета.

— Это центральная точка этажа, — пояснил сержант, указывая на коридоры, разветвлявшиеся в трех направлениях (четвертое, конечно же, просто вело бы прямо в водный резервуар станции).

На входе в каждый из них лежали тела, разорванные на куски болтерным огнем, хотя, чтобы точно определить их принадлежность, оставалось достаточно примет. Кроваво-красная форма, большое количество аугметики и хеллганы, которыми они были вооружены, вполне подтверждали мои догадки.

— Скитарии, — констатировал я. Тайбер поглядел непонимающе. — Пехота Адептус Механикус. Они составляют гарнизоны миров-кузниц, служат поддержкой легионат титанов, и все такое прочее. Другой вопрос, что они делали здесь?

Я взглянул на Фелицию, которая, впрочем, выглядела не более понимающей что-либо в увиденном, чем ее брат.

— Что-то защищали, я так понимаю. — Она огляделась. — А техножрецы?..

— Да, — кивнул Тайбер. — Все мертвы, в основном в том крыле.

Он показал на коридор по левую руку. Комнаты, открывавшиеся из него, были обширны, хорошо освещены и заполнены загадочными устройствами, которые, кроме тех, в которых было полно дыр от болтерных зарядов, казалось, все еще функционировали. В большинстве комнат тоже были тела техножрецов, в состоянии примерно такой же целости, как их погибшие охранники.

— Есть предположения, чем они

могли тут заниматься? — спросил я Фелицию, когда мы осторожно вступили в одну из комнат, содержавшую такую же коллекцию технологических таинств, как и остальные, а также парочку мертвых служителей Омниссии.

Девушка оглядела окружающее нас оборудование, единственной знакомой мне частью которого были гололитические дисплеи и пара пикт-экранов.

— Похоже, изучением чего-то, — сказала она. — Большинство приборов здесь являются аналитическими инструментами того или иного рода. Впрочем, что они исследовали, я не могу сказать.

Она прошла к контрольной кафедре и активировала находившийся неподалеку от нее гололит. Дисплей ожил, показав пиктограммы, мне ничего не говорившие, но заставившие техножрицу нахмуриться, будто от испуга.

— Все их базы данных полностью очищены.

— Очень полезно для нас, — сухо сказал я.

Техножрица лишь посмотрела на меня долгим взглядом, с самым серьезным выражением на лице:

— Вероятно, это и правда к лучшему. Если сокрытие того, что они нашли, стоило, чтобы всех здесь перебить, то я совершенно не хочу знать, что это было.

— Абсолютно согласен, — отозвался я и повернулся, чтобы покинуть это помещение. — Давайте закончим то, зачем сюда пришли.

— Комиссар! — Ласкинс ждал нас за пределами комнаты, как всегда на пару с Йодрилом, и даже его громоздкий ракетомет был переброшен на ремне через плечо, застревая в любом узком месте. — Мы кое-что нашли. Что-то вроде хранилища.

Именно хранилищем оно и оказалось, и толстенная имперская дверь только подтверждала это. Несомненно, вскрыли ее силой, причем тем же энергетическим оружием, которое было использовано, чтобы войти на этот этаж, — то, что, вероятно, было когда-то сложным запорным механизмом, сплавилось в шлак

в его жадном огне. Что содержалось внутри, сказать было нельзя, потому как теперь там остались лишь пустые металлические полки, отражающие свет люминаторов над головой.

— Мы потратили уже достаточно времени, — решил я, когда, быстро пробежавшись по остальным помещениям, мы не обнаружили ничего, кроме еще нескольких тел. — Идемте, нужно открыть шлюзы и отправляться так скоро, как только сможем.

— Я возражать не стану, — согласилась Фелиция, и мы поспешили вверх по лестнице, ведущей прочь из этой братской могилы, со всем возможным проворством.

Вновь оказавшись в мягко освещенном холле, я почувствовал, как неопределенное ощущение подавленности покинуло мою душу, и мы направились прямиком к движущейся лестнице, теперь полностью сосредоточившись на нашей основной задаче. Остальные поисковые группы не нашли больше ничего необычного и никаких блуждающих боевых сервиторов,

так что я подумал, что пока могу следовать за техножрицей — на случай, если мое присутствие все же потребуется в контрольной часовне.

Моему улучшившемуся было самоощущению, впрочем, не суждено было продлиться долго. Едва я ступил на поднимающиеся ступени, мой микрокоммуникатор снова ожил.

— Комиссар, — сквозь шипение статики доложил Пирс, — орки пришли.

Глава двадцать вторая

Еще несколько секунд мне удавалось цепляться за надежду, что это всего лишь разведывательный отряд, наткнувшийся на нас, но эта успокоительная иллюзия была быстро развеяна. Контрольная часовня, куда привела нас Фелиция, была снабжена широким чистым окном, из которого открывался отличный вид на долину внизу, несомненно дабы обеспечить должное благоговейное наблюдение за дамбой и резервуаром, потому как, в общем и целом, техножрецы были слишком далеки от бренностей мира, чтобы посвящать время чему-то столь человеческому, как простое наслаждение красотами пейзажа (который в чуть менее напряженных обстоятельствах я бы, несомненно, нашел весьма захватывающим).

Совершенно не обращая внимания на широкие наборы медных ручек и бесчисленные переключатели, вделанные в столешницы потемневшего от времени дерева, я поспешил к полотну прозрачного

бронекристалла и посмотрел наружу и вниз. Открывшееся зрелище едва не заставило мое дыхание замереть навсегда.

— Их тысячи, — произнес Юрген, остановившийся возле моего локтя, и на этот раз мне пришлось согласиться с тем, что он не преувеличивает.

Все устье долины было запружено раскачивающимися машинами, заполненными воющими зеленокожими, и они уже начали, подобно орде тиранидов, роем надвигаться на нас. Их численность мешала продвижению вперед, потому что все оказались одновременно зажаты в узком ущелье, но они уже наводили порядок в своих рядах обычным грубым, но эффективным способом: наиболее агрессивные и хорошо вооруженные выбивались вперед, чтобы повести за собой всю стаю. Те, что продвигались по дороге, приближались быстрее остальных. Основная же часть просто не озаботилась тем, чтобы биться за место на камнебетоне. Вместо этого они веером рассыпались по дну долины в надежде на то, что грубая, но прочная конструкция

машин и собственное мощное сложение не подведут, и просто продвигались вперед по едва проходимой местности в русле бывшей реки на скоростях, в которые я никогда бы не поверил, если бы не видел собственными глазами.

Я уже готов был отдать приказ «Василиску» стрелять, когда знакомый звук разорвавшегося снаряда «Сотрясателя» подсказал мне, что Сотин уже это сделала. Наша артиллерия быстрым залпом выплюнула три таких заряда, и каждый из них взорвался в самом центре рвущейся вперед толпы, но с тем же успехом можно было кидать камни, надеясь поранить пруд, потому как поток завывающей зеленой смерти, казалось, только ускорился.

— Сколько у нас времени в запасе? — спросил я по воксу у Пирса, сожалея сейчас лишь о том, что не направился сразу к командной «Химере» с ее полноценным инструментарием, вместо этого потащившись сюда, чтобы приглядывать за техножрицей.

Наблюдение за происходящим на

экране аспика, несомненно, вызвало бы гораздо меньше желания испачкать штаны, чем вид зеленокожих во плоти.

— Передовая волна должна сойтись с нами примерно через двадцать минут, — информировал меня молодой капитан удивительно спокойным тоном. — Они не смогут поднять сюда машины без того, чтобы пройти по дамбе, но мы относительно уязвимы для атаки со стороны склона, если их пехота примется карабкаться сюда.

— Ну, это уже что-то, — сказал я. — Если Сотин сможет держать проезд по дамбе, мы легко подчистим их на высадке.

Конечно, даже это давало, как я понимал, весьма хилую надежду на победу, потому как чистая численность зеленокожих в конце концов сказала бы свое веское слово. Похоже было, что все те группки, которые преследовали нас все это время, собрались в единую армию, превосходя нас по меньшей мере восемь к одному.[88]

Если даже половина этого

количества поджидала нас в ущелье, мы никогда бы не пережили попытки прорваться через него, хотя я должен был признать, что теперешняя альтернатива тоже не выглядела слишком уж привлекательно. Я обернулся к Фелиции:

— Сколько времени потребуется, чтобы туннель показался из воды?

— Я не знаю. — Она говорила рассеянно и осматривала контрольную кафедру, совершенно не обращая внимания на ужасающую картину, разворачивающуюся за окном, проявляя то, что мне лично показалось граничащим с нечеловеческим самообладанием.[89] — Зависит от того, сколько времени займет у меня открытие шлюзов. Ритуалы довольно просты, но они все же должны занять некоторое время, пока я смогу одна со всем разобраться. — Она оглянулась, скользя взглядом по комнате. — Ну-ка, если бы я была кадильницей, где бы я спряталась?

— Тайбер, — передал я по воксу, стараясь, чтобы в моем голосе не сквозило очевидное нетерпение, — поднимите сюда

мастеровых. Фелиции потребуется помощь.

Я глянул на нее с неким недобрым предчувствием, размышляя, не пересек ли некую черту дозволенного, но она просто кивнула:

— Может помочь.

— Отлично, — произнес я так ровно, как только смог себя заставить, что само по себе, как вы, несомненно, понимаете, было уже большим достижением в тех обстоятельствах. — Если все пойдет хорошо, сколько понадобится времени на полное осушение туннеля?

— Около двух часов, — ответила Фелиция как ни в чем не бывало. — Это, конечно, после того, как шлюзы будут открыты. А на это уйдет час или около того, если мы сможем чисто провести ритуалы и призвать благословение Омниссии с первой же попытки.

— У вас меньше двадцати минут до того момента, когда наши задницы будут похоронены под зеленокожими, — заметил я опять же так спокойно, как только мог, надеясь, что облечь эту мысль в слова не

значило сделать такой поворот событий неизбежным. — Через три часа мы все уже будем мертвы... а вероятно, и гораздо раньше.

— Я не вольна менять теологические законы! — рявкнула в ответ Фелиция. — Если мы хотим безопасно открыть шлюзы, то это должно занять именно столько времени. Вам придется сдерживать орков столько, сколько нам потребуется, чтобы закончить.

— Мы постараемся, — сказал я со всей решимостью, стараясь одновременно спрятать тот ужас и отчаяние, которые угрожали взять надо мной верх при этих словах. — Вы уверены, что ничего нельзя сделать, чтобы ускорить процесс?

— Абсолютно, — ответила техножрица и жестом указала на длинные панели с инструментами, полные перемигивающихся указателей, регистрирующих информацию, ничего мне не говорящую. — Мы должны будем действовать с огромной осторожностью. Это место функционирует без всякого пристотра уже недели, и работа части

систем должна стать нестабильной. Ошибка может привести к катастрофе.

— Катастрофа была бы бесконечно предпочтительнее верной смерти, — произнес я, когда в моей голове начала пускать корни полуоформившаяся мысль. — А в чем, по сути, проблема?

— В терминах, если вы сумеете их осознать. — В голосе Фелиции прорезалась нотка раздражения, — очевидно, она была уязвлена моей попыткой вмешаться в дела, которые лучше бы было целиком и полностью предоставить помазанникам Омниссии. Техножрица снова указала на ряды тех индикаторов, которые все горели одинаковым адским, красным огнем. — Энергия, которая требуется для функционирования этого места, а также ближайших нескольких городков, генерируется турбинами, находящимися в основании дамбы. Когда ток не потребляется, он запасается в конденсаторах, а с тех пор, как вторглись орки, никто не пользовался здесь никакой энергией. Это значит, что запасающие элементы полностью заряжены, даже, как

факт, перегружены, а это делает их чрезвычайно нестабильными. Если мы полностью откроем шлюзы без того, чтобы отключить генераторы и сбросить излишек заряда, то они взлетят на воздух, как взрывчатка. Это вам ясно?

— Вполне, благодарю. — Я повернулся и выбежал из часовни с Юргеном, как и обычно следующим за мной по пятам, на ходу активируя микрокоммуникатор. — Сотин, как быстро вы можете перенаправить «Василиск»?

— За несколько минут, — откликнулась танкистка-«лисичка» несколько недоуменно, но тем не менее доверяя моим решениям. — Какова новая цель?

— Ворота шлюзов в основании дамбы, — объяснил я. — Они могут настолько опустить дуло?

— Если не смогут, накренят саму машину, — заверила меня Сотин, очевидно мгновенно схватывая мою мысль. — Планируете устроить зеленокожим головомойку?

— И даже более того, смею

надеяться, — подтвердил я, вырываясь на открытое пространство как раз в тот момент, когда в обратном направлении в здание пробегали мастеровые фелиции, торопясь, будто перевозбужденные подростки.

Горный ветер яростно ударил мне в лицо, стоило только появиться из дверей, напомнив, что моя одежда все еще неуютно пропитана липким, но сейчас беспокоиться об этом было некогда. Я поспешил к краю площади, где Сотин непрерывным потоком брани понуждала команду «Василиска» поскорее поворачивать свою неуклюжую установку.

— Уже почти готовы, комиссар, — заверила она меня, перекрикивая скрежет гусениц, с которым водитель установки осторожно, шаг за шагом, поворачивал ее, стараясь совместить дуло с потоком воды, вырывающимся из-под основания плотины.

— И орки тоже, — напомнил я ей.

Едва я произнес это, треск лазерных установок и рев тяжелых орудий встретили первые машины зеленокожих, выкатившиеся на другую сторону дамбы.

Это были в основном все те же байки, и даже на таком расстоянии они легко подбивались и горели, а ответный огонь вполне предсказуемо был очень неточен, обеспечив всего пару попаданий в нашу сторону. Две машины попытались с разгону преодолеть разделяющий нас отрезок дороги, и первая тут же взорвалась ярким шаром огня, когда ракета Ласкинса нашла цель, а шедшая второй врезалась в пылающие обломки, подскочила и завалилась через парапет. Было видно, как водитель трачно цеплялся за рукоятки управления на протяжении всего полета вниз, пока не превратился в неприятного вида пятно на дне водосброса.

— Перекройте дорогу, — приказала своим подчиненным командир «Леман Руссов».

Они выстрелили едва ли не одновременно, выплюнув из дул своих штурмовых пушек огонь и дым, взблескивая и треща лазерными орудиями, так что с того места, где находился я, показались эпицентром маленькой, но яростной грозы.

Вся ярость ее, впрочем, обрушилась на зеленокожих, заполнивших собой узкую дорогу впереди, разрывая на части с равной страстью машины и пассажиров, несомненно уже пожалевших о том пыле, с которым вырвались вперед своих соратников, используя шоссе, вместо того чтобы наступать вместе со всеми по открытому пространству внизу. Впрочем, это напомнило мне и о тех, других. Я посмотрел вниз и обнаружил, что все подножие долины кишит зеленокожими, словно грязная миска, оставленная на солнцепеке, — личинками мух.

— Открыть огонь! — приказал Пирс так спокойно, насколько вообще было возможно в подобных обстоятельствах, и солдаты, равно как и ополченцы, разом дали залп из своего ручного оружия, поливая склон таким количеством зарядов, какое только было в нашем распоряжении.

Человеческая армия уже дважды подумала бы, продолжать ли наступление, в этом я не сомневался, но верные своей природе орки лишь еще пуще разъярились.

С пробирающим до костей криком «Ваааарргх!», который я научился всем сердцем ненавидеть (и остаюсь при этом чувстве до сих пор, несмотря на все прошедшие годы), они полезли по склону, бросив машины, как только те достигли крутого подъема, который уже не могли преодолеть. Это было весьма неплохо, потому как иначе тяжелые орудия тототехники быстро разобрались бы с нами, — тут я не сомневался. Зеленокожие, возможно, все еще смогли бы причинить нам гораздо больший урон, если бы стрелки остались по местам и вели оттуда огонь, но, будучи такими же точно орками, вместо этого они тоже покинули машины и устремились со своими соратниками в ужасающий, казалось необоримый, штурм.

Ряд за рядом враги падали под огнем нашего оружия, но они все равно продолжали наступать, давя своих раненых множеством ног в стремлении схватиться с нами врукопашную и совершенно не заботясь о собственной безопасности. Никакие людские войска, кроме, я полагаю, Астартес, не могли бы

пойти на подобный штурм, медленно катящийся по невероятно крутому обрыву, но зеленокожие перли вперед, будто по ровному полю, едва замедленные наклоном.

— Не прекращать огня! — проорал я.

«Леман Руссы» очистили находящуюся перед ними дорогу залпом тяжелых болтеров, пережевав в кашу всех оставшихся зеленокожих, и теперь пара горящих грузовиков не давала остальным оркам двинуться вперед и попытаться штурмовать нас со стороны дамбы. К сожалению, танки не были способны настолько опустить закрепленные на выносных пилонах орудия, чтобы атаковать зеленокожую волну, медленно, но упорно продвигавшуюся к нам вверх по склону долины, и нам приходилось рассчитывать лишь на переносные тяжелые орудия, которые мы могли бросить в бой. Надвигающийся прилив смерти был уже достаточно близок, чтобы некоторые из их наугад совершаемых выстрелов перелетали за парапет, и я нырнул за «Василиск» как раз в тот момент, когда что-то очень

похожее на болтерные и стабберные заряды начало с визгом вспарывать воздух вокруг меня.

— Это было близко, — выразила наше общее наблюдение Сотин, падая в укрытие следом за мной.

Впрочем, не всем так повезло, как нам с ней. Двое солдат неподалеку упали и, если я мог правильно судить, уже не должны были встать. Сотин осторожно подняла голову:

— Какого фрага он творит?

— Один Император знает, — отозвался я, заметив Эриотта примерно в тот же момент, когда и она.

Маленький этот человек полз вперед, плотно прижимаясь к земле в попытке представлять собой наименьшую возможную мишень и, очевидно, намереваясь помочь раненым, несмотря на едва ли не абсолютную возможность в процессе присоединиться к их числу. Я активировал микрокоммуникатор:

— Команда Тарвила, прикройте нашего коновала.

Тарвил дал отмашку, что понял, и

его ополченцы перенесли направление огня, сосредоточившись на том месте, откуда вылетала большая часть зарядов, продолжавших решетить воздух вокруг Эриотта. Не то чтобы подавляющий огонь когда-либо имел на зеленокожих какое-то действие, но, возможно, завалив нескольких, ополченцам удалось бы немного сбить прицел остальным, когда им пришлось бы переступать через тела шедших в передних рядах.

— Мы нацелены, — доложил командир «Василиска», и я внезапно заметил, что кусок металла, за которым я укрылся, вдруг перестал двигаться. Дуло, достигнув низшей точки, проскрежетало по опорам. — Дальше опустить невозможно.

— Будем надеяться, что этого хватит, — отозвался я.

Первые орки уже показались над краем склона, переваливая через него, чтобы, наткнувшись на настоящий шквал лазерного и пулеметного огня, падать целыми стадами, но шедшие сзади просто отбрасывали убитых и раненых в сторону, неуклонно продвигаясь вперед в своем

стремлении вступить в ближний бой. К сожалению, слишком многие также вставали и продолжали, пошатываясь, упорно переть в атаку, несмотря на раны, которые уже трижды убили бы любого человека.

— Гранаты! — приказал Тайбер, и орочьи внутренности взметнулись фонтанами, но даже это, казалось, не могло унять их поток.

— Да кончайте уже мудохаться с фраговой[90] штуковиной! — рявкнула Сотин, выказывая удивительную в наших обстоятельствах сдержанность в выражениях.

Артиллеристов, впрочем, и не требовалось подгонять; длинноствольное орудие класса «Сотрясатель» уже в следующее мгновение подтвердило право на это имя — гром его выстрела эхом раскатился по долине, перекрывая даже шум битвы. Я в это время парировал удар орочьего топора цепным мечом, отхватил противнику кисть и оставил Юргена заканчивать работу с помощью лазгана,

сам же обернулся, дабы посмотреть на основание дамбы.

Выстрел пришелся ровно в цель, доказывая высокое мастерство экипажа «Василиска» и разорвавшись о скользкую от брызг стену на волосок выше водной струи, бьющей из шлюза в камнебетонный водосброс внизу. Фонтан превращенного взрывом в крошево материала вырвался из поверхности стены, и, нацелив туда ампливизор, который протянул мне мой помощник, переступив через тело только что застреленного им орка, я, как кажется, заметил, что поток воды усилился.

— Еще, — приказал я, хотя это было и излишне, потому как торопящиеся артиллеристы уже забивали еще один снаряд в свою пушку.

— Кайафас! — взвизгнула Фелиция в моем микрокоммуникаторе. — Что, во имя Омниссии, ты творишь, а?

— Сберегаю тебе немного времени, — огрызнулся в ответ я, и, какой бы еще комментарий мы оба ни хотели приложить, он потонул в рокоте нового

выстрела «Василиска» и быстро оборвавшегося тонкого завывания его снаряда в полете.

Учитывая, насколько короткой была траектория, звук разрыва последовал почти мгновенно, накладываясь на эхо, порожденное выстрелом, подобно раскатам грома.

В этот раз я уже не мог усомниться, что цель достигнута. За тучей камнебетонной крошки последовала струя воды, едва ли не вдвое увеличившая поток в водосбросе, и орки, чьи машины все еще подходили по высохшему ложу реки, обнаружили, что ленточка воды начала подмачивать им ноги, а затем и просто заполнять все старое русло. Через считаные секунды они оказались по грудь в воде, когда яростный поток ее вновь гордо занял свои берега, подхватывая неосторожных и унося прочь в месиве бьющих конечностей и незакрепленного снаряжения.

— Ну, некоторое количество тварей мы из головы вытыли, — удовлетворенно прокомментировала Сотин, вынимая

пистолет, чтобы выстрелить в лицо показавшегося из-за «Василиска» зеленокожему, который размахивал топором в поисках, кого бы прикончить, и монотонно выкрикивал боевой клич.

Он упал, и я закончил дело тем, что снес ему голову цепным мечом, просто чтобы быть уверенным, что он умер. Как бы выносливы они ни были, после такого еще ни один не поднимался.

К моему удивлению, краем глаза я заметил Эриотта, все еще не пойтавшего свою пулю и вытаскивавшего одного из раненых солдат в более безопасное место с величайшим презрением к наличию вокруг голосящих зеленокожих, по-прежнему, едва ли уже не на него, укладываемых ополченцами Тарвила.

— Да ты понял хоть слово из моих объяснений? — вопросила но воксу Фелиция, удивительно взволнованная для члена культа, посвящавшего себя, помимо прочего, преодолению простых человеческих слабостей вроде того, чтобы проявлять эмоции относительно чего бы то ни было. — Мы даже еще не начали

отключать генераторы, не говоря уже о том, чтобы опустошать конден...

— Ну и хорошо, — произнес я так, что она захлебнулась потоком слов. — Можете сказать, как сильно рванет?

— Достаточно, чтобы нарушить устойчивость всей дамбы, — мрачно отозвалась техножрица, как будто в наших обстоятельствах в этом было что-то дурное. — Вам лучше бы надеяться...

Я так и не узнал, на что именно, потому что к тому времени самые оптимистические мои прикидки целиком и полностью оправдались. С низким ворчанием, отдаленно похожим на звук ультрясения где-то в глубинах самых огромных мусорных отвалов, поток вытекающей воды увеличился, казалось, сразу тысячекратно, унося с собой куски камнебетона размером с «Химеру», которые сыпались на долину внизу, размазывая под собой весьма удовлетворительное число зеленокожих.

— Кровь Императора! — воскликнула Сотин. — Да вся гребаная дамба рушится!

И она была права. Стена плотины

пошла трещинами, не выдерживая напора изнутри, и из них стала потоками хлестать вода. С задумчивой неторопливостью все сооружение начало осыпаться, поддаваясь давно накопленному стремлению запертой жидкости освободиться. Внезапно целая секция камнебетона, казалось, мгновенно исчезла внизу, а на ее месте образовалась сплошная стена воды в несколько десятков метров высотой, с ревом устремившаяся в долину под нами, начисто смывая занявших ее зеленокожих. Орки и их машины были поглощены ею в считаные мгновения, не успев бежать (впрочем, напиравшие сзади соратники сделали бы такую попытку невозможной). Все они были подхвачены и унесены, кружась, подобно отбросам в сточной канаве.

Несколько более разумных, если этот термин вообще имеет какой-то смысл применительно к зеленокожим, пробовали найти спасение на возвышенностях, но это значило лишь, что большинство из них ринулось прямо на стену плотного огня, посылаемого нашими защитниками вниз

по склону. Хотя они и были захвачены врасплох внезапным наводнением не меньше, чем орки, большинству наших людей хватило ума не прекращать стрельбу, да и, в общем, боевой дух был значительно поднят тем, как внезапно обстоятельства повернулись в нашу пользу.

— Не щадить! — проорал я, вскидывая цепной меч в соответствующей моменту героической манере. — Гони врага!

Перлийцы ответили на этот призыв со всем возможным энтузиазмом. Лишившись подкреплений, передовые зеленокожие, уже врезавшиеся в наши ряды, враз обнаружили, что оказались в меньшинстве, и были быстро рассеяны и вырезаны до единого.

С ревом, который заставлял поблекнуть все звуки, которые мне только доводилось слышать до сих пор, настолько громким, что я скорее почувствовал, чем услышал его, остаток дамбы наконец сдался перед напором воды, разорванный на куски бьющими из проломов струями. Весь покрытый брызгами, которые казались

ледяными в холодном горном воздухе, но, по крайней мере, хоть немного смыли с меня вонь пропитавших одежду жизненных соков сервитора, я с благоговейным ужасом наблюдал, как долина внизу заполняется смятенной серой водой в пятнах пены и вся орочья армия разом исчезает, унесенная, будто ее и не было. Уверенный, что те грязные враги, что умудрились пережить все это, будут быстро подчищены нашей торжествующей армией, я обернулся к Сотин, выражая всю, какую только возможно, невозмутимость.

— Ну что же, — проронил я, поправляя фуражку, — все прошло почти так хорошо, как и ожидалось.

Примечание редактора

Внезапное решение Каина оказало значительное влияние как на ход войны (в краткосрочной перспективе), так и на судьбу всего сегментума (в ближайшие десятилетия). Подробное исследование роли, которую он сыграл в более поздних событиях, связанных с этим, волей-неволей придется отложить до момента, когда я закончу работу над последующими частями данного архива. Для ознакомления с кратким и, в общем, точным обзором влияния разрушения дамбы в так называемой Долине Демонов на ход кампании по зачистке Перлии я в очередной раз отошлю читателей к популярному историческому труду.

Из книги «Зеленая кожа, черные сердца: Вторжение орков на Перлию» за авторством Гисмиони Каллиса, 927.М41:

«В то время как Герои Каина[91] продолжали свой неудержимый марш к победе и имперским позициям,

аналитики от разведки, наблюдавшие за их продвижением с помощью орбитальных сенсоров, начали осознавать истинную значимость достигнутого этими людьми.

Силы Освободителя стали такой костью в горле врага, что ресурсы, которые ранее использовались для атак на доблестных защитников перешейка, соединяющего два континента, теперь были брошены на устранение этой помехи. Пока что число их было не столь велико, чтобы значительно ослабить орочью осаду, но достаточно, чтобы это было замечено. Но все изменилось в одно мгновение благодаря событиям в Долине Демонов.

Мы можем лишь представить ту мучительную тоску, которую испытало высшее командование, когда обнаружило, что доблестные силы Каина вошли прямиком в ловушку, призванную уничтожить их, и вступили в неравный бой в этой пустынной долине с дурной репутацией, а также наблюдая последовавшее за этим полное исчезновение всей маленькой армии с

экранов сенсорной сети.

Смелое и неожиданное решение Каина о разрушении дамбы должно было иметь гораздо более значительные стратегические последствия, чем мог в то время осознавать он сам. Считая, что он и его соратники погибли в результате действий, призванных их спасти, имперские командиры тем не менее, не теряя времени, воспользовались смятением среди орков, занимавших восточный континент. К тому времени, когда наводнение, вызванное Освободителем, улеглось, пронесшись по долинам до самых холмов у подножия гор, стало ясно, что в нем погибло не менее семи тысяч захватчиков.[92]

Учитывая запоздалое прибытие на орбиту еще трех кораблей Имперской Гвардии, командующие в первый раз за время, прошедшее с начала вторжения, увидели возможность контратаковать и воспользовались ею со всей готовностью, высадив десант таким образом, чтобы окружить и подавить оставшиеся

укрепленные гарнизоны орков на оккупированных ими территориях.

Ирония заключается в том, что к тому времени, как первые гвардейские подразделения ступили на оскверненную землю Восточной Перлии и начали медленно отвоевывать ее, убивая зеленокожих одного за другим, Каин и его соратники уже приступили к следующему этапу своего путешествия, все еще не имея ни малейшего представления о том, что только что сместили баланс кампании в пользу сил Императора».

Глава двадцать третья

— Тебе просто повезло, — коротко бросила Фелиция не в силах выбрать между праведным гневом на то, как грубо я обошелся с храмом Механикус, и простым человеческим облегчением оттого, что благодаря этому моему поступку она все еще жива и может злиться на меня за него.

Я же просто стоял, рассматривая с края площади перед зданием открывшийся внизу мокрый и покрытый водорослями пандус, достаточно широкий, чтобы провести бок о бок три наши машины (хотя, к счастью, никто не собирался, кажется, ставить подобных экспериментов; когда пришло время выступать, мы спускали их по одной и водители старались держаться как можно дальше от крутого обрыва с правой стороны), оканчивавшийся плоской платформой под возвышавшимся над ней несколько заржавленным переплетением металла, скрывающим туннель, ради

которого мы сюда и явились. Фелиция уже заняла кабину погрузчика, готовясь снимать массивные решетки, забирающие вход в туннель и перекрывающие нам путь под горами, но, пока она не запустила двигатель, мы могли еще достаточно нормально переговариваться без того, чтобы использовать вокс-передатчики.

— Если бы нам не удалось найти кадильницу и зажечь ее прежде, чем ты выкинул этот свой фортель, Омниссия знает, что только могло произойти.

— Ну, благодарение Императору, что ты смогла призвать должное покровительство, и вовремя, — произнес я так вежливо, как только мог.

Что касается моего собственного опыта, Его Божественное Величество обычно был слишком занят вращением этой галактики, чтобы тратить время на мое благополучие. Полагаю, то же относилось к Его шестереночному близнецу, именно поэтому я был склонен заботиться о себе самостоятельно. Но все же, несмотря на это, не мешало иногда и отпустить комплимент в их адрес просто

на всякий случай. Я указал на металл решеток под нами — десяток метров шириной и не меньше пяти высотой — со всей обыденностью, какую мог изобразить:

— Ты действительно можешь снять вот это?

— Да не проблема.

Как я и ожидал, едва перед нею встала техническая задача, техножрица сосредоточилась на ней настолько, что совершенно позабыла о том, что должна была на меня злиться. Она завела двигатель своего модифицированного «Часового» и заклацала по скользкому от влаги пандусу, чтобы осмотреть вход в акведук поближе. Я отвернулся, вполне удовлетворенный тем, что могу оставить эту работу на нее, и огляделся, все еще пытаясь полностью осознать те внезапные перемены, которые произошли как в окружающем нас пейзаже, так и в наших общих судьбах.

Озеро, удерживаемое дамбой, перестало существовать, сменившись глубоким провалом в склоне горы, где еще так недавно почти у наших ног плескались

мирные воды. Теперь это была картина полнейшего разрушения, открывавшая стенки и дно резервуара, покрытые запекшейся толстой коркой дурнопахнущей грязи, обрывавшейся там, где прежде находилась кромка воды. Над этой линией все еще цвели пестрые кустарники, отмеченные мною на подъезде сюда, которые являлись живым контрастом тому виду и вони разложения, что теперь царили вокруг. Узкий серебристый поток воды был единственным, что нарушало монотонность этой заполненной грязью чаши, — река, которую сдерживали разрушенные ныне стены, возобновила свое течение. Она медленными изгибами стекала в небольшой пруд, образованный устоявшим основанием дамбы, переливалась через край и стремилась дальше по водосбросу, вдоль которого ранее шла дорога, прежде чем мы столь безжалостно изменили окружающий ландшафт.

От долины внизу, под бывшей дамбой, тоже мало что оставалось, поскольку поток, очистивший ее от орков, унес с

собой и растения, и почву, на которой они росли, стыв едва ли не все до скального основания. Обнажившиеся утесы нависали, серые и мрачные, над разбитыми остатками дороги, по которой мы поднялись сюда. Возвращаться тем же путем мы уже явно не могли, даже если бы собрались попробовать. А я, хоть и сильно подозревал, что мы на некоторое время отогнали преследователей, уже кое-чему научился и запретил себе впредь недооценивать орочью настойчивость, так что идея оказаться где-нибудь, где они не будут ожидать нас встретить, по-прежнему казалась мне наилучшей из возможных.

— Да, навели беспорядок, — произнес Пирс, материализуясь возле моего локтя.

Совершенно потерявшись в размышлениях о той разрушительной силе, которую мы выпустили на свободу, позволив ей обрушиться на лежащую внизу землю, я не заметил, как он подошел. В ответ на его слова мне оставалось только печально кивнуть.

— Это была для нас единственная

возможность, — сказал я.

Молодой капитан, впрочем, лишь пожал плечами.

— Ну, полагаю, потом всегда можно отстроить новую дамбу, — произнес он, не представляя себе, насколько пророческими окажутся его слова, и находясь в равно счастливом неведении относительно того, какие вселяющие ужас последствия будет иметь проект восстановления этого маленького сооружения для меня в последующие годы. Потом Пирс протянул мне планшет, который принес с собой. — Я собрал данные о потерях, если желаете взглянуть.

Как и обычно, цифры оказались лучше, чем я опасался, но хуже, чем надеялся, так что я придал лицу выражение соответствующей серьезности и вознес хвалу благородной жертве, принесенной этими людьми, как от меня и ожидалось. Я уже готов был отдать планшет обратно, когда мой взгляд остановился на одном из имен.

— Мы потеряли Колфакса? — спросил я, сам удивленный тому, насколько задет

этим фактом.

Конечно, он был не самым приятным членом нашей маленькой компании, да и, честно говоря, его роль как проводника подходила, по большей части, к своему концу, но он до последнего оставался надежен и верен в тех пределах, в каких это было для него возможно.

Пирс кивнул:

— Получил стабберный заряд в грудь, когда они бросились через край склона. Эриотт сделал все что мог.

— Уверен, что так, — сказал я, подлаживаясь под шаг капитана. Около дюжины покрытых саванами тел лежали возле медицинской машины, что мне показалось уж слишком нетактичным по отношению к нашим раненым, которых как раз там же и латали, но Эриотт и его санитары и так сбивались с ног, ухаживая за выжившими. Значит, мертвым предстояло подождать. Я сделал жест в сторону свободной от врага долины под нами. — По крайней мере, ему обеспечен чертовски хороший почетный эскорт.

— Уверен, он уже удостоился похвалы из уст Императора, — произнес Пирс тоном человека, который не вкладывает большого смысла в подобные слова. Один из его взводных сержантов пробежал было мимо, спеша по какому-то своему делу, и молодой офицер подозвал его, очевидно благодарный за возможность сменить тему. — Винер, не организуете ли похоронный отряд?

— Сейчас же, капитан. — Коренастый сержант небрежно отдал честь и принялся собирать оказавшихся в округе солдат с животворной эффективностью, которая отличает всех старших сержантов в галактике. — Нужны добровольцы! Так, Таффли, Бел и Хайланд...

Оставив его с этим занятием, мы повернулись к Эриотту и его импровизированной станции медицинской помощи.

— Комиссар... — Этот маленький человек бросил на нас взгляд, едва мы приблизились, хотя его обычный приветливый вид теперь был несколько подпорчен очевидным истощением сил.

Двое полевых медбратьев, которых мы приобрели вместе с медицинской машиной, продолжали заниматься своим делом, латая переломы и пулевые ранения с выработанной практикой уверенностью и видом ощутимого облегчения. Это подсказало мне, что самые худшие случаи уже прошли через их руки и теперь они занимаются теми, кто мог самостоятельно передвигаться.

— Боюсь, мы немного заняты в данный момент.

— Прекрасно вижу. — Я посмотрел на носилки, развернутые в задней части машины. Их было больше, чем то число, для которого она была предназначена, так что пару менее тяжелых раненых расположили на полу в проходах. — Должен признать, что, увидев вас в бою сегодняшним утром, я почти ожидал, что вам самому предстоит воспользоваться услугами «Кэти».

— А, вы об этом. — К моему изумлению, Эриотт зарделся. — Ну, не мог же я оставить их там, правда же?

А я бы мог, и с легкостью, и именно

так и поступил бы, по крайней мере до того момента, как утихнет стрельба, но такое признание не слишком хорошо повлияло бы на общий боевой дух. Так что вместо этого я лишь серьезно кивнул.

— Ну конечно же нет, — произнес я. — Если бы вы были гвардейцем, вас следовало бы представить к награде. Но в следующий раз помните, пожалуйста, и о том, что вы для нас незаменимы. Хорошо?

Если я чего-то и добился этими словами, то лишь того, что Эриотт смутился еще больше, хотя не понимаю почему.[93]

Чтобы предотвратить сползание дальнейшего разговора к обмену банальностями, я махнул в сторону раненых солдат и ополченцев:

— Можете предположить, когда мы будем готовы выдвигаться?

— Через час или около того, — ответил Эриотт, очевидно благодарный мне за смену темы. Он указал на кучку ходячих больных, ожидающих своей очереди на оказание медицинской помощи,

и устало пожал плечами. — Теперь нам остались лишь самые легкие случаи. Большинство из них будет способно снова идти в бой после хорошей горячей еды и небольшого отдыха. — Он кивнул на медицинскую машину. — У нас двадцать тяжелораненых, четверо в критическом состоянии. Я поговорю с Норбертом о том, чтобы перевести тех, у кого ранения средней тяжести, в другие машины, чтобы мы могли более эффективно позаботиться об этих.

— Отлично, — произнес я, прогоняя цифры в голове.

Учитывая двенадцать погибших, из строя выбыли тридцать два солдата и ополченца. Это казалось не самой высокой ценой за целую армию зеленокожих, но тем не менее очень заметной прорехой в наших рядах. К счастью, как и обычно, основные жертвы пришлись на ополчение, и мы потеряли не так уже много тренированных бойцов. У меня же начало закрадываться подозрение, что мне еще понадобятся все настоящие солдаты, которые только были в моем

распоряжении, прежде чем мы закончим эту войну.

Они, впрочем, не слишком бы мне помогли, если бы у них не осталось достаточного количества патронов, чтобы воевать с врагом. Эта мысль оказалась в нужной степени отрезвляющей, чтобы, обменявшись лишь еще парой укрепляющих дух слов с медиками и сразу же покинув наш импровизированный лазарет, отправиться на поиски Норберта, с которым можно было обсудить этот вопрос. Нотариус был как раз там, где я и рассчитывал его найти, — в самом центре каравана, за логистику которого он отвечал, — и как раз спорил касательно этого самого вопроса с Сотин.

— Вам просто придется распределить оставшиеся снаряды между танками, — говорил он. — У нас есть еще одна налета в оружейном грузовике, и мы можем ее раздать, но тогда у нас не останется ровно никакого запаса. Если вас это как-то утешит, то могу сказать, что снаряды для «Сотрясателя», установленного на «Василиске»,

закончились совершенно, если не считать тех, что есть у них в машине.

Этот обрывок разговора заставил кровь застыть у меня в жилах. За время своей службы в 12-м артиллерийском я достаточно хорошо узнал подробности функционирования подобных машин,[94] чтобы теперь понимать, что у артиллеристов должно было остаться не более пары снарядов.

Если бы дамба оказалась чуть прочнее и моя затея потребовала бы хоть немного больше выстрелов, чтобы сработать, нам их могло попросту не хватить.

— Ну ладно, хорошо. — Радости в голосе Сотин явно не наблюдалось. — Похоже, придется экономить заряды, пока не удастся где-нибудь пополнить запас.

— Это не должно продлиться слишком долго, — заверил ее Норберт. — Если туннель выходит там, где полагает техножрец, то мы окажемся всего лишь в двадцати клотах от следующего базового склада.

— В регионе, где кишмя кишат зеленокожие, — парировала Сотин. — Хотите побиться об заклад, что он давно подчищен?

Пока что, впрочем, нам везло, и лишь два из располагавшихся на нашем пути складов оказались разграблены раньше, чем мы подходили к ним, а способностей Норберта вполне хватало на то, чтобы растянуть наши убывающие запасы на то время, которое требовалось для достижения следующего. Однако на другой стороне гор мы окажемся в регионе, где сконцентрированы основные силы врага, так что шансы на то, что столь болезненно необходимые нам припасы оказались не замеченными всеми находившимися там ордами врага, резко сокращались.

— Тогда все, что нам будет нужно, — это отбить их обратно, — произнес я, стараясь излучать спокойную уверенность, как это и полагалось комиссару, несмотря ни на какие обстоятельства.

— Ну и ладно, едрить его, — откликнулась Сотин. — Досюда мы

добрались... — Она пожала плечами, затем снова обернулась к Норберту. — Я пришлю кого-нибудь захватить то, что у вас есть.

— А что с топливом? — спросил я, едва она исчезла из виду.

Если у нас не было возможности доставить танки к врагу, то о недостатке снарядов можно было уже не беспокоиться.

Норберт улыбнулся, не разжимая губ.

— Его достаточно, — произнес наш бюрократ тоном, который живо предупредил меня, чтобы я не пытался вникать, насколько тонкая грань отделяла нас от недостатка. И я понял намек. В конце концов экспертом по этому вопросу у нас был он. — Вы, я полагаю, слышали все касательно тяжелого вооружения?

Я кивнул и сухо заметил:

— Голосок у Сотин звонкий, особенно когда она нервничает.

В этот момент воздух вокруг нас завибрировал от громкого металлического лязга, который эхом отдался и сквозь камнебетон под моими сапогами. Очевидно, Фелиция как раз закончила

демонтировать первую из сливных решеток.

— Определенно, — кивнул Норберт. — Хорошая новость только одна: у нас все еще полно боезапаса для личного оружия и тяжелых орудий поддержки. А если кончится и он, то мы всегда можем перейти обратно на орочье добро.

Орудийные гнезда на захваченных нами машинах были за прошедшее время снабжены более знакомым, надежным и безопасным для стрелка имперским вооружением, но мы, несмотря на это, сохранили большую часть стоявших там ранее орудий. Отчасти потому, что они восхищали Фелицию, которая заявляла, что половина из них вообще не должна функционировать, отчасти для уверенности в завтрашнем дне: если бы нам пришлось перейти на захваченный у орков боезапас, чтобы поддерживать собственную боеспособность, то нам требовалось и что-то такое, из чего можно им стрелять. Зная все это, я лишь кивнул.

— Пища? — задал я следующий вопрос.

— Здесь тоже без неприятностей, — заверил меня Норберт, хотя я и не ожидал, что на этом фронте что-то не так.

С тех пор как мы покинули пустыню, нам удавалось до определенной степени кормиться тем, что предоставляла окружающая местность, неплохо дополняя стандартные рационы, и потому у нас еще оставался солидный запас последних. Норберт улыбнулся, являя ту часть своей натуры, которая знала, что такое юмор:

— Впрочем, вы могли бы позволить нам запастись свежей водичкой, прежде чем отдать ее всю зеленокожим.

— «Щедрое сердце — суть дар Императора»,[95] — процитировал я, и он рассмеялся.

— Ну что ж, там, куда мы направляемся, с этим перебоев быть не должно, — заключил нотариус.

И в том, что это его предсказание верно, нам предстояло убедиться в самом скором времени лично. После мучительно медленного продвижения вперед, которое отличало последние несколько недель

нашего пути, переход по акведуку показался ошеломительно быстрым и легким. Десятки клотов под горной грядой мы пролетели за несколько часов в отличие от дней, которые занял бы этот путь, случись нам карабкаться между горными пиками, — даже если не учитывать те задержки, которые принесло бы вмешательство орков; так что я начал ощущать себя настолько расслабленно, насколько было вообще возможно в нашей ситуации. Туннель гладко ложился под гусеницы машин, лучи люминаторов рассеивались рукавами тумана, поднимавшегося от пропитавшей камнебетон влаги, а эхо нашего движения раскатывалось во все стороны, отмеряя пройденный путь.

Время от времени я замечал некие малые трубопроводы и другое оборудование, назначения которого не знал, встроенное в стены, а также технические люки, неприятно напоминающие о том, через который провела нас Кэрри на борту «Длани возмездия»; впрочем, холодок и монотонность нашего движения (не говоря

уже о непрекращающемся грохоте) быстро отрывали меня от наблюдений и загоняли обратно во внутренности «Химеры». Перемешивающиеся запахи Юргена и рекафа всегда готовы были приветствовать меня, и я радостно брал в руки чашку, ощущая, как тепло растекается по пальцам. Как бы я ни любил обычно оказаться в условиях подземелья, по крайней мере когда в нем по мне никто не стрелял, я начал ощущать, что этот конкретный опыт окажется несколько скучноват.

— Благодарю, Юрген, — произнес я в очередной раз и подошел, чтобы поглядеть на экран аусника. Орилли немного отодвинулся от кружки с горячим напитком, которая была у меня в руке, — неудивительно, учитывая, что «Химера» обычно не отличается плавностью хода, — и позволил мне хорошенько рассмотреть ход нашего продвижения. — Сколько нам еще осталось пути?

— Уже прошли почти половину, сэр. — Очкастый оператор аусника указал наше положение на тактическом дисплее

цепочку значков, растянувшуюся, будто бусины четок, с командной «Химерой», уютно устроившейся в середине строя.

Фелиция, как я отметил без всякого удивления, была почти первой в ряду, впереди шли только «Саламандры». Шансы того, что в туннеле перед нами окажутся орки, в общем-то невелики, но моя паранойя была взвинчена вдвое против обычного. Чем скорее мы должны были оказаться в безопасности, тем сильнее мне начинало казаться, что мы все-таки не доберемся и что удача моя подходит к концу, уготавливая мне катастрофу, поджидающую за любым углом. (И именно это состояние ума совершенно не изменилось и не ослабло в течение последовавшей сотни лет, если уж на то пошло. Но по крайней мере в последние годы все, о чем мне приходится беспокоиться, — это должная выправка моих кадетов и узколобый идиотизм некоторых коллег.)[96]

— Возможно, мы могли бы остановиться на отдых, прежде чем

проследуем дальше, — предложил Пирс, и я кивнул, ибо помышлял о том же. — Если мы вышлем вперед разведывательный отряд, чтобы расчистить нам выход, то сможем выбраться отсюда прежде, чем зеленокожие вообще пойдут, куда мы подевались.

— Такой план мне нравится, — согласился я и оставил его отдавать соответствующие приказы.

Техножрице в любом случае должно было понадобиться некоторое время для того, чтобы убрать решетки на нижнем конце акведука.

Исходя из того, что рассказывала мне Фелиция, я было предположил, что акведук приведет нас прямиком к лопастям генераторных турбин, которые определенно должны были оказаться во всех отношениях больше и внушительнее, чем те, которые мы разрушили на другом конце, но девушка над подобной идеей лишь посмеялась.

— Вход располагается выше турбинного храма, — пояснила она, — так что ремонтные команды могут входить в

туннель и с другого конца тоже. Все, что нам нужно, — это не пропустить ворота и открыть их, когда окажемся на месте.

— А если зеленокожие найдут его раньше? — спросил я, и Фелиция лишь пожала плечами.

— Уверена, мы об этом так или иначе узнаем, — заявила она.

Пока что на нас не перла плотная волна завывающих орков, и я посчитал это добрым знаком, да и аспик Орилли был приятно чист от вражеских единиц, так что я решил, что в целом мы неплохо устроились. Конечно же, случись мне узнать, что ожидает нас на другой стороне гор, я нашел бы себе маленькую уютную расщелину в камне и не вылезал бы оттуда, несмотря ни на какие уговоры.

Глава двадцать четвертая

Мы остановились незадолго до рассвета, и слабый серый свет отступающей ночи просачивался через филигрань искусно украшенных входных ворот, которые закрывали тот выход из туннеля, о котором говорила Фелиция. Как и большинство в нашем конвое, я провел многие часы путешествия по пещерам в неглубоком сне, таком, для которого у любого прошедшего достаточное количество военных кампаний солдата всегда найдется время и место, но все еще ощущал себя одеревеневшим и усталым, когда выбрался из «Химеры», чтобы присоединиться к техножрице. К моему смутному удивлению, она тоже явилась пешком, а ее погрузчик верно ждал свою хозяйку в нескольких шагах позади.

— Это здесь, — подтвердила она, когда я приблизился, кивнув в сторону

ворот. Они были гораздо менее внушительных размеров, чем решетки на входном отверстии акведука, и ведущий к ним пандус был значительно уже, но похоже было, что проход достаточно высок и широк, чтобы мы могли провести без помех свои танки и артиллерийскую установку, и по крайней мере это беспокойство я мог смело сбросить со своих плеч.[97] — Открывайте, и мы дома.

Если не учитывать, конечно, стоящую между нами и нашей безопасностью армию зеленокожих, но об этом я тоже предпочитал не задумываться.

— Хорошо, — отозвался я, ожидая, что она заберется обратно в свой погрузчик и просто оторвет решетку с помощью его клешней, освободив нам дорогу.

Но вместо этого технопровидица подозвала своих мастеровых и начала подготавливать небольшую бронзовую чашу на треноге. Один из ее подручных (я так и не запомнил, который из них Алдиман, а который Лидди) высыпал в

жертвенник некий дурнопахнущий порошок и поджег образовавшийся внутри холмик (отчего вонь усилилась многократно), в то время как второй передал техножрице фиал с маслом. Фелиция осенила его знаком шестерни и принялась прикладывать к воротам в местах, которые мне виделись совершенно случайными, но, вне сомнения, имели некий тайный смысл для техножрицы, которая по ходу своих действий непрерывно что-то бормотала себе под нос. Лишь спустя еще несколько секунд она поглядела в мою сторону.

— Это может занять некоторое время, — произнесла она наконец.

Подавив внезапный порыв просто прикрепить к воротам пару зарядов взрывчатки, и дело с концом, я решил, что самое малое, что мы все могли для нее сделать во искупление того, что развалили милую сердцу техножрицы дамбу, — это позволить ей хотя бы здесь провести все так, как она желает, без лишнего вмешательства, и потому лишь серьезно кивнул, после чего возвратился в

командную машину.

— Базовый склад должен быть здесь, — указал Пирс точку на картографическом планшете, когда я подошел. Даже на максимальном приближении склад оказывался в пределах одного экрана с нашим нынешним местоположением, но на самом его краю. — Мы должны достигнуть его через час или около того. Может быть, и быстрее, если все пойдет хорошо.

— И если зеленокожие оставят нас в покое, — кивнул я.

Капитан, в свою очередь, согласно склонил голову:

— Возможно, нам следует выслать вперед разведчиков. Если врага поблизости нет, то мы можем двинуть все наши силы. Если ими там все кишит, то можем залечь здесь, оценить наши возможности.

— И оказаться пойманными, как крысы в сточной трубе.

Мне подобная мысль ничуть не нравилась. Если орки застанут нас здесь, внизу, то мы будем просто вырезаны — все до единого. Наш единственный шанс в случае, если придется принимать бой,

заключался в том, чтобы развернуться как можно шире и иметь возможность ударить по врагу одновременно всей имеющейся в нашем распоряжении огневой мощью.

Пирс снова кивнул:

— Я понимаю ваш аргумент, но если они вообще не знают, что мы здесь...

— Заметив наших разведчиков, они сообразят, что поблизости есть кто-то еще, — указал я. — Полагаю, мы должны быть готовы выдвигаться, как только разведчики вообще оценят обстановку. Если снаружи чисто, мы направимся к складу. Если нет... — я пожал плечами, — придется придумывать что-то на ходу.

— Ну, пока что этот подход, кажется, работал, — признал Пирс.

Как оказалось, открытие ворот не заняло у Фелиции так много времени, как я опасался. Через полчаса или около того мы увидели, как створки плавно откатываются в стороны и три наших «Саламандры», не теряя времени, ринулись вперед, подобно вспугнутым мусорным крысам, бегущим вверх по сточному

желобу. Слабый желтый свет дня проникал в покинутый ими туннель, поднимая боевой дух наших людей, я же вдруг ощутил совершенно незнакомую мне раньше боязнь замкнутого пространства. Сопровождаемый Юргеном, как всегда следующим за мной по пятам с изготовленным к стрельбе лазганом, я пешком поднялся по пандусу, торгая, когда наконец вышел на открытое пространство. Так как мы не слышали никакой стрельбы со стороны ушедших вперед разведчиков, я постановил, что снаружи безопасно, и это впечатление было подкреплено спустя мгновение их лидером.

— Эскорт-первый, — четко раздалось в моем микрокоммуникаторе, — врага не вижу. Выдвигаюсь на цель.

Я позволил Пирсу откликнуться на сообщение, вполуха прислушиваясь к кратким переговорам по воксу, в то время как остальная часть моего сознания наслаждалась ощущением солнечного тепла и свежего воздуха. Здесь, внизу, на краю прибрежной равнины, температура

была значительно выше, несомненно к тщательно замаскированному недовольству Юргена, и живой контраст с сыростью туннеля поистине влил в меня новые силы.

— Всем подниматься наверх, — приказал я, отходя в сторону, дабы позволить медленному ручейку наших машин с ворчанием выползать из нутра гор, и наконец-то по-настоящему оглядывая окружающую местность.

Мы оказались на крыше обширного строения размером со средний кафедральный собор, откуда, врезаясь в склон горы, вниз вела дорога, неуютно похожая на ту, по которой мы достигли вершины резервуара в оставшейся наверху долине; далее она вливалась в более широкую полосу камнебетона, ведущую к основному входу на территорию храма Механикус в десятках метров под нами. Этот второй участок, в свою очередь, выводил на многополосное, с хорошим покрытием шоссе, которое в более счастливые времена, очевидно, было одной из главных местных транспортных

артерий. После минутного размышления я сумел сопоставить его с автобаном, уходящим в сторону перешейка и служившим для коммерческих перевозок, которые ранее непрерывно осуществлялись между двумя континентами.

Вместо долин и окружающих их горных пиков, из кольца которых мы вырвались, спустившись в недра, ландшафт уходил вниз и вдаль перспективой низких покатых холмов, которые, в свою очередь, переходили в плоскую приморскую низменность. Приняв ампливизор, заботливо протянутый мне моим помощником, я смог разглядеть за ней еще более плоскую искрящуюся поверхность воды.

— Мы вышли к морю, — произнес я, едва способный поверить в это.

Конечно же, чтобы действительно омыть в нем ноги, нам еще нужно было преодолеть не один десяток километров, не говоря уже о том, что затем предстояло пересечь разделяющий его перешеек, но вид открытого водного пространства сам по себе вызывал у меня

ощущение некоторой нереальности и дезориентации. Юрген кивнул, очевидно столь же довольный тем, что мы наконец приблизились к нашей цели, которую и не думали на самом деле увидеть.

— Будем там скоро, — согласился он.

Ну, это было несколько поспешное заявление, но к тому времени, как мы получили доклад от наших разведчиков, мы уже успели построить колонну походным порядком, а Норберт отрядил некоторое количество гражданских пополнить наши водные запасы из водоема ниже турбин. Из уважения к тому факту, что теперь мы находились на территории еще более враждебной, чем когда-либо ранее, мы выбрали защитное построение, но, учитывая количество вражеских сил, которое мы действительно встретили, можно было и не беспокоиться так. Я подумал было, не приказать ли Тайберу заложить взрывчатку и обрушить туннель за нами, просто для того, чтобы быть уверенными, но шансы, что зеленокожие смогут последовать за нами

этой дорогой, и без того были более чем малы, в то время как столь мощный взрыв привлек бы то самое внимание, которого мне так хотелось избежать. Кроме того, я не видел повода снова злить Фелицию. Так что, когда пришел доклад от разведки, я просто стоял рядом с командной «Химерой», наслаждаясь чашкой рекафа и горячей булочкой с мясом грокса, которые каким-то образом уже умудрился раздобыть для меня Юрген.

— Эскорт-первый, — доложил их командир, — видит цель. Занята врагом, но с данного направления, кажется, слабо защищена.

— Можете описать детальнее? — запросил я, торопясь внутрь машины к тактическому дисплею, где уже возился Орилли, накладывая изображение позиций врага на карту с самым большим увеличением, какое только была способна выдать его аппаратура.

Командир разведчиков прокашлялся:

— Мы передаем координаты всех вражеских сил, которые видим. Орки окопались в сторону запада, и все

укрепления направлены туда.

Другими словами, они были развернуты в сторону имперских порядков, очевидно ожидая полномасштабного контрнаступления через перешеек. Несомненно, силы людей в то же самое время повторяли их расположение зеркальным образом, но на другой стороне перешейка; пытаться идти в массированный прорыв по столь узкой полоске земли значило стать дичью в охоте на траки.[98]

Так как ни одна из сторон не могла ожидать, что достаточному для дальнейших успешных боевых действий числу солдат удастся преодолеть этот коридор смерти, обе армии оказались в патовой ситуации с того самого момента, когда защитники планеты отошли на этот рубеж[99] (хотя орки, будучи верны себе, предприняли пару попыток прямого штурма, прежде чем до них это дошло, и теперь просто выжидали, стягивая силы, чтобы выставить достаточное количество пушечного мяса в следующий

раз).

О том, какой фортель нам еще придется выкинуть, чтобы преодолеть это расстояние самим, я предпочел в тот момент не задумываться, отложив этот вопрос на потом. Возможно, к тому времени, как мы достаточно приблизились бы к имперским порядкам, удалось бы послать по воксу сигнал о своем подходе. Маркони прослушивал все обычные армейские частоты, но пока что не сумел поймать никакой разборчивой передачи, а рисковать, передавая широковещательное сообщение из такой глубины вражеских рядов, никто из нас не хотел.

— В этом направлении выставлено лишь несколько часовых на подступах.

— Можно было бы легко убрать их, — задумчиво произнес Пирс, разглядывая дисплей, и мне пришлось согласиться.

Орки, казалось, не могли расположиться лучшим для нас образом, даже если бы постарались специально. Сам базовый склад находился в стороне от дороги, в небольшом понижении холмистой гряды, последней в ряду, который мы

должны были преодолеть на пути к прибрежной равнине. Устье долины с дальней от нас стороны было перекрыто окопавшимися защитниками, вся тяжелая огневая мощь которых была любезно обращена к западу, в противоположную от нас сторону, в то время как направление, с которого мы собирались атаковать, защищали лишь несколько разрозненных постов. Очевидно, мысль, что имперские силы могут оказаться у них за спиной и ударить с востока, оркам в голову просто не приходила (да и, честно говоря, не должна была приходить: насколько им было известно, весь континент за спиной был в их абсолютной власти).

— Можно было бы...

Я проследил за линией шоссе. Если бы нам удалось двигаться достаточно быстро, мы прорвали бы эту хрупкую оборону тылов и врезались в их порядки раньше, чем орки догадались бы о нашем присутствии. Если предположить, что враг еще не растащил все припасы из склада, мы могли отправить небольшой отряд, чтобы занять это строение, в то

время как основная часть наших сил пойдет дальше и ударит массе врагов у выхода на равнину в тыл. Когда они будут уничтожены, мы сможем выйти на перешеек, не тревожась о том, что нам будут палить в спину. Это была опьяняющая перспектива, и я с трудом заставил себя мыслить спокойно, выискивая любые заметные изъяны этого плана.

— Но расколоть вот эти укрепления может быть сложнее, чем кажется на первый взгляд.

— Для Сотин и минометчиков тут ничего сложного, — радостно заметил Пирс. — У них осталось достаточно снарядов для этого. Да и если бы зеленокожие не сидели все еще на запасах, из которых мы сможем пополнить свои, то отчего бы им так защищать это место?

Ладони мои, едва я принял во внимание его последние слова, снова начали зудеть. Казалось, слишком уж много здесь возведено укреплений, чтобы защищать лишь какие-то купола с амуницией и провизией.

— Как мне видится, они укрепляли вход в долину сам по себе, независимо от наличия склада, — предположил Тайбер. Он уменьшил разрешение карты. — Если бы контратака с запада докатилась сюда, преодолев равнину, то наши войска могли бы попытаться пройти быстрым маршем вверх по долине, до перевала, и выйти остальной орочьей обороне на основных направлениях в тыл.

— По мне, звучит разумно, — признал я с облегчением, и сомнения мои постепенно рассеялись. Конечно же, при взгляде на карту подобное предположение казалось вполне допустимым, а то, насколько катастрофически он ошибался, мне еще предстояло выяснить. Сейчас же я затаил дыхание, стараясь излучать ощущение рассудительности и осторожности. — Ну что же, джентльмены, похоже, у нас есть план.

Конечно же, дальнейшие наши действия были не столь прямолинейны, как может представиться, потому как процесс построения колонны, а также подробное и

длительное обсуждение различных деталей операции заняли весьма немалое время, но Император, кажется, в кои-то веки оставался с нами. Движение зеленокожих по шоссе внизу, казалось, было очень редким, даже по сравнению с тем, что мы видели в пустыне (каковой факт, полагаю, должен был предупредить меня, во что же мы готовы вляпаться, или, по меньшей мере, намекнуть, что все пойдет не столь гладко, но в тот момент я был слишком воодушевлен, чтобы придираться к обстоятельствам нашей удачи), а немногочисленные орочьи воздушные машины, пролетавшие над нами, то ли находились слишком высоко, чтобы их пилоты могли различить нашу подлинную сущность, то ли были настолько заняты гораздо больше занимавшими их экипаж воздушными потасовками с имперскими пилотами, что вообще не обращали на нас внимания.

Впервые, когда мы увидели в небе над головами звено «Молний», в наших рядах раздался спонтанный хор радостных голосов, приветствующих это очевидное

свидетельство того, что мы уже почти добрались до дома, пронесшийся вдоль всей колонны, еще более укрепив наш дух в предвкушении скорой победы. Никто из нас, конечно же, не был даже тогда до конца уверен в успехе нашего предприятия, и меньше всего я сам, но во всех росло ощущение, что битва, в которую мы готовились вступить, будет если не последним столкновением из тех, что нам придется пройти, то по крайней мере решающим на нашем долгом пути к спасению. Это, конечно же, именно так и оказалось, но, насколько правильным было это ощущение, никто из нас в тот момент не мог предсказать.

Несмотря на все проволочки, мы были готовы в путь перед самым полуднем, и бронетанковый клин нашего наступления выдвинулся вперед. За ним последовала моторизированная пехота, а разношерстная коллекция орочьих развалюх, переполненная ликующими ополченцами, поддерживала фланги и тыл, выстраиваясь, насколько возможно, оборонным кольцом вокруг «Кэти»,

фургонов с амуницией и провизией и прочих не способных сражаться частей нашего конвоя. После некоторого раздумья я покинул командную «Химеру», предоставив Пирсу самому вести в наступление основные силы, и подсел к Тайберу и остаткам отряда Браво в их самой обычной боевой машине. Базовый склад, как мне в то время представлялось, должен был оказаться защищен гораздо слабее, так что я вызвался лично возглавить рейд на эту цель.

— Вам не нужно, чтобы вас вели за руку, — пояснил я молодому капитану, который, не скрываясь, наполнился гордостью от подобного выражения моего доверия (и, по правде говоря, действительно был неплохим командиром, по меркам СПО). — Вы уже много раз испытали себя в подобных ситуациях, а базовый склад может дать мне некую полезную информацию о положении на фронтах.

Пирс кивнул.

— Значит, именно туда вам и нужно направиться, — согласился он слишком уж

поспешно, очевидно уже предвкушая перспективу в одиночку пожинать славу грядущего прорыва.

Ну, с моей точки зрения, да и пожалуйста. А все, что нужно мне самому, так это маленькое стороннее дело, где я смогу поберечь свою шею и голову.

Начало нашего пути я провел, впрочем, высунувшись из верхнего люка, наслаждаясь свежестью воздуха (что было особенно важно, учитывая, что Юрген, как и всегда, отправился со мной), и нырнул внутрь лишь для того, чтобы обсудить последние детали с Тайбером, когда мы уже приближались к цели. Остаток нашей импровизированной команды рейдеров тесно собрался вокруг нашей машины. Здесь был один из орочьих грузовиков, совершенно пустой, за исключением водителя и расчета тяжелого орудия (которым, к полному отсутствию моего удивления, оказались Демара с Тэмвортом, каковые, как и всегда, готовы были вызваться на любое дело, лишь бы только пустить в ход любимую игрушку), багги, несший остаток команды

Гренбоу,[100] и погрузчик Фелиции, который семенил за нами, подобно верной гончей; и каждый раз, когда я обращал взор на его одетую в белое водительницу, она радостно махала мне рукой.

Прежде всего я приложил значительные усилия, чтобы отговорить ее следовать с нами, ощущая, что дело это для опытных бойцов, но она оказалась столь же адамантиево упрямой, как и всегда, настояв, что у нее получится быстрее, чем у любого из нас, найти то снаряжение, в котором мы более всего нуждались, не говоря уже о том, что загрузить его окажется намного проще, если в нашем распоряжении будет помощь ее погрузчика. Не сумев выдавить из себя какого-либо контраргумента ни на один из этих доводов, что убедило в правоте техножрицы даже меня самого, я в конце концов со всем возможным изяществом, которое смог изобразить, уступил.

— Все точно понимают план наших действий? — спросил я, окидывая взглядом напряженные лица пассажиров «Химеры».

Тайбер кивнул.

— Мы начинаем, как только услышим, что наши ввязались в бой, подавляем возможное сопротивление, забираем то, что сможем, и уходим, прежде чем враги сумеют перегруппироваться и контратаковать, — повторил лишний раз он.

— По мне, звучит приемлемо. — Голос Фелиции в воксе прозвучал столь же беззаботно, как и всегда.

Гренбоу также включился в передачу, доложив готовность своей команды действовать по этому плану, и мне оставалось лишь набрать в легкие побольше воздуху, несмотря на близкое присутствие Юргена, и затаить дыхание.

— Ну что же, — произнес я, — значит, пора.

Глава двадцать пятая

В самом начале расчеты наши оправдывались, и орочьи дозоры были сметены скоростью и яростью нашего наступления, явившегося для них столь же неприятной неожиданностью, какой для их не более удачливых собратьев был давешний урок плавания.

Когда мы проходили мимо выгоревшего остова боевой платформы зеленокожих, ополченцы так шумно восславили командиров, что перекрыли даже громыхание по-прежнему плохо настроенных двигателей занятых ими машин, которое поглощало едва ли не все остальные звуки.[101]

— Отряд рейдеров, ждем, — отдал я распоряжение в микрокоммуникатор, высунувшись из люка «Химеры».

Я уже привык следить за ходом наших стычек с орками с помощью оборудования К-3[102] командной машины и теперь ощущал себя без него совершенно

отрезанным от информации о ходе сражения; несмотря на несколько больший риск поймать лихой заряд, я чувствовал острую потребность дополнить краткие доклады, которые получал благодаря приемопередатчику у меня в ухе, тем, что мог увидеть собственными глазами.

Наш водитель сбавил ход, готовясь отойти от основного конвоя, когда мы приблизимся к дороге на цель, и Фелиция ухмыльнулась мне, легко держась наравне с машиной на своем механическом скакуне.

— После вас, о бесстрашный вождь, — радостно прощебетала она, совершенно не заботясь о соблюдении должного вокс-протокола, которого я уже было привык от всех ожидать, и демонстрируя при этом тот несомненный факт, что техножрецы очень плохо разбираются в человеческих характерах.

— Принято, — передал Гренбоу, и в его рубленой фразе звучал немалый упрек Фелиции за подобное нарушение дисциплины.

— Отсоединяемся, — доложил я Пирсу или, скорее, его вокс-оператору, потому как

ответил мне именно Маркони.

— Подтверждаем, комиссар. — Он переключил частоты, чтобы далее координировать основные позиции атакующих и защитных частей основных наших сил с Сотин и другими командующими подразделениями.

«Василиск» тоже отделился от остальной колонны, готовясь с дальнего расстояния накрыть артиллерийским огнем нашу основную цель, с тем чтобы отвлечь внимание и дезориентировать врагов прежде, чем наш основной бронированный строй разнесет их на куски; команды же минометов, которые угнездились на борту «Саламандр», несомненно теперь некомфортно перегруженных, должны были зайти с флангов и начать уничтожение пехоты, пользуясь преимуществом окружающей возвышенной местности.[103]

Через считаные минуты должно было завязаться основное сражение, а перед нами затаячили стены базового склада. Остальная часть нашего с миру по нитке

собранного конвоя пронеслась мимо его укрепленных стен, и ошеломленные морды зеленокожих появились над валом, окружающим территорию, чтобы проводить машины взглядами. В этот момент я отдал приказ атаковать. И в ту же секунду увидел, как в небо на некотором расстоянии от нас начинает подниматься колонна жирного черного дыма. Похоже, первый удар наших основных сил нашел свою цель.

Подобно складу в пустыне, который мы обнаружили самым первым, этот был устроен в соответствии с местными условиями. Вместо набора готовых куполов мы увидели перед собой стену, собранную из какого-то местного камня, высотой около двух метров. Это само по себе должно было бы показаться достаточно устрашающим, но зеленокожие дополнительно укрепили ее, наворотив поверху нечистое собрание всякого металлолома и мусора. Большая часть его была вырезана в форме варварских тотемов, похожих на те картографические символы, что были на

добытой нами сразу после аварийной посадки в пустыне карте. Полагаю, что Юрген сумел бы предположить, что означали эти украшения на стене, выпади ему возможность их увидеть, и, вероятно, уберег бы нас от большого количества последовавших вскоре трудов и неприятностей, но, конечно же, в верхнем люке хватало места лишь для меня самого. Обычные ворота в стене были усилены заплатами из листов того же металлолома, несомненно, с тем, чтобы восстановить их после повреждений, появившихся в результате орочьего штурма этого места, но нас они все равно не должны были особенно задержать.

— Огонь по воротам! — приказал я нашему стрелку, и мультилазер, закрепленный на турели нашей «Химеры», разразился яростным треском, заставив волоски на моей шее подняться дыбом от ионизированного воздуха.

Выстрел разнес препятствие на куски в весьма ярком фейерверке искр, и тут заговорил смонтированный в передней части корпуса тяжелый болтер, заставив

куски расплавленного металла, кувыркаясь, разлететься во все стороны, на пару с разрывными снарядами превратив в месиво собравшихся за воротами зеленокожих.

— По стенам, бегло! — распорядился я, и Демара откликнулась на приказ из так полюбившегося ей тяжелого пулемета, скосив тех орков, которые отчаянно пытались успеть нацелить свои собственные орудия.

Некоторым, впрочем, это даже удалось, и их залп вразнобой ударил по нашей броне, заставив меня рефлекторно пригнуться до уровня отверстия люка, хотя шанса прицелиться получше у врага и не оказалось. Вызвав к жизни рев, подобный тому, что можно услышать от прочищающего глотку карнифекса, Фелиция дала залп из огнемета, окатив верх стены от одного края до другого потоком горящего прометия. Большая часть зубчатого навершия была сделана орками, очевидно, из дерева, так как занялась веселым пламенем вместе со своими защитниками, в то время как мы

пронеслись внутрь, стремясь поскорее ввязаться в настоящую схватку с врагом.

С треском, который отозвался во всем прочном бронированном корпусе нашей машины, мы протаранили то, что осталось от ворот, сорвав их с петель, и пошли юзом, выискивая цели для стрельбы. Закрепленные на корпусе лазерные пушки заговорили, эхом отзываясь на треск и разрывы полыхающего по верху стены пламени, хотя крики умирающих от их огня врагов и не были столь впечатляющи, как доносившиеся со стены, — очевидно, Тайбер и его люди считали, что тоже имеют право повеселиться. Я окинул взглядом картину бойни, стараясь сориентироваться, и, едва мне это удалось, у меня перехватило дыхание от ужаса. Что-то в нашей затее пошло более чем не так.

Внутреннее строение территории склада было именно таким, как его описывал планшет данных Тайбера: параллельные ряды низких, крытых шифером зданий, построенных из того же серого камня, что и стены, тянулись вдоль

центрального четырехугольного плаца. Но в документации не было ни слова о том, что он будет весь забит орочьими багги, по меньшей мере парой дюжин их, не говоря уже о множестве зеленокожих, толпой выбегающих из зданий, дабы встретить нашу неожиданную атаку.

— О фраг! — с трудом выдохнул я.

Фелиция подарила нам немного времени, еще раз залив драконьим огнем передние ряды с яростным воем наступающих варваров, положив между нами препятствие из полыхающего топлива, на попытку преодоления которого не сразу решились бы и наиболее агрессивные из них. Но, казалось, числа прибывающим новым врагам не будет, и, едва техножрица преградила дорогу первой толпе, тут же с тыла на нас бросилась еще одна.

— Назад! Убираемся!

Наш водитель попытался было подчиниться, но, едва он принялся разворачивать машину, грубая ракета разорвалась под нашей правой гусеницей. Я услышал леденящий душу скрежет, с

которым ведущие колеса соскочили с ленты траков, зарываясь в утоптанную грязь вокруг, — и мы, дернувшись, встали намертво.

Багги, который должен был последним из машин нашего отряда войти в пределы стены, почти сумел выбраться наружу, прежде чем водитель пал жертвой огневого шквала из ручного оружия зеленокожих, пусть и все так же плохо нацеленного. На этот раз огонь оказался настолько плотным, что орки просто не могли промахнуться. Машина, потерявшая управление, кувыркнулась, придавив при этом нескольких нападавших, прежде чем врезаться в серокаменную стену одного из зданий. Гренбоу и его команда ополченцев едва сумели, шатаясь, выбраться из-под обломков своего транспорта, когда на них навалилась орда завывающих, размахивающих топорами врагов.

Ополченцы, по правде говоря, проявили себя более чем достойно, успев дать несколько залпов по приближающемуся противнику, но у них, конечно же, не было ни единого шанса устоять против толпы

Лишь пара надвигающихся орков зашаталась, когда лазерные заряды ударились в их грубую броню, но это было и все, чего удалось добиться команде ополченцев, прежде чем они были вырезаны под корень. В яростной демонстрации воистину звериной дикости орки буквально разорвали несчастных на куски прямо на моих глазах.

— Пирс! Требуется немедленная эвакуация! — вспомнил я о воксе.

— Простите, комиссар, мы тут и сами несколько завязли, — откликнулся он после некоторой паузы. — Мы пошлем за вами кого-нибудь, как только сможем выйти из боя.

А к тому времени, вероятнее всего, я превращусь еще в одну кучу кровавых обрубков. Орки уже разворачивались и тут же всей толпой готовы были броситься на нас, принеся нам скорый конец, если бы один из все еще слабо подергивающихся подчиненных Гренбоу не сумел каким-то образом привести в действие одну из гранат, которые у них были с собой, совершив последний отчаянный акт

посмертного возмездия.[104]

Внезапный взрыв застал врага врасплох, сбив несколько орков с ног (хотя я обладал достаточным уважением к их жизнестойкости, чтобы не принимать на веру тот факт, что они не поднимутся снова) и заставив остальных развернуться к неожиданному источнику угрозы со скоростью жалящей змеи.

Этот краткий миг, на который их внимание было отвлечено, стал моим спасением. Не успев даже осознать, что мое тело куда-то двигается, я выпрыгнул из люка и бросился бежать, стараясь держаться за преградой из горящего прометия и направляясь к укрытию у ближайшей стены. Только достигнув ее, я понял, что из-за этого поступка теперь между мной и воротами оказался не только пылающий ад прометия, но и основная масса зеленокожих вместе с подбитой «Химерой».

Но, по крайней мере, я получил некоторый шанс остаться незамеченным. Пока орки сосредотачивали внимание на

тех целях, что были у них непосредственно перед глазами, я мог бы попытаться выскользнуть отсюда, не привлекая лишнего внимания. Тайбер, очевидно, решил оставаться за броней своей машины, отстреливаясь из закрепленных на броне лазерных пушек, в то время как стрелок, как мог, резал врага из тяжелого вооружения. Но, насколько я мог судить, всего этого было недостаточно — уничтожение обездвиженной машины оставалось лишь вопросом времени. Прямо на моих глазах отряд орков бросился вперед, волоча заряды взрывчатки размером немногим меньше крышки того люка, который я столь недавно освободил от своего присутствия. Уже когда мне было показалось, что им удастся приладить заряды к броне машины, они упали, скошенные огнем автопушки Демары, рев которой разнесся, перекрыв даже крики зеленокожих и треск пылающего топлива.

С надсадно завывающим двигателем грубая орочья машина, которую мы захватили такие долгие недели назад,

ринулась в сторону затерянной в массе врага «Химеры», в то время как двое стрелков поливали все вокруг огнем своего орудия, очевидно рассчитывая прийти на помощь выжившим солдатам. На мгновение мне стало нехорошо. Похоже, мое рефлекторное стремление обезопасить себя на этот раз предало меня и я в своем инстинктивном порыве лишь удалился от возможного спасения.

Это впечатление, впрочем, продержалось не более секунды. Еще две столь же грубо сработанные ракеты ударили в рвущийся вперед грузовик, а град болтерных и стабберных зарядов забарабанил по его небрежно сваренной броне. Демара завалилась назад, зияя кровавой дырой там, где была ее татуировка, а большая часть ее мозга, должно быть, последовала за тем снарядом, который вырвался у нее из затылка. Едва она упала, Тэмворт вместо нее встал к автопушке, пытаясь не прекращать стрельбы, но, в свою очередь, был срезан, вероятно, болтерным зарядом, разнесшим в клочки его грудную клетку.

Не знаю, что произошло с водителем, но сильно подозреваю, что также ничего хорошего. В любом случае подвергшийся столь дурному обращению грузовик завалился набок и покатился, размазав по пути несколько зеленокожих, но не так много, как мне хотелось бы.

— Осторожнее, сэр. — За мной раздался треск лазерного выстрела, и я обернулся, в то время как обоняние мое уже отметило знакомый запах. Юрген стоял с поднятым к плечу лазганом, а зеленокожий с большой дырой в голове лежал лицом вниз в нескольких шагах от него. — Этот до вас почти добрался.

— Благодарю, Юрген, — произнес я, невыразимо обрадованный его появлением.

Вне сомнения, увидев, как его комиссар исчезает в люке, он просто устремился следом, рассудив, что место его возле меня, и в текущих обстоятельствах я ни за что не собирался спорить с логикой своего помощника. Если вы вдруг обнаруживаете себя в окружении завывающих, обезумевших от вида крови орков, то, поверьте мне, нет ничего лучше,

чем иметь за плечом вальхалльца, и не было ни одного вальхалльца, который сравнился бы с Юргеном. Мой помощник просто кивнул, бросая взгляд на картину резни, которой я был заворожен лишь мгновение назад, со своим обычным выражением тупой безмятежности.

— Всегда готов, сэр. Вот вляпались, а?

— Да уж, боюсь, что так, — согласился я, вытягивая из ножен цепной меч со всей решимостью, которую только мог в себе отыскать.

Мой лазерный пистолет, как мне пришлось отстраненно отметить, уже давно был в моей другой руке, несомненно выхваченный чисто рефлекторно, когда я ринулся прочь из нашей бронемашины. При беглом взгляде вокруг мне не удалось обнаружить ничего, что могло бы помочь нам. Осажденная «Химера» продолжала, впрочем, стягивать на себя огонь врага, и это было, я уверен, единственное, почему зеленокожие до сих пор не уничтожили ее. Они могли бы завалить защитников одной лишь массой своих тел, но, как и всегда,

орочья меткость приносила больше разрушений им самим, чем крепкой броне машины, и, кажется, рикошеты и промахи косили едва ли не такое же число врагов, как неутихающий и дисциплинированный огонь со стороны окопавшихся в ней солдат. Модифицированного «Часового» не было видно, так что я мог питать надежду хотя бы на то, что Фелиция выбралась в безопасное место.

Как и частенько в тех случаях, когда смерть казалась неотвратимой, я почувствовал, что на меня снисходит странный фатализм, охватывая меня целиком. Это чувство мне приходилось испытывать не раз и не два в своей жизни, и уверен, что оно является частью того острого инстинкта выживания, который, вопреки всем шансам и ожиданиям, позволил мне теперь, спустя почти век после тех событий, сидеть здесь, в тихом кабинете, с бокалом амасека и планшетом, чтобы писать эти мемуары для будущих поколений. Хоть эти записи вряд ли когда-нибудь будут прочитаны, потому как Эмберли или кто-нибудь

подобный ей, несомненно, хорошо об этом позаботится, так что, честно говоря, один Император знает зачем я вообще этим занимаюсь. Но поскольку я не приходил к исповеди с тех самых пор, как, на горе этой галактике, вырвался из стен Схолы, и, вероятно, если попытаюсь сейчас, то Нюта[105] определенно хватит удар, похоже, эти записки являются просто единственным для меня способом выговориться и попробовать расставить все события мой жизни по своим местам.[106]

В любом случае время от времени на протяжении своей жизни мне приходилось замечать, что, когда шансы на то, чтобы пережить ближайшие десять минут, представляются в лучшем случае незначительными, доступная сознанию перспектива изрядно сужается и все мысли сосредотачиваются на том, чтобы не погибнуть в ближайшие несколько секунд, а если это удалось, то лишь тогда задумываешься о следующем, столь же коротком отрезке времени. Вероятно,

этому я обязан тем фактом, что следующий мой шаг, возможно, покажется совершенно контрпродуктивным в общем контексте того, где мы оказались и что происходило вокруг нас, но, несомненно, именно он в конечном итоге выиграл нам несколько следующих секунд безопасности, которые потребовались, чтобы заново оценить ситуацию и поискать другую стратегию, которая сохранила бы наши жизни еще на мгновение-другое.

— Сюда, — бросил я, направляясь к сомнительному укрытию за кучей вывернутых деталей машин, лишь раз оглянувшись на продолжавшуюся яростную битву, победа в которой могла прийти лишь к одной заранее известной стороне.

Мы же метнулись под защиту ближайшего здания и вырвались в относительно спокойное пространство между ним и еще двумя, на краю той площади, что была занята орочьими машинами. Что-то в этих экземплярах техники зеленокожих показалось мне отличным от тех, которые я видел (а также взрывал или экспроприировал) за

последние недели, так что мне захотелось присмотреться тщательнее, чтобы понять, что же это было. Они определенно содержались не в большем порядке и были не чище, чем любые другие, но бронеплиты на них казались толще, чем обычно, и большинство из них были так или иначе украшены. Безвкусные штандарты или отвратительные трофеи были выставлены на шестах над ними, и едва ли не все они были разрисованы грубо намалеванными символами, подобными тем, которые мне довелось видеть над воротами. Я указал на них Юргену, который, в конце концов, был единственным поблизости экспертом по привычкам этих тварей:

— Что ты об этом скажешь?

Мой помощник пожал плечами.

— Нобы, — произнес он, как будто это все объясняло.

Спустя мгновение я вспомнил значение орочьего слова, которое он сообщил мне, когда пытался объяснить их систему командования и организации армии (которая, в целом, сводится к тому,

что самые крупные и злые отдают приказы, а все остальные соглашаются либо становятся закуской,[107] — что, полагаю, по здравом размышлении не столь уже отличается от того, как все происходит в человеческих сообществах).

Юрген указал на пару знамен:

— Похоже, тут разные собрались.

Внутренности мои сжались от того, какие последствия для нас подразумевала эта походя брошенная фраза.

— То есть мы что, забрели прямо в какой-то их штаб? — уточнил я.

Мой помощник кивнул.

— Похоже на то, — согласился он.

Прежде чем мы смогли развить свою мысль, дверь ближайшего здания распахнулась достаточно грубо, чтобы дерево ее треснуло, и самый громадный, самый злобный орк, какого только видели мои глаза с самой посадки на Перлию, с завываниями вылетел из проема с явным намерением лично разобраться с людьми, имевшими наглость вторгнуться в его личное пространство. На добрую голову

выше пристроившихся по сторонам от него телохранителей, которые сами по себе были крупнее и мускулистее любого другого зеленокожего, которого нам приходилось встречать, он скачком бросился вперед, являя собой зрелище того истинно хищного зверя, которым и являлся. Смутное чувство узнавания промелькнуло в лобных долях моего скованного ужасом мозга, и через секунду все встало на свои места.

— О нет, — произнес я. — Да это же проклятущий Корбул.

Возможно, я привлек его звуком своего голоса или он уловил запах Юргена, но эта огромная, украшенная клыками голова мгновенно повернулась в нашу сторону, чтобы окинуть нас немилостивым взором, и с ревом, потрясшим меня до основания костей, самый большой и злобный орк во всем этом секторе галактики бросился на меня в атаку.

Время застыло, до бесконечности растянув каждую секунду, как это всегда казалось, когда в дело вступали мои воинские рефлексы. Если бы у меня в тот

момент не было цепного меча наготове, враг, возможно, просто размазал бы меня чистой мощью и дикостью своего рывка, но вся та практика, через которую я себя прогнал за время, проведенное на борту спасательной капсулы, и все те битвы, в которых мы участвовали с момента нашего прибытия сюда, пришли мне на помощь, и мне удалось увернуться от первого выпада — тогда мне показалось, что лишь чудом. Я даже успел всадить несколько выстрелов в его тушу, но с тем же успехом мог кидаться гнилыми овощами. Лазерные заряды, не причинив никакого вреда, ударились в скрежещущие пластины грубого металла, закрывавшие тело и конечности орочьего полководца, и мне подумалось, что, какой бы грубой ни была несомая им броня, она, на мой взгляд, демонстрировала несомненную эффективность. Тут он принялся за меня вплотную, нанося удары механической клешней, приваренной к его металлическому панцирю.

Лишь увернувшись от нее и выбив ответным ударом фонтан искр из его

брони, мне удалось полностью осознать то, что видели мои глаза. С содроганием ужаса я понял, что это была силовая броня, подобная той, которую носят наши Астартес или Сороритас, и что вторая механическая рука чудовища представляет собой встроенную пушку с дулом, как показалось моему застланному паникой взгляду, таких размеров, что я мог бы просунуть в него голову.[108]

Если бы Корбулу хватило мозгов выстрелить в меня из этого орудия, то, несомненно, все было бы кончено за считаные секунды, но, вероятно, он был настолько охвачен яростью и жаждой крови, что подобная мысль не пришла ему в голову. Поэтому я просто продолжал увертываться от его выпадов, бесполезно нанося рубящие удары визжащим о его броню цепным мечом, отчаянно выискивая уязвимое место, в то время как закованный в металл монстр раз за разом бросался на меня с проворством, которое совершенно не соответствовало массивности его тела, щелкая и рубя своей металлической

клешней, подобно тиранид-ликтору, и изливая поток хриплых нутряных криков, очевидно бывших угрозами и проклятиями, так что я лишь порадовался, что совершенно не говорю на орочьем.

— Юрген! — выкрикнул я. — Ради Императора, пристрели фраггера!

Не то чтобы у моего помощника было много шансов причинить твари значительный вред, но, возможно, я мог бы воспользоваться хоть небольшим его замешательством, дабы найти брешь в его броне либо путь к бегству.

— Не могу, сэр. — Юрген держал нас обоих на мушке, и я был уверен в своей способности заставить Корбула развернуться так, чтобы он оказался между нами, чтобы мой помощник мог сделать чистый выстрел, но что-то в тоне его ответа не дало мне повторить приказ. Конечно же, сделай я это, мой помощник выполнил бы распоряжение, но он знал повадки этих зверей и по какой-то причине посчитал это плохим решением... — Остальные бросятся на нас, если я так сделаю.

Только в этот момент ко мне пришло осознание того факта, что приближенные военного вождя орков держатся поодаль, наблюдая за битвой, подобно зрителям подпольного боя на арене в нижних уровнях улья, вместо того чтобы наброситься на меня сообща, как я ожидал бы от их породы. Очевидно, они не хотели вмешиваться, хотя даже ради собственного спасения я не мог придумать почему бы.[109]

Впрочем, тогда этот вопрос меня не слишком занимал — имело значение только желание победить соперника и убраться к дьяволам оттуда, пока нашей аудитории не наскучило щелкать орешки, наблюдая, вместо того чтобы самим приложить руки к стычке.

Единственной частью тела моего оппонента, не защищенной броней, как я мог видеть, была морда, так что мне оставалось лишь рубануть, целясь в нее, направляя основную мощь удара прямо меж налитых кровью маленьких глазок и лишь в последний возможный момент меняя

положение лезвия так, чтобы попасть в то самое уязвимое место прямо над переносицей, которое показывал мне Юрген. Но, как ни стремителен был удар, Корбул оказался быстрее. С нечеловеческой силой и скоростью, дополнительно увеличенными энергетической броней, которую зеленокожий нес на себе, он легко остановил мой визжащий клинок своей клешней, завывающе расхохотавшись, когда искры от крутящихся адамантовых зубьев, встретившихся со сплавом его брони, дождем рассыпались вокруг нас.

Несмотря на то что я прилагал все силы, до последней капли напрягая руку, он начал медленно отжимать мой же меч ко мне. Я дернулся, будто бы рефлекторно увертываясь, и он надавил еще сильнее всем своим весом, наслаждаясь этой садистской игрой, — таким уж полным ненависти дерьмососом[110] он был.

Его морда приблизилась к моему лицу, когда он придвинулся ближе, и зловонное дыхание заставило меня поперхнуться, а вид слюны, потекшей из

углов его пасти, когда он зашелся радостным хохотом, вызвал острый приступ тошноты. Его сородичи подхватили смех, хотя было ли это из честной радости или из вызванного чувством собственного сохранения лизоблюдства, я не мог с точностью сказать.[111]

— Ну давай! Взгляни хорошенько! — подбодрил я врага, внезапно расслабляя руку, оборачиваясь вокруг оси и таким образом уходя от опускающегося лезвия, как изначально и задумывал.

Другой рукой я вогнал дуло лазерного пистолета так глубоко в его глазницу, как только мог, забрызгав себя кровью и гноем.

Корбул взвыл от ярости и боли, но прежде, чем он смог как-то отреагировать, я несколько раз нажал на спусковой крючок. Лазерные заряды разорвали мозг, сколько бы его там ни было, и ударились о толстый металл, призванный защищать затылок орка, весьма качественно превратив содержимое его черепа в пюре. Не желая быть

задавленным насмерть прямо на месте своей победы, я отпрыгнул в сторону, и едва ли не четверть тонны мяса и металлолома повалилась на землю передо мной с задумчивой неотвратимостью горной лавины.

Опустилась тишина, нарушаемая только треском ружейного огня вдалеке. Это указало мне на тот факт, что, несмотря на превосходство врага, Тайбер все еще сражается. Если уж на то пошло, шум в том направлении, казалось, только усилился. Здесь же десяток орочьих рож пялились на меня с расстояния всего нескольких метров, разделявшего нас, с одинаковым выражением совсем уж имбецильного ошеломления, если сравнивать с обычным для зеленокожих. Я начал было шарить ногой, чтобы сделать шаг назад.

— Не сходите с места, сэр, — посоветовал Юрген, сам стоя как пришитый. Мне оставалось только с покрытым хлюпающим звуком освободить свой пистолет, подобрать цепной меч и последовать его совету. Он больше знал о

зеленокожих, чем я, и пока что не дал мне ни единого плохого указания. — Если мы побежим, то они бросятся на нас, как блохи на гончую.

— А если мы останемся стоять? — трачно спросил я.

Мне не пришлось долго ждать ответа. Один из бывших наблюдателей, самый большой и грозно выглядящий из всех, но все же значительно недотягивавший по представительности до Корбула, гаркнул что-то, вероятно являвшееся приказом, и указал в нашем направлении. Мой помощник, впрочем, и не подумал двинуться с места, так что я снова последовал его примеру, остановившись на том, что театрально крутанул цепным мечом, чтобы стряхнуть с него железную стружку, и навел пистолет на подавшего голос, искренне надеясь, что оружие пропиталось соками их военного вождя не настолько, чтобы потерять возможность стрелять.

— Я не уверен, — произнес Юрген, что было совершенно неутешительно, — но мой папаша всегда говорил...

Голос его был заглушен еще одним ревом, на этот раз исходившим от другого орка, очевидно не слишком желавшего принимать приказы от первого попавшегося выскочки. Спустя мгновение уже все они орали друг на друга, подобно подросткам на спортивной площадке, и, будучи зеленокожими, не замедлили перевести диспут в чисто физический план. Первый выстрел раздался через секунду или две, а через десяток перебранка готова уже была перерасти во всеобщее смертоубийство.

— Кайафас! Сюда! — окликнул меня знакомый голос, и я внезапно осознал, что возле угла ближайшего здания стоит заглушенный погрузчик Фелиции. Одна из его клешней исчезла, а другая была погнута, но сама техножрица бешено ухмылялась. Окатив просто на всякий случай передравшихся между собою зеленокожих из огнемета, она двинула свою машину к нам и жизнерадостно помахала сверху из кабины. — Залихватский был трюк с пистолетом. Я уж думала, он до тебя добрался.

— Он тоже так полагал, — произнес я, стараясь не задумываться о том, как близко была гибель. — В этом-то весь и фокус.

— Покажу вам пикты, вот только выберемся отсюда, — произнесла она, и это было первым упоминанием о том, что она снарядила кабину своей машины, помимо вокса, еще и записывающей аппаратурой, хотя, полагаю, учитывая, что она все-таки оставалась в первую очередь техножрецом, это было неизбежно. И оказалось весьма, надо сказать, полезным, чтобы подтвердить всю нашу историю перед командованием, хотя, если бы я только знал, как широко разойдутся эти пикты и как много ненужного внимания они привлекут ко мне в дальнейшем, я, вероятно, постарался бы собственноручно стереть их.[112] Однако в тот момент, бросив эти слова, Фелиция сразу же обратила мысли к совершенно другим материям. — Пламя подбирается слишком близко к машинам. Думаю, пора бы нам сваливать.

— Вероятно, не помешало бы, — согласился я, когда первый из стоящих багги за нашими спинами взорвался от жара. Я сделал жест в сторону ворот, куда, как подсказал треск переговоров в моем микронаушнике, наконец-то прибыл Пирс с подкреплением и вызволил Тайбера из ловушки. Несмотря на столь желательное вмешательство, вокруг еще было достаточно бегающих на воле зеленокожих, и «Часовой» был гораздо более пуленепробиваем, чем мы с Юргеном. — После вас, леди.

Примечание редактора

Как мы и привыкли на протяжении этих записок, отчет Каина о его приключениях на Перлии обрывается довольно внезапно. Я, таким образом, решила предварить этот момент последним отрывком из книги Каллиса, с тем чтобы представить более удовлетворительный обзор результатов похождений нашего героя, и доверяю этому фрагменту восполнить большинство пробелов в повествовании самого Каина.

Из книги «Зеленая кожа, черные сердца: Вторжение орков на Перлию» за авторством Гисмиони Каллиса, 927.М41:

«Бесстрашный рейд Каина в логово того монстра, который принес столько разрушений и страдания народу Перлии, оказался последним гвоздем в гроб орочьего вторжения. Со смертью Корбула коалиция орочьих племен, которую он с таким успехом вел вперед, распалась без следа в последовавшем водовороте внутренних

свар, сделав их по отдельности легкой мишенью для сил Имперской Гвардии, которые во все увеличивающемся числе прибывали на орбиту. В течение года Перлия была совершенно очищена от зеленокожей заразы, и лишь несколько рассеянных в пространстве звездных кораблей оставались в системе, учиняя иногда некоторый разор,[113] в то время как и другие миры, затронутые вредоносным присутствием орков, постепенно были вырваны из их отвратительных лап.

Не нужно и говорить, что местонахождение Корбула было предметом пристальнейшего интереса имперского командования, и орбитальное наблюдение за его штабом было достаточно плотным, чтобы атака Освободителя не осталась незамеченной. Мы можем лишь предполагать, с каким ошеломлением были приняты новости о подобном нападении на него, которое затмилось лишь осознанием, что честь эта принадлежала той загадочной армии, которую полагали погибшей на другой

стороне гор днем раньше.

Рассуждений о том, кто эти выдающиеся воины и кто вел их за собой, несомненно, было более чем достаточно. И на оба эти вопроса вскоре был получен определенный ответ.

Поскольку орочьи войска пришли в совершеннейшее смятение, ставка имперских войск, не теряя времени, подняла свои силы в столь долго ожидавшуюся контратаку через перешеек.

Теперь, когда зеленокожие не могли более организовать эффективной обороны, отряды Имперской Гвардии и СПО ударили по варварским пришельцам подобно молоту, сметая их в ряду славных побед, пока наконец не вошли в зону вокс-связи с нашими возвращающимися домой героями. И именно тогда народ Перлии впервые узнал имя человека, которого они до сих пор не устают благодарить за свое спасение. — Кайафаса Каина, Освободителя».

Глава двадцать шестая

Конечно же, даже после всех этих событий наше путешествие не стало похоже на плавание под парусом по спокойной воде, потому как нам все еще предстояло прорваться через основную массу орочьей армии, — только тогда мы могли оказаться в безопасности. Но когда начала разлетаться весть о смерти их вожака, орки вокруг нас, казалось, совершенно лишились скреплявшего их силы боевого духа. Каждый из них в отдельности оставался таким же сильным и яростным, как и раньше, ведь, в конце концов, орками они быть не перестали, однако трещины, пробежавшие по всему их хрупкому содружеству, которое спаивалось Корбулом и чистой силой его личности (или чем уж она заменялась у военного вождя орков), начали показываться все более явно и едва ли не по всей их армии одновременно.[114]

Несколько раз на протяжении последнего отрезка пути мы

приближались к чему-то напоминающему зону активных боевых действий, чтобы обнаружить, что все сражавшиеся были орками, выяснявшими свои разногласия единственным путем, что был отточен долгим существованием их рода, совершенно не заботясь о вреде, который они причиняли этим достижению своей главной цели.

Не то чтобы мы собирались жаловаться на подобный поворот событий. Чем больше они убивали один другого, тем меньше их оставалось на нашем пути. Более организованные группы врага, которые нам не удавалось обойти, мы просто походя сметали с дороги, и в целом задача продвижения вперед была в немалой степени облегчена для нас тактическими сведениями, которые мы начали получать из имперской командной сети, дававшими нам гораздо лучшее понимание того, что нас ждет на пути, чем в начале этого долгого странствия. По ходу дела Маркони наконец сумел достучаться до кого-то среди имперских сил, кто с весьма похвальной скоростью передал связь вверх

по цепи командования, пока вокс-оператор не информировал меня с таким выражением, будто сам себе не верил, что кто-то по имени Алкас, оказавшийся главнокомандующим армиями западного континента, желает переговорить со мной.

— Каин на связи, — сказал я, повышая голос, дабы перекричать рев двигателя «Химеры», и вкладывая в него ровно отмеренную дозу собственного комиссарского достоинства. — Чем могу быть полезен вам, генерал?

— Для начала мне не помешал бы полный рапорт, — откликнулся голос на другом конце с некоторым оттенком веселья. Никогда раньше мне не приходилось говорить ни с кем столь высокого ранга, кроме как на местных светских приемах, так что я был приятно удивлен, что юмор входил в число его качеств. — Но это подождет. Вы можете подтвердить смерть Корбула?

— Оставлял его определенно мертвым, — произнес я, понимая, что чем менее многословным буду сейчас, тем

больше доверия мне будет, когда выдастся время придумать красивую историю, объясняющую, почему я вообще столкнулся с военным вождем орков.

Голос на другом конце вокса ненадолго исчез, но я мог слышать, что он передает полученную информацию кому-то поблизости. Когда генерал вернулся к разговору со мной, то, казалось, сделался еще более доброжелательным.

— Как следует из доклада вашего сержанта, вы покинули защищенную позицию, чтобы лично уничтожить вражеского лидера.

Как хорошо, подумалось мне, что Тайбер так полагает: он, должно быть, решил, что я покинул «Химеру», когда заметил орочьего военачальника, — мне самому никогда не придумать лучшей трактовки. Теперь оставалось лишь подтвердить впечатление, созданное у командования Тайбером.

— Когда я его заметил, размышлять времени не было, — произнес я, и это была чистая правда. — Но, полагаю, по зрелом размышлении более верным решением было

бы не покидать позиции и дождаться подхода подкреплений.

— Нам всем очень повезло, что вы так не поступили, — произнес Алкас, и я почувствовал по голосу, что он в довольно большой мере впечатлен моим поступком. — Предвкушаю услышать всю историю целиком, когда увижу вас. Наши передовые части должны выйти на соединение с вами в любую минуту.

— Если зеленокожие будут так добры, чтобы подвинуться и дать нам пройти, — отозвался я, затем взглянул на тактический дисплей.

Первая волна имперских войск уже двигалась через перешеек, орочьи оборонительные рубежи сметались воздушными налетами и прицельными ударами бронетанковых подразделений. Продвижение наших сил почти не встречало помех, и мне пришлось признать, что я впечатлен тем, как быстро им удалось прорвать орочьи ряды.[115]

Но едва я оценил наше нынешнее

расположение, как мои ладони снова объял знакомый зуд, ощущать который теперь мне уж совершенно не хотелось.

— Похоже, довольно большая часть их направляется к нам.

Конечно же, пока еще далеко не все орочьи силы дрогнули и обратились в бегство, но те, к которым это относилось, казалось, все как один бежали как раз в нашу сторону.

— Я уверен, что после всего, через что вам довелось пройти, это не станет для вас такой уж проблемой, — радостно заявил Алкас, и мне пришлось поднапрячься, чтобы голосом не выдать своего отношения к его словам.

— Конечно же, мы что-нибудь придумаем, — произнес я, остро осознавая, что любая другая реакция опасно подорвет доверие ко мне, хотя внутренне бранился так, как вы едва ли можете себе представить, затем посмотрел на Пирса, который все еще купался в лучах славы после нашего удачного нападения на штаб Корбула и, казалось, полагал меня в результате лучшим тактическим умом

со времен Махариуса.

Молодой капитан кивнул на мои последние слова.

— Непременно, — согласился он.

В конце концов же, тот план, к которому мы пришли, совершенно нельзя было назвать идеальным, но это было лучшее в текущих обстоятельствах. Мы уже далеко продвинулись по прибрежной равнине, устремившись со всей возможной силой и скоростью в сторону занятой нашими войсками дуги, которая продолжала расширяться продвигавшейся по перешейку, подобно приливной волне, имперской армией. К счастью, мы уже оставили за спиной пахотные земли на перешейке, выйдя на относительно открытые вересковые пустоши, примыкавшие к самому берегу моря, по которым наши машины способны были продвигаться с хорошей скоростью, сохраняя правильный оборонительный строй (со мной, расположившимся, конечно же, так близко к его центру, насколько можно было себе позволить). Когда основная масса удирающих зеленокожих

приблизилась, мы вывели бронетанковое подразделение вперед, готовясь пробить их скопление в самом тонком месте, которое только могли обнаружить.

Показания ауспика подсказывали мне, что последний термин будет, в лучшем случае, условен. Настоящая метель контактных значков усеивала экран прибора, и я высунулся в верхний люк, чтобы оценить ситуацию более непосредственно с помощью ампливизора.

Вскоре я уже пожалел, что подобное вообще пришло мне в голову. Прохладный ветер побережья, благоухающий солью и острым запахом водорослей, пахнул мне в лицо. Я поднял оптический прибор и обнаружил, что неясная колеблющаяся линия на горизонте — это идущие волна за волной орочьи машины, набитые солдатами и приближающиеся к нам со всей возможной для них скоростью. Впрочем, менять решение было уже поздно, потому как пытаться бежать от них в другую сторону, впереди этого стремящегося на восток потока, было бы совершенно бессмысленно, да и

организовать оборону на едва холмистом, поросшем лишь пятнами папоротника пространстве было совершенно негде. Скорость и огневая мощь теперь были нашими единственными союзниками вместе с надеждой, что страх перед имперскими силами, наступающими им на пятки, окажется для орков сильнее порыва остановиться и уничтожить нас.

— Проредить строй врага! — приказал я.

И наши танки открыли огонь, едва приблизившись на оптимальное расстояние, пробивая бреши в крупных соединениях зеленокожих, в то время как противопехотное вооружение наших машин било с прицелом на то, чтобы не дать им более воссоединиться.

Позади орочьих машин, второй волной, бежали бесчисленные фигуры — те из орков, кому не повезло найти себе транспорт, без устали спешили вслед за своими более везучими собратьями. Заряды наших минометов, рискованно расположенных в открытых орочьих машинах, начали рваться в гуще врага —

как и ожидалось, провоцируя у них приступ неконтролируемой ярости, с которой зеленокожие бросились на нас, едва не догнав разношерстное собрание багги и грузовиков, идущее впереди, прежде чем те прибавили газу, а их стрелки принялись вести огонь куда-то в нашем направлении, как и обычно, совершенно не заботясь о его точности.

— Не позволяйте им сплотить ряды! — подбадривал я, надеясь, что мы сможем преодолеть инстинкт орков к групповым действиям, как мы это сделали в пустыне несколько недель назад.

Если бы мы сумели повторить это, то можно было бы просто пройти через их строй как сквозь масло...

Один из наших багги взорвался всего в нескольких метрах от нашей несущейся вперед «Химеры», пав жертвой случайного попадания, и я нырнул под защиту люка, как раз когда остатки машины и ее несчастного экипажа забарабанили по нашей броне, затем поспешил к недавно покинутому мной экрану аупика:

— Работает?

— До определенной степени, — отозвался Пирс, указывая на мерцающие точки.

Наша атака, несомненно, вызвала замешательство в рядах зеленокожих, но, кажется, они восстанавливали свои порядки, несмотря на все наши усилия предотвратить подобное развитие событий, и делали это до отвращения успешно. На моих глазах им удалось подбить один из наших «Леман Руссов». Теперь в любой момент они могли сосредоточить огонь на центральной части нашего конвоя, и все было бы кончено. Я начал ощущать горький вкус желчи во рту. После всего, что нам удалось пережить, споткнуться здесь, почти избежав опасности...

— Приближаются воздушные объекты, — доложил Орилли, указывая на кучку быстро движущихся пятен на экране, утешительно помеченных имперскими символами.

Еще несколько дружественных значков появилось на самой границе экрана, и эти двигались медленнее,

предположительно являясь нашими наземными силами, преследующими тех самых орков, с которыми мы столкнулись. Возможно, ситуация все же не была настолько безнадежной. Несмотря на врожденную осторожность, я снова выглянул поверх люка, как раз вовремя, чтобы увидеть, как подоспел имперский авианалет.

Три быстро движущихся точки, едва ли не слишком стремительные, чтобы за ними вообще мог уследить глаз, отвесно рухнули к земле, превратившись в знакомые силуэты «Молний», которых мы видели раньше (или, конечно, очень похожих). Они пронеслись над орочьими рядами, завывая, подобно демонам мщения, и их орудийные пилоны сверкали, будто роса на ярком утреннем солнце, сея за собой смерть и разрушение. Густой столб дыма поднялся из самого центра вражеского построения, и оглушенные выжившие бестолково закружились на месте в крайнем смятении.

— По слабому месту! — приказал я, и наши стрелки взяли прицел на выживших

орков, как никогда хорошо помня о необходимости удержать их от восстановления сплоченного строя (конечно же, «сплоченного» в понимании лишь самих орков).

Наш, подобный ярости берсеркера, прорыв, едва ли менее отчаянный или безумный, чем только что демонстрировали противостоящие нам орки, снова начал набирать силу, метя в ту брешь, которую нам так заботливо открыли пилоты Имперского Флота. В то время я просто вознес благодарность Императору за подобное счастливое стечение обстоятельств, мало представляя себе, как плотно следили за нашим продвижением вперед в эти последние дни и как велико было желание высших эшелонов командования заполучить нас живыми для рапорта.

Сближаясь с врагом, мы, конечно же, оставались под его огнем и потеряли еще несколько отрядов ополчения и даже пару «Химер»,[116] но основная часть наших машин продолжала движение вперед,

несмотря ни на что, нанося врагу не меньшие, если не сказать большие потери.

Я увидел, как орочий дредноут получил от «Лисичек» снаряд в грудь и исчез в яростном взрыве, прихватив с собой несколько оказавшихся поблизости байков, боезапас которых тоже воспламенился от жара.

Внезапно мы очутились в самой середине вражеских рядов, и я вцепился в установленный на турели болтер, поливая огнем все зеленое, что появлялось в поле моего зрения. Было уже слишком поздно нырять обратно и позволить позаботиться об этом Юргену, потому как те несколько секунд, которые на это потребовались бы, могли дать оркам достаточную передышку, чтобы собраться с теми мыслями, которые у них еще были, и снова открыть по нам сколько-нибудь эффективный огонь. Попадал ли я тогда вообще во что-то, не имею ни малейшего понятия, но мой облик, кажется, воодушевил идущих за мной людей, которые продолжали действовать в том же духе, заставляя выживших орков

поплясать, и я постепенно осознал, что плотные группки слабо отстреливающихся врагов, которые появлялись в моем прицеле, становятся все меньше и меньше и что в перекрестие больше не попадает ни одной их развалюшной машины. Стрелок нашей «Химеры» уничтожил залпом из мультилазера последнюю кучку врагов, и я внезапно понял, что мы прорвались.

— Дружественные войска приближаются с запада, — доложил Орилли с ноткой неверия самому себе в голосе. — Вражеских единиц впереди не видно.

— Прорвались! — хлопнул меня по спине Пирс, едва я соскользнул обратно в машину, и спонтанный крик радости поднялся по всей длине нашего побитого, но выжившего конвоя.

Гораздо больше половины солдат и большинство ополченцев, кажется, все еще были с нами,[117] и, когда наша машина остановилась вместе с остальными, а Пирс опустил пандус, оказалось, что

выкрикивают они все не что иное, как мое имя.

— Хорошо сработано, Кайафас. — Фелиция перегнулась из кабины своего «Часового», который теперь выглядел еще более помятым, чем раньше, и наградила меня такой знакомой бесшабашной улыбкой. — Кажется, из-за вас у нас все-таки вышел весь запас орков.

— И вовремя, — произнес я, вкладывая в эти слова все, что чувствовал в тот момент.

Знакомая смесь запахов появилась возле моего плеча.

— Рекафа, сэр? — вопросил Юрген, как всегда безукоризненно выбирающий время для подобных вопросов, и я с благодарностью отхлебнул предложенного напитка, прищурив глаза, наблюдая за отрядом «Часовых», спешащих в нашу сторону.

Что-то в их маркировке мне показалось знакомым, и, когда они подобрались ближе, я выдохнул благодарение Императору. Издали я мог ошибиться, но все же...

— Комиссар Каин? — спросил командир эскадрона, спускаясь на землю подле нас и подтверждая своим акцентом заключение, сделанное мною минутой раньше.

Я кивнул, четко возвращая его салют.

— Капитан Ренкин, Триста шестьдесят второй Вальхалльский, — представился он. — Я послан, чтобы сопровождать вас. — Он показал на запад, где нарастал рев двигателей «Химер». — Вы в чем-нибудь нуждаетесь?

— В медицинской помощи для раненых, — без раздумья отозвался я, с легкостью долгой практики играя на свою аудиторию.

Капитан немного расслабился, несомненно ободренный моей заботой о солдатах, и кивнул:

— Будет сделано. Что-то еще?

Я эхом повторил его жест, в свою очередь легко склонив голову.

— У вас не найдется немного танны? — с надеждой спросил я.

[На коем, типично эгоцентричном,

пассаже Каин обрывает описание данного инцидента в своем архиве.]

notes

Примечания

Я предполагаю, что он имеет в виду годы 920--929-й, так как, из-за того что происхождение самого Каина остается туманным, мы имеем только очень общее представление о его собственном возрасте. Не говоря уже о том, что несчетные путешествия через варп еще более запутали этот вопрос. Ведь время, проведенное в этом специфическом пространстве, в лучшем случае весьма относительно по сравнению с его течением в галактике, как мы ее себе представляем.

Упомянутые офицеры на самом деле принадлежали к местным службам охраны правопорядка, а не к кадровому составу Арбитрес, но, как и многие из тех, кто привык много путешествовать с места на места, Каин часто употребляет термин «арбитры» как общий для всех подобных служащих. Учитывая, сколько миров он посетил и то ошеломительное количество вариантов местной номенклатуры, которое существует в галактике, вряд ли ему можно поставить это в вину, хотя обычно Каин склоняется к большей точности при различении рангов, описывая те случаи, когда контактировал именно с представителями Арбитрес.

3

Меня дольше ожидаемого задержали дела с космическим скитальцем «Провозвестник уныния», который оказался вполне соответствующим своему названию.

4

Потребовался еще год или около того, чтобы заражение было окончательно вычищено, но к описываемому моменту проблема уже сократилась настолько, что полномасштабного присутствия Гвардии не требовалось, особенно учитывая, как необходима она была в другой части сектора, где как раз набирал скорость орочий Ваааагх!

Винета Фиу — сержант, одна из местных стражей правопорядка, сопровождавших Каина в его столкновении с генокрадами. Его собственный отчет об этом инциденте, находящийся в другой части архива, делает вполне ясным то, что их отношения выходили далеко за рамки чисто профессиональных.

12-й, будучи артиллерийским полком, делился на батареи, каждая из которых в административном плане являлась примерным эквивалентом роты в строевой части. Каин остается, как и обычно, весьма туманен в том, что касается конкретного боевого порядка батареи, но, похоже, она состояла из полудюжины «Сотрясателей» с их машинами поддержки и личным составом, ответственным за должное функционирование всего этого. Полк также имел в своем распоряжении некоторое количество «Гидр» для противовоздушной обороны, но составляли ли они отдельную батарею или были распределены среди остальных, из его отчета неясно, и, честно говоря, я не озаботилась проверять это в официальных записях. Каин, вероятно, был приписан конкретно к командной батарее, а не на полковом уровне, по крайней мере вначале, но вскоре после прибытия принял

комиссарскую ответственность за все. Вероятно, все остальные комиссары, приписанные к 12-му, не сумели пережить натиск вторжения тиранидов на Дезолатию.

То есть тогда, когда я едва ли не с самой первой встречи поняла, что Юрген является «пустым», одним из тех редких индивидуумов, которые обладают врожденной способностью рассеивать психическое воздействие или порожденное варпом колдовство. Точнее, вначале это обнаружила Рахиль, мой псайкер, незамедлительно отметив сей факт тем, что ясность мысли у нее упала еще ниже, чем обычно, а затем она попросту лишилась чувств прямо на месте их встречи.

Когда у зеленокожих появляется вдруг особенно способный или просто харизматичный лидер, Ваааагх! становится неизбежным результатом. Точно перевести орочий термин сложно, потому как он содержит ряд сопутствующих значений и оттенков смысла, но основные по сути своей отражают сочетание процессов миграции и разрушительной ярости, а склонность и к тому и к другому, кажется, является для этого вида инстинктивной.

Сноваминералка --- отдаленная система, название которой в М23 давал, очевидно, весьма скучающий исследователь.

12-й артиллерийский, как и пара других вальхалльских полков, был задействован на зачистке орочьей рейдерской группы как раз тогда, когда к ним присоединился Каин, хотя к тому времени, как он прибыл, операция действительно уже почти закончилась.

С того самого момента, когда их родной мир подвергся вторжению орков — надо сказать, с видимым отсутствием конечного успеха для последних, — вальхалльцы ненавидели зеленокожих больше, чем любого другого из врагов Императора.

Строго говоря, их связь не противоречила армейским правилам, поскольку Флот располагает своими собственными, приписанными к нему комиссарами и Каин не был ответствен за поддержание должного морального поведения на борту, но, несомненно, если бы история открылась, карьера обоих могла бы несколько пострадать. То, что Каин готов был пойти на такой риск, еще раз указывает на его относительную молодость и неопытность в тот момент. К тому времени, как нам довелось свести знакомство, он был уже значительно более осторожен в своих поступках.

Тут Каин позволяет себе еще один из многочисленных намеков на ранние годы своей жизни, которые, если верить ему, были проведены где-то на мире-улье, хотя на каком из них и при каких обстоятельствах Каин покинул его для того, чтобы оказаться в Схола Прогениум, — остается загадкой.

Из чего мы можем заключить, что новая подружка Каина либо обладала удивительно высоким для ее предположительного возраста рангом, либо знала корабль достаточно хорошо, чтобы обойти его системы безопасности. Учитывая, что она, как, судя по всему, и ее родители тоже, была рождена на его борту, последнее кажется наиболее вероятным.

Имеется в виду поток дряни, падающий с верхних уровней улья, иногда на глубину нескольких километров.

Мне приходилось пару раз и самой иметь дело с охотниками на ведьм, так что я чувствую, что это просто дипломатическое — до некоторой степени — упрощение с его стороны, но пусть будет как есть...

Каин, очевидно, говорит с позиции более позднего знания, поскольку на тот момент у него не было никаких сведений относительно обстоятельств получения пробоин.

Несмотря на мнение, насаждаемое знаменитыми образчиками популярных драм, человек может выжить в полном вакууме в течение нескольких минут, прежде чем наступит бессознательное состояние, а вскоре после этого — повреждение мозга и наконец смерть из-за кислородного голодания. Еще лучше, если кровь была заблаговременно оксигенирована с помощью намеренной гипервентиляции, но, разумеется, в том состоянии паники, в каком, очевидно, находился Каин, это кажется маловероятным. Конечно же, многие ветераны флота могут похвастать тем, что не раз переживали декомпрессию во время сражений, да и я сама оказывалась пару раз в подобных обстоятельствах, хотя мне, надо признаться, помогали в них аугметические улучшения.

Так как спасательные капсулы в силу своей специфики зачастую испытывают жестокие перегрузки, обычно включение подобных систем оставляется на долю занимающих их людей, после того как они смогут убедиться, что снова обрели ориентировку. Из дальнейших записей мы можем заключить, что Каин разобрался в том, как активировать данную систему, в самое кратчайшее время, хотя он нигде и не упоминает как и когда.

Небесные киты — животные, которые водятся в верхних слоях атмосферы Мира Блеза и которые производят водород в качестве продукта метаболизма, что позволяет им все время оставаться в воздухе, где они питаются бесчисленными спорами, выделяемыми плотным покровом растительности на экваториальных горных плато. Местное население много тысячелетий назад приручило несколько видов этих животных и теперь, приторачивая гондолы к их огромным неповоротливым телам, превращало их таким образом в живые дирижабли.

По правде говоря, ни один из вражеских кораблей в любом случае не имел орудий, способных нацелиться на столь маленькую мишень, поскольку орочья артиллерия если чем и славится, то уж никак не точностью, а пилоты их истребителей должны были намного больше интересоваться боем с кораблями и своими имперскими тезками из звеньев, которые сумели подняться по тревоге до того, как их носители были подбиты.

«Стремительная атака» — популярная голографическая драма 930-х, повествующая о звене пилотов-истребителей во время Готической Войны.

Несомненно, суда типа «Зверюга», которые уже упоминались ранее, строятся (не скажу «проектируются», потому как это понятие, вероятно, является для орочьего сознания слишком уж чуждым) именно с расчетом на подобный тип атаки.

Речь идет об орочьем «Разорителе» «Арднуфф», судя по конечному докладу комиссии, который уже цитировался ранее. Название корабля, по совпадению, является орочьим выражением, которое переводится примерно как «готовый к битве».

Каин, как я могу свидетельствовать по личному знакомству с ним, был выдающимся печником, и значительная часть этого умения, несомненно, была приобретена посредством боевого опыта, который не может быть заменен никаким количеством тренировок, но, вопреки тому впечатлению, которое он оставляет данным пассажем, он был также чрезвычайно прилежен и в отношении последних.

Большинство передач Имперской Гвардии на поверхности, конечно же, были слишком слабы для того, чтобы быть принятыми сравнительно простым оборудованием на борту капсулы, так что Каину оставалось лишь прослушивать переговоры между кораблями на орбите и немногими остававшимися платформами орбитальной защиты.

Вероятно, потому, что у Корбула вышли запасы чудил.

Гало — просторечное название облака кометного мусора, отмечающего номинальную границу звездной системы.

Имеются в виду три грузовых судна и два фрегата типа «Меч» из сопровождения.

Вполне вероятно. Длительность концентрации внимания орков точно не известна.

Вероятно, он хочет сказать, что капсула несколько раз подпрыгнула и пропахала, замедляясь, за собой борозду. Как и во многих случаях, по ходу выполнения своей задачи редактора этих заметок я решила оставить без изменений его собственные слова в интересах сохранения их особенного привкуса, несмотря то что так сохранялись и возможные разночтения (а в некоторых случаях — и совершенная невнятность написанного).

Здесь Каин преувеличивает. Даже полностью вошедший в возраст военный вожак (по определению являющийся самым большим и самым агрессивным типом орков) не способен пожрать взрослого человека без того, чтобы разделать его на меньшие куски. Это, впрочем, в тех обстоятельствах обещало быть не слишком долгой задержкой.

Вероятно, оттого, что солнце светило через открытый люк. Вряд ли оно могло произвести значительное воздействие на сам корпус, предназначенный для того, чтобы выдерживать температуры входа в атмосферу.

В свете современного понимания орочьей биологии данное предложение Юргена кажется удивительно пророческим; хотя можно с уверенностью предположить, что поколения военных действий против зеленокожих позволили вальхалльцам заметить, что риск повторного заражения был значительно меньше, если орочьи трупы уничтожить таким образом, и подобная практика была принята без полного понимания того, почему это происходит именно так.

Несколько пренебрежительное словечко для обозначения техножрецов и технопровидцев, обычное для Имперской Гвардии.

Учитывая тот факт, что они, почти без сомнения, были прорыты потоками дождевой воды во время нечастых, но мощных ливней, характерных для пустынных местностей большинства миров, это сравнение вовсе не удивительно.

Зеленокожие истово верят в то, что выкрашенные в красный цвет машины быстрее и маневреннее, чем остальные. Там, где не находится достаточно краски, чтобы покрыть весь корпус, многие орочьи водители удовлетворяются нанесением именно этой примечательной полосатой раскраски, стараясь вызвать тот же мистический эффект.

Точнее говоря, пиктограмматики, потому что столь сложная материя, как собственно письменность, была определенно за пределами понимания среднестатистического зеленокожего.

Из чего можно сделать вывод, что, несмотря на свое обычное нежелание вникать в подробности материалов совещаний, предоставленных Мунициумом, он, по крайней мере, поинтересовался географией планеты.

Танна — вид чая из листьев растения, произрастающего в ледяных пещерах Вальхаллы. Каин провел большую часть своей активной службы в полках из этого мира и пристрастился к данному напитку на всю жизнь. Один раз он уговорил меня попробовать, и его вкус лучше всего охарактеризовать как «специфический».

Учитывая ту скорость, с которой Юргену удалось уничтожить орка, рухнувшего внутрь капсулы, мы можем резонно заключить, что все оружие было уже заряжено; это с учетом десятка батарей на ящик дает нам в сумме по шесть на лазган.

Что неудивительно, ибо микрокоммуникаторы предназначены для связи на коротких расстояниях, обычно между членами одного отделения Имперской Гвардии. Возможность получать или посылать передачи на большие расстояния зависит от наличия доступа к более протяженной сети связи, такой как ротная или полковая, на которую и возлагается эта задача.

Клотов, т. е. километров, как их принято называть у вальхалльцев.

Это, если судить по моему опыту, крайне маловероятно, хотя единственное, что можно с уверенностью утверждать касательно этих существ, так это то, что всегда можно обнаружить удивительное исключение из правила.

Касательно различия между местными силами охраны правопорядка и собственно представителями Арбитрес ст. сноску выше. Здесь Каин, очевидно, упоминает одного из последних.

Название той более мелкой породы зеленокожих, о которых Каин упомянул несколькими строками выше, — подвида, который используется более крупными, сильными орками как некое сочетание рабской рабочей силы, пушечного мяса и съестных припасов на крайний случай. Узнал ли он орочий термин, обозначающий этих существ, во время последующих встреч с ними или от вальхальльцев, с которыми служил, мы можем лишь строить догадки, хотя к тому времени, как нам довелось познакомиться, у него уже имелись базовые знания, достаточные, чтобы изъясняться на языке зеленокожих. Ну, или, по крайней мере, без запинки ругаться на нем.

Это звучит весьма маловероятно, потому что средний зеленокожий отвечает зову природы там, где ему случится находиться, и понятие специально отведенного для подобных надобностей места является слишком тонкой материей для них. Как, конечно же, и в целом понятие гигиены. Если Каин прав относительно подобного использования святилища, это, вне сомнения, было намеренным и однократным оскорблением в адрес Его Божественного Величества.

Вероятно, это была одна из орочьих боевых фур. Так как орочьи названия для большинства их машин, кажется, являются просто заимствованными из готика словами, достаточно искаженными, чтобы подходить для их дурных глоток, например «трак» вместо «трактор», я решила оставить формулировку Каина, вместо того чтобы пытаться поправить терминологию. Интересным является то, что, согласно утверждениям сестер из Ордо Диалогус, подобная же тенденция к заимствованию касается и большей части технического словаря орков, и большинства наименований оружия.

Галаван — мир, в основном покрытый густыми тропическими лесами, наиболее известный экспортом древесины и лекарственных препаратов. Ливни там часты, внезапны и достаточно сильны, чтобы свалить с ног человека, застигнутого вне укрытия. На других мирах субсектора распространена шутка, что уроженцы Галавана — тайные мутанты с жабрами, но это просто порождение тяжеловесного юмора, не имеющее под собой никаких оснований. Ордо Маллеус, как мне достоверно известно, проверял.

Очевидное знакомство Каина с таинствами, обычно предназначенными лишь для служителей Омниссии, может показаться несколько необычным, но мои читатели не должны забывать, что все то, с чем он работал тогда, было предназначено для повседневного внутреннего использования местными тружениками и было, как следствие, одновременно надежным и простым. Также, как мы можем заключить из многочисленных упоминаний, обнаруживаемых в его архиве, у Каина в Схола Прогениум был талант к шуткам, направленным на более религиозных собратьев по комиссарскому кадетскому корпусу, так что, возможно, он просто применил приобретенный в то время опыт для более серьезных целей.

Как и всегда, Каин склонен преуменьшать свои способности. Хотя его лазерный пистолет, как и все ручное оружие этого класса, был предназначен для использования в ближнем бою, я лично наблюдала, и не раз, как он снимал с его помощью врагов далеко за пределами прицельной дальности.

Это не вполне справедливое замечание, потому как Комиссариат несет ответственность за поддержание боевого духа и соответствующей дисциплины во всех ветвях имперской военной машины (с очевидными исключениями в виде Астартес, Адепта Сороритас и сил, выставляемых непосредственно Адептус Механикус). Однако, как это обычно бывает в СПО густонаселенной системы, где число поставленных под ружье солдат превышает двадцать или тридцать миллионов, к ним прикомандирован единственный ответственный за них комиссар, да и то, в обычном случае, этот несчастный теоретически отвечает, кроме них, за все силы СПО в целом субсекторе. Конечно же, не надо и упоминать, что большинство этих комиссаров отбираются на свою должность в результате дисциплинарного наказания, дряхлости или немощи, а

также иногда и того и другого, так что по большей части солдат, которые номинально находятся под их юрисдикцией, можно вполне извинить за то, что они пребывают в благостном неведении о самом существовании подобного комиссара.

Из чего мы можем заключить, что по меньшей мере один солдат отряда Тайбера не пережил орочьей засады на гидростанции.

Вероятно, все же нет. Ночное зрение зеленокожих, насколько известно, превосходит таковое у людей. По всей вероятности, на него просто перекинулся огонь, разведенный для приготовления пищи, или просто то был акт ничем не спровоцированного разрушения, производимого чисто ради самого процесса.

Еще одно заимствование из готика; примерно так эти пародийные создания воспроизводят слово «человек».

Как и обычно, присутствие Юргена большинством поздних историков упускается из виду, вероятно, потому, что даже с самой благожелательной точки зрения в галактике он был определенно не той фигурой, которой можно было позволить пятнать собой героическую легенду.

Факт, который сам Каин, к его
чести, почитал смехотворным.

Песчаники — местное сленговое обозначение людей, живших и работавших вдали от городов, разбросанных по перлийским пустыням, некоторые из которых во всей полноте освоили искусство выживания в этих бесплодных пространствах.

Вероятно, в ресторанчике на Кеффии, где необъяснимо популярны маленькие печенья с вложенными внутрь кусочками бумаги, содержащими благочестивые банальности.

Так как комиссары находятся вне цепи командования, Каин, строго говоря, не являлся старшим офицером. В то же время некоторые солдаты отдают комиссарам честь в знак уважения или, что равно вероятно, из предосторожности, и из данных мемуаров следует, что многие из тех, с кем он служил, таким образом выражали свое уважение к личным качествам Каина.

Каким образом Каину открылись такие подробности, мы можем только предполагать; возможно, в ходе дружеской беседы. Или, может быть, иначе.

Трибуны --- местные силы правопорядка.

Традиционный для миров-кузниц праздник, когда производственные установки одного из секторов останавливаются для текущего ремонта и работники массово перекочевывают в места отдыха.

Вообще, зеленокожие обладают врожденной тенденцией действовать в группах; изолированные или отбившиеся от остальных представители либо будут находиться в пути от одного известного места к другому, как те, которых встретил Каин вскоре после приземления, либо искать, что разграбить, — а оба этих варианта весьма маловероятны в центре пустыни.

Популярная у дошколят сектора песенка.

Лемины — небольшие грызуны, родиной которых является Кенгрим Секундус и которые склонны мигрировать по просторам центрального континента километровой ширины массой особей, пожирающих все на своем пути. Они размножаются в приморских бухтах, проводя летнее время на отмелях и ударяясь во всеобщее бегство, едва почуют наступающее море. В ходе этого безумного рывка более слабые и маленькие особи в этой массе затаптываются насмерть (и поедаются).

Обычное среди технопровидцев и младших техножрецов выражение, призванное передать благодарность за участие и заботу. Заключенный в нем смысл, похоже, состоит в том, что даже маленькая часть механизма может быть хоть и незаметной, но абсолютно необходимой для бесперебойной работы, — и это именно то, что очень хорошо характеризует Юргена.

Каин действительно большую часть своей карьеры был приписан к вальхалльским боевым единицам.

В действительности воздух в тот момент должен был быть еще весьма прохладен.

Лейти — краткая неофициальная форма обращения, часто использующаяся старшими сержантами по отношению к лейтенантам, командующим взводом, так же как их подчиненные могут обращаться к ним «серж».

Обычный символ статуса среди зеленокожих, долженствующий показать, что его обладатель поборол что-то еще более крупное и злое, чем он сам.

«Кузнечик» — игра, популярная на большинстве миров скопления Британникус, вероятно названная так оттого, что ее участникам часто приходится подпрыгивать, чтобы перехватить мяч, посланный игроком с битой. Правила этой игры чрезвычайно загадочны и совершенно непонятны для любого, кто не является уроженцем тех миров, где игра распространена. Известно, что матчи могут продолжаться до месяца подряд, не считая остановок из-за дождя, и обычно даже в этом случае заканчиваются ничьей.

Оба действительно в дальнейшем были рукоположены в братство Механикус.

Действительно, позже проявились и другие выжившие из данного полка, которые в это время продолжали вести партизанскую войну на юге континента. Сотин и ее экипаж медленно двигались на север после того, как оказались отрезаны от своей роты, которая была практически уничтожена во время первого же орочьего штурма планеты.

Так как здесь в первый раз оказывается, что Каин и Фелиция, очевидно, уже успели перейти на «ты», мы можем предположить, что им удалось выкроить время для более тесного знакомства, подробности которого Каин не потрудился описать, хотя один Император знает, как им удалось найти время для столь тесного социального контакта.

Вероятно, это предположение все-таки неверно: некоторые из медицинских подразделений просто обозначают свои машины буквами алфавита, которые экипаж затем превращает в любое приглянувшееся слово ради легкости произнесения при вокс-передачах. По какой-то причине, несомненно лежащей где-то в глубинах психики военных, женские имена в этом плане остаются неизменно популярными.

Это был 597-й Вальхалльский полк. Как я уже отмечала, деяния Каина в период службы в этом подразделении составляют основную часть распространявшихся мною до сих пор материалов его архива и в данный момент не должны нас более отвлекать.

Снежные куропатки — вид нелетающей дикой птицы, чей мирный нрав вошел в поговорки, обитающей в глубоких горных долинах экваториальной Вальхаллы.

Это отсылка к удивительному ежегодному ритуалу, имеющему место на некоторых мирах к центру от Дамоклова Залива, в ходе которого выполненные в полный рост куклы врагов Империума церемониально сжигаются на кострах, разведенных в общественных местах. По окончании этого местные экклезиархи возносят благодарственную молитву Императору за Его защиту, и остаток ночи все проводят в буйном и разгульном праздновании.

Очевидно, прозвище того подразделения, в котором состояли Сотин и ее экипаж.

Действительно, статус Каина на тот момент уже официально был «убит в бою». Краткие переговоры после выхода на орбиту изменили его на «местонахождение неизвестно, скорее всего убит», но, благодаря обычной бюрократической инерции Администратума, это изменение не вступило в силу почти до того времени, когда он воссоединился со своим полком. Устранение вызванной этим путаницы потребовало почти год. После того как подобные инциденты с участием Каина повторились не раз и не два, Мунициум выпустил инструкцию без ограничения срока действия, по которой он должен был оставаться в списках находящихся в строю, невзирая ни на какие противоречащие этому сведения. (Это, в свою очередь, явилось причиной того, что Каин оказался единственным человеком в истории галактики, который официально считается несущим боевую службу, несмотря на то что уже был похоронен со

всеми возможными воинскими почестями.)

Орочий гарнизон в городке Песчаная Осока был полностью истреблен в столкновении, застигнутый врасплох колонной имперских войск. Конечно, были и раненые, но к тому времени постоянный ручеек новых беженцев и солдат, присоединявшихся к колонне, был более чем достаточен, чтобы восполнить любые понесенные утраты.

Вероятно, это примерно около трех сотен солдат, если Каин говорит буквально, хотя он, как всегда, остается раздражающе верен себе и избегает какой-либо конкретики.

Строго говоря, подобные повышения комиссарской властью должны были далее утверждаться Муниториумом, но, учитывая, что отрицательное решение, скорее всего, привлекло бы к вынесшему его внимание самого Комиссариата, это была простая формальность во всех случаях, кроме совершенно исключительных.

СРС — старший ротный сержант, т. е. командующий над всем сержантским составом роты.

К этому времени к «Леман Руссу» Сотин присоединились еще два танка того же класса, а также «Василиск» и две отбитые у орков боевые платформы, кажется построенные или на шасси захваченных «Химер».

Каин несколько преувеличивает: даже «Пёс войны» пришлось бы пригнуться, дабы войти под крышу этого здания.

Если Каин говорит здесь буквально и его подсчет точен, а не преувеличивает для пущего эффекта, то мы может предположить, что их атаковала орда размерами до двух или двух с половиной тысяч орков; это должно было быть, попросту говоря, весьма впечатляющим зрелищем.

Конечно, если не предположить, что она вообще ее не заметила. Техножрецы имеют раздражающую тенденцию сосредотачиваться на своих мистериях до полного невнимания к тому, что остальным кажется гораздо более важным.

Вероятно, она подхватила это вальхалльское ругательство от Каина в какой-то момент их совместного путешествия.

Распространенное на Перлии наименование для членов сколоченной Каином военной силы, впервые появившееся в качестве названия популярной голографической драмы об их похождениях и прочно приклеившееся. Сам Каин чрезвычайно отрицательно отнесся к самой постановке, в немалой степени потому, что в ней присутствовал совершенно надуманный сюжет о его тайной любовной связи с женщиной из ополчения. А также оттого, что, как и всегда, в ней совершенно не нашлось места такой фигуре, как Юрген.

Хотя на первый взгляд цифра эта может показаться сильно завышенной, она, вероятно, совершенно правильна. В сети долин, по которым пронеслись воды рукотворного потопа, стояло несколько городков, в которых к тому времени обосновались крупные орочьи гарнизоны; также надо принимать во внимание подошедшие к устью долины силы, которые ранее находились в засаде на горном перевале.

Согласно его автобиографии «Все формы жизни, большие и малые», Эриотт действовал чисто импульсивно, не осознавая, какой опасности подвергается. По иронии судьбы никто из тех солдат, кого он вынес из боя, не выжил.

Вероятно, он все-таки имеет в виду базовые «Сотрясатели», которые у 12-го артиллерийского были смонтированы на платформы без собственной тяги, при необходимости передвигаемые тягачами типа «Троянец», а не самоходный вариант, при котором орудия монтировались на шасси «Василисков». В любом случае артиллерийские экипажи для восполнения запаса вооружения обычно рассчитывали на вспомогательные машины, и отсек для снарядов в «Василиске» и правда был слишком мал, чтобы в нем помещалось достаточно снарядов для длительного боя.

Цитата из «Заповедей святой Эмилии», казалось бы довольно неожиданного для Каина источника, учитывая то до известной степени язвительное отношение к набожным людям, которое он не стеснялся выражать при любом удобном случае, но тонкое понимание хрупкости человеческой жизни, которое характерно для этого автора, похоже, задевало в нем какую-то ответную струну, и в его сборнике изречений встречается не одна цитата из ее произведений.

Это звучит особенно иронично, учитывая, что, как я уже замечала ранее, данная часть мемуаров Каина была написана незадолго до того, как он был захвачен одним из наиболее значимых событий Черного Крестового Похода.

Вероятно, проход был сделан достаточно большим для того, чтобы могла легко проходить тяжелая техника, которая требовалась для ремонта внутри акведука.

Вальхалльская поговорка, одна из многих, которые Каин подхватил за время своей долгой совместной службы с уроженцами этого мира. Имеется в виду животное, водящееся на этой планете, слишком медлительное, чтобы охотник мог промахнуться даже на большом расстоянии. Его название стало синонимом легкой добычи.

Каин, очевидно, пишет здесь, опираясь на информацию, полученную значительно позже, поскольку в тот конкретный момент он не мог знать о сложившейся на планете стратегической ситуации.

К тому времени, похоже, у них установилась четкая традиция называть команды ополченцев по именам солдат регулярной армии, командовавших ими.

А это был один из факторов, которые помогли внести в атаку значительный элемент неожиданности, поскольку защищавшиеся далеко не сразу осознали, что приближающийся конвой не является обычной автоколонной их собственной армии, а когда осознали, было уже поздно.

К-З — командование, контроль и коммуникации.

Похоже, у Каина уже тогда имелась привычка никогда не переставать использовать свой комиссарский доступ, с тем чтобы следить за всеми переговорами, ведущимися на поле сражения, таким образом получая общее впечатление о происходящем; это делает его узколобую манеру сосредотачивать рассказ лишь на собственных впечатлениях в ущерб более общей картине происходящего несколько раздражающей.

По всей вероятности, он выдернул чеку за мгновение до того, как его нашел удар врага, и таймер просто сработал в положенное время.

Нют — капеллан Схолы, где Каин служил наставником кадетов-комиссаров.

Неожиданно интроспективный пассаж со стороны Каина, который, возможно, указывает на ту грань его личности, существование которой он редко признавал. Или, возможно, во всем просто виноват амасек.

В действительности в большинстве случаев их только убивают.

Очевидно, это некоторое преувеличение, потому что в распоряжении Ордо Ксенос имеются экземпляры подобной так называемой тегаброни, и оружие, которое она несет, примерно равно по калибру имперскому штурмовому болтеру или автопушке.

Сгоряча самостоятельно атаковав Каина, Корбул превратил этот бой в поединок между ними, который его генералы не собирались прерывать. Поступить так для них значило оскорбить военного вождя предположением, что тот слишком слаб для самостоятельной победы. В свою очередь, Корбулом это было бы расценено как вызов собственной власти. Остальные, естественно, ожидали, что он легко и быстро уничтожит пару людей, и знали, что вслед за этим придет черед любого подобного выскочки, так что никто из них, очевидно, не хотел так рисковать.

Дерьмосос — ругательство, характерное для самых нижних уровней многих миров-ульев и чрезвычайно сильное в устах Каина.

Вероятно, была в этом доля и того и другого.

Пикт-изображение, в котором Фелиция запечатлела окончание дуэли Каина с Корбулом, имело двоякий эффект: в ближайшей перспективе предоставив недвусмысленное доказательство смерти военного вождя и позволив построить стратегию имперских сил так, чтобы наилучшим образом воспользоваться последовавшим смятением среди зеленокожих; в более дальней же — сделав Каина популярным героем сектора, особенно после того, как Комиссариат принял решение передать снимки поединка в новостных пикт-передачах.

Считается, что последние несколько рейдеров были отслежены до их базы на границах системы и наконец искоренены лишь в начале 950-х, хотя, как и во многих случаях, касающихся зеленокожих, трудно быть до конца уверенным, что они уничтожены целиком и полностью.

Одновременная потеря столь многих подчиненных командиров Корбула, которые в норме являлись полноправными племенными вождями, очевидно, ускорила процесс распада единого войска, поскольку их наследники схватились между собой таким же образом, как, по описанию Каина, вожди после смерти Корбула.

Проведенный позже анализ показал, что защитные сооружения орков были вовсе не такими значительными, как можно судить по более ранним замечаниям Каина, поскольку предназначались лишь для пресечения любого неожиданного нападения, пока основные силы зеленокожих скапливались в достаточных количествах для проведения успешного вторжения на запад, и не предполагали полномасштабного контрнаступления противника. Имперские силы заняли защитную позицию на другой стороне перешейка в основном оттого, что, учитывая полный контроль орков над восточным континентом, любые попытки пересечения перешейка, ведущего к нему, с оставшимися в их распоряжении силами оказались бы просто бесполезны. Как только хребет орочьей оккупации был сломлен, а на восточном континенте Имперской Гвардии удалось закрепиться на нескольких плацдармах, стратегическая

картина совершенно изменилась, позволив наступлению занимать орочьи оборонительные рубежи, практически не встречая сопротивления.

Экипаж одной из них сумел продержаться достаточно долго, чтобы быть спасенным подошедшими основными имперскими силами.

Около семидесяти процентов группы Каина пережили последнюю схватку, что было, в общем и целом, весьма впечатляющим достижением.